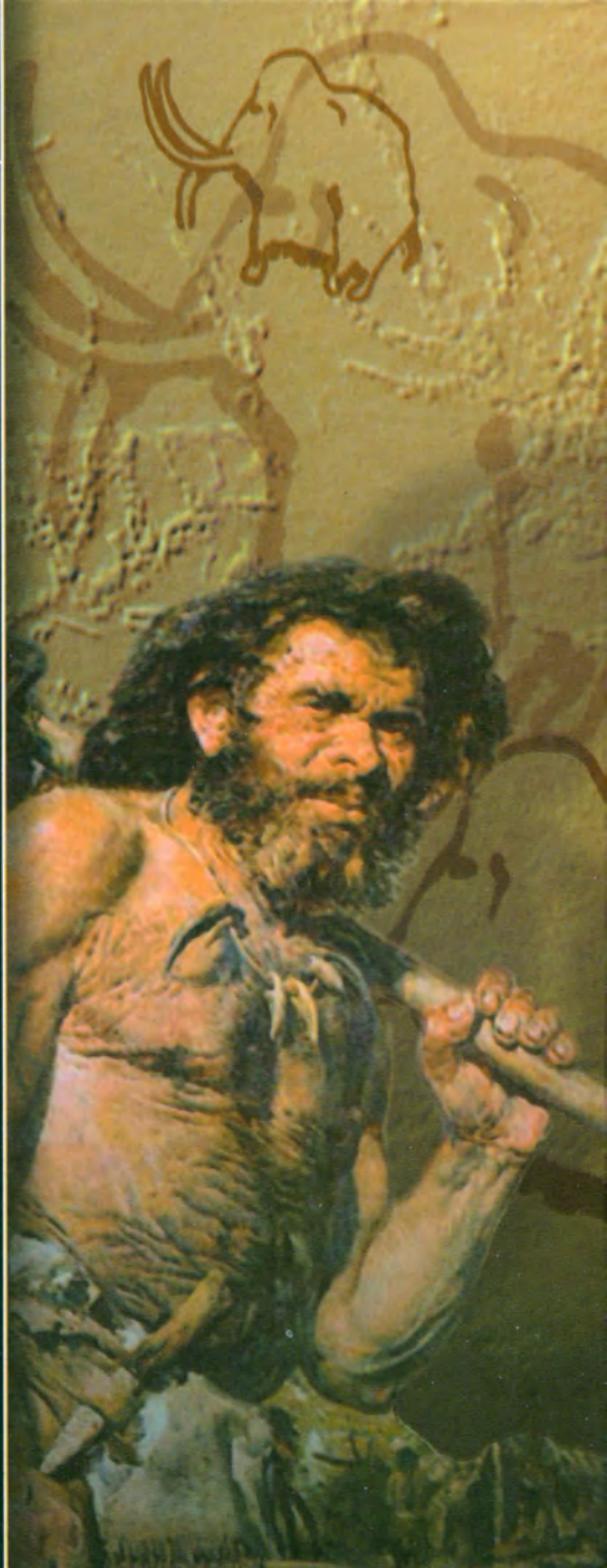

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Михаил Аникович

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ

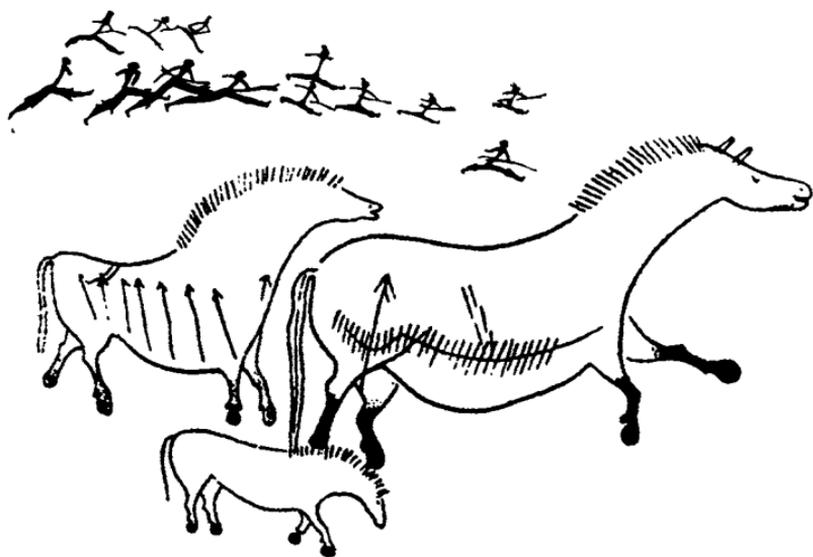

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

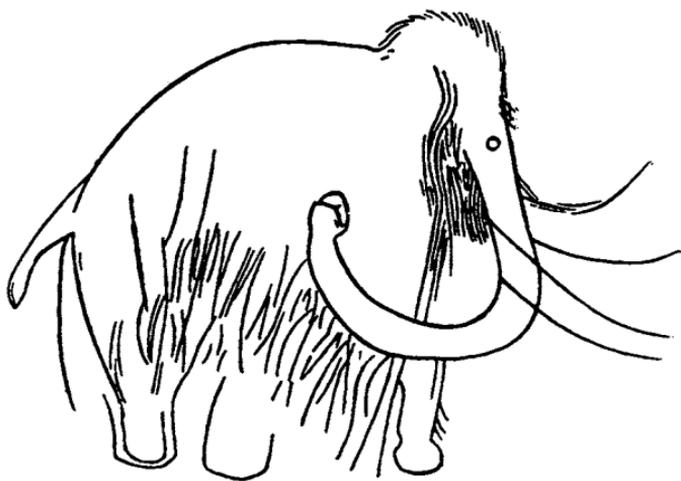
ПОВСЕДНЕВНАЯ

Михаил Аникович

МОСКВА

ЖИЗНЬ ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ

УДК 930.26
ББК 63.4
А 67

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

ISBN 5-235-02588-1

© Аникович М. В., 2004
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2004

Интерес общества к истории имеет свои приливы и отливы. Не только историко-художественные произведения, но далекие от повседневной жизни и, казалось бы, составляющие лишь академический интерес знания о древности оказываются особенно остро востребованными в периоды социальных и политических потрясений. В такие моменты общество остро нуждается в психологических опорах. И в поисках их оно обращается к истории предков.

Каменный век — бесписьменный период жизни человечества. Бесписьменный, но не безмолвный в отношении исторических свидетельств. Хотя, конечно, для столь древнего времени более применимо понятие «реконструкция», а не «написание» истории. Реконструируемая история — восстановление быта людей через изучение вещей. В такой истории нет имени, названий народов, звучания языков. Однако есть разнообразные вещи и другие создания древних. Точно так же, как в наше время их создавали конкретные люди в конкретных обстоятельствах. Эти люди влюблялись, заводили семьи, воспитывали детей. Они восторгались красотой восхода солнца и дрожали от страха при ночной грозе. Им был понятен смысл слов «друг», «враг», «родина», «чужбина». Обитая на крошечных поселениях или стойбищах, они ощущали себя

частью большой родственной общности. А сами эти общности и их пока еще аморфные союзы формировали огромные культурные провинции. Привычная для нас культурная география континентов, вопреки обычным представлениям, не является результатом исторического процесса только последних двух или пяти тысячелетий.

Эта книга посвящена охотникам на мамонтов. Уже только поэтому она не может не быть увлекательной. Особенно если учесть, что автор ее не только серьезный ученый, но и человек, владеющий тонкостями писательского мастерства. Мамонты исчезли десять тысяч лет назад. Да и от человека ледниковой эпохи — современника мамонта — остались скудные и неказистые на первый взгляд свидетельства его жизни. Кажется, трудно представить, как вообще можно подступиться к этой теме. Между тем интерес к началу человеческой истории у людей существует без различия возраста, общественного положения и места жительства. Психологически его, наверное, можно объяснить ностальгией современного человека по детству человечества. С практической же стороны для современного читателя в книге на данную тему важна познавательная сторона; романтичный мечтатель будет искать в ней подтверждение собственных представлений об образе благородного дикаря; зрелого и опытного человека книга будет побуждать к более глубоким раздумьям на вечные темы.

Сами научные представления о необозримой глубине человеческой истории зародились только к середине XIX века. Они утверждались временами в острой борьбе с клерикальными историками, основывавшими свои построения на библейских текстах и делавшими это слишком прямолинейно. Иногда научные столкновения заканчивались компромиссными решениями о допустимости существования «делювиального», то есть допотопного периода в истории человечества. Нетрудно догадаться, каким представлялись обществу позапрошлого века люди этого периода. Троглодиты, лишенные боговдохновенной сущности, — вот в оценке общества XIX века

решающая характеристика охотников на мамонтов. Только к концу этого века ученым удалось приподнять краешек завесы над историей начальных этапов становления культуры человечества.

Продолжившиеся в двадцатом веке открытия порой ошеломляли своей неожиданностью. Произведения наскальной живописи, совершенные в техническом и функциональном отношении, наборы каменных и костяных орудий, погребения и жилища сложных конструкций были своеобразными посланиями людей, живших десятки тысяч лет назад. Они окончательно рассеяли сомнения в том, что нашим далеким пращурам были присущи и эстетическое чувство, и весьма высокий интеллект и достаточно развитые общественные отношения.

В XX столетии в мире было открыто и исследовано много тысяч археологических памятников каменного века. В разных регионах группы этих памятников имеют разный колорит и разную значимость. Материалы Африки интересны прежде всего своими датировками, от древности которых захватывает дух. Еще не все поистрепались учебники, в которых история человечества начинается восемьсот тысяч лет назад, а уже стали классическими памятники со следами человеческой деятельности, датируемые временем около двух с половиной миллионов лет назад. Территория Франко-Кантабрии уникальна тем, что расположенные здесь памятники дают неповторимые образцы палеолитического наскального искусства. Одной из выразительных особенностей археологии Ближнего Востока является сосредоточение здесь погребальных памятников палеолитического времени. Последние, как и произведения первобытного искусства, дают возможность проникнуть хоть ненадолго в духовный мир древнейшего человека, представить его художественные предпочтения, религиозные ориентиры и социальные установки.

Свое заметное место в ряду регионов, отличающихся особенностью первобытной культуры и спецификой протекания исторического процесса в палеолитическое время, занимает Восточная Европа.

Примерно 24 тысячи лет тому назад на Русской равнине как отражение общепланетарных природных изменений проявляется один из самых значимых климатических рубежей. На это время приходится завершение относительного потепления и начинается максимально холодная стадия последнего оледенения. С этого времени происходит масштабная культурная трансформация, охватывающая всю рассматриваемую территорию. С указанным рубежом большинство исследователей связывают существенное изменение плотности и географии расселения людей на Русской равнине. Здесь на широких просторах приледниковых равнин люди жили в своих поселениях многие тысячелетия. И не случайно, что именно здесь нашла свое наиболее полное выражение целесообразная форма приспособления палеолитического человека к экстремальным условиям обитания. Памятники, обнаруживаемые именно здесь, дают наиболее многочисленные и наиболее конкретные свидетельства бытовой и производственной жизни палеолитических людей.

Масштабная перестройка ландшафтов привела к такому изменению географии животного мира, при котором на приледниковых просторах Восточно-Европейской равнины стал господствовать мамонтовый фаунистический комплекс. Костные остатки мамонта доминируют в культурных слоях всех памятников рассматриваемого времени. Их доля в общем составе фаунистических остатков, как правило, превышает 80 и даже 90 процентов. С этого времени мамонт заменяет собой лошадь в качестве основного объекта охотничьего промысла.

По данным палеогеографии время наиболее сурового климата последнего оледенения приходится на отрезок от 24 до 17 тысяч лет с максимумом в 20—18 тысячелетиях. В таких условиях человеческих ресурсов, казалось бы, должно было хватить лишь на элементарное физическое выживание. Однако, как это ни покажется парадоксальным, именно на время наиболее суровых условий приходятся в Восточной Европе и наивысшие проявления палеолитической

культуры, и широкое освоение новых территорий, сопровождаемое сохранением и распространением культурных достижений той эпохи. Конкретные данные привели к пересмотру бытовавших ранее представлений о том, что в наиболее суровые отрезки последней ледниковой эпохи большая часть Русской равнины оставалась незаселенной. Выясняется, что адаптация человека этого времени к условиям среды столь оптимальна, что практически все аспекты жизнеобеспечения, включая материалы, конструкцию, структуру, планировку жилищ и поселений, характер вооружения и способы добычи пищи оказываются максимально продуктивными для обитания именно в данных условиях. Этот отрезок первобытной истории Восточной Европы и явился эпохой охотников на мамонтов.

Проявленный в рассматриваемый период интеллект человека оказался под стать экстремальным условиям, в которые он был включен. И наиболее яркие проявления этой культуры постепенно затухли вместе с завершением именно максимально холодной стадии оледенения. С точки зрения представлений современного городского человека это должно казаться алогичным. Казалось бы, наступили, не в пример прежним, благоприятные природные условия, а культура не усложняется, а упрощается. Но такой ход рассуждений был бы слишком простым. Во-первых, мы не в состоянии учесть реестр всех конкретных проявлений и факторов, воздействующих на ход культурного развития в ситуации радикальных природных переломов. А во-вторых, так ли уж бесспорны распространенные представления о том, что по мере углубления в древность зависимость человека от природы была большей, чем в наши дни? И имеют ли всеобщую применимость наши оценочные заключения о том, какие условия среды плохие, а какие хорошие?

Одна из главных особенностей изучения первобытного прошлого каменного века в двадцатом столетии в тенденции заменить исследование истории конкретных обществ, обитавших на конкретных поселениях, созданием масштабных полотен всеобщей истории некоего обобщенного первобытного чело-

века. Только в последние десятилетия ушедшего века пришло понимание необходимости воссоздания в каждом отдельном случае истории конкретного исследуемого памятника — воссоздания такой, пусть неброской, но реальной картины жизни, которая отражала бы повседневные занятия людей, оставивших данное поселение. Однако от понимания до реализации идеи путь не близкий. Даже сейчас вряд ли кто-нибудь возьмется создать исследование подобного рода с претензией на детальность. Это возможно сделать лишь в жанре более свободном, чем строгое научное изыскание, но не выходящем при этом за рамки пространства, очерченного количеством известных нам фактов. Сочетание это очень редкое; дается оно далеко не каждому автору.

Доктор исторических наук Михаил Васильевич Аникович — автор данной книги, как мало кто другой владеет этим жанром. К тому же он один из тех ученых, кто внес признанный вклад в развитие самого научного направления, называемого палеолитом Восточной Европы. Поэтому ученый в нем, конечно, берет верх над художником слова. Но как раз в те моменты, когда это начинает казаться очевидным, автор обращается к произведениям талантливого писателя О. Микулова, и рассказы продолжают уже герои его романов. Эти вставки — красочные иллюстрации, которые обогащают и ярко расцвечивают текст.

Книга приглашает в путешествие на такие глубины истории, которые кажутся немыслимыми. И, наверное, интерес к новому знанию, который побуждает нас пуститься в это удивительное странствие, не столь праздный. Обычно значение исторических сочинений объясняют тем, что знание прошлого помогает предсказать будущее. При этом предполагается, что настоящее-то мы знаем. На самом деле сложнее всего то, что для человека и важнее всего — познать самого себя и именно тот мир, в котором он живет. Достижению этого в конечном счете и способствует книга, открытая вами, читатель.

Х. А. Амирханов
член-корреспондент РАН

Не более двухсот лет прошло с тех пор, как археологами было доказано, что наша история началась с каменного века. В конце XIX столетия его стали разделять на *палеолит* («древний каменный век») и *неолит* («новый каменный век»). Эпоха камня в истории человечества была очень длительной. Весь последующий период, включая древнейшие цивилизации Востока, Вавилон и Египет, античность и Византию, Средневековье и современный век компьютеров, умещается на временном отрезке не более 5 тысяч лет. А вот каменный век продолжался не менее двух с половиной миллионов лет. Сотни и тысячи поколений сменили друг друга на нашей Земле, а люди все продолжали изготавливать орудия из камня, дерева, кости и рога. По сравнению с эпохой палеолита не только наши предки времен Киевской Руси, но и строители египетских пирамид, могут считаться нашими современниками!

Жгучий интерес к древнейшему прошлому человечества с самого начала распространился далеко за пределы собственно научной среды. И тогда же в сознании общества образ палеолитического человека оказался тесно связан с мамонтом — этим экзотическим волосатым слоном, некогда распространенным на обширных пространствах Евразии и Северной Америки, но полностью вымершим несколько тысяч лет назад. Последние

мамонты доживали свой век на Крайнем Севере, на острове Врангеля. Их окончательное исчезновение произошло, по сути, уже во времена первых цивилизаций (которые, впрочем, никак с ними не соприкоснулись).

В начале XX века замечательный русский художник В. М. Васнецов создал большое панно, призванное отобразить представления тогдашней науки о первобытных людях. Это панно находится в первом зале Исторического музея (Москва). На нем изображены вполне «дикие» люди, одетые в звериные шкуры, убивающие мамонта, загнанного в ловчую яму. Для многих наших современников панно Васнецова до сих пор является главным источником представлений о том, что такое «ледниковый период», «каменный век», «палеолит». Однако в действительности наука с тех пор шагнула далеко вперед. Сейчас это красочное панно вызывает только улыбку у специалиста-палеолитоведа. Ну решительно все там не так: и одежда, и вооружение, и самый способ охоты! Но тогда... как же оно было в действительности? Вот об этом и пойдет речь в моей книге.

Вначале — несколько предварительных замечаний. Мы будем говорить об эпохе, отделенной от нас десятками тысяч лет. Это невообразимая древность, *первобытное прошлое*, которое изучают археологи. В те времена люди вовсе не знали письменности, а следовательно, не могли и оставить нам сообщений, непосредственно рассказывающих об их жизни, обычаях и верованиях. От каменного века до нас не дошло записей хроник, легенд и законов — ведь источники такого рода появились совсем «недавно», всего лишь 4—5 тысяч лет назад. Для исторического познания возникновение письменности — настолько важный рубеж, что ученые зачастую говорят об *истории* человечества, лишь начиная с этого момента. А весь предшествующий период, длившийся сотни тысяч лет, называют *предисторией* или *доисторией*.

Конечно, такое деление во многом условно — ведь исторический процесс един, неразрывен. Но

оно подчеркивает то великое значение, которое имеет письменная речь, человеческое *слово*, зафиксированное и переданное потомкам. А различия между жизнью первобытных народов, не знавших ни классов, ни государств, и *гражданской историей*, берущей свое начало от древневосточных цивилизаций, были действительно глубоки.

От далекого, дописьменного прошлого до нас дошли только вещественные, *археологические* источники — та часть материальной культуры первобытных народов, которая сохранилась в земле. Это остатки их стойбищ и мест охоты, иногда — очень редко — остатки погребений и святилищ. Но в земле сохраняется далеко не все; органические материалы, такие, как дерево, кожа и ткань, как правило, сгнивают и исчезают бесследно. Так что в распоряжении археологов, изучающих быт охотников на мамонтов, фактически оказываются лишь камни и кости. Восстанавливать прошлое по таким скудным данным очень трудно; о многом археологи могут только догадываться, исходя из общих соображений или привлекая данные других наук, в первую очередь этнографии, изучающей современные «отсталые» народы.

Значение этнографических материалов трудно переоценить: они описывают такие стороны жизни первобытных обществ, о которых нет или почти нет иных свидетельств (социальная организация, системы родства, обряды, верования и т. д.). Но, к сожалению, даже теперь ученым далеко не ясно, как правильно увязывать наблюдения, сделанные этнографами, с материалами, которые добываются археологическими раскопками. Ведь современные нам народности, к примеру, австралийские аборигены — это далеко не те люди, которые двадцать тысяч лет назад охотились на мамонтов здесь, в Европе. Они сами прошли с тех пор долгий путь исторического развития, и мы не всегда можем сказать с уверенностью, что в их жизни действительно дошло до нас из глубокой древности, что было приобретено в ходе этого развития, а что, возможно, явилось результатом определенной деградации?

И все же мы знаем о древнейшем прошлом, хотя и не так много, как хотелось бы, но не так мало, как может показаться на первый взгляд. Методы археологической науки вкупе с данными других дисциплин — геологии, палеозоологии, палеоботаники и прочее — позволяют «разговорить» даже немые камни и кости. И теперь мы уже способны рассматривать повседневную жизнь охотников на мамонтов не через призму общих представлений о палеолите, а в конкретных исторических границах, на конкретной территории, охватывающей часть Восточной Европы. Обоснованию этих границ посвящена первая глава.

Когда я начал писать эту книгу, я очень боялся быть скучным. Специальная научная литература — это особый жанр, доступный только для «посвященных», в данном случае — археологов-палеолитоведов. Когда пытаешься изложить научные данные в популярной форме, перед тобой встает нелегкая задача угодить и тем, и этим. Профессионалы ругают такие книжки за чрезмерную упрощенность в изложении сложных проблем, а широкая публика — за недостаточную «популярность» и трудность для понимания. Конечно, историк, пишущий, скажем, о Египте, Древнем Риме, о начальной Руси, имеет все возможности перемежать «скучноватое» изложение множеством колоритных деталей, эпизодов, биографий отдельных личностей. Но какими «эпизодами» прикажете разнообразить популярный рассказ о жизни охотников на мамонтов?

Конечно, до некоторой степени тут могут помочь этнографические описания. Однако не будем обманывать себя. В авторском предисловии к одному современному роману из жизни людей верхнего палеолита есть такие строки: «Мир, о котором здесь рассказывается, давным-давно исчез. Наши современники, не приобщившиеся к цивилизации, — те, кого в цивилизованном мире называют “отсталыми народами”, — вовсе не то же самое, что они, ушедшие. Австралийцы, огнеземельцы, индейцы Южной Америки и прочие народы — это скорее лишь тени того Мира, лишь “осколки разбитого вдребезги”. Ко-

нечно, кое-что от древнего прошлого в этих, как их теперь называют, “архаических обществах” сохранилось, — как, впрочем, сохранилось кое-что и в обществах “цивилизованных”. Но жизнь, бывшая ключом в те времена, когда по Земле бродили мамонты, — иная жизнь, и никакие этнографические экспедиции к “отсталым народам” воссоздать ее не могут».

Эти слова писателя О. В. Микулова мне представляются совершенно справедливыми. Но какой же путь избрать в таком случае ученому? Как познакомить широкого читателя с новейшими материалами, которыми располагает наука о верхнем палеолите на Русской равнине — и при этом не наваять на него то-ску?.. Ведь есть такие стороны жизни древнего человека, которые невозможно вывести непосредственно из археологических источников. Однако без попытки хоть как-то их осветить книга теряет свою «популярность», превращается в очередное пережевывание того, что специалисту известно и без того, а «непосвященному» читать скучно... Вот тут я и вспомнил, что меня самого изначально привело в археологию не что иное, как художественная проза. Это были, в первую очередь, прекрасные повести С. В. Покровского «Охотники на мамонтов» и «Поселок на озере»... А что, если попытаться создать в популярной литературе нечто вроде нового жанра? — подумал я. — Попробовать сочетать изложение научных данных с тем, что называется «художественной реконструкцией» или художественно-историческим познанием прошлого?..

На этом пути неизбежно возникла проблема отбора материала. Ведь о первобытном прошлом Европы писали и пишут многие. Например, у нескольких поколений школьников представление об эпохе палеолита сформировалось по книжкам французского писателя рубежа XIX—XX веков Жозефа Бекса (литературный псевдоним: Рони-старший) «Борьба за огонь», «Пещерный лев», «Вамирех»... В свою очередь, современная молодежь нередко рисует себе те далекие времена по романам современной амери-

канской беллетристики Джин М. Ауэл (серия «Люди Земли») и другой подобной литературе. Сразу оговорюсь, что ни те, ни другие произведения для моих целей абсолютно не подходят!

Дело в том, что практически вся литература XX века, трактующая об эпохе палеолита, в настоящее время очень сильно устарела. Это касается даже лучших ее произведений, как, например, уже упомянутая мной повесть С. В. Покровского «Охотники на мамонтов», не говоря уже о «Борьбе за огонь» Рони-старшего! В свете современных данных даже самый сюжет этой последней — необходимость «завоевать» огонь — вызывает у моих коллег-археологов только смех. Теперь уже прекрасно известно, что в верхнем палеолите человек превосходно владел способами добычи огня! Чтобы горю помочь, героям книги Рони-старшего на деле было достаточно раздобыть пару сухих щепок (см. гл. «Огонь»). Не более реальным выглядит и их конфликт из-за дочери вождя, приводящий к убийству одних общинников другими. В настоящий момент представляется научно установленным, что практически все племена той эпохи были *экзогамными* — то есть все общинники считались братьями и сестрами, а любые половые связи внутри рода запрещались самым строжайшим образом (см. гл. «Закон крови»). Даже имена героев этой повести (Нао, сын Леопарда; Аго, сын Зубра и т.д.) являются совершенно немислимыми, с учетом понятий того далекого периода. Идеологией верхнего палеолита был *тотемизм* — то есть все члены рода обязательно имели одного общего предка. Безусловно, могли быть общины «детей Леопарда» или «детей Зубра», но при этом те и другие уж никак не могли считаться сородичами (см. гл. «Восприятие мира»)!

Таким образом, становится ясно, что старая художественная литература дает нам такой богатый набор ошибок и несообразностей, что, при всей занимательности, ею никак нельзя «проиллюстрировать» современные научные представления о палеолите. Разве что «с точностью до наоборот»! Характерно,

что повесть «Поселок на озере» С. В. Покровского, изображающая жизнь неолитических охотников, до сих пор может считаться удачной исторической реконструкцией того периода. Во многом она «бьет в самую точку», даже по отзывам современных специалистов. А вот о повести того же автора «Охотники на мамонтов» такого не скажешь. Но почему? Отчего художественно-историческое воспроизведение палеолита сплошь и рядом оказывается более сложной задачей, чем реконструкция быта и представлений более поздних эпох?

До определенного момента эта сложность в должной мере не осознавалась. Жизнь палеолитического человека изображалась во всем подобной жизни «отсталых» народов, только чуть-чуть примитивнее, чуть-чуть духовно беднее. Ведь развитие техники очень долго представлялось и историкам, и писателям главным критерием оценки. «Менее развитый технически» автоматически означало: «более примитивный». Конечно, с такой точки зрения древнейший период жизни человечества является «наименее развитым» из всех. Но вот во многом другом!..

Открытие и изучение замечательной пещерной живописи и палеолитического искусства «малых форм», систематическое исследование поселений той эпохи, познание самой специфики функционирования культуры в палеолите — все это привело к тому, что ученые стали догадываться (да, пока еще только *догадываться!*), каким своеобразным и неповторимым являлся этот далекий период нашей истории. Сейчас ни один серьезный специалист-культуролог не станет однозначно говорить об эпохе неолита как о более «прогрессивной» по сравнению с палеолитом. На деле все выглядит совсем не так просто. Да, техника обработки камня в ту пору действительно шагнула вперед. Но одновременно, по-видимому, произошли очень серьезные трансформации менталитета древнего человека.

Не случайно именно на этом этапе истории начались истребительные войны, которых человечество прежде не знало. Возможно, тогда же оказалась по-

давленной и человеческая личность. Ее полное «растворение» в коллективе, в социуме долгое время считалось характерной особенностью всех без исключения архаических обществ — как древних, так и современных. Но вот было ли так изначально? Долгое время считалось: да. В настоящий момент уже появились сомнения. Слишком своеобразными, слишком индивидуальными кажутся дошедшие до нас художественные произведения эпохи верхнего палеолита (пещерные фрески, скульптура малых форм, гравировки и т.п.), чтобы полностью отрицать возможность развития в тот период полноценной *творческой личности!*

Таким образом, историко-художественное воспроизведение жизни, быта и представлений людей древнекаменного века представляется задачей весьма не тривиальной и куда более сложной, чем описание более поздних эпох — тоже «первобытных», но все-таки качественно отличных от палеолитической. Здесь не обойдешься одной богатой фантазией, выхваченными наугад этнографическими аналогиями и поверхностным знанием материалов из раскопок. Нужно действительно глубокое владение современной археологической проблематикой — если только задачей автора на деле является попытка художественного воссоздания прошлого, а не выпуск очередной серии «фэнтэзи». В силу этого современная беллетристика, трактующая на тему о палеолите, требует, мягко выражаясь, «избирательного» подхода к себе.

Уже упомянутая выше серия Дж. М. Ауэл «Люди земли» завоевала в последние годы немалую популярность. Хотя писательница отнюдь не является специалистом в области древней истории, в ее книгах приведено немало верных бытовых деталей, характерных для той далекой эпохи. Последнее не удивительно — ведь ее консультировала профессор О. Соффер, являющаяся ныне одним из ведущих специалистов США в области европейского палеолита. Но все-таки мир героев Дж. М. Ауэл, на мой взгляд, так же отличен от настоящего мира охотников на

мамонтов, живших когда-то на Русской равнине, как отлична от него жизнь современных москвичей или ньюйоркцев — даже если нарядить их на время в «первобытные» одеяния.

В целом указанная серия романов — это типичные произведения о палеолите «вообще», где вдобавок каменный век представлен сквозь призму современной феминистики. В наше время данная особенность, разумеется, способна обеспечить романам коммерческий успех. Однако достоверности она им не прибавляет. В сущности, действие романов Дж. М. Ауэл развивается вовсе не в доисторической Европе, а в некоем фантастическом пространстве, где нет ясных привязок ни к месту, ни ко времени — кроме самых общих. Черты древнего быта, характерные в действительности для различных времен и культур, смешаны тут воедино. Есть и очень грубые ошибки — как, например, изображение неандертальцев («людей Клана») не способными к членораздельной речи.

Этот последний курьез имеет свою историю. В 1971 году двое американских антропологов предположили, что в силу анатомических особенностей неандертальцы не могли выговаривать некоторые звуки. В дальнейшем эту гипотезу признали ошибочной. Но стоит подчеркнуть: никому из ученых даже в голову не приходило, что неандертальцы вообще не могли говорить и изъяснялись между собой жестами! В конце концов неспособность выговаривать какие-то звуки чужих языков встречается сплошь и рядом — у самых различных народов...

Тем не менее в популярной и художественной литературе «сенсация» немедленно зажила своей жизнью и быстро обросла леденящими душу подробностями. В результате появилась та самая сказка о немых, «мычащих» неандертальцах, которая до сих пор тиражируется современной беллетристикой. Похожую судьбу имела и другая научная гипотеза, высказанная на сей раз уже советскими учеными. В 1950-х годах, после находки захоронения палеолитического человека на стоянке Маркина Гора в селе

Костенки, антропологами были отмечены «негроидные черты» в облике погребенного (см. гл. «Закон Крови»). Предположение о присутствии негроидов среди верхнепалеолитических племен Европы произвело тогда сильное впечатление и много раз было повторено — в том числе и в учебниках, и в популярной литературе. В наши дни об этих «негроидах» специалисты предпочитают тактично не вспоминать. Но в беллетристике — в том числе и в романах Дж. М. Ауэл — чернокожие охотники на мамонтов упорно не переводятся.

В конечном счете поиски материала, более-менее отвечающего моим требованиям — быть иллюстрацией к научному описанию жизни людей эпохи палеолита, — привели меня к современному российскому писателю и ученому Олегу Васильевичу Микулову. В настоящее время он работает над серией романов, посвященных первобытному прошлому Европы, два из которых — «Закон крови» и «Тропа длиною в жизнь» — уже вышли из печати. Оба романа написаны, с точки зрения археолога-палеолитоведа, вполне профессионально. Во всяком случае, в них повествуется не о палеолите «вообще», а о совершенно определенных его периодах, датируемых в первом случае около 30—25 тысяч, а во втором — около 18—15 тысяч лет назад. И место действия обоих романов, и даже сами их герои очень хорошо «знакомы» мне, археологу, уже 30 лет проработавшему в экспедициях на Среднем Дону (современная Воронежская область).

Дело в том, что мы, ученые, имеем только одну возможность выделить в палеолите древние социумы — человеческие коллективы, отличающиеся друг от друга культурными традициями. Путь к этой цели лежит через сравнение форм и техники изготовления орудий труда, а также украшений и произведений искусства, добытых на различных стоянках. Наиболее сходные между собой материалы мы группируем в так называемые «археологические культуры». Так вот: из описания бытовых деталей в романах О. В. Микулова всегда с полной очевидностью следу-

ет, к какой «культуре» принадлежат те или иные его герои («дети Мамонта», «дети Волка», «дети Серой Совы» и т.д.). Большинство описанных в романах стойбищ хорошо увязывается с конкретными стоянками интересующей нас эпохи. От моих коллег, читающих лекции студентам, мне уже доводилось слышать отзывы о книгах О. В. Микулова как о хорошем пособии для демонстрации этнографических особенностей культур европейского палеолита. Правда, при чтении романов порою бросается в глаза явно чрезмерное увлечение автора первобытной мистикой. Но, komponуя материал для популярных очерков, я имел полную возможность обойти указанные места.

Мне уже дважды приходилось писать подробные археологические комментарии к романам О. В. Микулова. В настоящий момент живые описания и эпизоды из его книг перемежают и иллюстрируют собой мой собственный рассказ о повседневной жизни охотников на мамонтов. Конечно, эти эпизоды представляют собой плоды авторской фантазии. Но фантазия — не всегда досужий вымысел. Перед нами именно попытки *художественной реконструкции исторических реалий эпохи палеолита*. Сделаны они не писателем, время от времени консультировавшимся у ученых, но профессиональным палеолитоведом, самостоятельно проработавшим для этого большой комплекс научных данных. А уж насколько удачно — об этом судить тебе, дорогой читатель!

ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ. ЧТО? ГДЕ? КОГДА?

Эти вопросы знаменитой телепередачи непременно возникнут у всякого, кто захочет понять, о чем пойдет речь в этой книге? Что за народ представляли собою охотники на мамонтов? Где они жили из поколения в поколение? Сколько тысячелетий назад?.. И, наконец, чем вызвано такое особенное внимание к ним?.. Прежде чем описывать повседневную жизнь той эпохи — столь невообразимо далекой, — постараемся кратко ответить на каждый вопрос.

Что?

На палеолитических стоянках нередко находят кости и бивни мамонтов. Долгое время археологи почти безоговорочно признавали их за остатки охотничьей добычи человека. Предлагались даже расчеты для определения по костям примерного количества мяса, которое добыли и съели обитатели этих поселений.

Сегодня с подобными выводами согласны далеко не все. Конечно, не стоит сомневаться, что именно охота была основным источником существования человека в палеолите. Однако теперь исследователи

все чаще задаются вопросом: а был ли мамонт и впрямь охотничьей добычей наших далеких предков? Неужели такое вообще возможно?

Надо ли кому-нибудь объяснять, насколько опасен разъяренный слон? А ведь мамонт был защищен от нападений даже лучше слона. Его толстую шкуру, вдобавок, покрывала шерсть — густая и плотная. Между тем охотники верхнего палеолита имели в своем распоряжении лишь копья с кремневыми наконечниками да костяные кинжалы. Как же могли они побеждать такого грозного противника? И была ли в том надобность — при наличии более легкой добычи? Ведь дикие лошади, северные олени, сайги, ослы и прочая живность водились в Европе в изобилии...

Многочисленные изображения мамонта — в скульптуре, в гравюре, в пещерных росписях — говорят о том, что люди обращали на этого зверя большое внимание. Его бивни и кости широко использовались в обиходе, при изготовлении орудий и предметов искусства... Но, с другой стороны, нам известны «мамонтные кладбища» — то есть места скопления большого количества трупов животных, погибших явно без участия человека. Это Берелех в Якутии, Севское местонахождение в Брянской области, Фрисенхахнская пещера в Техасе, Хат Спрингс в Южной Дакоте, остров Нью Сейберия близ Аляски. В ряде случаев отмечены и следы более-менее регулярных посещений таких мест древними людьми. Так, может быть, кости зверей, находимые на палеолитических стоянках, были принесены с таких мамонтовых кладбищ?

Скептическое отношение к существованию в палеолите регулярной, целенаправленной охоты на мамонтов все чаще высказывают американские специалисты — археологи и палеонтологи. «...Наконечники типа Кловис, — пишет в одной из своих работ палеозоолог Д. Мельцер, — могли использоваться, как очень эффективное оружие, и, бесспорно, такие стоянки, как Ленер и Муррей Спрингз, демонстрируют высокий уровень охоты. Однако основной во-

прос состоит в том, являлись ли продукты охоты на мегафауну необходимой, или даже обычной частью их пищевого рациона, или же человек, которому посчастливилось убить мамонта, проводил остаток своей жизни, рассказывая об этом событии. Я полагаю, что больше усилий тратилось на разговоры о таких животных, чем на реальное их убийство...»

Проблемы такого рода должны ставиться и решаться не «вообще», а сугубо конкретно. Действительно, в подавляющем большинстве случаев в раскопках преобладают кости дикой лошади, северного оленя, бизона, дикого осла, но никак не мамонта. Однако и очень большое количество костей мамонта на стоянке далеко не всегда означает, что ее обитатели активно охотились на него.

На левобережье Днестра имеется целый ряд весьма древних стоянок, где люди жили около 90—60 тысяч лет назад. На этих поселениях повсеместно преобладают кости мамонта. Долгое время эти кости считались остатками охотничьей добычи. Однако петербургский археолог Н. К. Анисюткин обратил внимание на целый ряд особенностей, ускользавших ранее от его коллег.

Во-первых, оказалось, что цельные кости мамонта залегают на таких стоянках отдельными скоплениями. И преобладают в них далеко не самые мясистые части туш. Особенно многочисленны бивни, нижние челюсти, лопатки, тазовые кости. Вместе с ними часто встречаются крупные камни.

Во-вторых, во всех случаях наблюдается ярко выраженный «некомплект» костей. Более-менее полных скелетов из них составить невозможно. Все останки принадлежат разным особям — как молодым, так и взрослым. А вот костей детенышей и зародышей не фиксируется совсем.

И, наконец, сохранность костей мамонта, собранных на одной стоянке, может порой очень сильно различаться. В целом же она значительно хуже, чем сохранность найденных рядом костей иных промысловых видов — лошади, северного оленя, бизона и прочее.

Проанализировав все эти детали, ученый пришел к выводу: кости мамонта, обнаруженные на стоянках того периода, вовсе не являлись результатом удачных охот! Они специально собирались людьми в местах естественной гибели животных. Все рассматриваемые памятники Среднего Приднестровья приурочены к устьям глубоких яров с постоянными водотоками, выносящими в реку массы обломочного материала и галечника, образуя обширные отмели, на которых и по сей день регулярно застревают трупы погибших крупных животных.

В последующий период (50—25 тысяч лет назад) кости мамонтов на стоянках Евразии составляют ничтожную часть от общего числа находок древней фауны, обнаруженной при раскопках. Зачастую бывает их там менее одного процента. А вот орудий из бивня и кости этого животного встречается довольно много. Очевидно, и в этот период люди предпочитали добывать мамонтовую кость сборами. Сравнительно редкие случаи убийства мамонта, вероятно, становились легендами, охотничьими преданиями. Да, в эпоху палеолита было именно так — на большей части территории Старого и Нового Света. И все же... так было не всегда!

Раскопки палеолитических поселений в Восточной Европе показали, что здесь, в период с 23 по 14 тысяч лет тому назад имело место совершенно уникальное явление. На обширной территории, включавшей Подонье, Среднее Поднепровье, а также бассейны рек Десны и Оки, сформировалась особая историко-культурная область *охотников на мамонтов*. Люди, обитавшие здесь в ту пору, практически всецело связали свою жизнь с добычей этого зверя.

В местах их обитания обнаружены кости многих десятков, даже сотен мамонтов. Однако дело не только в них. Этот зверь обеспечивал людям все: пищу, сырье, строительный материал, топливо!.. Дома из его костей были настоящими архитектурными шедеврами своего времени. Не случайно над

развалинами таких домов теперь иногда сооружаются специальные павильоны-музеи¹. Кроме того, на поселениях охотников на мамонтов найдены многочисленные орудия из кремня, кости и бивня, а вместе с ними и украшения, произведения искусства — весьма оригинальные и яркие. Весь их набор отличается особым богатством и разнообразием по сравнению с материалами соседних земель...

Вот об этом уникальном палеолитическом сообществе и пойдет речь в нашей книге. Пожалуй, есть все основания утверждать: именно здесь, в среде охотников на мамонтов, культура Восточной Европы той эпохи достигла пика своего развития. Она стала одним из высших достижений человечества в период, именуемый археологами «верхним палеолитом».

Где?

Предварительный ответ на этот вопрос уже дан: в центре Русской равнины. Теперь постараемся его уточнить. Территорию, на которой тысячелетиями обитали охотники на мамонтов, — жили, растили детей, строили свои удивительные дома из шкур и костей волосатых гигантов — археологи называют *Днепро-Донской* или *Центральной историко-культурной областью*. В настоящее время на карте лучше всего очерчиваются ее южная и западная границы.

На западе район Поднепровья граничит с Волыно-Подольской возвышенностью. Там обнаружено немало стоянок того же периода, что и поселения охотников на мамонтов. Но в культурном отношении эти памятники представляют собой уже нечто иное. Стоянки второй половины верхнего палеолита на Волыни и в Подолии входят в *Юго-Западную*

¹ В России такие павильоны открыты в Костенках (Воронежская обл.) и в Юдиново (Брянская обл.); на Украине в селе Добраничівка (Черниговская обл.). — *Прим. авт.*

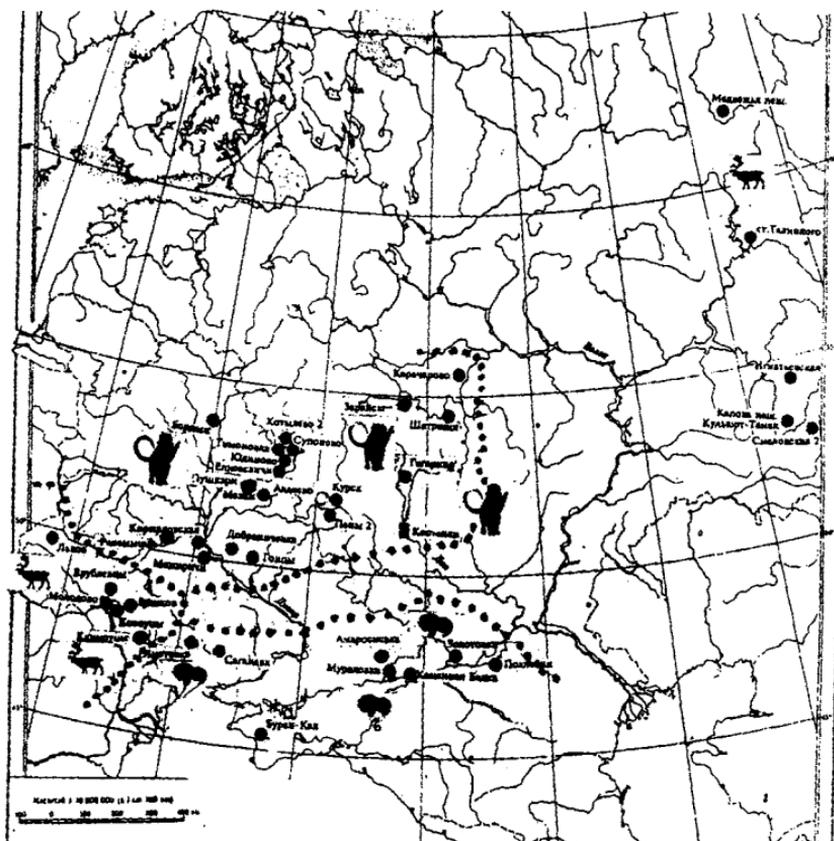

Рис. 1. Так выглядят на карте Восточной Европы примерные границы историко-культурных областей охотников на мамонтов и их ближайших соседей – охотников на бизонов и северных оленей. (Карта распространения основных стоянок составлена с использованием данных статьи: *Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы – в кн. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. Санкт-Петербург, 1997. Рис. 7, 8.)

историко-культурную область охотников на северных оленей. Пограничное положение занимают два памятника — Радомышль и Жорнов — расположенные в бассейне Днепра. По-видимому, оба они принадлежали охотникам на мамонтов. С юга граница Центральной области проходит по Южному Бугу и Днепровским порогам. Стоянки, распо-

женные там, заметно отличаются от днепро-донских по всем своим характеристикам. Они входят в *Южную историко-культурную область* охотников на бизонов.

Труднее судить о восточной и северной границах интересующей нас территории. Для этого пока еще очень мало данных. Верхний палеолит Поволжья изучен слабо, причем стоянок с большим количеством костей мамонта там пока не обнаружено совсем. Если подтвердится, что в период, о котором идет речь, приволжские стоянки были не менее отличны от днепро-донских, чем поселения Южной и Юго-Западной областей, то восточным пограничьем культур охотников на мамонтов может оказаться Среднее Подонье, а точнее знаменитый *Костенковско-Борщевский район сосредоточения верхнепалеолитических памятников*, расположенный чуть южнее г. Воронежа.

На Урале и северо-востоке Русской равнины открыто довольно много стоянок древнекаменного века. Но почти все они относятся к предшествующему времени — или к *ранней поре* верхнего палеолита. Правда, есть среди них и более поздние, которые существовали примерно в тот же период, что и культуры охотников на мамонтов — около 20 тысяч лет назад. Это Медвежья пещера, стоянка Талицкого и некоторые другие, хуже изученные. Но все они заметно отличаются от памятников Центральной области. Заметим, кстати, что абсолютно преобладающим видом фауны здесь неизменно является северный олень. Еще более поздние стоянки, типа Горной Талицы на р. Чусовой, относятся ко времени, когда интересующее нас сообщество охотников на мамонтов уже прекратило свое существование.

Северная граница Центральной историко-культурной области, по-видимому, проходила по бассейну р. Оки. Несомненно, именно охотникам на мамонтов принадлежали Зарайская стоянка (г. Зарайск, около 100 км южнее Москвы) и, с большой долей вероятности, Карачаровская стоянка (г. Му-

ром). Карачарово — одно из первых палеолитических местонахождений, открытых в России. Оно было обнаружено еще в 1877 году. Конечно, в ту пору археологи совсем не имели опыта изучения подобных памятников, поэтому очень многое так и осталось ими не замеченным и не понятым. Однако чем бы ни являлось скопление костей, обнаруженное на этой стоянке, оно состояло преимущественно из костей мамонта и носорога. Радиоуглеродные даты, полученные уже в наши дни, указывают на возраст порядка 15—16 тысяч лет назад, что соответствует времени существования культурного сообщества охотников на мамонтов в Восточной Европе.

Разумеется, между территориями, занятыми охотниками на мамонтов, с одной стороны, и охотниками на бизонов и северных оленей, с другой, не было «железного занавеса». В «приграничных районах», скорее всего, имели место контакты и даже существование смешанных коллективов, принадлежавших к этим разным культурам. Интересное предположение высказала украинский археолог А. А. Кротова, исследовавшая стоянки бассейна Северского Донца — Ямы, Говоруху и Миньевский Яр. По ее мнению, каменные орудия этих памятников указывают на культурные связи с поселениями центра Русской равнины. Причем в каждом случае можно даже проследить, с каким именно! По мнению Кротовой, все эти три стоянки оставлены группами охотников с севера, из районов Костенок, Борщева и Мезина. Возможно, эти люди регулярно приходили на Северский Донец в поисках хорошего кремня.

Отмечены и другие случаи, гораздо более редкие, которые свидетельствуют о попытках каких-то отдельных групп населения сохранить привычный образ жизни в иных экологических (а может быть, и социальных!) условиях. В этом отношении очень показательна двухслойная стоянка Климауцы 2 в Среднем Приднестровье. Она была открыта молдавским археологом И. А. Борзияком в 1989 году. По геологи-

ческим данным, оба культурных слоя этой стоянки совершенно определенно датируются так называемым поздневалдайским периодом. В верхнем слое обнаружено не только необычайно большое для данного региона количество костей мамонта, но и остатки конструкции, напоминающей округлые жилища аносовско-мезинского типа (см. главу «Жилища и поселения»).

В свое время И. А. Борзьяк совершенно справедливо указал на «особое значение данного памятника». В настоящий момент это единственная стоянка, которая расположена в самом центре Юго-Западной историко-культурной области охотников на северных оленей, однако по всем своим характеристикам она относится к Центральной (Днепро-Донской) области охотников на мамонтов. Видимо, перед нами свидетельство перемещения какой-то группы населения из центральных районов Восточной Европы в более южные, причем переселенцы пытались вести там прежний образ жизни. Такая ситуация получает свое объяснение в свете концепции *специализированной охоты* (подробнее об этом см. главу «Охота»). На юге мамонтов было меньше, чем в северных регионах, однако они мало интересовали местное население в качестве охотничьей добычи. Это последнее и позволило пришельцам какое-то время сохранять привычный способ существования.

Таким образом, в этой книге речь пойдет если не исключительно, то преимущественно о культурах восточно-европейских охотников на мамонтов, обитавших в бассейнах Среднего — Верхнего Днепра, Дона, Десны и Оки... Но когда? Постараюсь ответить.

Когда?

Историческое познание немыслимо без установления *хронологии* — четкой временной последовательности всех событий, явлений, процессов. Для древнейших периодов человеческой истории про-

блема построения хронологии стоит особенно остро. Ведь все, чем располагают археологи, — это культурные остатки и вмещающие их грунты — геологические отложения. Изучая эти отложения слой за слоем, ученые получают возможность проследить сменяющие друг друга периоды геологической истории нашей планеты и связать с ними археологические материалы. Так определяется *геологический возраст* памятников каменного века, их принадлежность к тому или иному временному отрезку.

Что же это за периоды, на которые разделяется геологическая история Земли? Вопреки распространенному мнению, каменный век — это вовсе не время сплошного, непрерывного оледенения. Похолодания и наступления ледников чередовались на нашей планете со столь же длительными потеплениями (межледниковьями). Тогда климат мог быть даже заметно теплее современного. Но как же долго продолжался каждый из этих периодов и как привязать их к общепринятой «календарной» хронологии?

Ученые издавна пытались ответить на эти вопросы. Но только в середине XX века более или менее определенные ответы были найдены. Достичь успеха тут помогли *радиометрические методы датирования*. Методы эти основаны на изучении распада радиоактивных элементов, которые входят в состав органических веществ (радиоуглеродный метод) и горных пород (калий-аргоновый, уран-ториевый методы). В последнее время появляются и другие пока еще менее разработанные методики датирования. Каждый из этих методов имеет свои границы применения, обладает своими достоинствами и недостатками. Но, конечно, ни один из них не может считаться совершенным и безошибочным.

Радиоуглеродный метод. Любой живой организм, будь то растение или животное, содержит в своих тканях радиоактивный углерод C-14. В период жизни организма количество в нем этого элемента оста-

ется неизменным. А вот со смертью начинается процесс его распада. В 1949 году американским ученым У. Либби был измерен период полураспада С-14, составивший 5570 ± 30 лет, и разработана методика датирования на этой основе. За такое выдающееся открытие ему присудили Нобелевскую премию (1960). Теперь, когда вы увидите в книге дату, скажем, не «10 тысяч лет до нашей эры», а «10 тысяч лет тому назад», знайте: эта дата основана на радиоуглеродной хронологии.

Историческая хронология. Летоисчисление «до нашей эры» (или «до Рождества Христова»), в свою очередь, базируется на традиционной, исторической хронологии. В ее основу положены данные древнейших письменных источников — прежде всего ближневосточных и египетской цивилизаций. Такая хронология наиболее разработана для эпохи бронзы и железного века. Но и некоторые неолитические культуры IV—III тысячелетий до нашей эры, находящиеся за пределами развития древнейших цивилизаций, могут быть привязаны к историческому летоисчислению. К сожалению, в области изучения такой глубокой древности, как палеолит, методы исторической хронологии оказываются бессильны.

Проблемы радиометрического датирования. В последние три десятилетия было установлено расхождение «радиоуглеродной» и «истинной», календарной хронологии и разработана система поправок или «калибровки» дат, полученных по С-14. Эти поправки основываются на так называемой дендрохронологии — датах, полученных в результате изучения годовых колец долгоживущих деревьев (прежде всего американской секвойи и сосны остистой). «Калиброванные» радиоуглеродные даты являются наиболее точными. К сожалению, даже специалисты иногда забывают, что применение «калибровки» (как и метода С-14 в целом!) имеет достаточно жесткий хронологический предел: на памятниках древнее чем 30—35 тысяч лет назад, эта методика дает постоянные сбои — практичес-

ки, «не работает». Поэтому применение радиоуглеродного метода особенно эффективно при изучении поздней поры верхнего палеолита и последующих периодов — мезолита и неолита. Однако и в этих случаях не следует думать, что радиометрические даты устанавливают совершенно «точный» возраст датируемого образца. Недаром у специалистов есть поговорка: «Одна дата — не дата». При определении возраста памятника они стремятся получить серию дат по различным образцам в разных лабораториях и всегда сопоставляют их с данными, полученными другими методами. Есть еще одна неприятная особенность радиоуглеродного метода. Серии датировок, полученных для одного и того же памятника эпохи верхнего палеолита, зачастую дают разброс в 3—5 тысяч лет! Почему? Некоторые специалисты связывают это с погрешностью самого метода. Другие считают, что такой разброс связан с очень большой продолжительностью существования ряда верхнепалеолитических поселений. Последняя точка зрения особенно убедительно аргументирована на примере Зарайской стоянки, раскопанной московским археологом Х. А. Амирхановым.

Как бы то ни было, более точными способами определения возраста первобытных памятников наука не располагает. Используя в совокупности данные геологической стратиграфии и радиоуглеродной хронологии, мы приходим к выводу, что племена охотников на мамонтов обитали в центре Русской равнины приблизительно сто столетий, с 23 до 14 тысяч лет тому назад. Позднее им на смену пришло другое население, принесшее с собой иные культурные традиции. По своему укладу, образу жизни эти новые племена во всех отношениях сильно отличались от охотников на мамонтов.

Завершим эту главу таблицей, в которой приведена хронология важнейших археологических памятников, оставленных охотниками на мамонтов и их ближайшими соседями — охотниками на бизонов и северных оленей.

Геологическое время:	Днепродеснинский район (охотники на мамонтов):	Стоянки Костенковско-Борщевского района (охотники на мамонтов):	Юго-Запад Восточной Европы (охотники на северных оленей):	Юг Восточной Европы (охотники на бизонів):
<p>Позднеледниковье (17—10 тыс. до н. д.)</p> <p>Пик холода (20—18 тыс. до н. д.)</p>	<p>Добраничівка, Тимоновка 1—2, Супонево, Юдиново, Межирич, Гонцы</p> <p>Кирилловская, Мезин, Радомышль (?)</p>	<p>Костенки 2, Костенки 3, Костенки 11а, Костенки 19, Костенки 21/І-ІІ, Борщево 1</p>	<p>Молодова 5/І-ІV,</p> <p>Молодова 5/V-VI, Климауцы 2/І</p>	<p>Каменная Балка 2, Мураловка, Золотовка, Анетовка 2, Б.Аккаржа</p>
<p>Потепление (23—21 тыс. до н. д.)</p>	<p>Пушкари 1(?), Бердыж, Авдеево, Хотылево 2</p>	<p>Костенки 1/І, Костенки 4/І-ІІ, Костенки 5/ІІІ(?), Костенки 9, Костенки 11/ІІ, Костенки 13, Костенки 14/І, Костенки 18, Борщево 5</p>	<p>Молодова 5/VII,</p>	<p>Сагайдак 1 (?), Амвросиевка (?), Зеленый Хутор (?)</p>
<p>Начало последнего оледенения (24—23 тыс. до н. д.)</p>	<p>?</p>	<p>Костенки 1/ІІ, Костенки 8/І-Іа, Костенки 11/ІІІ, Костенки 12/в.г.</p>		

КАК И ПОЧЕМУ?

А теперь попробуем кратко ответить на другие вопросы: как сложилась историко-культурная область охотников на мамонтов? Откуда, по каким причинам пришли эти люди (если пришли!) на берега Днепра и Дона?.. Начнем с предыстории.

Восточная Европа в раннюю пору верхнего палеолита

Период, предшествующий появлению на Русской равнине культур охотников на мамонтов, археологи называют *ранней порой верхнего палеолита*. Длился этот период около 20 тысяч лет (примерно, с 45 до 25 тыс. лет назад). Это куда более продолжительный срок, чем тот, что отделяет нас с вами от греко-тройанской войны или фараона Хеопса. Разумеется, за столь долгое время климат в Европе менялся неоднократно. Потепления чередовались с похолоданиями, а леса — с ландшафтами открытого типа.

Как уже говорилось выше, целенаправленной охоты на мамонтов на Русской равнине в тот период, скорее всего, не велось. Население Восточной Ев-

ропы охотилось главным образом на диких лошадях. При этом мамонтовая кость активно использовалась в разных регионах и культурах для изготовления орудий и оружия, украшений и предметов искусства.

Крупные кости в качестве строительного материала в то время не применялись. В раннюю пору верхнего палеолита на Русской равнине были широко распространены легкие наземные жилища типа чумов, округлые в плане, с очагом в центре (см. главу «Жилища и поселения»). Сооружались они, вероятно, на каркасе из жердей. Впрочем, стоит отметить, что могильная яма на стоянке Костенки 15 (погребение ребенка) оказалась специально перекрыта сверху крупной костью — фрагментом лопатки мамонта.

Вероятно, люди охотно использовали для своих нужд кости и бивни зверей, погибших естественной смертью. Не менее вероятно и то, что иногда, при удаче, они убивали отдельных животных. К сожалению, вряд ли можно установить, какая часть найденных на этих памятниках останков мамонта является продуктом охоты, а какая — результатом собирательства? Можно лишь предполагать, что в некоторых культурах, особенно к концу ранней поры верхнего палеолита, значение этого зверя в жизни людей заметно возросло. Вероятно, не случайно на стоянке Сунгирь под Владимиром (радиоуглеродный возраст: в пределах 28—23 тыс. лет назад) в погребении найдена бивневая фигурка — древнейшее в Восточной Европе изображение мамонта.

В Сунгире обнаружено не только большое количество костей этого животного, но и очень высокий технологический уровень их обработки. Главным свидетельством тому являются знаменитые копья из распрямленного бивня, ударные концы которых усилены рядами приклеенных чешуек кремня. Кстати, такие копья вполне могли использоваться и при охоте на мамонтов. Возникает вопрос: не стала ли добыча его в этот период более регулярной?

По-видимому, на исходе ранней поры верхнего палеолита складывались предпосылки сложения особой культурной области в центральной части Русской равнины. Население этого региона оказалось теснейшим образом связано с мамонтом — по всем направлениям своего жизнеобеспечения.

Охотники на мамонтов в Центральной Европе

В Центральной Европе картина была иной. Примерно 28—27 тысяч лет назад на Среднем Дунае и Моравской возвышенности формируется очень яркая, своеобразная культура. Люди, создавшие ее, по всем признакам были охотниками на мамонтов. Позднее, 26—24 тысячи лет назад, их потомки двинулись на восток, а 24—22 тысячи лет назад — достигли Русской равнины. Новое население отличалось ярко выраженным культурным своеобразием. Памятники, оставленные им, иногда называют «культурами наконечников с боковой выемкой и женских статуэток». Мы говорим: «культурами» — поскольку у археологов есть все основания говорить о двух тесно связанных между собой, но все же имеющих разное происхождение археологических культурах: *виллендорфско-костенковской* и *павловско-хотылевской*¹. Обе они возникли и существовали на территории Центральной Европы в период, охватывающий примерно 28—24 тысячелетия до наших дней. Затем это население стало постепенно уходить все дальше к востоку и северо-востоку — пока наконец не оказалось на берегах Днепра, Дона, Десны и Оки.

Пришельцы из Центральной Европы сыграли исключительно важную роль в формировании Днепро-Донской историко-культурной области охотников на мамонтов. Наиболее характерные черты этой культуры — долговременные, сложно организован-

¹ Названия археологических культур принято давать по наименованиям наиболее характерных памятников. В данном случае это стоянки Виллендорф (Австрия), Павлов (Чехия), Костенки 1/1 и Хотылево 2 (Россия). — *Прим. авт.*

ные поселения с обилием костей мамонта. На этих стоянках археологи находят множество изделий из кости и бивня — причем не только орудий, но и разнообразных украшений и произведений искусства. Особенно показательны так называемые «палеолитические вены» — небольшие бивневые фигурки, изображающие обнаженных женщин — как правило, очень полных и, что называется, «в возрасте». О смысле и назначении этих по-своему высоко художественных статуэток ученые спорят до сих пор.

*Днепр-Донская историко-культурная область:
формирование и первый этап
(24—20 тысяч лет до наших дней)*

Сложение в Центральной Европе этой своеобразной культуры происходило в условиях достаточно холодного климата. Исследование костей моравских мамонтов показало, что животным жилось там явно неуютно: они отличались небольшими размерами, часто болели и рано умирали. Дело в том, что как раз в это время в Европе наступает последний «ледниковый период». Причем раньше всего это ухудшение климата сказалось именно в центре Европейского континента, служившем как бы «коридором» между Альпийскими ледниками и Скандинавским ледниковым щитом. Ко времени максимума оледенения (20 тыс. лет назад) современная Моравия превратилась в настоящую полярную пустыню. Человек на несколько тысячелетий совершенно покинул эти места.

Восточная Европа несколько позже испытала на себе наступающие перемены. Климат здесь был более сухим, между тем образованию ледникового покрова способствуют именно влажные, снежные зимы. В результате, если в Центральной Европе ледники продвинулись далеко на юг, то здесь наступление их застопорилось. Подо льдом оказались лишь северные районы — современная Прибалтика, Ленинградская, Псковская и Новгородская области. Но уже верховья Днепра и Волги были свободны от лед-

ника. Природные условия в этих местах очень напоминали те, что еще недавно, до продвижения ледника, существовали в Центральной Европе — открытые ландшафты, тундро-степь с обильными травами и кустарниковой растительностью в долинах рек.

Вероятно, постепенно, столетие за столетием, мамонты перемещались из Подунавья на северо-восток, в районы, где условия для их существования были более благоприятны. В свою очередь и то центрально-европейское население, чей образ жизни был теснейшим образом связан с мамонтами, во время своих сезонных подвижек постепенно двигалось вслед за ними все дальше и дальше. Продвижение к востоку шло крайне медленно, в течение тысячелетий. Оно явно не было осознанным, целенаправленным действием.

Тем не менее примерно 24—23 тысячи лет назад носители виллендорфско-павловских культурных традиций достигают Восточной Европы. В районе Среднего Приднестровья они оставляют лишь слабый след в виде специфических для этой культуры кремневых орудий: так называемые «ножи костенковского типа» и «наконечники с боковой выемкой». Такие орудия иногда встречаются на стоянках с иным — «инокультурным», как говорят археологи, — кремневым инвентарем. Затем «виллендорфцы» прочно обосновываются на территории бассейнов Среднего-Верхнего Днепра и Дона, даже доходят до Оки. Эта территория была обжитой издавна. Но на исходе ранней поры верхнего палеолита изменение природных условий поставило местное население перед суровой проблемой. Необходимо было менять привычный образ жизни. Менять — или вымирать в условиях все более и более ухудшающего климата.

Разумеется, пришельцы сыграли большую роль в процессе сложения историко-культурной области охотников на мамонтов. Но сам этот процесс начался независимо от них, на основе местных культур. С началом последнего оледенения леса и лесостепи в центре Русской равнины быстро сменяются открытыми ландшафтами — опустыненной степью и тунд-

ро-степью. Климат становится сухим, с малоснежными зимами и высокой контрастностью летних температур. Только в период короткого потепления (23—21 тысячу лет назад) здесь отмечается островная лесная растительность. Подобные условия были вполне благоприятными для обитания мамонтов, однако для жизни людей они создавали значительные трудности.

Чтобы приспособиться к изменившимся условиям, людям пришлось коренным образом менять свой образ жизни, свою культуру. Не случайно в Восточной Европе хронологический рубеж, отделяющий раннюю пору верхнего палеолита от следующего периода этой эпохи, приходится именно на начало последнего оледенения. И не случайно культурные перемены особенно существенны в центральной части этого региона — в обширной приледниковой зоне, где климат был суровее всего. Здесь происходит глобальная смена культурных традиций. Меняется хозяйство и весь образ жизни. Отныне они целиком ориентированы на добычу мамонтов и мамонтовой кости. Наиболее показательны новшества, связанные с организацией оседлых, долговременных поселений (см. гл. «Жилища и поселения»).

Местные культуры отличались своеобразным каменным и костяным инвентарем. И вот что интересно: на их поселениях порой встречаются предметы, характерные для выходцев из Центральной Европы, — наконечники с боковой выемкой и местные скульптурки из мелового камня — мергеля — изображающие мамонта и носорога. Это говорит о взаимном культурном влиянии, о том, что отношения между местными жителями и пришельцами были более или менее мирными. По-видимому, и земли, и добычи тогда хватало на всех.

По имеющимся данным, выходцы из Центральной Европы оставили свои памятники в бассейне реки Сож (Бердыж), в бассейне Десны (Хотылево 2, Авдеево), на Среднем и Верхнем Дону (Костенки 1/1, Костенки 13, Костенки 18, Костенки 14/1; Гагарино) и достигают даже бассейна реки Ока (Зарайская сто-

янка). Радиоуглеродные даты — а их довольно много — позволяют распределить эти памятники во времени следующим образом:

Тысячелетия	Стоянки
15—16	Зарайская/верхний слой
20—21	Зарайская/нижний слой; Гагарино
21—23	Костенки 1/І, 13, 18, 14/І; Авдеево, Бердыж
23—24	Хотылево 2

До раскопок Зарайской стоянки самым молодым памятником этой культуры считалась стоянка Гагарино. Считалось также, что заметные для глаз археолога отличия гагаринских кремневых орудий и статуэток от находимых в Костенках и Авдееве объясняются изменениями культурных традиций с течением времени. В результате получалась довольно странная картина: культура эта, несмотря на свой исключительно высокий уровень, резко меняет свой облик и бесследно исчезает, едва появившись на Русской равнине!

Раскопки Зарайской стоянки, проведенные Х. А. Амирхановым, многое прояснили. Выяснилось, что в бассейне Оки наследники виллендорфских культурных традиций просуществовали, по крайней мере, до 15—16 тысяч лет тому назад, причем облик их орудий ближе к костенковским и авдеевским, чем к гагаринским. Почему?

Дело в том, что и на территории Центральной Европы эта культура существовала в двух вариантах: виллендорфском и павловском. Они очень близки между собой, но все же не тождественны. И долгое время считалось, что павловский вариант «более развитый», а следовательно, и более поздний, чем виллендорфский. Но радиоуглеродные даты опровергли это предположение: выяснилось, что «павловские» памятники ничуть не моложе!

Сейчас многие ученые склоняются к мысли, что виллендорфские и павловские культурные традиции имеют разные корни, а их культурная близость сло-

жила в результате каких-то социальных причин. Например, как следствие браков, постоянно, на протяжении столетий, заключающихся между мужчинами и женщинами разных родов.

Видимо, и на Русскую равнину они пришли вместе. По облику кремневого инвентаря и женских статуэток стоянка Гагарино более похожа на более раннюю стоянку Хотылево 2 и на Павлов, а Зарайская — на Костенки, Авдеево и Виллендорф.

В районе современного Подмосковья эта интереснейшая культура охотников на мамонтов благополучно пережила самый холодный период («климатический минимум», как говорят специалисты), длившийся с 20 до 18 тысяч лет тому назад и просуществовала здесь в течение еще нескольких тысячелетий. Однако в более южных регионах, охватывающих верховья и среднее течение Днепра и Дона, именно в период климатического минимума происходит новая глобальная смена культурных традиций. Среди известных здесь стоянок, чей радиоуглеродный возраст моложе двадцатого тысячелетия, если вести отсчет от наших дней, нет ни одной, чьи материалы можно было бы напрямую связывать с виллендорфско-костенковской культурой. В лучшем случае, можно проследить отдельные элементы этой культуры — но уже в ином культурном контексте. Самый яркий след такого рода — бивневая фигурка женщины со стоянки Елисеевичи и найденная там же фигурка мамонта, очень похожая на костенковские художественные изделия.

*Днепро-Донская историко-культурная область:
второй этап (20—12 тысяч лет до наших дней)*

Такая смена культурных традиций произошла не в одно мгновение. Скорее всего, она также была связана с климатическими переменами. У нас пока нет данных о том, что происшедшие изменения были связаны с какими-то миграциями, однако не прослежены и генетические связи с культурами первого

этапа. Новые культуры, различаясь между собой по характеристикам каменного инвентаря, обнаруживают ряд сходных черт, определяющих общие особенности второго этапа.

Возникает новый, *аносовско-мезинский* тип жилищ: наземные, округлые в плане конструкции до 9 метров диаметром, сооруженные с использованием в качестве строительного материала большого количества крупных костей мамонта (подробнее — см. главу «Жилища и поселения»). Вокруг таких жилищ обычно размещалось несколько ям-кладовых, заполненных подобными костями.

Формы каменных орудий значительно «беднее», проще по сравнению с предшествующим периодом. Вместе с тем культуры второго этапа отличались весьма своеобразным искусством с высокой степенью стилизации, большим количеством «знаковых» изображений, высоко развитым орнаментом. Изображения, выполненные в манере «первобытного реализма», характерного для предшествующего этапа, встречаются скорее как исключение. Более подробно обо всем этом будет рассказано в следующих главах.

Когда же и почему прекратили свое существование эти высокоразвитые культуры охотников на мамонтов? Самые молодые даты, полученные для памятников этого типа (например Добраничивка), — порядка 12 тысяч лет назад. Однако позднее для тех же самых памятников были получены более ранние датировки: около 14 тысяч лет назад. Вероятно, это время и является верхней хронологической границей Днепро-Донской историко-культурной области. Позднее на этой территории появились иные племена, с иным образом жизни и иными культурными традициями.

Культуры охотников на мамонтов исчезли потому, что если не пропало полностью, то резко сократилось поголовье этих величественных зверей. Но в чем причина? Почему мамонты стали вымирать?

Многие ученые объясняют исчезновение мамонтов изменившимися природными условиями, связан-

ными с потеплением климата. Однако в прошлом мамонты благополучно пережили не одно потепление. Да и самые серьезные климатические изменения, означающие переход к геологической «современности» — голоцену, — совершились на несколько тысяч лет позднее, когда все остатки поселений восточно-европейских охотников на мамонтов уже давно покоились в земле.

Может быть, природные перемены и сыграли тут свою, дополнительную роль. Но главным ответственным за гибель мамонтов я все же считаю человека. Подумайте сами: историко-культурная область охотников на мамонтов существовала в центральной части Восточной Европы не менее 10 тысяч лет. Это значит, что в течение столь длительного времени на обширной территории систематически, год за годом, истреблялись целые стада этих животных. Безусловно, палеолитические охотники относились к равновесию в природе куда более бережно, чем современное человечество. Именно поэтому их сообщество и смогло просуществовать столь долгое время (см. главу «Охота»). Однако, по-видимому, с началом новых климатических изменений «давление» человека на популяцию мамонтов в Восточной Европе все-таки стало роковым.

В других районах нашей планеты — Северной Азии и Северной Америке — такое «давление» на мамонтовые стада было менее сильным. Но в совокупности этого оказалось достаточно для значительного сокращения популяции. Она была отеснена в менее благоприятные районы, где в конце концов тысячелетия спустя, при дополнительном воздействии меняющихся природных условий этот своеобразный зверь исчез с лица Земли полностью. А жаль!

Итак, мы знаем, в общем и целом, историю сложения, существования и исчезновения сообщества охотников на мамонтов. А теперь попробуем представить себе повседневную жизнь этих людей. И начнем с их быта, с материальной культуры.

ОГОНЬ

Значение огня в жизни человечества на всех этапах его существования заслуживает отдельного разговора. Вот уже полмиллиона лет, как огонь сделался непременным атрибутом человеческой жизни. В те бесконечно далекие времена его практическое значение было огромным. Огонь — самая надежная защита от хищников. Огонь — источник тепла, давший возможность зажарить мясо, запечь плоды и корни. И, наконец, огонь — немаловажное средство обработки деревянных орудий (и копья, и дубины уже триста тысяч лет назад стали обжигаться для прочности)...

Однако не меньшую роль он играл в деле упрочения чисто человеческих, социальных отношений. *Священный огонь* — символ единства коллектива, источник его силы, своенравный друг и охранитель. Его нужно любить и беречь и быть с ним осторожным, дабы его неистовое могущество не обратилось против самого человека. «Тепло домашнего очага» — как далеко в глубь человеческой истории уходит это понятие! Оно знакомо нам всем, хотя наши жилища давным-давно обогреваются не очагами, а батареями центрального отопления и электроприборами. Но, пожалуй, в еще более глубокую древность уводит та *тяга к огню*, к живому пламени, ко-

торая заставляет современных людей сооружать в своих квартирах камины, гасить электричество и зажигать свечи на праздничном столе, собираться у походных костров.

Ко времени появления верхнепалеолитических племен охотников на мамонтов человечество уже давно знало огонь и в совершенстве владело основными способами его добычи. Судя по этнографическим данным, таких способов было три: «огневой плуг», «огневая пила» и «огневое сверло».

Первый способ самый простой и быстрый, хотя и требует очень больших усилий: по лежащей на земле деревянной дощечке с сильным нажимом водят концом деревянной палочки — как бы «вспахивают». Образуется узкий желобок, а в нем — древесный порошок и тонкая стружка, которая от нагревания при трении начинает тлеть. К ней подсоединяется легко воспламеняющийся трут и раздувается огонь. Этот способ распространен сравнительно мало; чаще всего им пользовались на островах Полинезии (Чарльз Дарвин научился ему у жителей острова Таити). Изредка он применялся австралийцами, тасманийцами, папуасами и некоторыми отсталыми племенами Индии и Центральной Африки, хотя везде здесь предпочтение отдавалось другим способам.

«Огневая пила» имеет много разновидностей, но все они сводятся к одному принципу: мягкий сухой кусок дерева, лежащий на земле, как бы «пилят» поперек волокон куском твердой древесины. Интересно, что австралийцы, довольно часто прибегающие к этому способу, используют в качестве основы деревянный щит, а в качестве пилы — копьеметалку. Далее все происходило так же, как при «вспахивании» (только там работа велась вдоль волокон): образовывался и возгорался древесный порошок. Часто при таком способе в заранее подготовленную щель подкладывался трут. Иногда вместо деревянной дощечки в качестве «пилы» использовался гибкий растительный шнур. Этот способ употреблялся в Австралии, на Новой Гвинее, на Филиппинских ос-

тровах, в Индонезии и в некоторых местах Индии и Западной Африки.

Высверливание — самый распространенный прием добывания огня. Он состоит в следующем. Небольшую дощечку с заранее выдолбленным углублением кладут на землю и зажимают ступнями ног. В углубление вставляется конец твердой палочки, которую начинают быстро вращать между ладонями, с одновременным нажимом вниз. Делается это настолько мастерски, что руки, невольно соскальзывающие вниз, периодически возвращаются в исходное положение, а вращение при этом не прекращается и не замедляется. Через несколько минут из углубления показывается дымок, а затем тлеющий огонек, который и раздувают при помощи трута. Этот способ распространен практически у всех отсталых народов Земли. В усовершенствованном виде к стержню сверлу присоединяется упор, а с боков — ремень, который попеременно тянут за концы, приводя сверло во вращение. Присоединив к концам такого ремня небольшой лук, получим простейший механизм, довольно распространенный в первобытности: лучковое сверло. Далеко не каждый современный человек способен добыть огонь, вращая палочку между ладонями: здесь нужна большая сноровка, даже когда исходные материалы хорошо подобраны. А вот с помощью лучкового сверла это, по-видимому, доступно многим... Попробуйте сами, только помните: дощечка должна быть из мягкой и сухой древесины, а палочка — из твердой.

А как же высекание огня ударами кремня о кремень? Казалось бы, наблюдая за искрами, возникающими при раскалывании кремня, людям было проще додуматься до такого способа получения огня, чем изобретать довольно сложные операции с деревом. Некоторые ученые считают именно так. Б. Ф. Поршневу, например, полагал, что высекание огня, возникшее в процессе изготовления каменных орудий, предшествовало способам получения его трением. Такой же точки зрения придерживался и

английский археолог К. П. Оакли. Однако этнографические данные говорят об ином.

Наиболее отсталые народы в XIX веке повсеместно добывали огонь трением, тогда как высекание огня (особенно ударами кремня о кремень) у них было распространено очень слабо. С другой стороны, народы, стоящие на более высокой ступени развития, добывали огонь преимущественно высеканием (кремнем о железо или железную руду — пирит). Порой они тоже применяли трение — но лишь в ритуальных, культовых целях. Да и опыты показывают, что хотя искра при ударе кремня о кремень образуется постоянно, «превратить» ее в огонь достаточно трудно, тогда как разжигание пламени трением доступно, при известном старании, даже современному человеку.

Не исключено, впрочем, что в некоторых случаях люди действительно вначале научились высекать огонь, и лишь потом стали добывать его трением. По крайней мере, в языке одного из племен южно-американских индейцев термин, обозначающий добывание огня, происходит от слова «высекание ударом». Это явно говорит о какой-то давней (возможно, действительно первоначальной!), а в дальнейшем забытой традиции. Я говорю: «забытой» — потому что и здесь, вплоть до недавнего времени, главным способом добывания огня служило опять-таки трение. Однако это — единственное исключение.

Очаги охотников на мамонтов

Первобытные народы отличаются большим искусством в хранении, поддержании огня. Вот что пишет, например, об австралийцах известный российский этнограф Н. А. Бутинов: «Австралийцы очень искусны в устройстве и поддержании костра, он горит у них ровно, не давая большого и слишком яркого пламени. Они смеются над европейскими колонистами, которые устраивают такие большие костры, что к ним опасно приближаться, а пользы от них ма-

ло, и поддерживать их долго они не умеют. Напротив, у своего маленького костра австралиец спокойно спит всю ночь, и печет, и жарит на нем пищу».

Нет сомнений в том, что этим искусством люди овладели очень давно. Свидетельство тому — остатки кострищ и очагов, находимые археологами. Особенно интересны и разнообразны очаги на поселениях, датирующихся второй половиной верхнего палеолита, прежде всего — на стоянках с долговременными жилищами. Здесь наряду с простыми очагами, представляющими собой чашеобразное углубление, заполненное золой и углем, встречаются гораздо более сложные конструкции. Обкладка очагов камнями применялась издавна; известна она и в некоторых очагах виллендорфско-костенковской культуры охотников на мамонтов (Зарайская стоянка, верхний культурный слой). В других памятниках этой культуры кроме обкладки применялась обмазка глиной. Там же, где изготавливались керамические фигурки животных (Дольни Вестонице, Костенки 1/1), — отдельные очаги с глиняной обмазкой напоминали простейшие печи.

В непосредственной близости ко многим верхнепалеолитическим очагам в земле вырывались небольшие ямки. Часть их использовалась для запекания пищи, другие служили опорами для столбиков (в них иногда встречаются вертикально торчащие кости, заклинивавшие эти столбики). Сейчас мы устанавливаем на таких опорах перекладину, на которую подвешиваем котелок, чтобы вскипятить чай или сварить уху, а тогда они могли служить основой для вертелов, на которых жарилось мясо.

В основании некоторых очагов были выкопаны канавки. Порой такая канавка уходила от очага в сторону. Зачем? Петербургский археолог Павел Иосифович Борисковский, нашедший такой очаг во время раскопок стоянки Костенки 19, существовавшей около 20 тысяч лет назад и тоже оставленной охотниками на мамонтов, предположил, что по такой канавке в очаг поступал воздух, усиливавший процесс горения. Был поставлен эксперимент: вырыты рядом

два очага: с канавкой и без оной. Действительно, в первом из них пламя горело намного лучше.

В романе Олега Микулова «Закон крови» есть такой эпизод: один из охотников приводит домой, к общему очагу, девочку, выросшую среди одичавших людей («лашии»), забывших огонь. Далеко не сразу его сородичи соглашаются допустить чужачку в свою среду:

...— А что делать с лаши? — раздался из темноты чей-то голос.

Девочка, не отходившая от Дрого, конечно, не понимала, да и не интересовалась происходящим. Гораздо больше занимал ее очередной кусок мяса, какой-то странный, непривычный на вкус: это был первый жареный кусок в ее жизни. Еще никогда не бывала она такой сытой, как в этот день, — все ела, и ела, и не могла насытиться. За себя Анга больше не боялась: если бы ее хотели съесть, — не кормили бы.

— Она не лаши; она человек! Найденьши! Пленница! — возмущился Дрого. — Лашии людей не спасают! (Он стерпел, когда Туяя назвала так его спасительницу, но больше ни от кого не потерпит такого!).

— Утром! — сказал вождь. — Разговор на ночь бесполезный...

...Люди разбредались по своим жилищам. Анга, обглодав кость не хуже лиски, хотела было бросить ее в огонь. Дрого едва успел перехватить руку.

— Нельзя! Нельзя! Обидишь Огонь, — всем большая беда будет!

Взяв обглодыш, Дрого швырнул его за спину, в темноту. Увидев его строгое лицо, девочка поспешно закивала: она поняла!

— Дро-га! Ан-га!

— Поняла? Вот и хорошо!..!

¹ Здесь и в дальнейшем научный текст чередуется с избранными страницами романов О. В. Микулова «Закон крови» и «Тропа длиною в жизнь». Художественные тексты набраны в данном издании курсивом. Они дополняют и обогащают книгу увлекательными поэтическими картинками повседневной жизни охотников на мамонтов Русской равнины, составляя самоценный и самостоятельный повествовательный ряд. — *Прим. ред.*

ЖИЛИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ

Некоторые ученые называют жилище «первой линией обороны», возводимой человеком для защиты от неблагоприятных внешних условий (второй такой линией является одежда). Но это — лишь одна сторона вопроса. Не менее важны чисто человеческие, *культурные* особенности этих «укреплений». «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...». У человека есть дом, — место, где он может не только укрыться от непогоды, но где он проводит большую часть своей жизни, в окружении самых близких людей. При всех сложностях, при всех бедах и неурядицах, мы все же обязаны самыми счастливыми часами своему дому! Человек — существо общественное, и не случайно понятие «дом» столь многозначно. Конечно, прежде всего это твое жилье — квартира, изба, особняк. Но порою «домом» может называться и родной город, — помните, герой фильма «Достояние республики» пел:

...Но возвращался, как домой —
В простор меж небом и Невой...

И родной край, родная страна, — их тоже нередко называют «домом». Даже о нашей планете, Земле, мы все чаще говорим, как об общем доме челове-

ства. С чего же все началось? Как люди начали строить себе дома?

Как археологи научились распознавать остатки древних жилищ

Долгое время ученые полагали, что палеолитические люди были исключительно бродячими охотниками, не знавшими ни оседлости, ни долговременных жилищ. Считается, что впервые остатки верхнепалеолитического жилища были открыты и описаны в 1919—1920 годах И. Байером во время раскопок австрийской стоянки Лагманнерсдорф. Если это и так, то ни сам Байер, ни его западно-европейские коллеги не придали открытию серьезного значения. Целенаправленная разработка этой проблемы началась в двадцатые годы трудами отечественных археологов П. П. Ефименко и С. Н. Замятина. Ими была создана новая методика раскопок палеолитических поселений, позволившая раскрыть, увидеть воочию и детально изучить остатки древнейших жилищ и другие объекты.

В чем заключалась ее новизна? Раньше, в течение многих десятилетий, раскопки велись *кессонным методом*: раскоп разбивался на квадратные метры и раскапывался порознь, квадрат за квадратом. Находки на квадрате описывались, зарисовывались на план и сразу же снимались, чтобы копать вглубь. Только после того, как культурные остатки в пределах одного квадратного метра были полностью исчерпаны, археологи приступали к разборке соседнего участка. При такой методике можно было тщательно собрать все находки, детально изучить отложения, в которых они залегали, но нельзя было увидеть общую картину распределения этих находок по площади стоянки.

С. Н. Замятин и П. П. Ефименко впервые стали раскапывать палеолитические поселения *широки-*

ми площадями. При этом вскрывается одновременно значительная часть поселения: по меньшей мере, несколько десятков квадратных метров. На этой площади так же разбивается квадратная сетка, но основные находки: крупные кости, скопления золы и углей, скопления кремней и прочее, — остаются на своих местах в расчищенном виде, чтобы археолог мог наблюдать и изучать их взаимное положение.

В результате таких раскопок, ориентированных на изучение поселения как единого целого, стало возможным увидеть в натуре и детально изучить развалины жилищ и других объектов. В 1927 году С. Н. Замятнин раскопал таким способом на верхнепалеолитической стоянке Гагарино круглую полуземлянку. В конце двадцатых — начале тридцатых годов П. П. Ефименко, анализируя данные некоторых старых раскопок и сопоставляя их с находками жилищ в Лагманнерсдорфе и Гагарино, пришел к выводу, что остатки долговременных зимних жилищ обнаруживались на верхнепалеолитических памятниках и прежде, но не были поняты. В тридцатые годы он и его ученики А. Н. Рогачев и П. И. Борисковский проводят раскопки широкими площадями на ряде многослойных стоянок Костенковско-Борщевского района под Воронежем и открывают там разные типы жилых конструкций. С этого времени становится ясным, что далеко не все люди эпохи палеолита вели бродячий образ жизни. Напротив, для значительной части европейского населения того периода была характерна прочная оседлость. Это в первую очередь относится к охотникам на мамонтов.

Первоначально новая методика раскопок палеолитических памятников применялась только в СССР. В сороковые — пятидесятые годы она постепенно распространяется в странах Центральной, а потом и Западной Европы. Сейчас она широко применяется во всем мире, — разумеется, в значительно усовершенствованном виде.

«Дома» из мамонтовых костей

Остатки древних жилищ известны на многих памятниках, датирующихся сотнями тысяч и даже миллионами лет назад. И далеко не всегда это были примитивные сооружения типа ветровых заслонов. Даже в столь давние времена обнаруживаются весьма любопытные детали как в конструкциях, так и в их взаимном положении. Но подлинный переворот и в строительстве жилищ, и в организации поселений происходит в эпоху верхнего палеолита, начавшуюся примерно 45 тысяч лет назад. Главные достижения в этой области приходятся на вторую ее половину, длившуюся приблизительно с 23—22 до 10—9 тысячелетий до наших дней. И что особенно важно — именно восточно-европейские охотники на мамонтов достигли подлинных вершин в «архитектурно-строительной» деятельности доисторического периода! По-видимому, это связано с серьезными климатическими изменениями, которые происходили тогда на Русской равнине.

23—22 тысячи лет назад — время наступления последнего сильного похолодания в истории нашей Земли. Оно достигло своего пика примерно 20—18 тысяч лет назад. Вся Прибалтика, север Белоруссии, Ленинградская, Псковская, Новгородская области оказались сплошь покрыты льдом и непригодны для обитания. Южнее, на территориях, уже давно обжитых людьми, климат становился все более суровым. Хвойные и смешанные леса, еще недавно произраставшие на обширных пространствах Русской равнины, повсеместно сменялись тундровыми или тундро-степными ландшафтами с редкими островками сосны и березы. На почве нарастала многолетняя мерзлота. По мнению ряда ученых, область этой мерзлоты доходила почти до побережья Черного моря. Конечно, люди, обитавшие 25 тысяч лет назад на берегах Дона и Днепра, Осетра и Клязьмы, были намного выносливее нас. Но в этих суровых условиях и перед ними вставал нелегкий выбор: либо покинуть привычные места, уйти туда, где теплее, либо изме-

нить свой образ жизни, свою культуру так, чтобы жить и здесь, на промерзлых, открытых северным ветрам просторах приледниковой зоны.

Теперь мы знаем: верхнепалеолитическое население Русской равнины ответило на вызов природы и достойно справилось со столь сложной задачей. Конечно, этими людьми двигала не только и не столько «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Приледниковые лесотундра и тундростепь с их обилием трав и кустарников были исключительно благоприятны для обитания многих видов животных, в первую очередь — мамонтов. Дичь тут водилась в изобилии. В съедобных кореньях, грибах, ягодах тоже не было недостатка. Главным врагом являлся холод, достигавший в малоснежные, ветреные зимы 50 градусов по Цельсию. Чтобы нормально жить в такие зимы, людям требовались не только еда и меховая одежда, но прежде всего — теплое и удобное жилье, где эту одежду можно было бы и снять.

До начала этого последнего похолодания на подавляющем большинстве верхнепалеолитических стоянок строились только легкие наземные жилища — типа сибирских чумов или шалашей. Вероятно, их конструкции были разнообразными: ведь и чумы бывают различных типов. Но все остатки таких жилищ, обнаруженные археологами, выглядят одинаково: в центре очаг, а вокруг него — окрашенное охрой и золой пятно более или менее округлых очертаний, с большим количеством осколков костей и кремней — следов хозяйственной деятельности, которую вели обитатели этих жилищ. Иногда отмечаются ямки от жердей, образывавших каркас, вертикально вкопанные кости, заклинивавшие эти жерди, а также камни, вероятно, придавливавшие шкуры, которыми покрывали такие сооружения, и тому подобные детали. Жилища этого типа широко распространены и в Европе, и в Северной Азии, и в других районах на протяжении всего верхнего палеолита, да и в последующие эпохи.

Вот как выглядел подобный поселок в глазах мальчика Нагу — героя романа «Тропа длиною в

жизнь» — попавшего сюда из иного племени и не по своей воле:

...Небольшие островерхие хижины, покрытые шкурами, запорошенные снегом, ютились на склоне мыса, полукругом прижимаясь к низкорослому ельнику. Впереди за деревьями угадывались такие же жилища. Дымили два-три наружных костра, — очевидно, общие очаги; дымки вились и из отверстий в вершинах кровель. Если обернуться, — те же заснеженные пространства, то же низкое, серое небо. Все — как и везде, но поселок — иной. Хижины казались жалкими, убогими по сравнению с добротными полуземлянками родного стойбища. Вот это, перед входом в которое его оставили, должно быть, принадлежит их вождю, — а на вид ничуть не лучше остальных! Да и общие очаги какие-то маленькие, неказистые... Прав отец: они, дети Тигрольва, самые умелые, самые могучие...

Жилища типа чумов, подобные описанным здесь, строились в Восточной Европе повсеместно накануне последнего похолодания. Но начиная примерно с 24—22 тысяч лет назад на стоянках приледниковой зоны наряду с ними начинают строиться дома куда более сложных конструкций. Археологи выделяют несколько различных типов таких домов, которые названы, как правило, по именам стоянок, где жилища соответствующих типов были впервые открыты и наиболее хорошо изучены. Познакомимся теперь с главными из них.

Жилища александровско-тельманского типа

Эти жилища, в общем, похожи на те, что были описаны выше. Они округлые в плане, диаметром около 6 метров, с очагом в центре. Однако пол их был несколько углублен в землю; в нем вырыто много небольших ям для хранения различных предметов. Более сложную конструкцию имели и очаги: они

также углублены в землю, а вокруг них имелись пекарные ямки для приготовления (запекания) пищи. По краям таких жилищ археологи часто обнаруживают камни и крупные кости мамонта, служившие для укрепления основания каркаса и покрывавших его шкур. Остатки подобных жилищ найдены в современной Воронежской области на стоянках Костенки 4/1, Костенки 8/1, а также в Мальте (Сибирь) и на ряде других памятников.

*«Длинный дом» —
жилище александровско-пушкаревского типа*

Это вытянутые сооружения, длиной 20—35 метров, шириной 5—6 метров, с углубленным полом и рядом очагов по центральной линии. В пределах таких жилищ, как правило, отчетливо выделяются их отдельные секции. В земляном полу вырывались небольшие ямки для хранения краски и разных предметов, а у очагов — ямки для запекания пищи. Кровля была двускатной: об этом говорит то обстоятельство, что ближе к обоим краям окрашенность слоя и количество находок резко сокращается: при низкой двускатной крыше, опиравшейся на землю, вдоль стен, естественно, образовывались труднодоступные пространства. Остатки таких домов обнаружены в нижнем слое Костенок 4, на Пушкаревской стоянке (бассейн Десны), на стоянке Вроновицы (Среднее Приднестровье).

Как появились эти новые типы жилищ в центре Русской равнины? По крайней мере, для некоторых из отмеченных выше поселений есть основания ду-

¹ «Местным» — вовсе не означает «живущим тысячелетия на одном и том же месте». В течение 5—10 тыс. лет носители тех или иных культурных традиций зачастую перемещались в пределах сотен километров. Они совершали это неоднократно, возвращаясь в дальнейшем на одно и то же место. Такие «естественные» подвижки, во многом обусловленные особенностями жизни охотников, следует отличать от миграций — массового переселения значительной группы людей в определенном направлении, на значительные расстояния и, как правило, без возврата. — *Прим. авт.*

мать, что они были оставлены местным населением¹, которое, по мере сил, приспособлялось к жизни в изменяющихся природных условиях. Но, помимо того, здесь сыграло роль уже описанное мною выше важное историческое событие — появление здесь, на Русской равнине, переселенцев из Центральной Европы, с берегов Дуная (см. главу «Как и почему?»). Это случилось именно тогда, примерно 23—22 тысячи лет назад. Приход виллендорфского и павловского населения оказал огромное влияние на исторические судьбы и облик местных культур.

Вся жизнь этих людей была теснейшим образом связана с мамонтами. Когда, с наступлением последнего оледенения, стада их начали откочевывать на восток, в более благоприятные природные условия, охотники, в свою очередь, неизбежно перемещались вслед за основным источником своего жизнеобеспечения. Так они постепенно достигли берегов Днепра и Дона... Культура, созданная этим населением, оказалась исключительно высокой во многих отношениях. О ней мы будем говорить неоднократно. Но прежде всего познакомимся с организацией их поселений.

«Жилые комплексы» костенковско-авдеевского типа

Это, пожалуй, самый сложный жилой объект верхнепалеолитической эпохи. Остатки такого «жилого комплекса», наблюдаемые археологами в ходе раскопок, представляют собой большое овальное углубление длиной свыше 30 метров и 8 метров в ширину. По его центральной линии располагалась цепь очагов сложной конструкции. Каждый очаг был углублен в землю на 40 сантиметров и имел около 1—1,2 метра в диаметре. По краям овала располагались небольшие ямы-землянки грушевидных в плане очертаний и до 1 метра глубиной, а также округлые ямы-хранилища такой же глубины и до 1,5 метров в диаметре.

Землянки имели сложное перекрытие, сооруженное из крупных костей мамонта, подобранных

определенным образом. Около узкого входа, ведущего вглубь апарелью, а иногда и ступеньками, обычно вкапывались черепа мамонтов и устанавливались плоские кости — лопатки и тазовые. Кровля была, как правило, куполообразной: она сооружалась из переплетенных бивней. Очевидно, перекрывались и расположенные рядом округлые ямы-кладовые, в которых хранились запасы мяса и костей мамонта. Последние представляли собой строительный материал и сырье для различных поделок. В некоторых случаях обитатели землянок «расширяли жилплощадь»: соединяли основную камеру с ямой-кладовой и получали таким образом двухкомнатную квартиру.

На всем внутреннем пространстве этого большого овала, в области, прилегающей к очагам, пол был изрыт ямками, самыми разнообразными по величине, глубине и очертаниям. Они выполняли ту же роль, что наши шкафы, ящики и полки: люди хранили в этих углублениях свои вещи. В некоторых из них археологи находят «клады» кремневых пластин, в других — костяные орудия, в третьих — фигурки зверей или женские статуэтки. Встречаются и ямки, заполненные красной краской — охрой. Этих ямок-хранилищ так много, что становится совершенно очевидно: они не могли использоваться одновременно. Будь это так, людям было бы просто некуда ступить в своем жилище! Поэтому большинство их было заброшено — засыпано землей — еще в ходе эксплуатации жилья.

Судя по находкам, основная жизнь на таких поселениях протекала в центральной части, около очагов. Ученые спорят до сих пор: был ли здесь наземный «длинный дом», — вроде тех, которые были открыты в Пушкарях и на Александровской стоянке? П. П. Ефименко, впервые раскопавший и изучивший в тридцатые годы один из жилых комплексов этого типа, не только верил в существование здесь «длинного дома», но и полагал, что его размеры были очень велики, включали в себя и краевые ямы, и землянки. Другие археологи считают это маловероят-

ным и интерпретируют как строение лишь центральную часть овала, прилегающую к очагам. Третьи же допускают, что очаги в поселках такого типа горели под открытым небом.

В землянках очаги не горели: там люди обогревались горячим костным углем, рассыпанным по полу. Очевидно, сверху этот уголь покрывался шкурами. Спать на таких «грелках» было тепло даже в самую лютую стужу. Кстати, подобный прием хорошо известен опытным сибирским охотникам: готовясь к зимнему ночлегу, человек разворачивает догоревшее, но не остывшее кострище, покрывает его оленьей шкурой или куском брезента, — и ночлег готов! Конечно, маленькие и тесные землянки предназначались, главным образом, для сна в суровые зимние ночи. Однако в них и трудились: обрабатывали кость, изготавливали из нее орудия и поделки (об этом свидетельствуют находки на полу этих жилищ), вероятно, шили одежду. Читатель может удивиться: «Как так? Ведь там же стояла крошечная тьма!» Однако у людей эпохи верхнего палеолита были свои светильники: жировые лампы, сделанные из головок бедренных костей мамонта. Внутренняя, пористая часть такой головки пропитывалась жиром и зажигалась. Лампы указанного типа — правда, не костяные, а каменные или керамические, известны у северных народов, например у эскимосов.

Вот как описываются такие полуземлянки в романе «Тропа длиною в жизнь»:

...Нагу словно прорвало! Он рассказывал о своем родном стойбище, о том, какие храбрые и умелые их мужчины, — сыновья Тигрольва. А его отец и старшие братья, — самые храбрые; отец — лучший охотник их Рода. Им даже Ледяные Лисицы завидуют: у тех-то нет такого охотника! И жилища сыновья Тигрольва делают по-другому: они и просторнее, и зимой теплее...

— Сперва такую большую-большую яму выроят, — костяными мотыгами, вроде ваших. Потом

пол заровняют, стены плетняком укрепят, — знаешь? — из прутьев. И шкурами. А кровлю мы не только из жердей делаем, как вы; мы ее мамонтовыми костями укрепляем! Если кто один живет, или вдвоем, — так он вообще, — поглубже зароется, а сверху бивнями перекроет яму. Ну, и шкуры, конечно. Мы и на пол шкуры кладем, а под них зимой уголь рассыплем, — и тепло-тепло! Не то, что у вас...

Сказал — и осекся. Тоже мне, — хорош мужчина, сын Тигрольва! Хозяйский кров порочить!..

А вот отрывок из воспоминаний героя романа о своем раннем детстве:

Ночь. Конец осени или, быть может, уже зима: холодно. Но это там, снаружи, а здесь, в самой глубине жилища, в мешке из шкур уютно и тепло. Тепло исходит от пола: под шкурами рассыпаны горячие угли. И материнский голос напевает тихо-тихо, так, что слышно только ему:

Олла-олла, элла-ла,
Я тебя с собой взяла
На небесный на лужок...

Неподалеку о чем-то бубнят две главные матери: старшие жены отца. Наверное, шьют одежду; может, украшения нанизывают. У добродушной Силуты это ловко получается, он любит смотреть, как под ее тонкими пальцами, вооруженными маленьким кремневым резчиком, возникают из бивневой пластины малюсенькие бусины, как постепенно наполняется замшевый мешочек. Она, бывало, встряхнет мешочек, улыбнется притихшему рядом малышу и спросит: «Ну что, Лисенок, как думаешь, — тебе на рубаишку хватит?» И он, обрадованный ласке, кивает, кивает изо всех сил, и тоже улыбается в ответ...

— Эй, ты, вой потише! Из-за тебя я и саму себя не слышу!

Он, почти уснувший, вздрагивает от визгливого голоса. Койра! Главная жена отца. Ненавистная...

Материнское лицо склоняется совсем низко, но пение продолжается. Не пение, — почти шепот, обволакивает его, возвращает в сон...

На небесный луг вдвоем
Мы с тобой тогда уйдем...

Свернувшись лисенком, он спит, он уже там, среди звездных следков пробирается к небесной троне, ведущей в Верхний Мир. Он спит. Он не слышит, не хочет слышать...

В верхнем культурном слое стоянки Костенки 1, где был впервые открыт жилой комплекс костенковско-авдеевского типа, обнаружено еще несколько таких сложных объектов. Еще, по меньшей мере, два подобных комплекса найдено на стоянке Авдеево под Курском. Известны такие сооружения и на Зарайской стоянке под Москвой — кстати, той самой, что была родным стойбищем главного героя романа «Тропа длиною в жизнь». Однако там они расположены не рядом, а одно над другим, более древним. Таким образом, это были крупные, сложно организованные, долговременные поселения, существовавшие, вероятно, не один десяток лет. Их радиоуглеродный возраст приблизительно 23—21 тысячи лет назад.

Исследователь Зарайской палеолитической стоянки, московский археолог Х. А. Амирханов, ныне доказал, что люди виллендорфско-костенковской культуры, пришедшие на берега Осетра (приток Оки) около 22 тысяч лет назад, затем не покидали этих мест в течение тысячелетий. В верхнем культурном слое Зарайской стоянки, датированном по радиоуглероду в пределах 17—16 тысяч лет назад, находят те же формы орудий и украшений, что в самом нижнем.

А вот в бассейнах Среднего Дона, Днепра и Десны ситуация была иной. Около 20 тысяч лет назад здесь, в центре Русской равнины, вновь произошла резкая смена культурных традиций, в том числе и традиций домостроительства. По-видимому, это связано с при-

ходом сюда нового населения. Однако мамонт играл в жизни пришельцев не меньшую роль, чем у их предшественников.

Жилища и поселки аносовско-мезинского типа

Жилища нового типа, появившиеся на Русской равнине около 20 тысяч лет назад, также сооружались из крупных костей мамонта. Это округлые наземные дома, от 6 до 9 метров в диаметре. Их развалины, расчищенные археологами в раскопах, представляют собой нагромождения сотен целых костей: трубчатых, тазовых, лопаток, черепов, нижних челюстей и проч. Эти кости, использованные на строительство дома, принадлежали десяткам особей мамонтов. Все они располагались в определенном порядке, симметрично, а порой даже удивительно красиво. Особенно впечатляют «елочки», выложенные из нижних челюстей мамонтов, поставленных одна на другую, зубами вниз.

Такие жилища обычно окружались несколькими ямами-кладовыми, в которые также складывали крупные кости мамонта. Конструкции настолько выразительны, что на трех памятниках (Костенки 11 на Среднем Дону, Юдиново в Брянской области, Добраничівка на Украине) их решено было сохранять в расчищенном виде в специальных павильонах-музеях. А в Зоологическом музее г. Киева ныне выставлены реконструкции двух таких домов, найденных на Мезинской стоянке. Они выполнены в натуральную величину из реставрированных костей.

Жилища располагались на поселениях в определенном порядке: обычно по кругу, в пределах которого люди занимались своими повседневными делами — кололи кремень, изготавливали из него орудия, разводили в очагах огонь, готовили пищу и т. д. Поселки такого типа существовали в приледниковой зоне Восточной Европы приблизительно до 14 тысяч лет назад. Они исчезли вместе с исчезновением мамонта, охота на которого являлась поис-

тине основой жизни этого населения. Мамонт обеспечивал людям все: и пищу, и сырье, и строительный материал, и топливо.

Палеолитическая рок-группа «Мезин»?

Археологов давно приводит в смущение одна особенность жилищ аносовско-мезинского типа: их удивительно «чистый» пол! В отличие от иных жилищ, пол которых весьма и весьма насыщен культурными остатками, здесь, в пределах кольцевого нагромождения крупных костей, находок сравнительно немного. Быть может, люди, соорудившие такие дома, были очень опрятными? Или... может, это совсем не жилье, или «не вполне» жилье?..

Подобные предположения действительно высказывались, хотя сегодня они не разделяются подавляющим большинством специалистов. Так, по мнению украинского археолога Н. Л. Корниец, посвятившей много лет раскопкам стоянки Межирич, описанные скопления костей являлись не бытовыми, а культовыми конструкциями. Они никогда не имели ни стен, ни кровли — так и были положены кучей на землю. Действительно, этнографам хорошо известно эскимосское святилище из черепов и челюстных костей гренландского кита на острове Ыттыгран (пролив Сенявина) — так называемая «Китовая аллея». Но сооружение это уникально и ни в малейшей степени не похоже на округлые скопления мамонтовых костей на палеолитических стоянках. Кроме того, и в эскимосской культуре китовые кости широко использовались при сооружении жилищ, могил, ям для хранения мяса и проч.

Интересную гипотезу высказал другой украинский археолог, С. Н. Бибииков. Он не отрицал того, что округлые кучи костей мамонта — это развалины древних домов. Но на полу жилища № 1 Мезинской стоянки найдены при раскопках крупные кости мамонта, на поверхности которых был красной краской нанесен орнамент (бедро, лопатка, фрагмент та-

за, две челюсти и обломок черепа). С. Н. Бибилов предположил, что раскрашенные кости мамонта являлись своего рода ударными музыкальными инструментами. Подтверждение этой своей трактовки он видел в результатах анализа следов изношенности на поверхности костей. Фирма «Мелодия» даже выпустила пластинку, на которой музыкант-ударник В. И. Колокольников воспроизвел гипотетическое звучание мезинского комплекса костей мамонта!.. Если так, то можно допустить: этот дом использовался не как жилье, а с идеологическими целями — как своего рода «клуб»!

Отметим особо: столь разнообразные и выразительные архитектурные сооружения, столь обширные и сложно организованные «доисторические» поселения были распространены *только в центральной части Восточной Европы, заселенной охотниками на мамонтов и только в определенный период* — во второй половине эпохи верхнего палеолита. В других местах Земного Шара на стоянках этого времени обычно обнаруживаются следы более простых наземных жилищ. В горных же районах люди в этот период по-прежнему продолжали селиться в пещерах и гротах. Вероятно, искусственные «пещеры» — дома из костей мамонта — производили на иноплеменников сильнейшее впечатление:

...Стойбище детей Сизой Горлицы состояло из нескольких больших жилищ, расположившихся в ряд по левому склону неглубокой, но длинной балки, у выхода ее в речную долину. Эти жилища! Во время своих странствий Аймику уже приходилось видеть подобные, — издали, но даже издали они вызывали удивление. Теперь же, впервые рассмотрев их, как следует, со всех сторон, Аймик искренне восхищался детьми Сизой Горлицы. Конечно, и они, дети Тигрольва, используют мамонтячьи кости при строительстве своих жилищ; пожалуй, даже более уютных, чем эти. Но такого количества костей, так тщательно подобранных одна к одной, соединенных в огромный холмовидный каркас, прежде не до-

водилось встречать! Аймик медленно обходил одно из них, взглядываясь в детали этого удивительного строения.

Основание каркаса образовывала земляная насыпь, припорошенная снегом. Было понятно, что она прикрывала расставленные на затылки черепа мамонтов: из-под земли и снега торчали бивневые пазухи. Некоторые — с бивнями, установленными так, что бивни эти естественно входили в общий каркас. В другие пазухи были воткнуты жерди. Над черепами по всему обводу жилище опоясывал ряд красиво уложенных лопаток мамонта; выше — отдельные бивни и множество рогов северного оленя. Кости эти придавливали собой толстые шкуры мамонта. Даже сквозь снег было заметно, что все это сооружение дополнительно укреплено земляной подсыпкой.

Медленно обходя вокруг этого сооружения, Аймик шевелил губами и загибал пальцы, считая шаги. Ого! Три раза по две руки, и еще...

— Любуешься? — Хайюрр весело, и, пожалуй, слегка покровительственно хлопнул Аймика по плечу.

— Да-а! И как это все не рухнет?

— Не бойся, не рухнет, — коротко хохотнул Хайюрр. — Дети Сизой Горлицы строить умеют!

Он явно гордился этим умением.

— Вот тут тебя и устроим, пока с нами жить будешь. На месте брата.

Вход, обращенный к реке, образовывали два бивня. Их тонкие концы в верхней части были соединены в общую дугу куском полой трубчатой кости. Оленья шкура, прикрывавшая вход, была наполовину приспущена, и внутрь проникал дневной свет, — вместе с холодом. Аймик заглянул с порога (удивительно! Войти можно, даже не пригибаясь). Стало понятнее, что удерживает всю эту сложную и тяжелую конструкцию: внутренний каркас из жердей... Глаза, постепенно привыкающие к полумраку, различали лежанки, шкуры, какие-то вещи... Одежду, оружие... В центральной части дымились два очага, почти погасшие. Аймик отметил про себя, что жилище как

бы разделено на две неравные части, — только не понять, какая из них мужская, какая женская (Ах, да! Хайюрр что-то говорил такое...). И еще отметил: внутри свежо и холодно.

— Что, боишься, замерзнем? — угадал Хайюрр. — Не бойся, к ночи тепло будет. Вы с Атой третий очаг затеплите; нагреем, надышим...

ОДЕЖДА И ОБУВЬ. УКРАШЕНИЯ

Для чего людям нужна одежда? Ответ напрашивается сам собой: для тепла! Однако он верен лишь отчасти. Конечно, мы, современные люди, европейцы, без одежды просто не выживем. Мы не сможем обойтись без нее ни в умеренном климате, ни в жарком. Но в то же время известно, что люди иных культур — такие же люди, как мы с вами, только стоящие «ближе к природе», — вполне могли ходить нагими или почти нагими. Это имело место не в одной экваториальной Африке. К примеру, австралийцы и огнеземельцы жили отнюдь не в тропических и даже не в субтропических условиях. Однако до прихода европейцев коренное население Австралии почти вовсе не знало никакой одежды. Лишь на востоке этого континента люди имели обычай прикрывать свое тело плащом из шкур опоссума. На остальной же его территории для защиты от холода употреблялась не одежда, а жир, которым обмазывали тело. В ночи, когда температура опускалась ниже нуля, люди спали у костров — и зачастую просыпались наутро с кожей, покрытой инеем. Вот почему некоторые ученые считали, что настоящая одежда — скроенная и сшитая — появилась очень поздно. Однако факты, добытые археологами в прошлом столетии, говорят нам прямо противоположное.

Что касается интересующих нас племен охотников на мамонтов, то тут ясно: климат, в котором они обитали, был очень суров, даже по сравнению с австралийским. Просторы Восточной Европы того периода представляли собой приполярную тундру. Тут уж совсем без одежды не обойтись... Но, быть может, охотники довольствовались кусками звериных шкур — кое-как скроенными и наброшенными прямо на голое тело?.. Именно так изобразил их на своем панно известный художник В. М. Васнецов. Однако археологические данные убеждают: *одежда людей эпохи верхнего палеолита была совершенно иной!* Но прежде чем приступить к рассмотрению конкретных археологических свидетельств, необходимо хотя бы несколько слов сказать о другой ипостаси человеческой одежды. Быть может, не менее важной, чем ее прямое предназначение — согреть наше тело.

Конечно, чисто практическое значение одежды огромно. Без этого изобретения люди, сколь бы выносливы они ни были, не смогли бы освоить северные широты, да и во время оледенений ареал их обитания неизбежно должен был сократиться. Но не менее важна другая, *культурная* функция одежды, очень хорошо знакомая каждому из нас. Ведь и в нашем обществе всякого человека, если и «провожают по уму», то встречают все-таки «по одежке». Действительно, в одежде отражаются не только и не столько личные вкусы, а прежде всего — принадлежность того, кто ее носит, к определенной социальной группе.

В этой связи сразу же вспоминаются национальные костюмы, однако и люди одной национальности никогда не одевались одинаково. Одежда русских крестьян резко отличалась от той, что носили фабричные люди; купечество одевалось совсем не так, как дворянство. В действительности, одежда всегда выражала и выражает гораздо более сложные и тонкие связи и отношения. Порой она целенаправленно подчеркивает принадлежность человека определенной группе — будь то военная форма, облачение

священнослужителя, строгий костюм служащего крупной фирмы или даже «униформа» рокера или панка.

Костюм «выдает» ту социальную среду, к которой принадлежит его владелец, — хотя сознательно подобная цель может и не ставиться. Тем не менее молодежь всегда одевается иначе, чем люди пожилого возраста; чиновники не так, как художники или журналисты и т.д. Да, здесь нет никаких жестких правил. Порой мы и сами не можем сказать, в чем, собственно, состоит разница? Однако почти всегда мы ощущаем какую-то фальшь, если человек одет «не в свое», выглядит не так, как ему «положено». Разумеется, дело не в одной лишь одежде и обуви, дело также в манере поведения, во всем внешнем облике, — от прически и украшений до наручных часов и зажигалки. Недаром в свое время у нас появилась поговорка: «по одежке протягивай ножки»... Удачно «обмануть» собеседника в этом смысле может лишь профессиональный разведчик или просто хороший актер (не обязательно профессиональный!).

В архаических обществах «язык» одежды куда более богат и многообразен. Он еще теснее связан с украшениями, татуировкой, раскраской тела. В этом отношении показателен пример тех же австралийских аборигенов. При отсутствии одежды украшения австралийцев были весьма разнообразными: различные повязки, ожерелья, браслеты. Их обычно надевали на племенных праздниках и во время религиозных церемоний. В таких случаях широко применялась раскраска тела, а также приклеивание пуха — кровью или другими клейкими веществами.

Целью всех этих манипуляций было, в первую очередь, отделить «своих» от «чужих». Отдельные детали могли связываться с особыми событиями в жизни человека или всего социума (вспомните боевую раскраску индейцев!). Надеть «не свое» было просто невыносимо. Человеку, решившемуся на такое, грозило не просто попасть в неловкое, смешное положение.

ние. Такой человек рисковал очень многим, быть может, самой своей жизнью.

В какой-то мере это сохраняется и в нашем обществе, в наши дни. Я не позавидую тому, кто решится, не имея на то «прав», нанести на свое тело «высшие знаки» принадлежности к миру «воров в законе».

Стоит отметить еще одну особенность «языка» одежды и украшений, принятого в архаических обществах. Там он куда более «строг», чем в современной культуре. Наколки и рубцы на теле, раскраска, — каждый знак, каждый элемент украшений, покрой и детали одежды — все имело свой определенный смысл. К примеру, татуировка наносилась на тело по мере того, как подросток проходил специальный обряд посвящения, становился полноправным членом коллектива (об этом мы еще будем говорить). Подросток, прошедший посвящение, ставший мужчиной, получал вместе с новым общественным статусом и новые одежды:

...Послышались приближающиеся шаги. Откинулась оленья шкура, впуская в полумрак Потаенного дома радостное летнее утро, и голос вождя торжественно произнес:

— Мужчины! Возьмите ваши одежды!

Парадные наряды охотников: длинные рубахи с рукавами, штаны, доходящие до щиколоток, почти невесомые мокасины, — все из тонкой оленьей замши, — были скроены и сшиты руками их матерей. Дрого хорошо помнил, как долгими зимними ночами он лежал под теплой медвежьей шкурой (не того, страшного вурра, а обычного лесного сладкоежки), наблюдая, как его мать при свете костра аккуратно нашивает на его будущий наряд, одну к одной, бивневые бусины, постепенно сплетающиеся в причудливый узор. Впрочем, то был другой наряд, не этот. Еще зимой мать, прикинув на мальчишка совсем готовую рубаху, огорченно всплеснула руками: «Как ты вырос, Нагу! А ведь шила с запасом...» Тогда он даже испугался: «Что же теперь делать?» А мать только засмеялась: «Что делать?»

Новую шить!» — «Но эта — такая красивая!» — «Не бойся, вторая будет не хуже. А эта... Может быть, еще пригодится» — и лукаво посмотрела на сына. Знала, конечно, с кем он прятался во время осенних свадеб...

Да, новый костюм был ничуть не хуже старого! Но сейчас, радостный и гордый, любуясь и наслаждаясь материнским рукоделием, завязывая ремешки своей новой обуви, также богато украшенной костяными нашивками, подпоясывая рубаху кожаным поясом и скрепляя его костяной заколкой, стягивая свои волосы в пучок и закрепляя его кольцом из слоновой кости, он не переставал в то же время терзаться сомнениями: спросить, или нет? Ведь Мал, — это не Хайси-несмышленьиш. Да и сам он теперь — взрослый охотник, полноправный член общины и Рода... Но когда на лоб Дрого легла последняя деталь наряда: бивневая диадема, и он, почти решившись, посмотрел на отца, — в глазах вождя явственно читалось однажды виденное предостережение. Дрого понял: не сейчас!..

А вот как описан эпизод прихода «чужака» к людям другого рода и его впечатления от общения с ними («люди Ворона», о которых говорится здесь — это обитатели Причерноморских степей, современники охотников на мамонтов, живших севернее; с севера, из района современного Подмосковья, и приходит к ним Аймик, главный герой романа):

...Кто кому больше дивился первое время: он им, степнякам, или они — ему, пришельцу с Севера? Девчонки первое время прыскали в кулак и краснели, глядя на его бороду (Аймик быстро понял: мужская растительность на лице здесь считается чем-то... неприличным, что ли, но все же оголять свой подбородок не стал. В конце концов, он не степняк!) И мужчины, и женщины с превеликим интересом оглядывали его одежду, цокали языками при виде многочисленных костяных нашивок, образующих Родовой Узор детей Тигрольва (малица, извлеченная из за-

плечника и торжественно развернутая в доме Кайта, вызвала настоящий восторг). Женские и детские пальцы осторожно касались бивневого браслета (дар Хайюрра оправляющемуся от раны воину), пробегали по ожерелью из клыков песка (один из амулетов Рода Тигрольва). Аймик не противился, стараясь укрыть от любопытных глаз и прикосновений лишь тот свой оберег, что был когда-то сделан руками Армера, могучего колдуна детей Волка, и надет на шею Нагу-Волчонка, сумевшего победить страшного единорога...

Люди Ворона костяных украшений и амулетов почти не знали; редко на чьей шее можно было заметить одинокий просверленный зуб на кожаном ремешке. Зато их женщины сплетали из бизоньей шерсти в сочетании с кожей такие искусные, такие причудливые вещи, подобных которым Аймик не видел никогда прежде, — ни в своей родной общине, ни у детей Волка, ни у детей Сизой Горлицы. Долгими зимними вечерами они рукодельничали при свете очагов, разговаривая, перешучиваясь друг с другом и с мужьями, или напевая песенки, рассказывая сказки собравшимся вокруг детишкам... В эту первую зиму Аймик получил в подарок от хозяйской дочки и красивый кожаный пояс с накладным узором из кусочков раскрашенной, более тонкой кожи, отороченный кисточками из шерсти, и роскошный мужской плащ — традиционное одеяние сыновей Ворона (сколько было смеха при виде его неуклюжих попыток обернуть этот плащ вокруг тела по здешнему обычаю!). И новые напоясные мешочки она сплела для него, и мокасины сшила... Вот только шапочку, украшенную вороновыми перьями, не смастерила: чтобы такую носить, нужно самому стать сыном Ворона...

Как археологи узнают о древней одежде?

Органические вещества, такие, как кожа, меха и ткани, сохраняются в земле лишь в исключительных случаях. Причем в интересующих нас стоянках охот-

ников на мамонтов ни одного подобного случая не зафиксировано. И все же о том, как одевались эти люди, мы знаем не так уж мало (хотя и не так много, как хотелось бы знать). В этом помогают следующие виды источников:

Каменные и костяные орудия труда. В назначении костяных шильев и иголок сомневаться не приходится. Каменные и костяные пряслица определяют по сходству с подобными деталями инструментов, известных этнографам. А способы применения каменных орудий для выделки шкур устанавливаются учеными по следам изношенности от работы, остающимся на их поверхности.

Наскальные рисунки, гравюры, скульптура. На некоторых наскальных рисунках, гравировках на кости, фигурках, вырезанных из бивня, мягкого камня или выполненных из обожженной глины, изображающих людей, прослеживаются не только интересные детали одежды, но и украшения и прически. Для нас это тем более важно, что такого рода скульптуры, изображающие женщин — так называемые «палеолитические вены» — характерны для одной из культур охотников на мамонтов.

Погребения. Разумеется, в погребениях эпохи верхнего палеолита, неолита и бронзы сама одежда не сохранилась. Однако о ней иногда дают хорошее представление разнообразные нашивки, расчищенные археологами в том самом положении, в котором они были закреплены на истлевших одеяниях.

Верхняя одежда

Неоценимую помощь в восстановлении древней одежды оказали многочисленные и разнообразные украшения, появляющиеся уже в самых ранних памятниках верхнепалеолитической эпохи, датирующихся временем 40—30 тысяч лет назад. Это различные бусы, пронизки, подвески и нашивки, выполненные чаще из костей и бивня, реже из камня, раковин и янтаря. Самые простые из них — зубы

различных животных: песка, медведя, оленя и проч., с прорезанным у корня или просверленным отверстием. Имеются и более сложные формы: округлые, овальные, продолговатые, подквадратные и другие, специально вырезанные мастером.

Иногда такие подвески имитируют зубы животных, иногда в них можно предполагать схематическое изображение головы зверя, человека или частей его тела. Часть их носилась как бусы или ожерелье (иногда — с «кулоном» в центре), а часть нашивалась на саму одежду. Порой такие нашивки покрывали сплошь, сверху донизу, все одеяние, — наподобие того, как расшивают бисером свои малицы, рубахи, штаны и обувь народы Севера. В тех счастливых случаях, когда археологи находят останки палеолитического человека, погребенного в таком облачении, они могут восстановить по сохранившимся нашивкам детали его одежды с очень большой точностью.

Одним из наиболее ярких примеров такого рода являются *Сунгирские погребения*. В 1964 и 1969 годах на верхнепалеолитической стоянке Сунгирь (окраина г. Владимира), московский археолог О. Н. Бадер раскопал два очень богатых погребения. В одном из них был похоронен взрослый мужчина, а в другом, головами друг к другу, двое детей — мальчик 12—13 лет и девочка 7—8 лет. В погребении, открытом в 1964 году, обнаружен скелет взрослого мужчины 55—65 лет. На его груди была сверленная подвеска из каменной гальки, на руках свыше 20 браслетов из тонких бивневых пластин. От черепа до стоп он был буквально осыпан бивневыми бусинами: их собрано около трех с половиной тысяч. Бусины нашивались на одежду в определенном порядке. По их положению ученые сделали вывод, что на погребенном мужчине была кожаная или замшевая рубаха типа малицы: без разреза спереди, надевавшаяся через голову, а также длинные кожаные штаны и сшитая с ними кожаная обувь типа мокасин. На ногах под коленями и щиколотками находились перевязи, на которые были нанизаны клыки песка. На руках было

надето множество браслетов — бусинных и пластинчатых. Головной убор, также расшитый бусинками и клыками песца, напоминал скорее шапку, чем капюшон. Имелся также короткий плащ, расшитый более крупными бусами.

Двойное погребение подростков — девочки и мальчика — сопровождал исключительно обильный погребальный инвентарь: бивневые копья, дротики и некоторые другие предметы. Судя по расположению бус (их здесь собрано до семи с половиной тысяч), одежда у детей была, в общем, того же типа, что и у взрослого мужчины, но отличалась некоторыми деталями. Так, расшивка шапки у мальчика оказалась богаче, а на девочке был скорее капюшон или капор и налобная повязка. Их обувь не такая короткая: что-то вроде меховых сапог или унтов. Одинакового типа малицы были расшиты по-разному, причем у мальчика сзади к одежде крепилась имитация хвоста из нанизанных бус, а на девочке, вероятно, был пояс, густо обшитый песцовыми клыками, со своеобразными застежками из бивня мамонта. Верхние концы плащей скреплялись костяными заколками под подбородком. Руки обоих детей украшали пластинчатые и бусинные браслеты, а пальцы — бивневые перстни. На груди девочки находился прорезной диск из бивня, а на груди мальчика — плоская фигурка лошади и под левым плечом — более крупное изображение мамонта.

Сунгирские погребения дали нам очень редкую возможность детально реконструировать одежду, которую носили наши земляки 23 тысячи лет назад — такого порядка датировки были получены по радиоуглероду из костей погребенных. Очевидно, такие костюмы, напоминающие традиционную одежду народов Севера, были характерны для приледниковой зоны с ее суровым климатом. О том же говорят нам статуэтки из бивня мамонта, найденные на сибирских стоянках Мальта и Буреть, где люди жили немного позднее — 20—22 тысячи лет назад. Эти фигурки тоже изображают людей в меховой одежде, похожей на якутскую малицу, с рукавами и капюшоном.

Головные уборы

Выше уже говорилось о зимних меховых капюшонах, плотно облежавших голову и составлявших одно целое с такой же меховой курткой. Имеются сведения и о шапочках, также украшавшихся разными нашивками. Так, в пещере Грот-дю-Кавийон (Франция) был найден скелет мужчины, голову которого украшал, по-видимому, довольно сложный головной убор, орнаментированный сотнями раковин моллюсков, и своеобразная «корона» из оленьих зубов. В Костенках на одной из стоянок было открыто погребение мальчика 5—7 лет. Могильная яма изначально не была засыпана землей, а только прикрыта сверху лопаткой мамонта. Умершего ребенка в ней не положили, а посадили на «подушку» из глины. Во что его одели для погребения, мы не знаем, но можем сказать совершенно точно, что на голове у него была шапочка, сплошь расшитая просверленными клыками песца. Потом нитки сгнили, и бусы одна за другой стали падать вниз, на колени погребенному. Наконец подгнила сама лопатка мамонта, служившая «крышей» могилы. Она рухнула вниз, — и сбитая ею голова покатила в противоположный конец склепа, теряя по пути оставшиеся нашивки...

Через 27 или 28 тысяч лет после этих событий погребение было расчищено, изучено и реконструировано замечательным российским археологом Александром Николаевичем Рогачевым.

Правда, эти находки не имеют прямого отношения именно к охотникам на мамонтов. Люди, оставившие только что описанное детское погребение, жили на территории современных Костенок несколько раньше и предпочитали охотиться не на мамонтов, а на диких лошадей. Но и у пришедших сюда несколько тысяч лет спустя охотников на мамонтов клыки песца с прорезанными отверстиями оставались важнейшим видом украшений, а головки некоторых скульптур, оставленных этими людьми на своих поселениях, «украшены» рядами насечек, возможно, имитирующих шапочку с нашивками.

Пояса, перевязи, набедренные повязки

Об «интимных» деталях женской одежды мы знаем, в основном, благодаря скульптурам, изготовлявшимся преимущественно охотниками на мамонтов. Это фигурки, вырезанные из бивня или мягкого камня, изображающие обнаженных женщин. Некоторые детали этих статуэток — «палеолитических венер», как их называют археологи — трудно объяснить иначе, чем изображение поясков вокруг живота или поддерживающих грудь, а также повязок, охватывающих бедра. По-видимому, перед нами древнейшее «нижнее белье», которое носили женщины под верхней меховой одеждой. Некоторые из этих статуэток передают довольно странную моду: своеобразный «хвост», спускающийся от ягодиц к пяткам, вероятно, являвшийся деталью набедренной повязки. У сунгирского мальчика такой «хвост», сделанный из низок бивневых бус, являлся деталью верхней одежды.

Есть и другие свидетельства существования набедренных повязок. В знаменитом «Гроте детей» — пещерном могильнике эпохи верхнего палеолита (Италия) — возле двух детских скелетов в области бедер и таза обнаружено множество просверленных раковин. Скорее всего, раковины нашивались на одежду типа набедренника. Впрочем, не исключено, что в данном случае это были юбки или передники.

Обувь

Не только для палеолита, но и для памятников более поздних периодов каменного века сведений о сохранившейся обуви нет. Тем не менее по тем же сунгирским погребениям со значительной долей уверенности реконструируется богато украшенная обувь типа мокасин и унтов, изготовленная из шкур или кожи. По-видимому, короткая обувь (мокасины?) изображена и на бивневой ножке статуэтки, найденной в одной из костенковских землянок.

Прически, татуировка

Женские статуэтки и другие изображения эпохи палеолита повествуют нам даже о таких деталях! Судя по ним, двадцать тысяч лет назад женщины могли распускать длинные волосы по плечам, могли собирать их на затылке в пучок, а иногда заплетали косу и даже делали какую-то сложную прическу, переданную рядами тщательно выполненных насечек. Впрочем, как уже говорилось, эта последняя может являться изображением не прически, а шапочки. Некоторые узоры, насечки и штриховку на теле ряда статуэток ученые считают изображением татуировки, хотя об этом можно спорить.

Украшения, заколки и пуговицы

Интересующие нас племена охотников на мамонтов принадлежали наиболее высоко развитым культурам эпохи верхнего палеолита. Не случайно дошедшие до нас украшения этих людей отличаются особым богатством и разнообразием. Люди, пришедшие 23 тысячи лет назад на Русскую равнину с берегов Дуная, носили богато орнаментированные налобные обручи — *диадемы*, наручные браслеты, разнообразные бусы и нашивки. Показательно, что во всех без исключения памятниках этой, виллендорфско-костенковской, археологической культуры, неизменно присутствуют клыки песца с прорезанными отверстиями, вероятно, имевшими какое-то общее ритуальное значение. А вот низка бус из рыбьих позвонков, найденная в ямке на одной из стоянок этой культуры охотников на мамонтов (Костенки 1/Г) — явление уникальное.

Показательно, что подобного рода украшения — нашивки, ожерелья, диадемы, браслеты, а также костяные перстни — известны в сунгирских погребениях. В этой связи нужно упомянуть об одной уникальной находке, сделанной петербургским археологом Л. М. Тарасовым при раскопках расположенной в

верховьях Дона Гагаринской стоянки, оставленной охотниками на мамонтов, выходцами из Центральной Европы. На полу жилища им была найдена вырезанная из бивня двойная скульптура: две человеческие фигурки, одна побольше, вторая поменьше, затылок к затылку — совсем как погребенные дети из Сунгира!

Л. М. Тарасов с самого начала предположил здесь какую-то смысловую связь. Другие археологи отнеслись к этому предположению довольно прохладно: слишком велик разрыв во времени, слишком различны формы каменных орудий, найденных в Сунгире и в Гагарино! Однако новая серия радиоуглеродных дат, полученных по Сунгирской стоянке, несколько удревнила основной культурный слой (по крайней мере, до 28 тысяч лет тому назад) и омолодила сами погребения (до 23 тысяч лет назад, что соответствует времени появления на Русской равнине центрально-европейских охотников на мамонтов). В этой ситуации гипотеза Л. М. Тарасова приобретает большой вес.

Несколько иные по форме и орнаментации украшения оставили охотники на мамонтов, строившие в бассейнах Днепра, Десны и Дона круглые дома из мамонтовых костей. Очень красивые браслеты, украшенные богатым орнаментом, были найдены на стоянке Мезин, в том самом жилище, которое С. Н. Бибииков считал «концертным залом» для выступлений палеолитического ансамбля ударных инструментов (об этом говорилось в главе о жилищах и поселениях). Один из таких браслетов украшен меандром — орнаментом, хорошо известным в древней Греции. Второй, «шумящий», состоит из нескольких узких бивневых пластинок, издававших при движении руки характерный шорох.

Известны археологам и разнообразные костяные застежки, подчас очень похожие на те, которыми мы пользуемся и сейчас. Некоторые игловидные заколки (*фибулы*) орнаментированы или имеют навершие в виде головы зверя. Для охотников на мамонтов, пришедших из Центральной Европы, характерны

фибулы с головками в виде шляпки — археологи прозвали их «верблюжьими ножками». Похожие предметы были найдены за тысячи километров от Дона, на стоянке Мальта (Забайкалье) — еще один штрих, позволяющий предполагать, что эта своеобразная сибирская стоянка оставлена дальними переселенцами из Европы. Из погребения ребенка, похороненного здесь, происходит костяной браслет с отверстиями для шнуровки.

Украшения из камня (в первую очередь, подвески) известны с самого начала верхнего палеолита. Находят их и на поселениях охотников на мамонтов. На одном из таких поселений были найдены украшения из янтаря (стоянка Межирич на Украине, датирующаяся по радиоуглероду в пределах 15—14 тысяч лет назад). Украина довольно далеко от Прибалтики, но транспортировка сырья и вещей и на большие расстояния для верхнего палеолита не редкость.

Украшения изготавливались также из створок раковин. Раковины различных моллюсков, — пресноводных и морских, — встречаются на различных верхнепалеолитических стоянках, иногда за несколько сотен километров от того места, где их могли добыть. Так, например, на стоянке Костенки 1/III, находящейся на Среднем Дону, обнаружены просверленные раковины морских моллюсков, происходящие, самое ближнее, из Черного моря. Имеются здесь и местные, пресноводные раковины *Unio*. На другом памятнике этого района, Борщево 1, найдены тонкие просверленные кружочки из перламутра.

Из чего и как изготавливали одежду до возникновения ткачества?

Итак, мы видим, что люди, жившие около 20 тысяч лет назад, были совсем не похожи на кудлатых дикарей, едва прикрытых шкурами. Их богато украшенной одежде, пожалуй, могли бы позавидовать и мы с вами! Конечно, основным материалом для ее изго-

товления служили меха, кожа и замша. Видимо, палеолитическое население приледниковой зоны владело теми же способами их обработки, что употреблялись и употребляются народами Севера. Как и теперь, на пушных зверей охота велась ради их меха. Конечно, зайчатинной люди не пренебрегали (кстати, зайцы, водившиеся в те времена в восточно-европейской лесотундре, были значительно крупнее современных). А вот с песцов, волков и лисиц только снимали шкуры, после чего их тушки выбрасывались или закапывались в ямки.

На стоянках эпохи верхнего палеолита археологи находят богатый набор инструментов, специально предназначенных для этой цели. Тут есть и всевозможные каменные скребки, которыми выскрабливались шкуры, и ножи для их раскройки и прочее. Уже на памятниках, датирующихся около 30 тысяч лет назад, имеются костяные шилья и настоящие иглы с прорезанным ушком. По форме они ничем не отличаются от наших стальных иголок, а по размерам и толщине столь же разнообразны. Для хранения таких швейных игл имелись специальные игольники, обычно изготовлявшиеся из полых и тонких птичьих костей. В качестве ниток употреблялись жилы животных; но вполне вероятно, что нитки делали и из шерсти, и из растительных волокон. Нет никаких доказательств существования ткачества у охотников на мамонтов. Но возможность того, что в наиболее высоко развитых культурах того периода уже умели прясть шерсть, пожалуй, не исключена. По крайней мере, некоторые каменные и костяные кружочки с отверстием в центре, находимые на таких стоянках, ничем не отличаются от типичных пряслиц более поздних эпох. Трудно сомневаться в том, что люди позднего палеолита издавна освоили технику плетения прутьев и древесной коры. И они вполне могли применять ее и для изготовления каких-то деталей одежды и обуви. Прямых доказательств этому у нас нет, зато налицо большое разнообразие костяных предметов, назначение которых далеко не всегда понятно специалистам. Возможно, среди этих орудий

есть и такие, что были специально предназначены для прядения или вязания нитей.

При раскопках одной из землянок верхнего слоя Костенок 1 археологи нашли странное орудие из бивня мамонта: небольшой предмет с цилиндрической орнаментированной рукоятью и удлиненным «лезвием» с закругленным концом, с одной стороны плоским, с другой — выпуклым... Нет, не нож, не проколка. Подошел начальник экспедиции Александр Николаевич Рогачев.

— Хм, похоже на кочедык!

— ?!

— Да, вы, городские, и не знаете, что это такое! А кочедык — это инструмент для плетения лаптей!

А. Н. Рогачев, один из самых выдающихся российских палеолитоведов XX века, родился и вырос в деревне. Он прекрасно умел и любил выполнять деревенские работы. Не забыл и искусства плетения лаптей. В День археолога (праздник, не внесенный в официальные календари, но отмечающийся 15 августа в археологических экспедициях России и соседних стран) он дарил кому-нибудь из нас собственноручно сплетенный маленький лапоток...

Быть может, загадочный предмет, найденный нами, действительно был орудием для такой работы?

ОРУДИЯ ТРУДА

В исторической науке существуют различные способы построения *исторических периодизаций* — или членения истории человечества на отдельные периоды, каждый из которых принципиально отличен от остальных по тому или иному признаку. Для археологов таким принципиальным отличием являются изменения в способах, которыми человек добывает средства к существованию, обеспечивает жизнь — себе самому и всему своему сообществу. На различных этапах истории люди использовали для этого различные природные материалы. Вначале — только камень и дерево, затем к ним добавились кость, рог и бивень, позднее глина (составившая основу керамики) и, наконец, металлы. Из всех этих материалов человек изготавливал орудия труда и иные предметы жизнеобеспечения, попутно внося изменения в способы их обработки — в *технологии*.

Я уже говорил о том, что в конце XIX столетия каменный век был подразделен на палеолит и неолит¹.

¹ Первоначально неолит выделялся по широкому распространению шлифованных орудий из камня. Сейчас большинство археологов считают основным признаком, определяющим начало этой эпохи, массовое распространение керамической посуды, неизвестной в предшествующие периоды. — *Прим. авт.*

Однако в дальнейшем и в палеолите удалось выделить целый ряд периодов. Основой для этого послужили наблюдения за изменениями в формах и технике обработки каменных орудий. Чтобы быть понятным, мне придется сказать хотя бы несколько слов о *технике скола*.

Даже для того, чтобы получить простейший *отщеп* — тонкий скол с острыми краями, — требуется ряд предварительных целесообразных действий. На куске камня нужно подготовить место нанесения удара и ударить по нему под определенным углом и с определенной силой. Еще труднее изготовить орудие строго заданной, подчас достаточно сложной формы. В древности для этого применялась система оббивки мелкими сколами, называемая в археологии *ретушью*.

Указанные технические приемы развивались и совершенствовались в течение очень долгого времени — от одной эпохи к другой. В наши дни ученые изучают технику скалывания специальными методами. Большую помощь в этом оказывает *эксперимент*, — то есть археолог сам начинает раскалывать камни и изготавливать каменные орудия, стремясь лучше понять, как это осуществлялось в древности.

Напомню также, что интересующие нас сообщества охотников на мамонтов жили в эпоху *верхнего* (или *позднего*) *палеолита*, продолжавшуюся, по современным данным, примерно с 45 до 10 тысяч лет назад. Не так давно считалось, что начало этой эпохи приблизительно совпадает с возникновением человека современного типа — *Homo sapiens sapiens*. Однако сейчас установлено, что это не так. В действительности люди того же физического типа, что и современное человечество, появились значительно раньше — быть может, около 200 тысяч лет назад. Однако развитие техники шло у них достаточно медленно. Долгое время *Homo sapiens sapiens* изготавливал столь же примитивные орудия, что и люди более архаичного типа — *архантропы* и *палеоантропы* — в дальнейшем полностью вымершие.

Ряд ученых считает, что начало верхнепалеолитической эпохи следует связывать с массовым внедрением в человеческую практику нового материала — кости, рога и бивня. Этот материал оказался более пластичен, чем камень, и более тверд, по сравнению с большинством древесных пород. В ту далекую эпоху его освоение открыло перед человеком совершенно новые возможности. Появились более длинные, легкие и острые ножи. Появились наконечники копий и дротиков, а с ними — простые, но остроумные приспособления для их метания в цель (см. главу «Охота»).

Тогда же люди изобрели себе новые инструменты для снятия и выделки шкур убитых животных. Появились изготовленные из кости шилья и иглы, самые тонкие из которых по размерам почти не отличаются от наших, современных. Это было важнейшим достижением человечества: ведь наличие таких иголок означало появление у наших предков сшитой одежды! Кроме того, из бивня и рога стали изготавливать орудия, специально предназначенные для рытья землянок и ям-кладовых. Вероятно, в тот период было много и других специализированных предметов из кости. Но назначение многих из них, находимых на палеолитических стоянках, до сих пор остается загадкой для археологов... Напоследок стоит заметить: подавляющее большинство разнообразных украшений и произведений палеолитического искусства тоже было изготовлено из кости, рога и бивня.

Люди обрабатывали эти материалы разными способами. Иногда с куском бивня или толстой кости поступали так же, как с кремнем: обкалывали, снимали отщепы, из которых потом выдeldывали нужные вещи. Но гораздо чаще применялись специальные технические приемы: рубка, строгание, резание. Поверхность готовых предметов обычно шлифовалась до блеска. Очень важным техническим достижением явилось изобретение *техники сверления*. Как массовый прием она возникла в начале верхнего палеолита. Впрочем, самые первые опыты сверления, по-ви-

димому, осуществлялись уже в предшествующую среднепалеолитическую эпоху, но крайне редко.

Важнейшим достижением технологии верхнего палеолита явилось первое соединение в одном орудии двух различных материалов: кости и камня, дерева и камня и другие сочетания. Простейшие примеры такого рода — кремневые скребки, резцы или проколки, закрепленные в костяную или деревянную рукоять. Более сложными являются составные или вкладышевые орудия — ножи и наконечники.

Самые ранние из них найдены в уже описанном выше сунгирском погребении: ударные концы бивневых копий были усилены двумя рядами маленьких чешуек кремня, приклеенных смолой прямо к поверхности бивня. Несколько позднее такие орудия усовершенствуются: в костяной основе начнут прорезать продольный паз, куда должны вставляться вкладыши, специально подготовленные из маленьких кремневых пластинок. В дальнейшем эти вкладыши закреплялись смолой. Однако подобные наконечники копий характерны не для охотников на мамонтов, а для их южных соседей, обитателей причерноморских степей. Там обитали племена охотников на бизонов.

Сразу отметим один момент, исключительно важный для археологов. В архаических обществах не только одежда, не только украшения и произведения искусства умели «говорить» о своей принадлежности к тому или иному роду-племени. Орудия труда — тоже. Хотя, и не все. Орудия простейших форм — те же иглы и шилья — по сути, везде одинаковы и, следовательно, в этом отношении «немые». Но вот более сложные орудия в различных культурах выглядят по-разному. Так, например, для охотников на мамонтов, пришедших на Русскую равнину с территории Центральной Европы, характерны бивневые мотыги с богато орнаментированными рукоятями, использовавшиеся для рытья земли. При выделке шкур эти люди использовали изящные плоские костяные лопаточки, рукояти которых были орнаментированы по кра-

ям и заканчивались тщательно вырезанной «головкой». Вот такие предметы, действительно, способны «сообщать» о своей культурной принадлежности! Позднее, когда пришельцев с берегов Дуная сменили на Русской равнине племена строителей наземных жилищ из костей мамонта (см. главу «Жилища»), формы орудий того же назначения сразу же изменились. «Говорящие» вещи исчезли — вместе с людским сообществом, обитавшим тут прежде.

Обработка нового материала неизбежно требовала нового инструментария. В верхнем палеолите меняется основной набор каменных орудий, совершенствуются технологии их изготовления. Одно из главных достижений этого периода — развитие техники *пластинчатого скола*. Для снятия длинных и тонких пластин специально подготавливались так называемые *призматические нуклеусы*; скалывание с них велось с помощью костяного *посредника*. Таким образом, удар наносился не по самому камню, а по тупому концу костяного или рогового стержня, острый конец которого приставлялся точно в то место, с которого мастер предполагал отколоть пластину. В верхнем палеолите впервые возникает *отжимная техника*: то есть снятие заготовки осуществляется не ударом, а давлением на посредник. Однако повсеместно эта техника начала применяться позднее, уже в неолите.

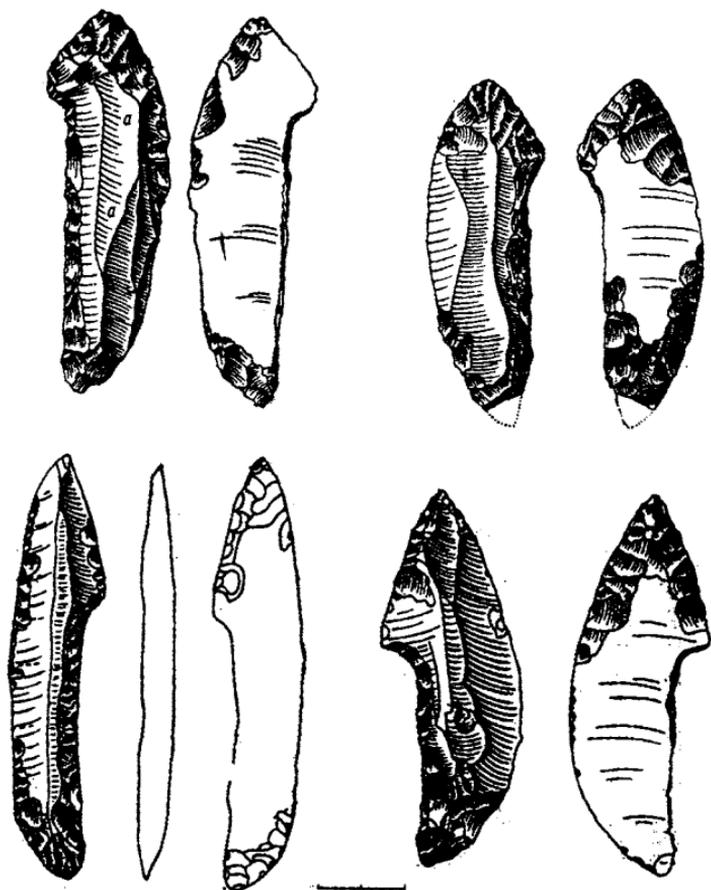
Раньше мастера довольствовались, в основном, тем сырьем, которое находилось в окрестностях стоянки. Начиная с верхнего палеолита, люди стали особо заботиться о добыче сырья высокого качества; для его поисков и добычи совершались специальные походы на десятки и даже сотни километров от стоянки! Конечно, на такое расстояние переносились не желваки, а уже подготовленные нуклеусы и сколотые пластины.

Призматические нуклеусы охотников на мамонтов имеют настолько сложную и совершенную форму, что находки их долго определяли как очень крупные топоры. На самом деле это предмет, специально подготовленный для последующего скола пластин.

Позднее было установлено, что такие нуклеусы действительно использовались как орудия — однако не для рубки дерева, а для рыхления плотной породы. Видимо, в дальних походах за кремневым сырьем люди попутно использовали уже имевшиеся под рукой нуклеусы, чтобы извлекать из меловых отложений новые желваки. Такой меловой кремнезоль особенно хорош. Из полученных желваков путешественники изготавливали на месте новые нуклеусы, которые и транспортировали на стоянку, располагавшуюся в 400—500 километрах севернее, на территории современного села Костенки Воронежской области.

Совершенствуется на данном этапе и техника ретуширования. Применяется отжимная ретушь — особенно, при изготовлении изящных двусторонних наконечников. Мастер последовательно нажимает на край обрабатываемой заготовки концом костяного стержня, отделяя тонкие, идущие в строго заданном направлении мелкие сколы, придающие орудию нужную форму. Для оформления каменных орудий иногда использовались не только камни, кости или дерево, но и... собственные зубы! Именно так ретушируют наконечники некоторые аборигены Австралии. Что ж, можно лишь позавидовать удивительному здоровью и прочности их зубов! Наряду с ретушью развиваются другие приемы обработки: широко распространяется техника *резцового скола* — узкого длинного снятия от удара, нанесенного в торец заготовки. Кроме того, впервые появляется техника шлифовки и сверления камня — правда, применялась она далеко не везде и только для изготовления украшений и специфических орудий («терочников»), предназначенных для растирания краски, зерен или растительных волокон.

Наконец, сам набор орудий в верхнем палеолите терпит сильные изменения. Прежние формы полностью исчезают, или их количество резко сокращается. На смену им приходят такие формы, которые либо отсутствовали в памятниках ранних эпох, либо встречались там как немногочисленные курьезы: концевые скребки, резцы, долота и стамески, узкие

Р и с. 2. Наиболее типичные «клинки-наконечники с боковой выемкой», которые изготовляли охотники на мамонтов.

Таковыми орудиями могли пользоваться как ножами, и как наконечниками дротиков.

острия и проколки. Постепенно все больше становится различных миниатюрных орудий, употреблявшихся либо для очень тонких работ, либо как составные части (вкладыши) сложных инструментов, закреплявшиеся в деревянной или костяной основе. Археологи насчитывают сегодня уже не десятки, а сотни разновидностей этих орудий!

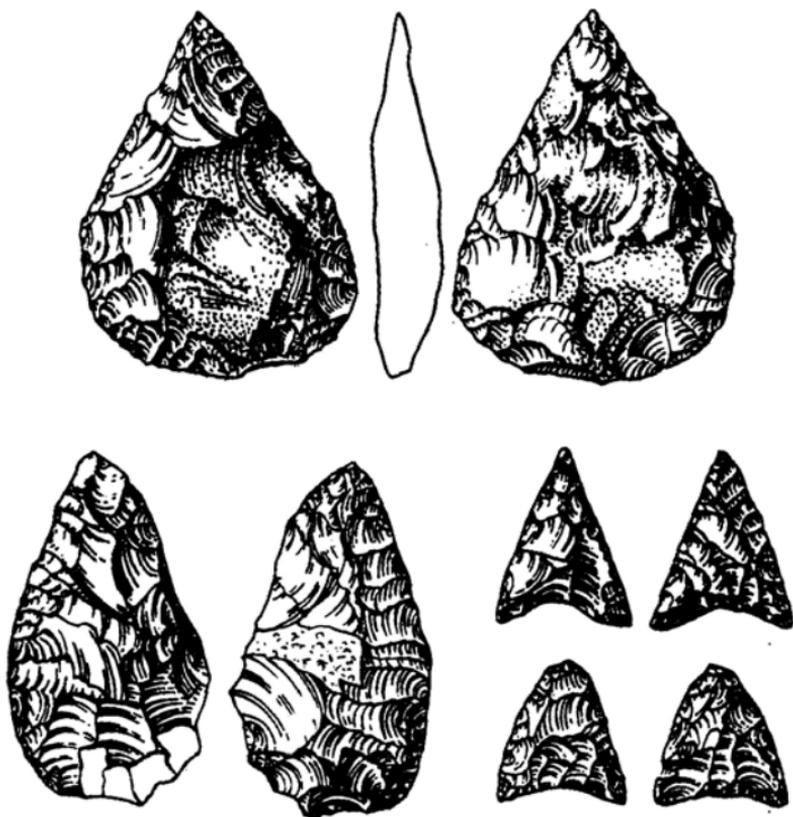
Стоит отметить одно обстоятельство, о котором порой забывают даже специалисты. Названия многих каменных орудий как бы предполагают, что нам известно их назначение. «Нож», «резец» — это то, чем

режут; «скребок», «скребло», — то, чем скребут; «проколка», — то, чем прокалывают, и т. д. В позапрошлом столетии, когда наука о каменном веке только зарождалась, ученые действительно пытались «угадать» назначение непонятных предметов, добытых раскопками, по их внешнему виду. Так и возникли все эти термины. Позднее археологи поняли, что при таком подходе они слишком часто ошибались.

Подлинные функции каменных орудий теперь определяются с помощью специального *трасологического метода* — по следам, которые образуются на поверхности орудия при его использовании. Эти следы (англ.: traces) можно увидеть при сильном увеличении, под лупой или микроскопом. Трасологический метод, широко применяемый сейчас во всем мире, был впервые разработан в 1930-е годы ленинградским ученым Сергеем Аристарховичем Семеновым. Прежние названия, присвоенные изделиям по их внешней форме, тоже сохранились в науке, но как условные термины.

Одна из особенностей верхнего палеолита заключается в том, что человек не просто активно осваивает новый материал, но впервые приступает к художественному творчеству. Он начинает украшать костяные орудия богатым и сложным орнаментом, вырезает из кости, бивня или мягкого камня (мергеля) фигурки животных и людей, занимается изготовлением самых разнообразных украшений. Все эти тонкие работы, выполнявшиеся порою с удивительным мастерством, требовали специального набора инструментов.

Техника обработки камня стала настолько развитой, что в разных коллективах, живших подчас бок о бок, люди стали делать орудия одинакового назначения по-разному. Обработывая наконечник копья, скребок или резец иначе, чем это делают соседи, придавая им иную форму, древние мастера как бы говорили: «Это мы! Это — наше!». Группируя памятники с наиболее близким набором орудий в *археологические культуры*, ученые получают возможность в какой-то степени представить картину существова-

Р и с. 3. Такие наконечники жители Русской равнины использовали при охоте на диких лошадей.

ния древних коллективов, их распространения, особенностей жизни и, наконец, их взаимоотношения друг с другом.

Особенно выразительным бывает «язык» наконечников копий и дротиков — вероятно, в силу того, что подобные формы требуют особенно тщательной отделки. Может быть, тут играла роль еще и необходимость обозначить «свой» удар, отметить «свою» добычу. «Свой» наконечник с «чужим» не спутаешь — так было во все времена, во всех архаических обществах¹.

¹ И не только архаических! Обычай метить свои пули достаточно широко распространен даже у современных охотников. — *Прим. авт.*

Так, например, одну из культур пришедших на Русскую равнину с берегов Дуная охотников на мамонтов, фигурирующую в романе «Тропа длиною в жизнь» под названием «дети Тигрольва», археологи иногда называют «культурой наконечника с боковой выемкой». И это совсем не случайно. Приведем отрывок из упомянутого романа:

...Отец сидит на хозяйском месте, возле самого очага и мастерит копые: наконечник прилаживает. Дело непростое; Волчонок уже это знает, видел. Наконечник из двух половинок собирается: вначале в паз заводится большая половина, с боковой выемкой, а потом с другой стороны к острию еще представляется пластина. Все это нужно подогнать, закрепить смолой и ремешками... Интересно! Когда же копые готово, — нипочем не догадаться, что наконечник-то — не цельный, сборный!

Он жадно наблюдает за отцовскими руками, — издали, из-под материнского локтя. Вдруг... Их глаза встречаются, и улыбка вновь раздвигает густую поросль на отцовском лице.

— А ну-ка, — иди сюда!

Он не заставляя себя долго просить; семенит босыми ножонками через все жилище. Громадная ручища подхватывает его, усаживает рядом.

— Не замерз?

Отец полуголый: здесь у очага и совсем жарко. Все же он накидывает на сына край медвежьей шкуры.

— Ну, смотри, учись! Никто больше таких копий не делает. Только мы, сыновья Тигрольва! Другое-то, — хоть бы те же Волки, — наконечник из цельного куска кремня делают, — а у нас и копые полегче, и удар точнее...

Так закреплялся в древке наконечник с боковой выемкой — форма, особенно характерная для одной из культур охотников на мамонтов. Много лет спустя, когда уже взрослый сын Тигрольва волею судеб попадает к охотникам на бизонов, он немало дивится их длинным костяным наконечникам, с двумя ряда-

ми мелких кремневых чешуек, вклеенных в продольные пазы...

Впрочем, время от времени (хотя и не часто) форма того же наконечника, характерная для одной культуры, по той или иной причине «заимствовалась» иноплеменниками. Однако в подобных случаях орудия, как правило, приобретали специфические черты, хорошо заметные археологу.

В некоторых культурах особое внимание уделялось высокому мастерству в изготовлении тонких листовидных наконечников, обработанных плоскими сколами с двух сторон. В верхнем палеолите известно три культуры, где производство таких орудий достигло исключительно высокого уровня. Самая древняя из них — *стрелецкая* культура — существовала на Русской равнине в период между 40 и 25 тысячами лет назад. Люди этой культуры изготавливали наконечники треугольной формы с вогнутым основанием. В культуре *сальотре*, распространенной на территории современных Франции и Испании около 22—17 тысяч лет назад, не менее совершенные по обработке листовидные наконечники имели иные, вытянутые формы — так называемые *лавролистные* или *иволистные*. Наконец, исключительно высокого развития производство двусторонних наконечников различных типов достигло в палеоиндейских культурах Северной Америки, существовавших примерно 12—7 тысяч лет назад. Следует заметить, что на сегодняшний день никаких связей между этими тремя культурными вариантами не установлено. Различные группы людей изобретали сходные технические приемы совершенно самостоятельно, независимо друг от друга.

Восточно-европейские охотники на мамонтов принадлежали культурам иного типа, где необходимая форма орудия достигалась обработкой только края заготовки, а не всей ее поверхности. Здесь особое внимание уделялось получению хороших пластин, с необходимыми размерами и пропорциями.

...И вот что случилось, когда Аймик, «сын Тигрольва», достигнув Пиренеев, оказался среди дружески

принявших его «детей Мамонта» (носителей культуры *солютре*), которые изготавливали свои наконечники совсем по-иному:

...Аймик, истосковавшись по мужскому труду, работал с жаром, но все, что ему доверяли — скалывать с кремневых желваков длинные тонкие пластины: заготовки будущих наконечников. А вот изготовить хотя бы один наконечник... Раньше Аймик считал себя неплохим мастером, но здесь он мог лишь с завистью смотреть на то, как ловко и споро действуют сыновья Мамонта костяными стерженьками. Пластина в левой ладони поворачивается с одной стороны на другую, легкие удары чередуются с нажимами на край заготовки — и вот это уже не продолговатый скол, а тонкий изящный наконечник, с обеих сторон покрытый мелкими, идущими в одном направлении фасетками от множества снятий, сделанных костяным стерженьком! Ни сыновья Тигрольва, ни кто-либо другой из тех, с кем сводила его долгая тропа, не делали ничего подобного. Приглядевшись, Аймик попытался было изготовить такой наконечник, да только рукой махнул, — таким уродливым показалось его изделие в сравнении с теми, что выходили из рук сыновей Мамонта. Засунул его поскорее в нарукавный карман; должно быть, опасался: выбросишь, — а кто-нибудь поднимет и станет хихикать. Не воин даже, — мальчишка или девчонка!

Сыновья Мамонта не насмешничали. Знали: их гость — настоящий лучник! Только спросили:

— Какие же наконечники делают твои братья там, на Севере?

Аймик охотно показал, как делают его сородичи наконечник с боковой выемкой, как закрепляют его на древке. А через некоторое время Зетт, молодой охотник и один из самых искусных мастеров, положил на его ладонь три наконечника. Аймик даже присвистнул, разглядывая хорошо знакомую родовую форму детей Тигрольва: удлиненные наконечники с односторонней боковой выемкой у основания.

Но сделаны они были по-другому. Так, как это принято у сыновей Мамонта.

Остальные охотники тоже принялись разглядывать необычные изделия.

— У нас так не принято! — неодобрительно бросил один из стариков.

Но Данбор хлопнул юношу по плечу.

— Ничего, Зетт! Пробуй. Быть может, они-то и принесут нам удачу!..

Следует еще раз заметить: после того как на большей части Русской равнины культуры выходцев из Центральной Европы сменились культурами строителей домов из костей мамонта, там произошли заметные изменения и в обработке камня. Формы каменных орудий становятся проще и мельче, а техника скола заготовок, ведущая к получению тонких длинных пластин и пластинок правильной огранки — все более совершенной. Это ни в коей мере нельзя считать «деградацией». Охотники на мамонтов, жившие на берегах Днепра и Дона 20—14 тысяч лет назад, достигли для своей эпохи настоящих вершин и в домостроительстве, и в обработке кости и бивня, и в орнаментике (тут стоит напомнить, что орнамент типа «меандр» был создан впервые вовсе не древними греками, а обитателями Мезинской стоянки!). Так что, по-видимому, их «упрощенный» каменный инвентарь на тот момент просто соответствовал своему назначению.

ОХОТА

Охота — вот основной способ добычи пищи, который на протяжении сотен тысяч лет обеспечивал само существование человечества. Это весьма удивительно: ведь с точки зрения зоологов, ни человек, ни его ближайшие «родственники» — человекообразные обезьяны — хищниками вовсе не являются. По строению зубов мы относимся к *всеядным* — существам, способным употреблять как растительную, так и мясную пищу. И все же именно человек стал самым опасным, самым кровожадным хищником из всех, когда-либо населявших нашу планету. Перед ним оказались бессильны устоять и самые могучие, и самые хитрые, и самые быстроногие звери. В результате сотни видов животных были полностью истреблены человеком за время его истории, десятки их находятся ныне на грани вымирания.

Палеолитический человек — современник мамонта — охотился на этого зверя не так уж часто. Во всяком случае, много реже, чем это недавно представлялось и ученым, и тем, кто судил о каменном веке лишь по беллетристике (см. главу 1). Но все же трудно усомниться в том, что именно *специализированная охота* на мамонтов являлась основным источником существования для населения Днепро-

Донской историко-культурной области, вся жизнь которого была теснейшим образом связана с мамонтом. Так и считает сегодня большинство исследователей. Однако не все.

К примеру, брянский археолог А. А. Чубур убежден, что во все времена человек был способен осваивать лишь естественные «кладбища мамонтов». Иными словами, наши охотники на мамонтов в действительности являлись лишь очень активными собирателями костей и, по-видимому... трупоедами. Эта весьма оригинальная концепция представляется мне совершенно не убедительной.

В самом деле, попробуем представить себе: что за «природные процессы» могли стать причиной столь массовой и регулярной гибели мамонтов? А. А. Чубуру приходится рисовать совершенно невероятные картины постоянных затоплений высокого правого берега древнего Дона. Эти наводнения будто бы выносили трупы мамонтов далеко в глубину древних балок, а уж там они после спада воды осваивались местным населением... При этом мамонты почему-то упорно не желали откочевать на высокие участки и спастись от массовой гибели!

Места людских поселений те фантастические половодья каким-то образом обходили стороной. Ни малейших следов таких природных катаклизмов археологи там не нашли! Один этот факт уже способен подорвать доверие к гипотезе А. А. Чубура.

Кстати, «мамонтовые кладбища» в Восточной Европе действительно есть. Однако именно в окрестностях поселений с домами из костей мамонта они полностью отсутствуют. Да и вообще они — очень большая редкость.

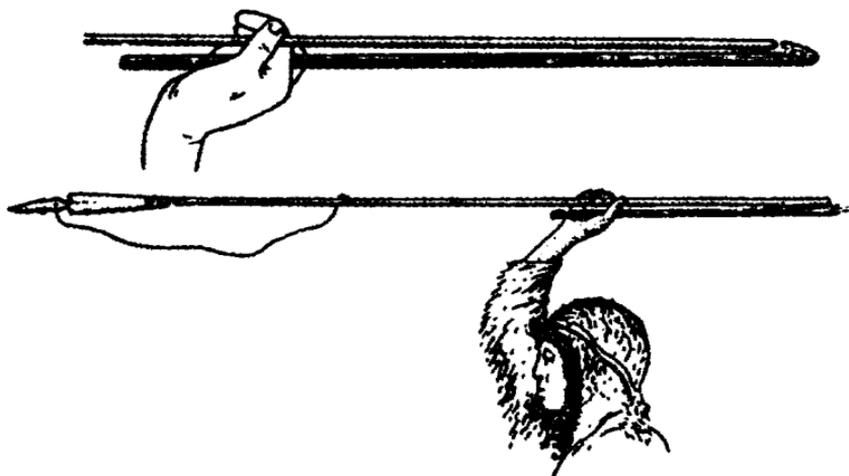
Между тем вдумайтесь: на обширной территории центра Русской равнины население смогло *полностью* связать свою жизнь с добычей мамонтов. На этой основе люди создали весьма своеобразную и развитую культуру, которая успешно функционировала на протяжении *десяти тысяч лет*. Что же, все это время они занимались исключительно разработкой скоплений трупов?

Настоящие «мамонтовые кладбища» действительно посещались человеком эпохи верхнего палеолита и в какой-то мере осваивались им. Но все они ничуть не похожи на долговременные стоянки с жилищами из костей мамонта! Да и возраст их, как правило, более молодой: порядка 13—12 тысяч лет назад (Берелех в Северной Азии, Севское в Восточной Европе и пр.). Быть может, наоборот: человек усилил внимание к подобным местам именно тогда, когда стада живых мамонтов заметно сократились?

По-видимому, так оно и было! Нет оснований отрицать, что люди, обитавшие в бассейнах Днепра, Дона, Десны и Оки 23—14 тысяч лет назад, были именно *охотниками* на мамонтов. Конечно, они не отказывались при случае подобрать ценные бивни и кости зверей, скончавшихся от естественных причин. Но подобное «собирачество» просто не могло быть их основным занятием, ибо находки такого рода всегда носят элемент случайности. Между тем для того, чтобы выжить в приледниковой зоне, человек нуждался не в спорадическом, а в *регулярном* поступлении таких жизненно важных продуктов, как мамонтовое мясо, шкуры, кости, шерсть и жир. И, судя по тем археологическим материалам, которыми мы располагаем, люди действительно сумели обеспечить эту регулярность на протяжении многих тысячелетий. Но как же они научились побеждать столь могучего и умного зверя?.. Для того чтобы ответить на этот непростой вопрос, познакомимся с вооружением людей эпохи верхнего палеолита.

Копьеметалка

Массовое освоение нового материала (кость, бивень, рог) способствовало развитию и совершенствованию охотничьего оружия. Но главным явилось все-таки не это, а — технические изобретения той

Р и с. 4. Копьеметалка («метательная дощечка») — простейшее приспособление для увеличения дальности и силы броска. Изобретена в верхнем палеолите.

поры. Они резко увеличили как силу удара, так и расстояние, на которое охотник мог поразить дичь. Первым важнейшим изобретением палеолитического человека на этом пути стала *копьеметалка*.

Что это было? — Вроде бы, ничего особенного: простая палка или костяной стержень с крюком на конце. Однако крюк, прижатый к тупому концу древка копья или дротика, при броске придает ему дополнительный толчок. В результате оружие летит дальше и бьет в цель гораздо сильнее, чем если бы его просто бросили рукой. Копьеметалки хорошо известны по этнографическим материалам. Они были широко распространены у самых различных народов: от аборигенов Австралии до эскимосов. Но когда же они появились впервые и насколько повсеместно использовались верхнепалеолитическим населением?

Трудно ответить на этот вопрос с полной уверенностью. Древнейшие дошедшие до нас костяные копьеметалки найдены на территории Франции в памятниках так называемой *мадленской* культуры (поздний палеолит). Эти находки представляют собой подлинные произведения искусства. Они украшены скульптурными изображениями зверей и

птиц и, возможно, являлись не обычным, а ритуальным, «парадным» оружием.

На стоянках восточно-европейских охотников на мамонтов подобных вещей из кости пока не обнаружено. Но это не значит, что охотники на мамонтов вовсе не знали копьеметалки. Скорее всего, здесь их просто изготавливали из дерева. Возможно, стоит повнимательнее присмотреться к предметам, которые до сих пор описывались археологами как «костяные и бивневые стержни». Среди них вполне могут найтись и обломки копьеметалок, пускай не таких красивых, как те, что были найдены на территории Франции.

В романе «Тропа длиною в жизнь» Аймик из племени детей Тигрольва (охотников на мамонтов) попадает в плен к людям мадленской культуры, которых он называет «лошадниками». Почему так случилось? Об этом речь пойдет ниже. А пока — о другом:

...И еще одно восхищало: мастерство, с которым лошадиники выделывали костяные орудия. Конечно, и дети Тигрольва отличались умением резать по кости, и дети Сизой Горлицы. Но лошадиники!.. Чуть ли не каждую вещь, — кинжал, простое ли лоцило, — они стремились украсить затейливым узором или изображением. У одного стада оленей переправляется через реку, другой своего любимого коня вырезает, старается, третий... Бывало и так: подберет охотник простой кусок кости и вырезает что-нибудь на его поверхности. Жаль — наблюдать удавалось редко: лошадиники сердились, если замечали излишнюю любознательность своего пленника.

Луками они не пользовались, только дротик и копьеметалка. Зато металок таких, как у лошадиников, Аймику прежде не доводилось видеть. У сыновей Тигрольва ведь как было? Палка с крючком на конце; у детей Сизой Горлицы — дощечка. Ну, конечно, навели призывающий удачу охотничий узор, кровью окрашивали, — и сухой, Родовой, и своей. Но метал-

ки лошадиников — это же чудо, что такое! Не из дерева сделаны — из кости или бивня, и на конце не просто крюк: у одного лошадь вырезана, у другого — куропатка, у третьего — олень... Аймику мучительно хотелось в руках такое чудо подержать, но увы! — об этом и думать нечего. Только издали можно полюбоваться, да и то украдкой...

Лук и стрелы

Это самое грозное оружие из всех, созданных первобытным человеком. Еще недавно ученые полагали, что оно появилось сравнительно поздно: около 10 тысяч лет назад. Но теперь многие археологи уверены в том, что в действительности лук начал применяться значительно раньше. Миниатюрные кремневые наконечники стрел ныне обнаружены на поселениях, где люди жили и 15, и 22, и даже 30 тысяч лет тому назад!

Правда, в течение всего верхнего палеолита эти находки так и не стали массовыми. Вот немного позднее, в неолите, они встречаются повсеместно и в очень большом количестве. Палеолитические же наконечники стрел характерны лишь для отдельных культур, да и там их сравнительно немного. Это говорит о том, что на протяжении, по крайней мере, двадцати тысяч лет применение лука и стрел было весьма ограниченным, несмотря на явные достоинства этого оружия (см. гл. «Конфликты и войны»).

Возникает вполне естественный вопрос: почему так случилось? Почему лук не стал распространяться немедленно и повсеместно, вытесняя ту же копьёметалку? Что ж, этому есть свое объяснение. Всякое изобретение, даже самое совершенное, внедряется в жизнь и начинает совершенствоваться лишь тогда, когда оно действительно необходимо своей эпохе, своей культуре. В конце концов, принцип парового двигателя был впервые открыт и применен не Уаттом и даже не Ползуновым, а Героном Александрийским. Случилось это в I веке до нашей эры, задолго до появ-

ления на карте мира и Англии, и России. Но тогда, в рабовладельческом обществе, такое изобретение могло использоваться лишь как забавная игрушка.

При загонной охоте, вполне обеспечивавшей человека необходимой добычей, лук, конечно, не был совсем бесполезен, однако решающей роли не играл. Вообще, значение лука как *охотничьего* оружия изрядно преувеличено в нашей литературе. Те же этнографические наблюдения показывают, что весьма развитые охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ племена успешно добывали себе нужное количество дичи, главным образом, «безлучными» способами. К примеру, народы таежной зоны Сибири и Крайнего Северо-Востока, как правило, знали лук, но искусством стрельбы не отличались. На северных оленей там охотились с помощью копий, а на морского зверя — с поворотными гарпунами и сетями.

По-видимому, уже в мезолите-неолите лук был не столько охотничьим, сколько *военным* оружием. И именно в этом качестве он оказался действительно незаменим. Дальнейшее совершенствование лука и развитие приемов стрельбы связаны прежде всего с участвовавшими столкновениями между человеческими коллективами.

Лук и стрелы не в чести у охотников на мамонтов, описанных в романе Олега Микулова. Однако сам главный герой становится искусным стрелком. Причина тому ясна: еще подростком он попадает к тем, кто издавна хорошо владеет стрельбой из лука.

..Лук! Нагу, как и положено сыну Тигрольва, относился к этому оружию с недоверием и насмешкой. Виду, конечно, не показывал, но, глядя в первый раз, как волчата натягивают тетиву, — усмехался. Однако увидев, что выделывают они, еще даже не охотники, с этой «игрушкой», был поражен. Каждый из малолетних лучников, за тридцать шагов без промаха вгонял стрелу в еле заметную щепочку, налету валил утку или тетерева, причем стрела прошивала птичку насквозь. Йорр же ухитрялся своей стрелой расщеплять стрелу, выпущенную в воздух кем-

нибудь из его приятелей. Не каждую, конечно, но уж одну из трех — обязательно.

И Нагу буквально влюбился в лук, — к большой радости Йорра, принявшегося наставлять своего друга в многочисленных премудростях, связанных с этим оружием. Им повезло: Йорра не взяли в Мужской дом в ту, первую зиму, и целое лето он учил Нагу, как подобрать подходящее дерево, как тетиву изготовить и натянуть.

— ...И помни: лук отдыхать должен. Пострелял — спусти тетиву, в хорошее место поставь и поговори с ним, похвали. Тогда он и в деле тебя не подведет...

Вернувшись к своим, пройдя обряд посвящения и получив «взрослое» имя, герой романа демонстрирует на охоте свое мастерство лучника, однако одобрения старших не получает:

...Кустарник. С такого расстояния, через ложок, — даже самая сильная, самая умелая рука дрогик не метнет. Их не услышат даже чуткие оленьи уши: меццет ветер. Но Аймик, натягивая тетиву, невольно сдерживает дыхание. Теперь — стрела. ОН САМ — СТРЕЛА! ..Колотится сердце: «Не подведи, родной, моими руками согнутый, берестой оплетенный!..» Руки прикидывают прицел... Ветер попутный, отклонит вправо... Так! А которого из двоих?.. Решено!

Гудит тетива, почти неощутимо ударяет по гальке-защитке, и... Удар! Удача!! Воистину, — сами духи-покровители направили его стрелу! С победным криком, не разбирая дороги, Аймик мчится туда, где бьется смертельно раненный олень.

Они разделяют добычу кремневыми ножами, помогая себе длинными узкими лопаточками, изготовленными из ребер мамонта. Солнце жарит вовсю, и гнус тут как тут: слетелся на запах крови и человеческого пота. Отмахиваться бесполезно.

— Что, припекло? — усмехается в бороду Оймирон. — Давай-ка я дымокур сооружу, все будет полегче. Действительно, с дымокуром дело заспорилось. Старший брат знает, как надо: такие травы подмешал, что дым хотя и пощипывает глаза, а запах приятный, какой-то пряный.

Работают молча, но Аймик чувствует: Оймирон заговорит, обязательно заговорит о чем-то важном. Да и ему самому есть что сказать брату.

— Металкой ты плохо владеешь. Хуже Мосласто-го, должно быть.

Аймик вздрогнул от неожиданности и обиды. Он-то ждал похвалы своему выстрелу! И Оймирон угадал его мысли.

— Твой выстрел хорош! Хорош, да оружие не наше. Даже у Ледяных Лисиц лук не в такой уж чести; тоже металку предпочитают. Забыл, что мы говорим? Лук — оружие труса! А ты — словно и не сыном Тигрольва, а сыном Волка от духов вернулся. Вот и прозвали тебя... так, что и называть не хочется...

В конце концов и самому Аймику, и его жене Ате приходится бежать из рода. Однако погоня, посланная убить беглецов, настигает их:

...Пейяган сразу оценил положение: действовать металкой вверх, да еще против солнца... Хуже не придумать! Следовало отвлечь, приманить добычу... Но в тот момент все испортил его собственный сын, у которого некстати прорезался голос.

Мосласто-му все казалось просто: их трое, и они вооружены, а у Аймика и копья-то нет в руке! Если он и заметил лук, то не придавал этому никакого значения: оружие труса у труса в руке, — было бы о чем думать! И заговорил, — себе на погибель!

— Эй, Чужак, хватит дурить; давай, спускайся к нам со своей бабой! Я повиниться хочу. Ей понравится!

Два дурака расхохотались, — а у Пейягана упало сердце. Он понял, что все кончено, и самое лучшее — рвануться всем троим наверх. Быть может...

Он не успел даже подать знак.

Аймик словно не расслышал оскорбления. Пейяган по-прежнему не видел его лица, скрытого капюшоном, но был уверен: младший брат пристально смотрит на него, и только на него, словно они здесь — один на один.

— Говоришь: вас ТРОЕ?

Свистнуло слева и справа; стон и звук падающих тел... Скосив взгляд, Пейяган на краткий миг, врезавшийся в память на всю оставшуюся жизнь, увидел своего сына, — еще живого, еще пятащегося на негнущихся ногах, но уже обреченного. Мосластый силлся, и словно не решался донести руки до горла, из которого торчала стрела с черным оперением, издавал булькающие звуки, — а рот еще улыбался, не смотря на струящуюся по губам кровь, и в глазах были не страх и не боль, — недоумение...

Копья и дротики

Это оружие, появившееся еще на заре развития человечества, становится в верхнем палеолите гораздо более разнообразным и совершенным. В предшествующую эпоху *мустье* (средний палеолит) применялись, в основном, тяжелые копья-рогадины. Теперь же в обиход входят самые различные типы орудий такого рода. Были среди них и массивные, предназначенные для ближнего боя. Их могли изготавливать как старинным «ашельским» способом (когда приостренный конец деревянного копья просто обжигался на огне), так и по-новому — из цельных кусков расчлененного и выпрямленного бивня мамонта. Одновременно использовались короткие легкие дротики, которые подчас тоже мастерились целиком из бивня. Подобные орудия найдены во многих местах, в том числе и на поселениях охотников на мамонтов.

Формы и размеры наконечников дротиков были очень разнообразны. С самого начала верхнего палеолита кремневые наконечники дополняются костя-

ными или бивневыми, заметно улучшившими качество метательного оружия. В дальнейшем появляются вкладышевые наконечники, — примерно в середине верхнепалеолитической эпохи, 23—22 тысячи лет назад, (см. гл. «Орудия»).

Конечно, охотники на мамонтов применяли и древнейшее оружие человека: дубинки. Последние бывали тяжелыми, «ближнего боя», и легкими, метательными. Одним из вариантов такого оружия являлись знаменитые бумеранги. Во всяком случае, в верхнепалеолитической стоянке Мамутова пещера (Польша) был найден предмет, по виду аналогичный австралийским тяжелым бумерангам, но изготовленный из бивня мамонта. Кстати, стоит заметить, что сами австралийцы используют для серьезных целей именно тяжелые (невозвращающиеся) бумеранги. Прославленные на весь мир возвращающиеся бумеранги служат у них только для игр или для охоты на птиц.

Были ли в палеолите ямы-ловушки?

Но как же с подобным вооружением люди охотились на мамонтов? Для начала вспомним опять панно В. М. Васнецова «Каменный век», украшающее собой первый зал московского Исторического музея.

«...Бушует в яме-ловушке разъяренный бедолага-мамонт, а толпа полуголых дикарей, мужчин и женщин, добивает его, чем придется: булыжниками, копьями, стрелами...» Да, долгое время охота на мамонтов воображалась именно так! Подобные представления отражены и в школьных учебниках, и в популярных книгах, и в повести М. Покровского «Охотники на мамонтов». Вот только... едва ли так было в действительности.

Подумайте сами: разве могли люди, имевшие в своем распоряжении лишь деревянные или костяные лопатки, соорудить ими ловчую яму для мамонта? Да, конечно, они умели рыть небольшие землянки и ямы-хранилища глубиной до метра. Но

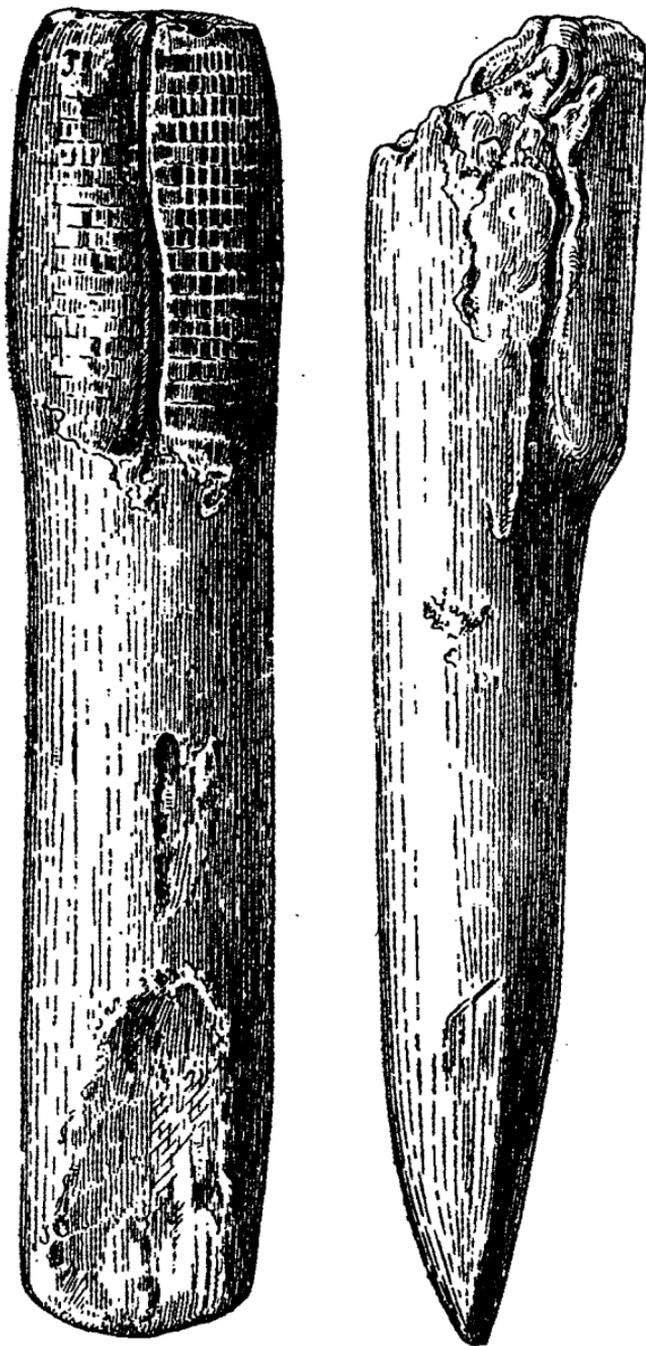
ловушка для такого зверя, как мамонт, должна быть огромной! Легко ли вырыть такую яму, да еще не в мягком грунте, а в условиях вечной мерзлоты? Затраченные при этом усилия явно не соответствовали результатам: ведь в яму мог бы попасть, в лучшем случае, только один зверь! Так не легче ли было добыть его каким-нибудь иным способом? Например... копьем?

Можно ли убить слона копьем?

Опыт современных отсталых народов Африки показывает, что убить слона, применяя в качестве оружия только копье, вполне возможно. Например, пигмеи достигли в этом настолько большого искусства, что два-три человека сравнительно легко справлялись с подобной задачей. Известно, что в жизни слоновьего стада вожак пользуется исключительно высоким авторитетом. Именно его поведение определяет безопасность всей группы. Обычно стадо слонов пасется долгое время на одной и той же территории. Отдельные животные, особенно молодые, при этом имеют тенденцию отбиваться от группы, выходить из-под покровительства вожака.

Африканские охотники издавна прекрасно знали, что, обладая тонким нюхом, слоны очень плохо видят. Учитывая это, пигмеи с величайшей осторожностью подкрадывались к такому зверю-одиночке. Для маскировки использовалось не только направление ветра, но и слоновый помет, которым они обмазывались. Один из охотников подбирался к слону вплотную, порою даже под брюхо, и наносил копьем роковой удар.

У пигмеев XIX—XX веков нашей эры уже были копья с железными наконечниками. Ими они чаще всего подрезали слону сухожилия задних ног. Наш далекий предок, палеолитический охотник, вооруженный лишь деревянным копьем-рогатиной, скорее всего, бил им мамонта наискось в область паха. При бегстве обезумевшее от боли животное задева-

Р и с. 5. Орудие из бивня мамонта. Не исключено, что его использовали как лопату.

ло древком об землю, о кусты. В результате оружие загонялось внутрь, разрывая крупные кровеносные сосуды... Охотники преследовали раненого зверя до смерти. У пигмеев такая погоня за слоном могла продолжаться 2—3 дня.

Впрочем, в романе «Тропа длиною в жизнь» этот способ охоты описан скорее как исключение:

..Да, это было нелегко! Совсем не то, что подогнать к краю обрыва огнем и криками целое стадо мамонтов, — могучих, умных, осторожных, но... быстро впадающих в панику, и уж тогда теряющих разум и волю. Так издревле охотятся на мамонтов сыновья Тигрольва и сыновья Ледяной Лисицы. Но чтобы убить одного избранного зверя, да еще самку, полную сил, — тут нужна особая сноровка. И большое мужество. Охотник, под прикрытием шкуры, измазанной мамонтычьим пометом, должен подползти вплотную к намеченной жертве, прямо под ее брюхо, — и нанести копьём сильный, косою удар в низ живота. Дело сделано... если только он сумеет при этом откатиться в сторону, улизнуть от мощных ног обезумевшего от боли зверя, не попасть под удар хобота или бивней. А ведь у жертвы есть еще и свои сородичи! Тут на помощь должны прийти спутники охотника-одиночки: постараться направить стадо в другую сторону.

Что и говорить, — дело многотрудное! Тут, конечно, и сноровка нужна, но больше — охотничья удача. Помощь духов-покровителей. Ведь приключись даже не оплошка, — малейшая случайность, — и все, конец! Потому-то и выступают на такую охоту сыновья Тигрольва редко. Только в крайней нужде, и только с согласия старейшин.

Аймик согласие получил, и духи ему способствовали. Но уже подбравшись к молодой мамонтихе, вдыхая ее запах, слушая спокойные вздохи и довольное хрумканье, он вдруг почувствовал жалость. И перед тем, как нанести удар, прошептал: «Прости своего убийцу! Твои бивни и твое сердце очень нужны моей Ате! Нам обоим очень нужны!» И потом, два дня пре-

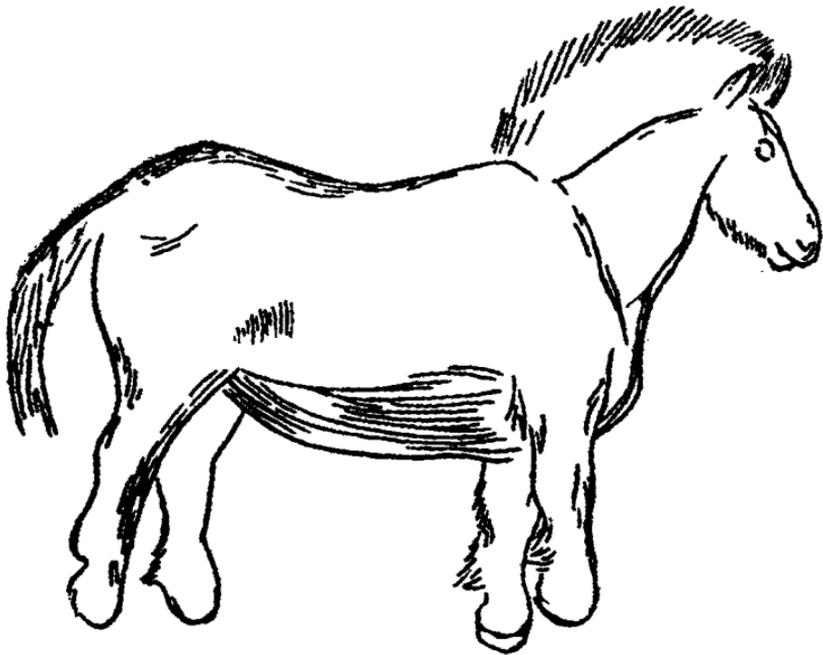
следуя смертельно раненного зверя, безнадежно пытавшегося уйти от этой невыносимой боли, он снова и снова повторял: «Прости меня за то, что я убил тебя!» ...Нет, любая другая охота легче, чем эта...

Возможно, такой способ охоты и вправду использовался охотниками эпохи верхнего палеолита. Однако он не мог быть основным. Он не объясняет главных особенностей, которые выявляются при анализе мамонтовых костей, собранных археологами на интересующих нас поселениях в центре Русской равнины.

Сразу отметим: там, где кости мамонта использовались как строительный материал, их находят великое множество, сотни и тысячи. Анализы и подсчеты этих костей, проведенные палеозоологами, показывают: во всех случаях набор их дает картину «нормального стада». Другими словами, на поселениях присутствуют в определенных пропорциях кости самок и самцов, и старых особей, и зрелых, и молодняка, и детенышей, и даже косточки неродившихся, утробных мамонтят. Все это возможно лишь в одном случае: *охотники на мамонтов, как правило, истребляли не отдельных зверей, а целое стадо, или, по крайней мере, значительную его часть!* И такое предположение вполне согласуется с тем, что известно археологам о способе охоты, наиболее распространенном в верхнем палеолите.

Загонная охота

Коллективный загон являлся в верхнепалеолитическую эпоху основным способом охоты на крупного зверя. Некоторые места таких массовых боен хорошо известны археологам. Например, во Франции близ городка Солютре есть скала, под которой найдены кости десятков тысяч лошадей, сорвавшихся с крутого обрыва. Вероятно, в период около 17 тысяч лет назад здесь погибло не одно стадо, направленное к пропасти солютрейскими охотниками... У города

Р и с. 6. Лошадь крупной породы —
рисунок из Ла Пасьет (Испания).

Амвросиевка на Юго-Восточной Украине был раскопан древний овраг. Оказалось, на дне его нашли свою гибель многие тысячи бизонов... Видимо, подобным образом люди охотились и на мамонтов — там, где эта охота являлась их главным занятием. Правда, скопищ мамонтовых костей, подобных Солютре и Амвросиевке, мы пока не знаем. Что ж, можно надеяться, в будущем такие места еще обнаружатся.

В романе «Закон крови» дано описание загонной охоты, правда, не на мамонтов, а на лошадей:

...Близился рассвет. Табун отдыхал вблизи ольшаника. Корма было вдосталь, травы сочны и вкусны. Время от времени раздавалось пофыркивание, а вот — иной звук: поздний жеребенок снова добрался до материнского соска. Лошадям снились свои сны; в них были и родной материнский запах, и нежное щекотание соска под губами новорожденного сына, и вкус травы — то горчащий, вязущий, то острый,

кисловатый, и призывное ржание жеребца, и упругий трепет кобылицы... И еще были в этих снах страх и паника, медленный бег на месте, когда знаешь, что не спасешься от этого воя, горящих глаз, клыков, превращающихся в двуногих с их острыми палками, с их страшным союзником — жгучим цветком.

Вожжаком табуна был десятилетний жеребец, — умный, опытный, в годах, но еще не старый, еще полный силы. Не раз, и не два спасал он свой табун не только от волков, но и от двуногих, — проклятых тварей, покоривших, призвавших себе в помощники самого страшного врага всего живого: жгучий цветок, тот самый, что возникает из ничего и стремительно растет, уничтожая не только зелень, не только все другие цветы, но и все, чего коснется его жаркое и удушающее дыхание.

Вожжаку не спалось. Ему было тревожно, как никогда прежде. Он сделал все правильно: одним из первых привел свой табун на новые пастбища, так, что им достались самые свежие, самые сочные корма. Так, что они первыми уходили на еще не тронутые поляны... Все правильно! И все же он чувствовал, что сделал самую страшную ошибку в своей жизни. Роковую ошибку!

Здесь, на новом пастбище, было сытно, спокойно, привольно. Все хорошо, кроме одного: ЗАПАХ ДВУНО-ГИХ! Он преследовал повсюду, им веяло из ольшаника, слева, от сосен, справа, снизу... Отовсюду! И, как всегда, к запаху двуногих примешивался раздражающий ноздри, ненавистный запах жгучего цветка. Вожжак понимал: нужно уходить! Хотя бы и туда, где травы не так сочны, где...

То, что последние дни только щекотало и раздражало, вдруг заполнило собой ноздри, стало нестерпимым. Из ольшаника! И — крики, грохот...

Вожжак всхрипнул, прокричал тревогу и первым ринулся вниз по склону, спасаясь от этого зловещего места.

Загон начали женщины. Самые молодые, обнаженные, в каждой руке — по горящему факелу. Они

бежали, приплясывая, они размахивали факелами, они кричали:

- Ой-ей-ей-ей!
- Эй-ей-ей-ей!
- Э-гей-гей-гей!
- О-го-го-го!..

Они сами превратились в кобылиц, — молодых, разгоряченных. И мчались за ними жеребцы, — несколько молодых охотников; тоже голые, тоже — с горящими факелами в руках.

- Ой-ей-ей-ей!
- Эй-ей-ей-ей!
- Э-гей-гей-гей!
- О-го-го-го!..

Табун стремительно летел вниз по склону. Вожак знал, где нужно свернуть направо, чтобы обогнуть ельник и вырваться наверх, туда, где сейчас слишком много их сородичей, но где — простор и свобода!

Но свернуть не удалось. Началось самое ужасное: и справа, и слева местность взорвалась криками, смрадом двуногих и их ненавистного союзника! Жгущий цветок дышал своими черными, нестерпимо вонючими испарениями. И справа, и слева полетели острые палки. С предсмертным визгом рухнула под копыта своих сородичей молодая кобылица.

Оставалось одно: вперед!

Загонщики сделали свое дело: табун мчался туда, куда нужно. Теперь факелы отброшены; двуногие жеребцы настигли своих двуногих кобылиц...

Сейчас нет никакого Закона, кроме одного: настиг — твоя! Она тебе желанна и ты ей желанен! В этом нет преступления; это — часть самого Закона! Никаких запретов не было и не могло быть: в этом последнем обряде люди перестали быть людьми; они стали жеребцами и кобылицами, возрождающими гибнущий табун к новой жизни. Двуногий жеребец настигал свою кобылицу, и та подала на колени на стоптанную траву, еще горячую от лошадиных копыт. Молодые тела исступленно бились, насыщались, и не могли насытиться друг другом...

...И вот что странно: никогда, ни единого разу, ни мужчины, ни женщины так и не могли вспомнить, кого и с кем сводили эти Большие охоты!

Дрого с нетерпением ждал, когда на него, стоящего в цепи, вылетит табун.

Главное — свалить вожака!

Металка и дротик, — надежный, опробованный! — наготове.

(«— Не стискивай металку; кисть, кисть расслабь. И помни: копьё — часть тебя самого...»)

Вот они!.. Бросок!

Оперенный дротик не прошел мимо цели. Но долгогривый, пегий вожак только всхрипнул, и ускорил бег...

Бывший товарищ по играм спустил тетиву лука и победно взглянул на Дрого: короткий дротик не упал в траву, не отскочил, — вонзился в бок кобылицы!

И тут крики со стороны Серых Сов взлетели на новую волну. В них слышался неподдельный ужас:

— Прорвались! ПРОРВАЛИСЬ!..

Вожак понял: он упустил возможность, — прорываться следовало сразу! Сквозь двуногих, сквозь жгучий цветок и его черное дыхание — неважно!

Сейчас оставалась последняя возможность...

Он вздрогнул от удара и боли под левой лопаткой. Неважно! Вперед!

Дротики летели и справа, и слева. То одна, то другая лошадь с протяжным визгом падала под копыта табуна. Но вожак, казалось, был неуязвим. Только один, белоперый дротик возвышался над его левой лопаткой.

Вот оно, — самое страшное! Опытный жеребец свернул направо и, презирая огонь и дым, крики и дротики, устремился прямо на северный заслон! Если табун прорвется...

Айон, сын Гарта, перепрыгнул через горящую канаву, не обращая внимания на пахнувший в лицо жар, на опаленные волосы... Если не получится, то —

все равно! Пусть — смерть под копытами! На миг их глаза встретились: его, человека, сына вождя, — и жеребца, вожака, пытающегося спасти своих сородичей от неминуемой смерти...

Не дротик, — тяжелое деревянное копьё с острием, закаленным в огне костра, с неожиданной силой метнула человеческая рука.

Вожак вел свой табун на прорыв, — в долину, откуда потом они найдут путь наверх, подальше от двуногих... Человечьи крики смешивались с предсмертным визгом лошадей.

Неважно! Вперед!

Вот один из них, ненавистных! Сейчас его кости захрустят под копытами...

Страшный удар в грудь бросил его наземь, под копыта тех, кого он вел за собой. Какой-то миг умирающему, затоптанному вожаку еще казалось, что он продолжает бежать...

Неуязвимый рухнул в последний момент, когда люди уже были уверены: все кончено! И дети Серой Совы, и дети Мамонта разразились неистовыми победными криками, — и табун, лишенный предводителя, повернул туда, куда ему и было положено: к краю обрыва.

Над обрывом клубилась белая пыль, а снизу доносился визг гибнущих животных, заглушивший человеческие голоса. Охотники торопливо спускались по тропе, чтобы завершить свое дело. Лошади, упавшие первыми, самые счастливые, погибли сразу. Последние безнадежно пытались подняться на сломанные ноги и кричали... Чудом уцелевший жеребенок жалобно звал на помощь свою мертвую мать. Арго метнул копьё.

Айон, не отрываясь,пил кровь вожака — Неуязвимого. Навившись, не вставая с колен, он воздел к небу руки и запел. Такого коня следовало поблагодарить особо.

Айон долго пел о сильном, бесстрашном жеребце,

сделавшем все, чтобы спасти своих сородичей. Он благодарил свою жертву за отданную жизнь и просил прощения за свой удар. Он просил Великую Серую Сову о помощи: пусть этот славный, могучий жеребец вернется в Средний Мир как можно скорее! Пусть он приведет с собой как можно больше кобылиц и жеребцов, таких же сильных и бесстрашных!..

Да, так нередко бывало при удачной охоте. Но ведь могло обернуться иначе. Например, вот так это дано в романе «Тропа длиною в жизнь»:

...Все было хорошо, все — как надо. Стадо мамонтов отсекали и от отхода на плато, и от безопасного спуска в долину; с наветренной стороны пустили пал, с противоположной — крики и факелы. И сзади — направляющие. Все как всегда, как бывало и у них, детей Тигрольва. Он, Аймик, был среди направляющих... Великие Духи, он все делал как надо! Ни в чем не ошибся! Его ли вина, что старый вождь оказался мудрее, опытнее, чем обычно! Все же знают, — такое случается. Редко, но случается! Рыжеволосый гигант, поддавшийся было общей панике, вдруг остановился, невзирая на рев и толчею своих сородичей, задрал свою страшную и прекрасную голову, и, вздымая хобот, затрубил так, что у загонщиков уши заложило! А потом, развернулся, сбил могучей грудью ополоумевшую самку, подмял мамонтенка, и рванулся прямо на пал, увлекая за собой тех, кто смог в этот критический миг преодолеть свой ужас. Лучших...

Таких отчаявшихся не остановит ни копые, ни дротик. Конечно, прорвались далеко не все. Конечно, свыше половины стада нашло свою смерть там, под обрывом. Но прорвавшиеся — прорвались, и унесли с собой не только лучшие бивни и кости... Двоих сыновей Сизой Горлицы, не сумевших вовремя увернуться, стоптали мимоходом, а третьего, Кайюма, сына вождя, едва успевшего пройти Посвящение, рыжеволосый вождь ухватил своим хоботом, взметнул вверх и, с ревом швырнув себе под ноги, превратил в кровавую лепешку...

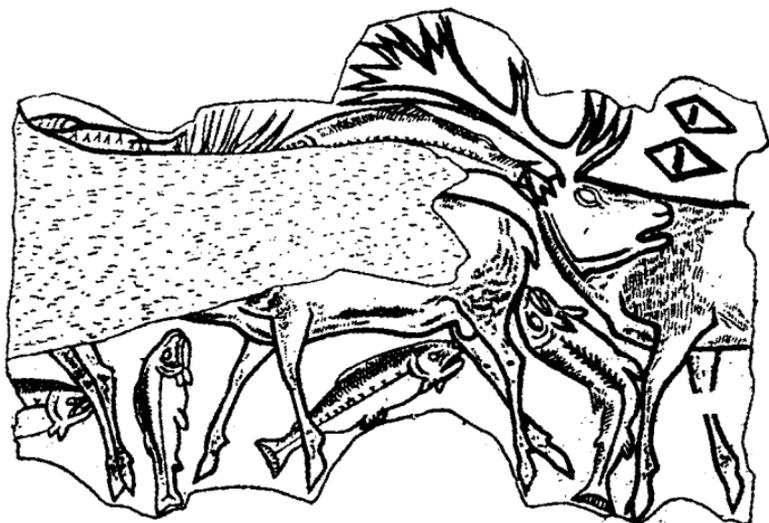

Рис. 7. Плывущие олени и лососи.
Рисунок из грота Лартэ (Франция).

Стоит отметить одну из характернейших черт охоты в палеолите — предпочтение, оказываемое какому-то определенному виду добычи. В интересующем нас регионе такое предпочтение отдавалось мамонту, немного южнее — бизону, а на юго-западе Восточной Европы — северному оленю. Правда, преобладающий объект охоты никогда не являлся единственным. Например, западно-европейские охотники на лошадей и северных оленей, случалось, убивали и мамонтов. Так же поступали сибирские и североамериканские охотники на бизонов. Да и охотники на мамонтов при случае не отказывались от преследования оленей или лошадей. Загонная охота в палеолите не была единственным способом добычи зверя. Она носила отчетливый сезонный характер. «Большие загоны», подобные описанным выше, предпринимались не чаще чем 1—2 раза в год (это хорошо подтверждают и этнографические аналогии: первобытные охотники умели беречь природу много лучше, чем современное человечество!). В остальное время люди, как правило, добывали себе пищу, охотясь или неболь-

шими группами, или в одиночку. Верхнепалеолитическое вооружение было для этого вполне приспособлено:

...Охотятся по-разному. На длинноухих и на пещеров ставят силки; каждый охотник по-своему, в одиночку. За более крупной добычей уходят группами — по два, по три, а то и по пять человек; порой очень далеко: за несколько переходов. Именно так Йом с четырьмя сородичами добыли бизона, — не в окрестностях, куда эти звери заходят редко, а далеко на юго-запад, в степи. На стоянку принесли только самые лакомые куски, присоленные золой, шкуру да голову, — знак охотничьей удачи. В одиночку на крупного зверя выходят редко, по необходимости. ...Впрочем, порой появляются в общине странные любители одинокой охоты.

Охотничьи собаки

С этими-то способами «одинокой» охоты, очевидно, и было связано одно из замечательных достижений человечества: одомашнивание собаки. Древнейшие в мире собачьи кости, очень похожие на волчьи, но все же отличающиеся от них, были обнаружены на стоянке Елисеевичи 1 в Приднепровье и датируются около 14 тысяч лет назад. Таким образом, этот важнейший момент верхнепалеолитической эпохи напрямую связан с областью, занятой в тот период восточно-европейскими охотниками на мамонтов... Разумеется, тогда собака еще не была распространена повсеместно. И, вероятно, внезапная встреча с первым домашним животным производила неизгладимое впечатление на тех, кто дотоле знал лишь диких зверей:

...Вдруг из-за куста, перепрыгнув через стоящего на коленях подростка, прямо к Хайорру метнулся... ВОЛК! А тот почему-то издал радостный крик, во-

ткнул в снег свое копые и едва успел перехватить руку Аймика, уже занесшую оружие.

— Стой! Это друг!

И пораженный Аймик увидел, что волк (странный он какой-то!), вместо того, чтобы вцепиться человеку в горло, ластится, подвизгивает, метет хвостом снежную пыль (сроду не встречал у волков такую повадку!), и... улыбается; ну точно, — улыбается!

— Ну, иди сюда, мой красавец! — воскликнул Хайюрр, протягивая к зверю руки. И тот, взвизгнув от радости, вплотную подбежал к человеку, поставил ему на грудь мозучие передние лапы и принялся вылизывать чернородое лицо!

Пораженный этим невиданным зрелищем, Аймик даже не заметил, как рядом с ними на тропе оказался мужчина. Такой же рослый, как Хайюрр (только в плечах пошире), такой же бородатый (только борода побольше и с проседью), с такой же улыбкой... Ошибиться невозможно, — отец!

— Ну, уж если Серко тебя признал, — значит, живой! Здравствуй, Хайюрр!

Они обнялись.

— Р-р-р-р-р!

Аймик опустил глаза, — и мгновенно встал так, чтобы заслонить собой Ату. Этот странный волк явно не собирался причислять их к своим друзьям! Конечно, в руке копые, и он справится со зверем, но...

— Стой, Серко, не смей! — вовремя спохватившись, Хайюрр перехватил зверя голыми руками, прямо за уши. — Это друзья, понимаешь? Свои. Свои!

Он усадил волка, несколько раз повторив: «Свои. Это свои!», затем подошел к Аймику и Ате, обнял их за плечи.

— Свои! Понял?

— Р-р-ру!

Волк поднялся, неторопливо, уже без угрозы, подошел к Аймику, затем к Ате, обнюхал, внимательно посмотрел в их лица и, потеряв к ним всякий интерес, вновь принялся ластиться к своему другу...

Рыбная ловля

Несколько слов стоит сказать о рыбной ловле в палеолите. Никаких остатков рыболовных снастей — крючков, грузил, остатков сетей или верш и т.п. — на стоянках той поры не встречается. Специализированные рыболовные орудия, скорее всего, появились позднее. А вот рыбы кости попадаются и на поселениях охотников на мамонтов, хотя и достаточно редко. Я уже упоминал ожерелье из рыбьих позвонков, найденное в верхнем культурном слое стоянки Костенки 1. Вероятно, в те времена на крупную рыбу охотились с дротиком — как и на всякую другую дичь. Только для этого дела требовалась особая снаровка.

Правила охоты

И, наконец, еще один важный момент, о котором стоит упомянуть — это отношение палеолитического человека к окружающему миру, к той же дичи. Напомню, что культура охотников на мамонтов просуществовала не менее 10 тысяч лет. Это неизмеримо длительный период, вероятно, даже трудно вообразимый с точки зрения нашего современника. Ведь «цивилизованному человечеству» хватило куда меньшего отрезка времени, чтобы поставить весь мир на грань экологической катастрофы. А вот в эпоху палеолита население Русской равнины на протяжении многих тысячелетий умудрялось, в конечном счете, правильно регулировать экологический баланс, препятствовать исчезновению видов животных, от которых зависело его собственное существование. Пожалуй, следует признать: отношения наших предков с природой были куда более гармоничными, чем теперь:

...Все, что ходит, бежит и прыгает по земле, летает по воздуху, плавает в воде, может стать охотничьей добычей. Но к этому подходят с выбо-

ром. Запрещено убивать своих братьев и сестер: зверей или птиц, являющихся Родовым тотемом. Это могут делать только люди другого Рода. Так ни один из сыновей Мамонта не смеет нанести вред своему старшему брату — волосатому слону, но для сыновей Серой Совы или Куницы такого запрета нет. Не поощряется и пустое убийство, ради развлечения. Убивать можно для еды, ради шкуры и меха, ради костей... Из доблести, наконец! Но даже мальчишка, раздавивший мимоходом беззащитного птенца, жестоко за это поплатится: от взрослого мужчины — затрециной и оборванными ушами, от своих сверстников — едкими насмешками. Для настоящего же охотника такой поступок немыслим. А вот если тот же мальчишка добудет для еды пару-другую жирных сурков, сумеет изловить длинноухого, а то и утку или перепелку подстрелит коротким дротиком, — его ждет только похвала.

Взрослые охотники с сурками связываются редко, — разве что, изголодавшись. От хорошей птицы не откажутся, — если подвернется под руку, но специально охотиться не станут. Иное дело, — подколоть, или даже взять голыми руками в Большой воде хорошую рыбу: тут требуется и смекалка, и ловкость. Но, конечно, главная их добыча — крупный зверь...

Охота как подвиг

Охота на крупного зверя, как правило, носила промысловый характер. Но, по-видимому, убийство опасного хищника рассматривалось как подвиг, как верный путь к славе. Знаменитые погребения двух подростков, найденные в Сунгире, содержат интереснейшие находки — подвески из когтей тигрольва — могучего зверя, действительно совмещавшего в себе признаки льва и тигра (долгое время этого зверя называли «пещерный лев», однако сейчас этот термин почти вышел из употребления). У одного погребенного были обнаружены две такие подвески, у

другого — одна. Несомненно, обладание подобными вещами имело глубокое символическое значение. Быть может, являлось наградой за совершенный подвиг?.. Красочным описанием борьбы охотников с тигрольвом из романа «Закон крови» мы и завершим эту главу об охоте:

...В этот раз разговор шел о тигрольвах. Редкий зверь! Самый коварный, самый опасный! Сколько одиноких охотников, не вернувшихся в стойбище, закончили свою земную тропу в его страшных когтях! С тем, кто чем-то обидит Уумми, Хозяйку леса, или даже нечаянно вызовет ее гнев, такое произойдет обязательно: ее муж плохо ходит на своих коротких кривых ножках; ими он обхватывает бока тигрольва. Уумми, высокая, в полсосны ростом, мужа позовет, с тигрольва себе на плечо пересадит, а зверя пошлет обидчика наказать.

Скажет: «Иди! Возвращайся скорее, — да с добычей! А не то мой Хыхан ждать не любит; сердитый — у-у-у-у! Тебя съест, и меня съест!» Только врет она. Пугает. Ее Хыхан хоть и катается на тигрольве, а совсем не сердит; она сердита, — не он. И мяса не любит совсем, — только ягоды, грибы. И спать любит. А жену свою не боится совсем, — даром, что маленький, кривоногий, криворукий, — только голова большая. С ним подружиться хорошо, — да только забывает он, — уж очень спать любит...

Рассказы из тех, что могут слушать все: и женщины, и дети. Есть и другие: их можно вести только среди охотников в мужских домах. И такие есть повествования, что, услышав один-единственный раз, при Посвящении, мужчина помнит его всю жизнь, но повторить не смеет. Никому и никогда. Даже намеком.

Тигрольва убить трудно. Но можно. Если убьешь — Хыхан на Хозяйку рассердится, ругать будет, бить будет: «Ты зачем моего зверя на смерть послала?» А к охотнику — ничего; понимает: тот не виноват! И Хозяйка леса такого охотника сама заува-

жают, даже побаиваться будет. Всегда пошлет ему добычу! Вот такой-то охотник, у кого на шее когти тигрольва, может потом и вождем стать!..

— Дрого, — неожиданно сказал Анго, — я знаю, где тигролев! Недалеко; один, два... три дня вернуться можно! Ты убьешь тигрольва, ты будешь вождь детей Мамонта! Потом, после отца!

Екнуло сердце. Конечно, дело не в том, будет или не будет он вождем детей Мамонта, — это же не обязательно! Тот же Мал... Но убить тигрольва, — в любом случае почетно. Принести сюда его голову и шкуру и всю жизнь носить на груди его когти...

...Утро, такое же ослепительное, как накануне, отражалось в широких лужах синевой и рябью белых облаков. Охотники, помогая себе копытами, стали спускаться по довольно крутому склону оврага, скользкому от талых вод. На дне шумел настоящий поток.

— Здесь? — спросил Дрого. — Ты уверен?

(Как-то не вязалось такое место с логовом тигрольва!)

— Должно быть, здесь. Мой брат сам видел след. Свежий.

(Что да, то да. Следы. И клоки шерсти на кустах. И помет. Все — утреннее.)

Дно оврага оказалось каменистым. По нему шумел весенний ручей. В потоке и по краям его попадались ветки и целые коряги. И еще — кости! Такие, что один их вид говорил о многом... Дрого невольно оглянулся назад, затем вверх, — на левую и правую стенки оврага... Следы ведут туда, вглубь, но тигролев — зверь коварный. Если почует преследователей, — вполне может и за их спиной оказаться, пока они со следом разбираются. И неожиданно напасть, прежде чем охотники успеют понять, что к чему.

— Нора есть, — тихо-тихо, одними губами прошептал Анго. — Большая. Дальше. Он там!

Чем дальше заходили они в глубь оврага, тем темнее становилось, и невольно замирало сердце. Не от

страха, — от предвкушения скорой встречи. Теперь охотники двигались совсем осторожно, молча, беззвучно. Не забывали осматриваться: пока один смотрит вперед, второй ощупывает глазами края, озирается, прислушивается.

Теперь говор потока, казалось, нес в себе угрозу... Дрого почувствовал, что его правая ступня начинает мокнуть. Должно быть, напоролся на что-то, — и в мокасине дыра...

Анго коснулся руки Дрого, указывая вперед. Но он уже заметил и сам. Не нора даже, — целая пещера, наподобие тех, что на склонах их родного лога, где летуны гнездились... Только эта — больше! Теперь нужно быть готовым; теперь в любой миг, внезапно...

Дрого перехватил копые поудобнее. Весь в напряжении, он внимательно изучал все, каждую деталь. Конечно, это ЕГО логово! Здесь кости, и свежие в том числе... кора поваленного дерева изодрана страшными когтями... и на стенках оврага полосы от тех же когтей... И следы, следы, повсюду следы...

...Но тут, не из пещеры, — откуда-то сверху польшилось злобное:

— Р-Р-Р-Р-ХА-Р-Р-РА!

Могучий, гривастый, серо-желтый зверь с края оврага презрительно смотрел на охотников и, поигрывая мускулами, готовился к прыжку...

— Спокойно, Анго, спокойно! — твердил Дрого, сам не понимая, что он бормочет. При виде зверя к нему вернулся весь охотничий азарт, а вместе с тем и хладнокровие. Разом вспомнились и уроки, и рассказы Мала — победителя тигрольва. Сейчас хищник прыгнет, — и в точно схваченный миг нужно пасть на левое колено и выставить, уперев в землю, копые, так, чтобы зверь сам насадил себя на острие! Сейчас...

ПРЬЖОК!

Дрого не прогадал. Но даже прыжок с земли сбил тогда с ног более крепкого Мала! Высота удвоила силу броска и без того могучего зверя. К тому же

при прыжке сверху точный расчет для охотника труден. Тигрлев попал на выставленное вперед бивневое копьё, но боком; острие пропороло шкуру, разорвало мышцы, но ни сердце, ни легкие затронуты не были. Разъяренный зверь подмял под себя охотника!

Дрого спасло то, что, ошеломленный неожиданной болью, зверь в ярости делал много ненужных движений, удары когтей приходились в основном по земле, хотя задняя лапа и расплосовала штанину, и кровь хлестнула из ноги... Копьё бесполезно, кинжал... Рука притиснута, не вывернуть, не достать!

Сверху — глаза Анго и взметнувшаяся с копьём рука.

(Пригвоздит обоих! Как тогда, в бою!)

Анго знал: тигрлев — для Дрого! Для будущего вождя! И когда зверь ринулся вниз, он отступил на шаг, чтобы не мешать брату. И тут...

Копьё не пронзило напавшего, только порвало бок. И вот уже — оно бесполезно, и Дрого внизу, и тигрлев сейчас... Остается одно, последнее! Анго с занесенным копьём бросился на помощь брату.

Один его удар прикончил бы хищника на месте! Но, встретившись глазами с Дрого, Анго вспомнил о том роковом своем ударе, намертво пригвоздившем к земле обоих врагов: и лаши, и сына Мамонта... Рука дрогнула, — копьё скользнуло вдоль лопатки!

Но этот удар спас Дрого. Разъяренный от боли зверь оставил свою жертву, чтобы схватиться с новым врагом. Он так и не понял, до последнего своего мига, что не о добыче, не о мести нужно было заботиться ему сейчас, — о спасении своей жизни от этих двуногих! Тигрлев еще не успел изготавиться к новому прыжку, — а вывернувшийся из-под него охотник уже отпрыгнул, уже сжимал в руках свое оружие! Теперь их было двое, и теперь тигрлев знал, что это такое — их острые палки! Но выхода нет, — и он рванулся вперед, чтобы быть принятым сразу на оба бивневых копьё!

Весело трещит костер, и остановлена кровь, — не хлещет больше из многострадальной ноги Дрого. Почему-то именно левой больше всего достается!.. Дамой они потащат на еловых шестах только шкуру — с хвостом и лапами — она подсыхает, выделанная лишь начерно. Да отдельно — голову. Мясо останется здесь. Не на радость лисицам, нет. Они проводят своего могучего врага на Ледяную тропу по всем правилам, — чтобы не было у него обиды на своих убийц, чтобы ни Хозяева леса, ни великие предки тигрольва не стали преследовать охотников. Они встретились как враги. Но сейчас с побежденным должно расстаться друзьями.

— Дрого, а как же теперь?.. Кому быть вождем?

Дрого улыбнулся. Его брат искренне озабочен столь важным вопросом, хотя он уже пытался объяснить, что к чему.

— Анго, я уже сказал: это так только говорится! И не убивший тигрольва может стать вождем. И убивший — не стать. Это доблесть, — и только.

— Убивший тигрольва, носит на шее его когти, так?

— Так.

— Когти твои, Дрого! Твой удар был первым!

— А если бы не твой, — тигролев делал бы сейчас свои амулеты из костей Дрого! Решать не нам, брат! Вождю. По мне, — так оба заслужили. Ну, да это потом! Сейчас могилу готовить нужно. И тризну.

..Арго любовался головой и шкурой могучего зверя, которые лежали у его ног. Что говорить! — он давно мечтал втайне о таком даре — от своего сына! И вот, — мечта стала явью!.. Быть может, и все беды к концу близятся?

— Кто же из вас одолел его, дети мои? Чью шею должны украсить когти этого зверя, носившего на своей спине самого Хыхана, мужа Хозяйки леса?

— Анго! — произнес Дрого.

— Дрого! — произнес Анго.

Вождь улыбнулся.

— Пусть мой старший сын расскажет по порядку, как было дело. А ты, Анго, если нужно будет, — добавишь.

— Ну, что ж! — сказал вождь, когда рассказ был окончен, — Вижу: вы оба одинаково достойны этой награды! Так пусть же два когтя с правой передней лапы получит тот, кто нанес первый удар, и один коготь тот, кто спас своего брата!

Братья радостно переглянулись. Вождь сам вырезал когти, приготовил амулеты и торжественно надел их на шеи своих сыновей, — победителей тигрольва...

ПИЩА И ПИТЬЕ

Теперь можно поговорить о том, что же ели и пили охотники на мамонтов, обитавшие на Русской равнине много тысячелетий назад? Насколько разнообразен и обилен был их обеденный стол? Да и как готовили пищу в те отдаленные времена, когда люди еще не имели представления о керамике, об огнеупорном горшке, который можно поставить на костер, вскипятить в нем воду, сварить кашу или похлебку?.. Полное отсутствие такой посуды определяет, пожалуй, самое главное, самое принципиальное отличие палеолитической «кухни» и домашнего быта от кухни и быта более поздних эпох — с неолита до современности!

Посуда

Как ни трудно представить себе теперь, но керамическая посуда, даже самая примитивная, появилась на Земле сравнительно недавно. Ее широкое распространение знаменует собой начало «нового каменного века» — неолита, причем древнейшие глиняные горшки стали лепить и обжигать на Японских островах около 11 тысяч лет назад (в период так называемой «культуры дзэмон»). К тому времени

в Восточной Европе уже исчезли интересующие нас сообщества охотников на мамонтов. Так что констатируем заранее: посуды в современном смысле слова они не знали.

Однако стоит взглянуть на проблему иначе. Со школьных лет все мы знаем, что в палеолитических сообществах еду доставляла не только охота, но и собирательство. Из этнографии известно, что занимались им женщины и подростки, собиравшие ягоды и грибы, съедобные корни и зерна, улиток и речные раковины... Порой, при отсутствии дичи, все это не просто обогащало пищевой рацион, но и спасало общину от голодной смерти.

Что же конкретного известно археологам о собирательстве охотников на мамонтов? Вроде бы, совсем немного. На их поселениях находят так называемые песты-терочники — специфические каменные орудия, предназначенные для растирания корней, злаков и орехов. Другой очень важной находкой являются бивневые мотыги, которыми пользовались для выкапывания корней и рыхления земли (наряду с не сохранившимися до наших дней «палками-копалками»). Кроме того, ученым известны гравированные на кости или сланцевых плитках изображения растений. Все это свидетельствует о развитом, *усложненном* собирательстве. Это последнее предполагает постоянный сбор и запасы различных дикорастущих растений и плодов, а также прекрасное знание и использование их свойств — и в кулинарных, и в медицинских, и в иных целях. Именно это, в конечном счете, привело к дальнейшему окультуриванию злаков: ведь за особо ценными растениями люди начинали специально ухаживать, даже высевать их. Без такого переходного этапа трудно представить себе и возникновение земледелия.

Усложненное собирательство, безусловно, требовало наличия в домашнем обиходе самых разнообразных емкостей. Мы знаем об этом и по этнографическим данным (к примеру, австралийские аборигены вплоть до XIX—XX веков вовсе не упо-

требляли глиняной посуды), и по находкам деревянных сосудов на более поздних памятниках, где дерево сохранилось либо в отложениях торфяников, либо в условиях вечной мерзлоты.

Конечно, всем этим плетеным или кожаным сумкам, деревянным корытцам и плоским еще далеко до «настоящей» посуды. Но ведь само это понятие означает в широком смысле слова: «предметы, используемые для переноса, хранения и приготовления еды и питья». А первое появление предметов такого рода уходит корнями в куда более глубокую древность, чем неолит — едва ли не к самому началу истории человечества. В конце концов, даже некоторые шимпанзе используют для питья свернутые листья, из которых, как из губки, высасывают воду (чем не примитивная «чашка?»). Нельзя усомниться в том, что за сотни тысяч лет, прошедшие от возникновения человечества до появления культур охотников на мамонтов, люди накопили богатейший опыт по изготовлению такой «протопосуды».

Археологи располагают и более определенными данными о том, что люди верхнего палеолита имели самую разнообразную тару — кожаную, плетеную, деревянную, берестяную и костяную. К сожалению, в самих культурных отложениях той эпохи подобные вещи не сохраняются — за редчайшими исключениями. Так иногда на верхнепалеолитических стоянках находят небольшие чашечки, вырезанные из кости или выдолбленные из камня. Но все же, как правило, о наличии тары в палеолите ученые судят по косвенным данным. Например, на знаменитой стоянке Костенки 1/1, оставленной охотниками на мамонтов, пришедшими на Русскую равнину около 23 тысяч лет назад, довольно часто встречались «кладки» кремневых пластин. Эти находки так залегали в слое, как если бы раньше они находились в кожаных мешочках: кожа истлела, а взаимное положение вещей сохранилось. Кстати, некоторые костяные изделия, обнаруженные на том же поселении, очень напоминают собой бурдючные пробки.

В деревянных, берестяных и кожаных сосудах можно было хранить продукты. Вероятно, их широко использовали и при подаче еды «на стол». Однако варить в таких емкостях пищу было нельзя. Поэтому рацион эпохи палеолита поневоле ограничивался сырыми, жареными или запеченными в золе и глине блюдами. И все же полагаю, что «кухня» охотников на мамонтов была гораздо разнообразнее и вкуснее, чем это может показаться на первый взгляд.

Даже современное «собирачество» грибов, ягод и лесных орехов дает нашему городскому столу очень много. Что ж говорить о людях, чье знание природы, умение пользоваться ее дарами были совершенно не сопоставимы с теми убогими сведениями, которые еще остались у нас, «цивилизованных»! Мы и представить себе не можем того великого множества съедобных трав, которые употребляли в пищу люди верхнего палеолита. А их сочетания, а приправы к тому же мясу! И, наконец, — разнообразные способы обработки этих продуктов... Даже мы, давным-давно отошедшие от природы — и то знаем, как приготовить шашлык, каким образом печется картошка и чем это все отличается от куска мяса, обжаренного на вертеле над костром. Наиболее искушенные поведают, пожалуй, и о способах запекания в глине дичи или рыбы... Но опять-таки — способы приготовления пищи «в полевых условиях», которыми владели охотники на мамонтов, были несравненно богаче и разнообразнее этих, доставшихся нам «по наследству».

И еще об одном не стоит забывать: вкусы меняются! Пусть читатель, которого покоробит упоминание о личинках, улитках и речных моллюсках как предметах собирательства в архаических обществах, вспомнит про цены на мидии и устрицы в современных элитных гастрономах. Быть может, тогда он перестанет кичиться изысканным вкусом человека рубежа XX—XXI веков. Ведь дело тут только в привычке и способе приготовления — не более.

Напитки той далекой эпохи отнюдь не ограничивались простой родниковой водичкой. Молока в рационе охотников на мамонтов не было — ведь мамонтиху не так-то просто подоить! А вот разного рода травяные настои — почему бы и нет?.. На многих верхнепалеолитических памятниках обнаруживаются обожженные булыжники, находившиеся далеко от очагов. Почему? Это станет понятным, если мы вспомним о традиционном в этнографии способе нагрева воды — с помощью раскаленных камней. Этот способ постоянно применялся на всем Земном шаре, и не только отсталыми народами. Те, кто видел фильм «Страсти по Андрею» («Андрей Рублев»), может быть, вспомнят, как один из героев фильма перетаскивает от костра раскаленные булыжники и бросает их в бочку с водой, один за другим. Конечно, при этом вода должна находиться в какой-то емкости:

...Прежде всего, он установил полные бурдюки в специально вырытые в полу ямы, обложенные шкурами и латником, чтобы не дать воде затвердеть, плеснув предварительно из одного из них в долбленную деревянную колоду, примерно на треть ее объема. Подошел к очагу. Огонь сердится, грозитя уснуть. Потерти, сейчас покормлю, прежде только камни возьму!

Дрого выкатил из огня несколько камней; с помощью палки и куска шкуры перебросил их, один за другим, в колоду с водой. Поднялся пар. Пока вода грелась, дядя и племянник вдвоем покормили очаг. Затем Дрого снова подошел к колоде. Вода поднялась почти до краев. Горячая. Он бросил туда травы, оставленные Колдуном, и зашептал заклинания. Деревянной миской зачерпнул варево, подал Ойми.

— Отнеси матери. Осторожно: не обожгись...

А вот описание обыкновенного завтрака, имевшего место свыше двух десятков тысяч лет тому назад:

...В такое утро не хотелось возвращаться под кров. Почти все общинники завтракали у своих жи-

лиц; холостая молодежь собралась у общих костров. Ватага детишек весело носилась по всему стойбищу.

— Айрис, соберите еду у входа.

Айрис и ее мать Айя расстелили лошадиную шкуру. Появились деревянные миски с грибами и ягодами прошлогоднего сбора, испеченные в золе лепешки, куски свежего жареного мяса, кожаный бурдюк с водой... конечно, свежей; дочь возвращалась от ручья, когда он покидал постель.

— Отец, мы тебя ждем!..

...Все расселись, скрестив ноги, на землю, подле разложенной шкуры. Хозяева — у входа в свое жилище, Мал, их гость, — напротив. По обычаю начали с подношения гостя: кусок закопченного оленьего окорока перешел от Мала к вождю, потом к Айе и Айрис. Перед тем, как передать окорок дальше, каждый откусил от него по куску, помогая себе острым кремневым отщепком. Пережевывая сочную, приправленную травами оленину, вождь подумал, что и в самом деле, нелегко найти такую хозяйку очага, которая будет подавать Малу столь же вкусное мясо, как это, приготовленное им самим!

Настал черед первого хозяйского угощения. Зажаренная лопатка молодого жеребца была с поклоном подана Малу. Съев кусок и произнеся традиционную благодарность, он с таким же поклоном передал ее Айе. От нее лопатка перешла к дочери, и, наконец, вернулась к вождю. Мясо запили водой, разлитой по деревянным площадкам. Теперь, когда гостевой ритуал был соблюден, можно есть и говорить более свободно...

...Казалось, Мал не замечает колебаний вождя. Он взял лепешку, посыпал ее грибным крошевом, добавил побегов дикого чеснока и с удовольствием откусил кусок.

— Айя, хозяйка! Мал благодарит от всего сердца. Такие превосходные лепешки и грибы я ем только у твоего очага.

— Благодарю, Мал, охотник. Но грибы готовила Айрис.

— О! — Мал внимательно посмотрел на девушку.

Своим слегка удлинённым лицом с крупными, но удивительно правильными чертами, своими глазами куньего цвета, она походила на мать. Наверное, много весен назад та была так же красива, и у нее были такие же густые, вьющиеся волосы. — Я вижу, Айрис будет прекрасной хозяйкой очага! Наверное, не хуже, чем ее мать, Айя.

— Я надеюсь! — девушка засмеялась, но покраснела...

...Айя вновь разлила по плошкам воду. Все встали, и вождь произнес традиционные слова:

— Арго, вождь детей Мамонта, благодарит предков и духов-покровителей. Пусть они и впредь будут столь же щедры к своей Родне!

Утренняя трапеза завершилась...

Так или примерно так протекали обычные трапезы охотников на мамонтов. Ну, а что же их праздники? Здесь, конечно, дело особое, как и у нас:

...Гудит высокое пламя пиришественного костра, посылая к летним звездам бесчисленные искры. Шипят на вертелах над очагами куски мяса, источающие дивный, возбуждающий аромат, от которого в начале пиря текли слюни и сладко ныли желудки. Но сейчас есть почти никто уже не в силах; общинники опьянели от сытости. И не только от сытости: ходят по кругу деревянные миски с хмельным питьем. Открывшая пир ритуальная охотничья пляска давно окончена; теперь можно все, теперь пляшет кто хочет и как хочет; кто во что горазд. Даже детишки прыгают, толкаются, визжат возле большого костра вместе со взрослыми, под стук колотушек о раскрашенные кости мамонта — праздничные барабаны детей Сизой Горлицы, под крики, смех, улюлюканье тех, кому лень даже с места двинуться — не то, что плясать. Или невозможу. От сытости.

Аймик не пляшет. Он сидит, скрестив ноги, — не в стороне, со всеми. Он глядит туда, где пляшут, улыбается и даже что-то выкрикивает время от вре-

мени. Как нужно, как другие. В руке костяной стержень с нанизанным куском хобота. Когда сползает улыбка, и нет сил ее вернуть, Аймик подносит его ко рту и рвет зубами давно остывшее, но мягкое и все еще сочное мясо, жует и глотает, не чувствуя его вкуса.

От костра чуть ли не бегом — громадная фигура Хайюрра. Он тащит за руки Малуту и Ату, а на плечах устроился Курри, его сынишка. Айюги не видно, должно быть, уже ушла. Все четверо веселы, все хохочут, а Курри так просто захлебывается от смеха, барабаня кулачками по отцовскому темени. Подбежав, Хайюрр бросает Ату прямо на аймиковы колени, валит наземь Малуту и громогласно хохоча, падает сам рядом с Аймиком. Его сынишка с радостным визгом слетает с отцовских плеч и несколько раз перекувыркивается через голову, туда и обратно.

Отсмеявшись, Хайюрр смотрит на Аймика, хлопает его по плечу и слегка приобнимает.

— Не грусти, дружище! Такое — в последний раз! Завтра, как только Обряды закончим — душу из Рамира вытрясу! Чтобы до осени тебя усыновили! Впрямь — сколько можно?!

Ата, лежащая на коленях Аймика, заглядывает ему в лицо, проводит ладонью по его довольно-таки редкой бороде и спрашивает:

— Муж мой, ты как?

— Хорошо, все хорошо! — скалит он зубы. — Объелся, должно быть. Хочешь?

Он подносит ко рту жены свой уже опостылевший кусок жареного мамонтячьего хобота. Она мотает головой, рывком садится и, тут же забыв об Аймике, смотрит на пляшущих.

— Смотри, смотри! — дергает мужа за рукав, показывая другой рукой на двух стариков, выделяющихся особенно замысловатым коленца. Заливается смехом и бьет в ладоши. Аймик вторит жене...

И все же при всех своих кулинарных достижениях охотники на мамонтов были не в состоянии сварить

даже простейший суп, приготовить бульон, отварное мясо. Ведь для этого требовалась совершенно иная посуда — та, что вошла в обиход человека лишь несколько тысячелетий спустя. Таким образом, изготовление глиняной посуды явилось действительно великим изобретением, резко изменившим пищевой рацион и во многом повлиявшим на жизненный уклад. Но вот что поразительно: в целом ряде сообществ интересующих нас охотников на мамонтов люди уже «додумались» если не до изготовления керамической посуды, то, по крайней мере, до принципа изготовления керамики как таковой!

Древнейшая керамика

Строго говоря, называть керамику «обожженной глиной» не совсем верно. Керамика — это первое созданное человеком искусственное вещество, отсутствующее в природе. Да, основу его составляет глина, но по своим главным свойствам оно существенно отличается от этого исходного материала. Химически глина представляет собой смесь окиси алюминия, двуокиси кремния и воды. При подготовке к обжигу глина проходит предварительную подготовку, которая разрушает ее первичную структуру. Она размывается, размещивается в воде, в нее добавляются разные примеси — песок, толченые кости, древесный уголь и проч. При температуре свыше 400 градусов по Цельсию происходит химическая реакция: вода улетучивается навсегда, и возникает отсутствующий в природе безводный силикат, который уже не может размокнуть под воздействием влаги. В широком смысле слова «керамикой» следует называть не только керамическую посуду, но и любые изделия, полученные таким способом: статуэтки, черепицу, силикатные трубы и прочее.

Археологи установили: керамика как таковая была изобретена намного раньше неолитической эпохи! Ее изобрели в середине верхнего палеолита. По крайней мере, древнейшая в мире керамическая

скульптура обнаружена на палеолитических стоянках Чехии — Павлов и Дольни Вестонице — где жизнь протекала приблизительно 27—26 тысяч лет назад. Найденные там скульптурки представляют собой изображения женщин и различных зверей — мамонтов, волосатых носорогов, медведей.

Люди, жившие на этих поселениях, принадлежали культурам охотников на мамонтов. Именно их потомки несколько тысячелетий спустя ушли на восток, на берега Дона и Оки. И здесь, на Русской равнине, в слое Костенок 1/1 и на Зарайской стоянке (возраст: около 22 тысяч лет назад), при раскопках были собраны многочисленные кусочки керамики. Однако на сей раз эти находки вполне бесформенны. Быть может, лишь один-два из них являются обломками каких-то фигурок. Кусочки обожженной глины находят и на других палеолитических поселениях. В знаменитой своими росписями Каповой пещере на Урале, в слое, датирующемся около 14 тысяч лет назад, даже обнаружена округлая чашечка из обожженной глины. На Енисее, в Майнинской стоянке (возраст ее 15 тысяч лет назад) найдена оригинальная фигурка человека. Глинистая порода, из которой она была сделана, была смешана с песком и размята перед обжигом, но сам обжиг очень плохой, неравномерный.

Палеолитическая керамика вызывает в научных кругах огромный интерес. Но, подобно многим другим изобретениям, сделанным «не ко времени», это великое открытие так и не получило дальнейшего развития и исчезло бесследно вместе с культурами, в которых возникло. Первооткрыватель и исследователь костяноковской керамики, петербургский археолог Н. Д. Праслов допускает, что некоторые кусочки ее могли происходить от сплетенных из прутьев, а затем обмазанных глиной и обожженных сосудов. И все же непосредственно связывать палеолитическую керамику с началом массового производства керамической посуды невозможно. В дальнейшем это изобретение вновь оказалось забытым на целые тысячелетия.

Хмельные напитки

Нет такого архаического общества, которое не знало бы хмельных напитков. Не спирта, разумеется, а различных продуктов брожения. О значении их в жизни древних людей, о характере их употребления мы узнаем, главным образом, из этнографии. В обычные, «рабочие» дни такие напитки никогда не употреблялись. Зато в праздники они, по обычаю, становились доступны всем — и мужчинам, и женщинам, и даже детям.

...В руках Хайюрра появляется деревянная миска с хмельюгой. Он делает несколько шумных глотков и хохочет от удовольствия.

— А ну, дай-ка сюда! — из-за плеча Аты протягивается волосатая ручища. Хайюрр забирает у Аймика мясо, а другой рукой ставит Ате на колени изрядно початую миску. Через мгновение весь оставшийся кусок хобота исчезает в щели, открывшейся вдруг в густой поросли его бороды и усов.

— М-м-м, ну и вкуснятина! — хохочет он, поглаживая свой живот. — Думал, — и куска не проглочу, да наплясался, вытил, — и снова жрать хочу!

Ата, едва пригубив, передает хмельюгу мужу.

Аймик пьет, не отрываясь, медленными глотками.

(Их хмельюга забористой нашей. Или просто здесь ее больше пьют, чем там, у детей Тигрольва?).

Наполовину опорожненная посуда уходит дальше, в чьи-то протянутые руки. Стучит барабан, стучит в висках, пляшут люди, пляшет пламя костра, пляшут звезды...

В архаических обществах всякое употребление хмельного обязательно было коллективным, освящалось ритуалом, традицией. Ни о каком «пьянстве в одиночку» в те далекие времена, вероятно, никто и не слыхивал. Досконально разбираясь в травах, люди верхнего палеолита знали, разумеется, и наркотики. Однако их применение тоже было под строгим

«контролем» колдунов и происходило лишь по их слову. Как правило, наркотики употреблялись в ритуальных и медицинских целях. Ими могли одурманивать тех, кого готовили в жертву духам-покровителям. Как это происходило в действительности? Быть может, вот так?..

...Колдун одним прыжком развернулся лицом к Аймику. Какое-то время он смотрел в упор, и в его черных глазах, вдруг ставших огромными, светилась не только ненависть, но и те же тревога и любопытство.

Затянув что-то заунывное, колдун коротким приплясом обошел хижину. Раз... Другой... Третий... Каждый раз напев неуловимо менялся, и в него начали влетать иные звуки — то тягучие, то свистящие, давящие на уши... Круги сужались... Воздух плыл перед глазами Аймика, голова наливалась тяжестью, клонилась на грудь. Он пытался противиться колдунским чарам, встряхнуться... Тщетно!.. Невесть откуда пришел густой, обволакивающий, приятно-сладкий запах...

Все оборвалось внезапно, — то ли каким-то звуком, то ли настоящим ударом по голове, — и вот уже почти ночь, и в руках собравшихся, стоящих в два ряда, горят факелы, а колдун тянет за руку его, безвольного, в открывшийся проход. Аймик все видит и слышит, все понимает, но... почему-то трава под ногами странного белого цвета, она становится прозрачной, и они скользят по этой непонятной траве словно по поверхности ручья, словно по лунному лучу... Вдвоем, — остальные так и шли по обе стороны от этой тропы.

Миновали стойбище (словно вымершее; даже костры не горят)...

...Тропа тянется через равнину; она словно живая!.. Да это же толстые глупые рыбы щекочут своими губами его босые ступни! Аймик заливисто смеется; в самом деле, ведь это так смешно! Запрокидывает голову и видит, что Небесная Охот-

ница тоже смеется вместе с ним. И от этого еще веселее...

...Черный узкий лаз. Пещера. Остановились у самого ее зева, и его Великий Поводырь говорит что-то внушительное...

...Аймик часто-часто кивает в ответ, не переставая улыбаться: да, да, он все понял он сам ляжет на жертвенный камень так приятно ждать и чувствовать как по всему телу растекается призывный взгляд Небесной Охотницы ведь ему туда к ней правда?..

Ноги и руки связаны. Его поднимают, и втискивают в узкий лаз, и толкают туда, в темноту...

Аймик, главный герой романа, в конце концов был спасен. Но того, кто каким-то невероятным образом раздобыл бы секрет колдуна и попытался бы с его помощью просто «оттянуться» на досуге, ждала неизбежная и мучительная смерть. Палеолитические сообщества не позволяли своим членам распорядиться такой опасной вещью, как наркотики, по собственному усмотрению. В противном случае человечество, несомненно, вымерло бы задолго до прихода цивилизации.

И в заключение этой главы — одно небольшое замечание. Изобретение керамической посуды, а вместе с тем и переход к употреблению вареной пищи, имевшие место в эпоху неолита, — все это есть несомненный технический прогресс. Но вот что любопытно: первые следы кариеса у человека фиксируются именно на зубах неолитических черепов. Чем дальше, чем «прогрессивнее» развивалось человечество, чем изысканней становилось его кухня — тем шире распространялась в мире эта напасть. А вот зубы наших палеолитических предков могли быть сточены до корней, но никогда не бывали больными! Об этом недвусмысленно свидетельствует антропологический материал того периода.

Ну, что же, за все приходится платить, в том числе и за технический прогресс!

ПУТИ-ДОРОГИ

Из того, что мы уже знаем об охотниках на мамонтов, ясно, что в общем и целом они вели оседлый образ жизни, подолгу оставаясь на одном и том же месте. Недавние раскопки Зарайской стоянки в Подмосковье показали, что такое «подолгу» могло означать даже не сотни — тысячи лет!¹ Оседлый образ жизни обусловил появление здесь сложных долговременных жилищ. При кочевом быте подобные сооружения были бы попросту не нужными.

И все же эта оседлость представляется относительной. В разные сезоны группам охотников приходилось откочевывать на более или менее значительные расстояния — до нескольких сот километров. Откочевывать для того, чтобы вернуться либо с запасами хорошего кремня, либо с охотничьей добычей. А когда мамонты по каким-то причинам прочно оставляли свои прежние пастбища — тут уж сниматься с обжитого места приходилось всей общине. Напомню, что именно так, постепенно продвигаясь за стадами

¹ Нелишне напомнить, что по радиоуглеродным датам первые обитатели Зарайской стоянки появились в долине р. Осетр около 22 тысяч лет назад, а последние охотники на мамонтов — носители тех же культурных традиций жили на том же самом месте около 16—17 тысяч лет назад. — *Прим. авт.*

своих «кормильцев»-мамонтов, племена из бассейна Дуная оказались в конце концов на берегах Днепра, Дона и Оки.

Можно только догадываться о том, как происходило такое путешествие. Этнографические данные помогают нам живо представить себе картину переселения архаического сообщества. Те же австралийцы, например, никакого сухопутного транспорта не имели. Передвигаясь во время своих кочевий исключительно пешком, они несли свой немудрящий скарб исключительно на себе: в руках, под мышкой, частично на голове. Роль «носильщиков» исполняли женщины, и они справлялись с этой своей функцией с большой ловкостью. Иной раз могли нести на голове корытце с мелкими вещами или даже водой, тогда как руки были заняты другой поклажей. Мужчины же передвигались налегке, с пустыми руками, готовые при необходимости в любой момент применить оружие.

Но знания, полученные из этнографии, должны сопоставляться и сравниваться с собственно археологическими данными. Например, зная образ жизни палеолитических охотников на мамонтов, довольно трудно представить, чтобы они переносили свою добычу с мест загонной охоты в поселок, не используя при этом никаких подручных средств. Ведь добычей им служило огромное количество мяса и тяжелые кости мамонтов. Скорее всего, этим людям уже были известны простейшие средства транспортировки, такие, как носилки и волокуша. Вполне вероятно, что в приледниковой области человек в это время изобретает лыжи и сани.

Что такое носилки, сани, лыжи, все знают очень хорошо. А вот что такое волокуша? Это довольно распространенная в разных первобытных культурах простейшая бесколесная повозка, предназначенная в основном для транспортировки груза. Она представляла собой два спаренных шеста, передние концы которых привязывались к собаке, лошади, быку или просто держались в руках, в то время как задние волочились по земле. На этих жердях закреп-

лялся груз, а при необходимости могло быть устроено и сиденье для человека. Волокуши были особенно распространены в Северной Америке (колесного транспорта индейцы не знали совсем, как и люди эпохи палеолита). До появления там европейцев волокуши тянулись собаками, а позднее для этого стали использовать лошадей. Даже в России, вплоть до недавнего времени, волокуши на конной тяге применялись в крестьянском обиходе; особенно на сенокосе.

Однако походный строй в архаических обществах всегда оставался неизменным — при наличии простейших средств передвижения или совсем без них. Весь основной груз волокли и несли на себе женщины и дети — в окружении вооруженных мужчин, готовых дать отпор при любом неожиданном нападении.

...Солнце еще только-только поднималось, и над Большой водой не развеялся голубовато-серый туман, а люди Кано уже покинули свой обжитой мыс, уже похоронили свои очаги, — но жар их несли, хранили в специальных плошках, прикрытых от ветра и сырости. Всегда можно добыть огонь, — но важно сохранить его, пронести через многие и многие временные привалы до того места, где люди вновь обретут свой дом. Теперь община двигалась вдоль высокого берега, не спускаясь в речную долину. Вот уже и миновали Поляну празднеств. Солнце все выше, туман рассеивается... А по правую руку, в глубине лога — дымки. Те, что подалее вглубь, — община Нерта, а чуть впереди — Община Рама; детей Куницы...

Да, им, еще молодым, уходить легче. И все же... Тяжело идут жены, головы опустили, — словно груз на волокушах непосилен, словно оттягивает шею меховой мешок, в котором гулькает младенец. В голос не плачет никто, но то одна, то другая невольно всхлипывает; слезы катятся по щекам, и не смахнуть рукой, а о плечо, — разве оботрешь?.. Что ни говори, — а вся жизнь прошла здесь, и вся родня ос-

тается здесь... точнее, уже там, за спиной... Только одна дочь Серой Совы, живущая в общине Кано, покинула мужа ради своего Рода. Что ж, ей можно: два года бездетной оставалась! Может, мужей и еще кто-то оставил бы (а иная, — так с радостью!), — но как оставить своих малышей, маленьких детей Мамонта?

Мужчины идут налегке. У них почти нет поклажи, только оружие да заплечные и поясные мешки с самым необходимым. То один, то другой подхватят мимоходом на плечо уставшую кроху (свой ли, чужой — разницы нет), — пока еще можно; еще утро, еще знакомые места. Но вскоре, — устраивайся к уставшей матери на волокушу, просись на руки к старшему брату или сестре, а лучше всего, — терпи, сколько можешь! У мужчин в походе задача одна: охранять! И сейчас нужно быть настороже, а дальше — тем более. В любой момент нужно быть готовым пустить оружие в ход, — против зверя, а то и против двуногих!

Им, мужчинам, тоже невесело; тоже родичи за спиной, а кое у кого из безбородых и другая причина для грусти. И все же они меньше сожалеют о прошлом. Они понимают: останься их община на прежнем месте из милости, — и жизнь стала бы невозможной... Все равно пришлось бы уходить. Нет, что ни говори, их вождь, — настоящий, правильный вождь; он не смалодушничал в решающий час... — избрал свою тропу!..

И как бы ни саднило сердце от свершившейся разлуки, — новая тропа всегда притягательна для настоящего мужчины. Особенно, если ты молод и смел, если ты веришь: весен и зим впереди больше, намного больше, чем осталось за твоими плечами...

«Тягловой силой» в палеолите до приручения собаки, очевидно, служил сам человек. Я уже упоминал о том, что останки древнейших собак были обнаружены на поселениях охотников на мамонтов. Этим собак вполне могли использовать и как тягловую силу — почему бы и нет? Но никакими фактическими

данными, подкрепляющими такое предположение, археологи не располагают: ведь от каких бы то ни было видов палеолитического транспорта, включая возможные остатки саней или нарт, не сохранилось ни кусочка.

Однако, если уж зашла речь о возможном использовании охотниками на мамонтов ездовых животных, нельзя не упомянуть о загадочных находках, сделанных в другой части Европы, на территории современной Франции. На некоторых гравированных и скульптурных изображениях лошадиных голов, принадлежащих мадленской культуре (возраст ее примерно 16—11 тысяч лет назад), есть детали, очень похожие на изображения уздечек. Один из первых исследователей палеолитического искусства и крупнейший его знаток французский ученый Эдуард Пьетт в конце XIX— начале XX века именно так и объяснял эти изображения. Ему возражали другие не менее крупные специалисты, Анри Брейль и Эмиль Картальяк. Однако вопрос этот нельзя считать окончательно решенным и безоговорочно отвергать возможность и того, что в некоторых высоко развитых культурах эпохи верхнего палеолита люди уже делали первые опыты приручения и использования животных — и не одних лишь собак.

Конечно, такие опыты, если они имели место, в эпоху верхнего палеолита были крайне редки и у современников тех же мадленцев должны были вызывать удивление, а то и ужас.

...Попрощавшись с очередными охотниками, долго объяснявшими и словами и жестами направление, пленник и его сопровождающие спустились в речную долину, блестящую в лучах утреннего солнца. Конвоиры о чем-то совещались, всматриваясь из-под ладоней в ослепительную даль. Невольно приглядываясь к окрестностям вместе с ними, Аймик не замечал ничего особенного. Синий лес далеко на том берегу; у реки песчаная отмель. Поодаль стада... Олени? А здесь... Берег пологий, дальше обрывист. Местность, в общем, ровная, с перелесками, хотя в двух

местах явно угадываются овраги... Вдали, на фоне темных деревьев, заметны дымки; очевидно, туда они сейчас и направляются... Тоже стадо, но не олени... Лошади... Надо же, как близко к тем дымкам!..

Он еще больше удивился, когда понял, что несколько животных отделились от стада и, поднимая пыль, скачут... прямо на них! Вот те на! Что же это за лошади такие в здешних краях?! Чем быстрее они приближались, тем больше Аймик отказывался верить собственным глазам... Лошади?! Да это же...

ЭТО ЖЕ ЛЮДИ-ЛОШАДИ!

В голове была полная сумятица; он одновременно думал и о том, что все же попал в Край Сновидений, к предкам, и о том, что как же так, не может быть, разве мертвые едят и справляют нужду?.. И вместе с тем билась безумная, угасающая с каждым мигмом надежда, что это так... только кажется, а сейчас он поймет, что видит обыкновенных лошадей...

И когда сомневаться уже было невозможно, когда стали различимы их бородастые, дикоглазые лица, а слух пронзило лошадиное ржание, — Аймик закричал сам и упал ничком наземь, изо всех сил зажмурив глаза, судорожно обхватив голову руками.

(Только не видеть! И не слышать!)

Но он слышал. Хохот. Оглушительный, пробивающийся сквозь ладони. Приведшие его в это страшное место смеются по-человечески, а те... они и ржут, как лошади!

Аймик чувствовал, как кто-то бесцеремонно трясет его за плечи; потом, невзирая на сопротивление, его поставили на ноги, отомкнули от лица руки... Он раскрыл глаза, потому что понял: сопротивляться бесполезно, все равно заставят! Он был готов ко всему, к любым превращениям! Мертвецы, духи и предки его до сих пор просто дурачили, и вот теперь...

...Ничего! Обычные человеческие лица; его спутники и новые, незнакомые; все шестеро помирают от смеха. А за ними... обычные конские морды, хотя и опутанные какими-то веревками...

Прошло время, прежде чем Аймик начал догады-

ваться... прежде чем вспомнил: странные волки! Там, у детей Сизой Горлицы были странные волки, живущие вместе с людьми, слушающиеся людей, защищающие людей. Так! А здесь...

Странные лошади — только и всего!

И поняв это, Аймик тоже расхохотался...

Так или примерно так люди эпохи верхнего палеолита странствовали по суше. Но как же они преодолевали водные преграды, те же реки?

У археологов есть основания думать, что древнейшим видом транспорта был именно водный. Прежде всего само распространение человека показывает, что ему очень рано пришлось столкнуться с необходимостью преодолевать водные преграды. Пусть Америку не отделял от Азии Берингов пролив, а Англию от Европы — Ла-Манш, когда туда двинулись первые люди. Все равно, путешествуя по Земле, им так или иначе приходилось пересекать несчетное множество рек и речушек, плыть по Индийскому океану от острова к острову (пусть даже этих островов было великое множество, и каждый следующий — в пределах видимости с соседнего), чтобы достичь Австралии. Далее, для сухопутного транспорта нужна тяговая сила — хотя бы собака. А ведь, как мы помним, даже этот зверь был приручен сравнительно поздно: уж никак не раньше 15—13 тысяч лет назад. И, наконец, о том же свидетельствуют некоторые этнографические данные: например, австралийские аборигены не знали никаких, хотя бы самых примитивных, видов сухопутного транспорта, но имели примитивные плоты и лодки.

Как и на чем люди переправлялись через реки десятки тысяч лет назад? Данные по той же Австралии показывают, что многие обитавшие там племена довольствовались простейшим плавучим средством — обыкновенным бревном, на которое австралиец ложился плашмя или садился верхом и греб руками и ногами. Бревна также связывались, превращаясь в плоты. На всем северо-западном побережье не знали иных средств передвижения по воде, одна-

ко в других районах употреблялись и челноки, изготовленные из коры дерева. При этом этнографы отмечают, что австралийцы были плохими мореплавателями и употребляли свои плоты и лодки, главным образом, для передвижения по рекам и озерам.

Мы не можем сказать, когда появились хотя бы самые примитивные плоты. Вероятно, все же задолго до возникновения человека современного вида: как бы иначе архаичный «человек прямоходящий» занял столь обширную территорию? Точно так же неизвестно ни время появления первых лодок, ни то, как они выглядели. Но мы очень хорошо знаем возраст древнейших из дошедших до нас плавучих средств. Это лодки, выдолбленные из цельного ствола дерева (так называемые моноксилы), датирующиеся эпохой мезолита.

...Они соорудили плот в предгорьях, и река, раздавшаяся вишьрь, вынесла их на цветущую, дрожжащую в солнечном мареве равнину, и несла, и несла день за днем на восход, лениво покачивая, словно баюкая. Потом — медленно, почти незаметно, — вновь появились всхолмия, предгорья... И вот уже, стремительно сузившись, зажатая теснинами, непохожая сама на себя Дерида мчит их с невероятной скоростью, и тут уж не править, — удержаться бы только!

— Дангор, держись! — орет Аймик, в тщетной попытке перекричать рев ярящихся вод, клокочущих, вскипающих белой пеной, бьющих в лицо, заливающих с ног до головы...

— Дангор, держись!

Ноги полусогнуты, левая рука впилась в намотанный на запястье ремень, другой конец которого намертво прикручен к связке; правая рука стискивает жердь... Брызги хлещут в лицо; он уже мокрый с головы, до ног... И все же ухитряется в самый критический момент направить плот куда нужно... Только бы не опрокинуться!

Дангор стоит на коленях, держится за связку. Похоже, он совсем не боится. Ему все равно...

А вот сцена осенней переправы:

...К этой Большой воде они подошли, когда поздняя промозглая осень уже готовилась перейти в настоящую зиму. Дул пронизывающий ветер; дождь вперемешку со снегом хлестал в лица. Лезть в воду не хотелось никому, — ни на бревнах, ни на лодках, выдержавших уже две переправы и невесть сколько переходов. О зимовке думать пора. А это значит, — лучше двинуться дальше вдоль берега, вниз по течению, хотя и ведет оно не на север — на восток. Именно так легче всего найти подходящее место: защищенный от ветра мыс, впадающий в Большую воду ручей. Так, может, лучше искать такое место здесь, на этом берегу?

Вечером охотники долго говорили. У всех тайная надежда была обойтись в этот раз без переправы. Ведь оторвались от Нежити, чего же еще? Но Колдун настоял на своем. И вождь его поддержал: «В последний раз. Все равно вода скоро затвердеет. Переправимся, — и по другому берегу. Он высокий, значит, и места для стоянок удобнее. Где-нибудь там и встанем на зимовку». Повздыхали, пожалели (про себя), но решили: «Колдуну и вождю виднее».

Тяжко далась эта переправа. Мокрый снег беспрерывно ложился на серую, враждебную воду, чтобы тут же исчезнуть, хотя оба черных осклизлых берега постепенно покрывались тонким белым налетом. Утро — словно сумерки; и так все застилает небесная морось, — а тут еще режущий встречный ветер мешал грести, залеплял глаза. Может, потому и не заметил он эту проклятую корягу.

Дрого пловец, и ему пришлось не один раз переправляться на легком челноке детей Серой Совы, туда и обратно. И не ему одному: за один раз всю общину на другой берег не переправить, даже в самую хорошую погоду. В такой день — тем более. Вождь до конца оставался на правом берегу: следил за переправой. Айя, конечно же, была рядом с мужем.

Дрого надеялся, — это будет последняя ходка! Плоты оставили на другом берегу; за семьей вождя

поплыли на челнах он и Морт. Так было и прежде: в челн Дрого садились Айя и Нага с Аймилой, к Морту — Арго с внуком Ойми. Но в этот раз вождь с сомнением покачал головой.

— Отдохните, руки хоть разотрите. Устали?

Что правда, то правда. Грести приходится зажатými в кулаках лошадиными лопатками. И в хорошую-то погоду кисти устают, а сейчас они от ледяной воды и совсем ооченели. Морт и Дрого без возражений наскребли, сколько могли, снега (пополам с грязью) и принялись усиленно, докрасна растирать свои руки. Вождь в сомнении смотрел на реку. Другой берег, люди почти терялись в густой пелене.

— Сегодня так поступим. Нага и дети садятся к Дрого, а ты, Морт, только нашу поклажу переправишь. Мы с Айей здесь останемся. Тебе возвращаться больше не нужно; Дрого второй челн к своему привяжет и за нами один вернется. Заберет мать, а я как-нибудь и сам выгребу.

...А вот и действительно, — последняя переправа! Эта мысль придавала силы, которых, казалось, уже и нет вовсе. Мать за спиной, он ее не видит, но чувствует: сжата, напряжена! Отцовский челн неподалеку; Арго гребет сильно, уверенно. Он давно мог бы быть на другом берегу, но сдерживает себя, старается не вырываться вперед...

...Дрого не понял даже, как все это произошло. Вдруг онемела левая рука, и лошадиная лопатка выскользнула, ушла вниз, и челн развернуло, понесло вниз по течению! Он старался изо всех сил: ведь берег вот он, кажется, совсем рядом, — течение вынесем челн на отмель, а он поможет! И уже бегут и кричат люди...

Быть может, так бы оно и было, будь это на их Большой воде, где все так знакомо, но тут... Краем глаза, сквозь серую пелену дождя Дрого увидел вспененный гребень воды, услышал рокот...

Перекат!

Дрого знает, что это такое; и лучшему пловцу не пришло бы в голову связываться с перекатом, — на

бревне ли, в челне, или вплавь! Начав переправу, они не заметили, не услышали из-за дождя, что опасность совсем близка!..

Дрого греб изо всех сил, — лопаткой и голой рукой; ему удалось развернуть челн носом к берегу, такому близкому... Но рокот переката еще ближе, он бьет в самые уши...

УДАР!

Челн первернуло, закрутило, его самого бьет по камням, но он выберется, он пловец...

«МАТЬ НЕ УМЕЕТ ПЛАВАТЬ»!

Дрого не знал до сих пор, как долго длилась эта схватка с водяными, уже почуявшими желанную добычу, уже ликовавшими. Да, конечно, он — пловец, но все его силы уходили на одно: не дать утонуть матери! Водяные их возьмут только вместе! Так бы оно и было, — окажись берег хотя бы чуть дальше, а перекал — ниже по течению: их бы просто не успели спасти! В то страшное утро они спаслись лишь потому, что берег был совсем рядом. И отец. Его челн был к берегу ближе, он сразу копьем дно нащупал, понял: стоять может, — и в воду! Первым добежал, первым копье утопающим протянул, а потом и руку... Так и выкарабкались!

Только не хотели водяные свою добычу утратить! Дрого уже по дну шел, когда его левая нога, завязла в чем-то, запуталась, — и так стопу вывернуло, что он вновь с головой в воде очутился. Но тут уже не только отец, — другие бросились на помощь...

ВОСПРИЯТИЕ МИРА

До сих пор мы говорили о различных сторонах жизни охотников на мамонтов, которые, до какой-то степени, могут быть восстановлены по археологическим данным. Теперь речь пойдет о другом. О таких гранях повседневной жизни наших далеких предков, о которых у науки нет и *не может быть* прямых свидетельств — по крайней мере, до изобретения какого-нибудь простенького хроноскопа или машины времени. А пока нам на помощь приходят этнография и метод художественного познания прошлого.

Начнем с самого главного. Надеюсь, читатель уже понял: в физическом отношении охотники на мамонтов решительно ничем не отличались от нас. Они принадлежали тому же биологическому виду, что и мы — *Homo sapiens sapiens*, более того — они были европеоидами. Но так ли они воспринимали этот мир, как воспринимаем его мы? Ответ не прост: и да, и нет!

Конечно, им были знакомы все наши чувства, все, чем мы живем — и горе, и радость, и любовь, и печаль, и жалость, и зависть. Я уже не говорю о простейшем: о голоде, жадности, страхе и боли... Но, казалось бы, будучи такими же, как мы, они очень во многом отличались от нас, «цивилизованных». Ра-

зительно отличались. Вот что пишет в этой связи Олег Микулов в предисловии к своему роману «Закон крови»:

Моя книга, — роман о временах настолько далеких, что и представить почти невозможно. Ведь для нас и Русь Владимира Мономаха, — «седая древность», и Египет времени строительства пирамид — «седая древность», и Вавилон, и Шумер... Но из той дали, о которой пишу я, мы все — от древних египтян и шумерийцев, вплоть до нас с вами, уважаемые читатели, выглядели бы почти «современниками», стоящими ближе друг к другу, чем к моим героям. Конечно, за столь долгий срок люди изменились. Порой настолько, что, боюсь, меня бы не поняли, попытайся я описать все «так, как оно было»... или же книгу стало бы невозможно читать из-за сплошных авторских объяснений... Да и роман как литературный жанр имеет свои законы, пренебрегать которыми не решаются даже те, кто пишет о совсем близком прошлом. Поэтому хочу заранее предупредить каждого, кто раскроет эту книгу:

Мир, о котором в ней рассказывается, давным-давно исчез. Наши современники, не приобщившиеся к цивилизации, — те, кого в цивилизованном мире называют «отсталыми народами», — вовсе не то же самое, что они, ушедшие. Австралийцы, огнеземельцы, индейцы Южной Америки и проч., скорее, лишь тени того Мира, лишь «осколки разбитого вдребезги». Конечно, кое-что от древнего прошлого в этих, как их теперь называют «архаических обществах» сохранилось, — как, впрочем, сохранилось кое-что и в обществах «цивилизованных». Но жизнь, бившая ключом в те времена, когда по Земле бродили мамонты, — иная жизнь, и никакие этнографические экспедиции к «отсталым народам» воссоздать ее не могут.

Говоря о нравах и обычаях этого ушедшего Мира, я старался выделить то, что ближе и понятнее цивилизованному человеку, — не пренебрегая, конечно,

и тем, что сейчас воспринимается как «экзотика». Многое пришлось упрощать: хотя бы правила, по которым мужчина мог или не мог взять себе в жены женщину. На самом деле они были гораздо сложнее, — хотя саму сущность (и строгость) запретов я постарался передать.

Я смягчал, как мог «интимные подробности». В жизни моих героев секс значил не меньше, чем в нашей. Даже больше. Но их отношение к этому было иным: более естественным, не скабрёзным. И еще: для людей того Мира семья и дети значили несравненно больше, чем секс «для удовольствия».

В наше время сплошь и рядом встречаются 30—40 летние мужчины, здоровые, активные в постели, но во всем остальном — самые настоящие «ползунчики». И трудно поверить в то, что были некогда общества, где мужчинами становились в возрасте, который мы привыкли считать даже не подростковым, — детским. Да, в те времена «мальчик» по нашим меркам, но уже способный создавать детей, проходил Обряд Посвящения и становился не половозрелым акселератом, а настоящим мужчиной, в полной мере отвечающим и за себя, и за свою семью, и за свой Род. И это никого не удивляло; считалось нормой. Я решил не уточнять возраст Дрого, Вуула, Ауна и Каймо, — не в годах же дело, в конце концов!

Для начала нужно хотя бы немного остановиться на особенностях первобытного мышления. Мы говорим и пишем: «первобытное искусство», «первобытная религия», «первобытная мораль» и тому подобное, как бы заранее предполагая, что все это существовало и в древности примерно так же, как и сейчас, только в более примитивных, «зачаточных» формах. Не случайно в советской атеистической литературе десятилетиями, на многих сотнях страниц доказывалось, что искусство, мораль и зачатки «положительных знаний» (некий «прообраз науки») возникают раньше, а религия — позже! Причем с самого начала — как исключительно вредо-

носный «пустоцвет, растущий на живом древе... человеческого познания» (В. И. Ленин). Много сил было затрачено в бесплодных попытках доказать недоказуемое, а именно — существование в истории человечества «дорелигиозного периода». Человек якобы был уже вполне человеком — трудился, жил в обществе, имевшем простейшую социальную структуру и зачатки морали — однако не обладал даже примитивными религиозными представлениями...

Однако более глубокие исследования первобытных обществ показали, что проблема гораздо сложнее. Оказывается, «первобытные» люди мыслят, воспринимают окружающий мир по-иному, во многом не так, как мы. Нет, не «проще», не «примитивнее» — а именно *по-иному*.

«Прелогическое» мышление

Долгое время считалось: мышление «дикаря» во всем подобно нашему, только проще, естественнее. Якобы дикари меньше знают об окружающем мире, чем мы, любимые. Из этой общей посылки выросло два прямо противоположных представления о первобытности. В уютных ученых кабинетах родился «добрый» дикарь, чья первозданная нравственность не замутнена пороками цивилизации. Этот фантастический дикарь жил в первозданной гармонии с природой и себе подобными... Одновременно среди тех, кто расширял границы «цивилизации» силой оружия, сложился прямо противоположный образ «кроважидного» дикаря — хитрого, коварного и крайне опасного, подлежащего истреблению во имя и во благо человечества. *Оба эти представления совершенно ложны, уже в самой своей исходной посылке. Оба основаны на полном непонимании того, что мы сейчас называем «архаическим обществом», и, главное, непонимании особенностей первобытного мышления — восприятия мира.*

Впервые идея о качественном отличии мышления первобытных народов от нашего высказана в начале XX века французским ученым Люсьеном Леви-Брюлем. На основании большого числа фактов, описанных этнографами, он показал принципиальные отличия современного мышления от мышления «дикаря». Последнее он определил, в общем и целом, как *мистическое* или *прелогическое* (предупредив, впрочем, что термины эти во многом условны!).

Идеи Леви-Брюля вызвали большую полемику. В СССР их первоначально горячо поддержал академик Н. Я. Марр. Именно его усилиями был осуществлен перевод книги Леви-Брюля «Первобытное мышление» на русский язык (1930). При этом Н. Я. Марр искренне верил в то, что ему самому удалось продвинуться в этом вопросе значительно дальше, чем французскому «буржуазному» ученому. В действительности, выделенные им и его учениками «стадии развития» мышления и языка были чисто умозрительными конструкциями и серьезного научного значения не имели. После развенчания учения Н. Я. Марра о языке в 1951 году идеи Л. Леви-Брюля стали восприниматься в СССР как символ «буржуазного мракобесия» и долго безоговорочно отвергались.

Между тем хотя и не все детали концепции Леви-Брюля утвердились в науке, его основная идея оказалась очень плодотворной. Ее дальнейшее развитие привело к сложению концепции «*первобытного синкретизма*», которая с конца семидесятых годов стало все шире распространяться и в отечественной науке — во всяком случае, среди исследователей, для которых наука значила более, чем атеистическая пропаганда. Синкретизм — это *слитность*, нерасчлененность в сознании и поведении нескольких различных начал — рационального, иррационального и эстетического (к тому же окрашенная глубоким эмоциональным переживанием!). Сейчас, говоря о собственной жизни, мы выделяем те или иные факторы — социальный, религиозный, эстетический, утилитарный, моральный и проч. Однако в первобытности все это выступало как *единое целое*.

Именно так — не механическая смесь всех этих форм в их зачаточном состоянии, а их единство, иное качество!

Трудно понять? Очень! Более того: мы просто не в состоянии прочувствовать в полной мере, что же это такое — первобытное мышление! Мы лишь можем сделать усилие над собой, своей привычкой логически мыслить, постараться не «навязывать» ее тем, кому она чужда по определению. Так или иначе, следует понять: в архаических обществах люди смотрели на мир по-иному. «Сверхъестественное» и «естественное», «видимое» и «невидимое» были для них нераздельны и *одинаково реальны*. Закон противоречия почти не действовал, ибо прошлое казалось таким же неотделимым от настоящего, как человек был неотделим от своих предков и потомков. И сам этот «первобытный» человек, и весь его коллектив были связаны с местом, где они жили, с населяющими его зверями и птицами (а также всевозможными духами!) — великим множеством уз. Эти последние сплетали людей и природу, естественное и сверхъестественное в единое, неделимое целое.

При этом очень важно понять и то, что говорить отдельно о «первобытном искусстве», «первобытной религии» и проч. можно лишь условно. В сущности, это искусственное разделение неделимого. Ставить же вопрос: что «первично» — религия или искусство? — вообще бессмысленно. Как утверждает современная наука, и эти, и другие формы общественного сознания, ныне выступающие во многом отдельно, возникли и очень долгое время развивались как единое целое.

Мифология

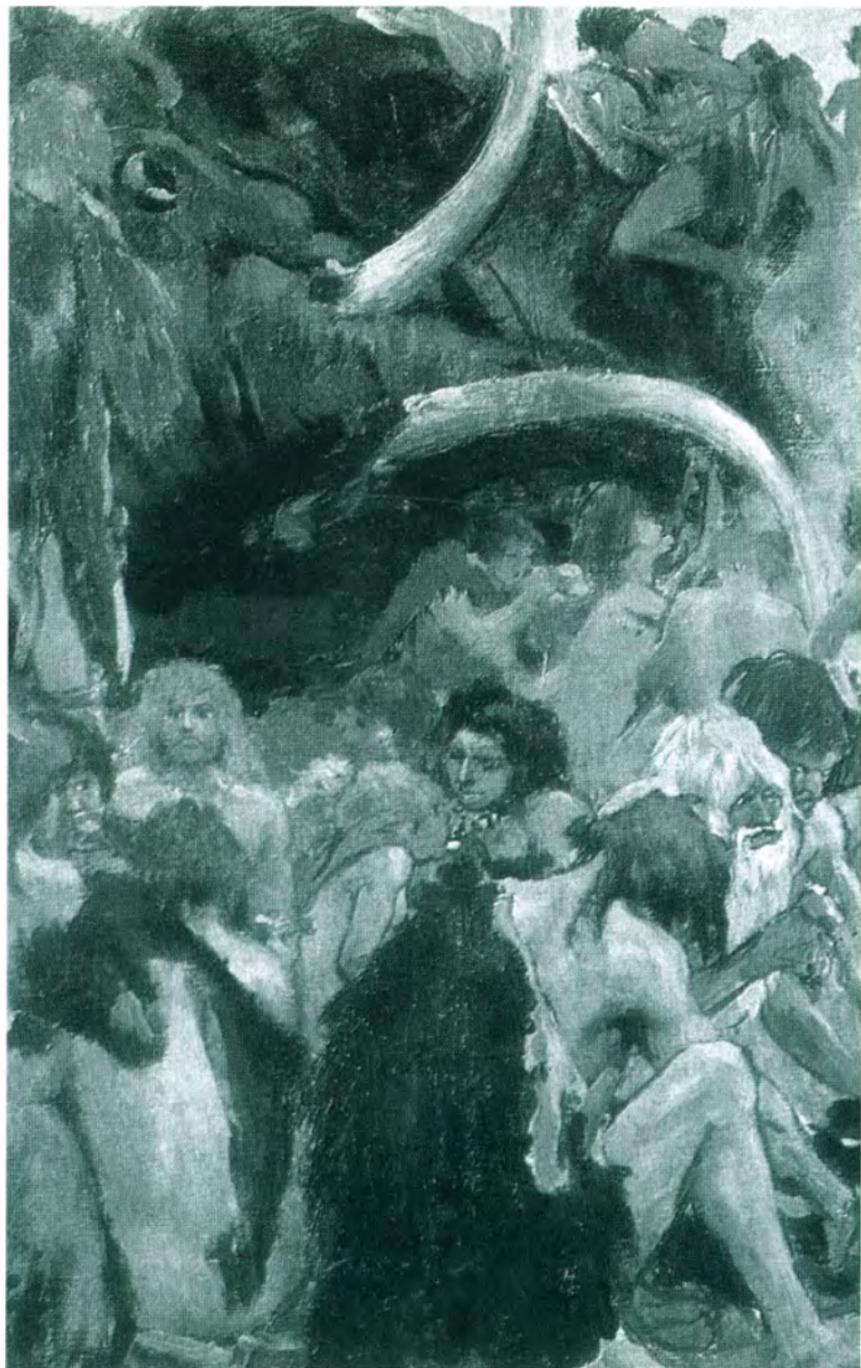
При всех отличиях, о которых мы говорили, между нами и первобытными людьми все же нет непреодолимой пропасти. Нас связывает бесчисленное множество связей — без этого не было бы и единства человеческого рода. Совершенно очевидно, что пер-

вобытные люди, как и мы, усваивали язык и основы социального поведения путем подражания и, в значительной степени, бессознательно. В сущности, так же, как и сейчас, весь окружающий человека предметный мир (или культурная среда!) учил его быть человеком — и при этом еще человеком своего народа, своей культуры. Однако были и другие, специально выработанные способы хранения и передачи информации. Конечно, это была не письменность, изобретенная только в эпоху ранних цивилизаций. Это была *коллективная память*, отлившаяся и в устные тексты (мифы, легенды, предания), и в правила повседневного поведения, и, кроме того, в произведения изобразительного искусства, в различного рода обычаи и обряды, связанные с самыми разными видами хозяйственной деятельности, событиями человеческой жизни и жизни всего коллектива.

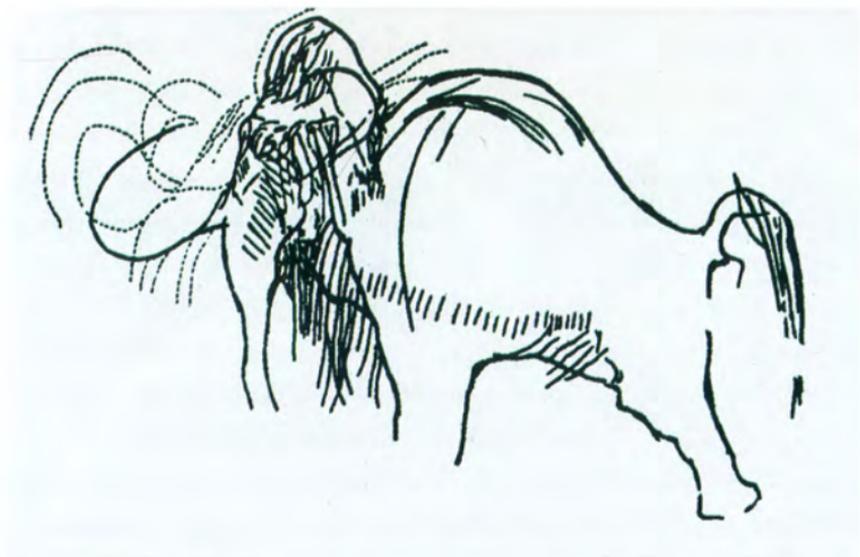
Мифы не рассказывают просто так. И уж конечно, их не рассказывают, кому попало. Только посвященным, да и то — лишь в особо важных случаях. Например накануне Большой охоты:

И ночью долго не расходились; вместе, под открытым небом пели песни-мифы о Великом Мамонте, о Первобратях, о начале их Рода, их Мира. И в их пении вновь смешивались времена и герои: Начало было здесь же, в Этой Ночи, и Первобратья, — здесь, с ними, почти зримо...

Содержанием этой коллективной памяти были события, происшедшие в седой незапамятной древности, однако при этом очень важные для людей и в их настоящем, а именно — события *сотворения мира*. Мы знаем о том из множества разных источников — от самых древних письменных памятников, до этнографических данных, описывающих мировосприятие современных архаических обществ — тех, что сохранили в значительной степени древний мифологический тип мышления. Да и мы, современные люди, тоже сохраняем в своем сознании частичку того, что в науке называется *мифопоэ-*

*В. М. Васнецов. Каменный век. Пиршество. Эскиз. 1883.
Центральный фрагмент.*

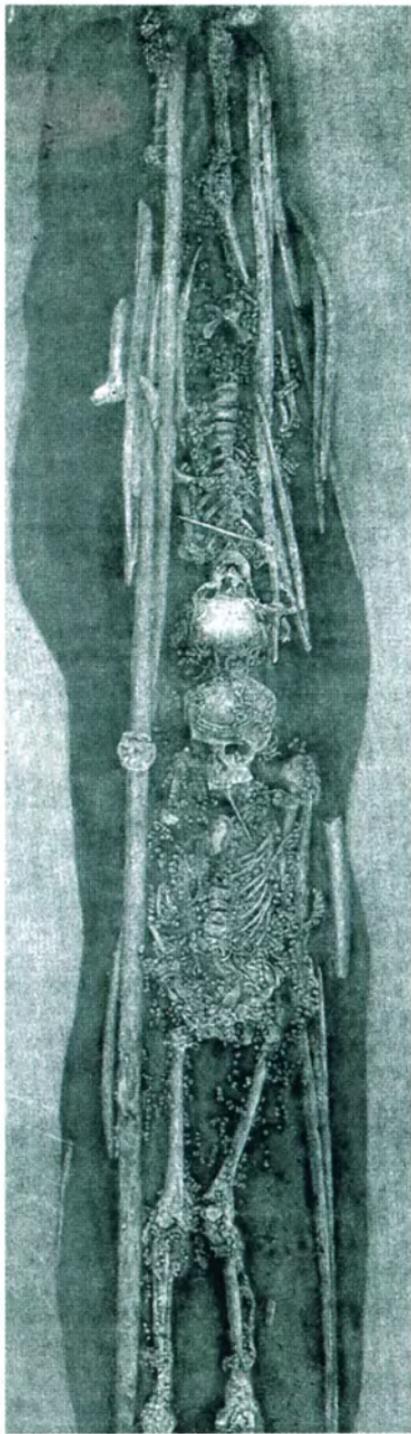
Гравированное изображение мамонта на куске рога из пещеры Ла Мадлен. Франция.

3. Буриан. Доисторический художник заканчивает рисунок тура на стене пещеры Ляско во Франции.

Сунгирское парное погребение подростков (раскопки О. Н. Бадера) и скульптурные портреты погребенных, выполненные по методу М. М. Герасимова.

Простейшее жилище палеолитического человека. *Реконструкция.*

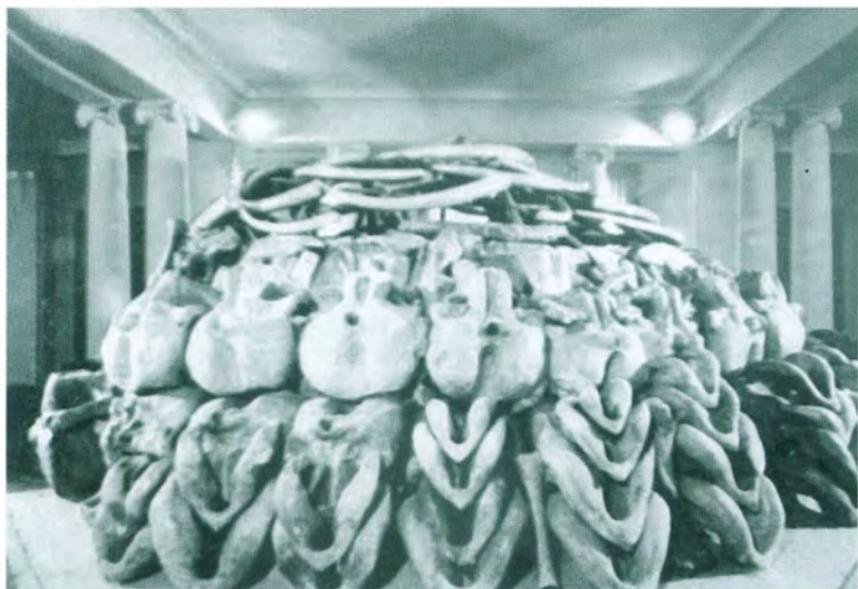
Раскопки стоянки Костенки I: остатки полуземлянок 22—23 тысячелетий до нашей эры, перекрытые каркасом из бивней мамонта.

Развалины округлого наземного жилища из крупных костей мамонта в Межиричах. Около 20 тысяч лет тому назад. *Поднепровье.*

Реконструкция позднепалеолитического жилища из костей мамонта. *Киев. Зоологический музей.*

Археологи осваивают первобытную технику изготовления кремневых орудий, учатся в экспериментальных целях обрабатывать ими дерево и кость.

Обработка камня.
Реконструкция.

Орудие из бивня мамонта с орнаментированным верхом. Подобные орудия использовались как мотыги или лопатки. *Костенки 1 (верхний слой).*

Австралийский абориген изготавливает каменное орудие.
Современное фото.

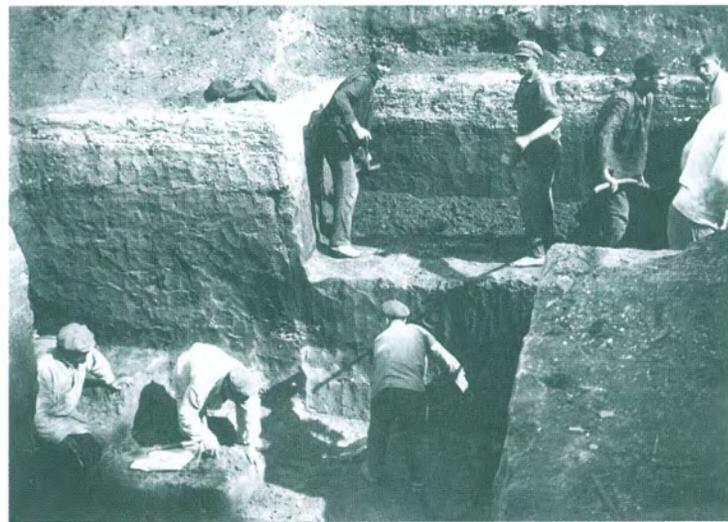

Панорама стоянки охотников на мамонтов (*указана стрелкой*) Костенки 1. В правой части снимка отчетливо виден музей-павильон, возведенный над раскопом с остатками палеолитического поселения. *Современное фото.*

Директор костенковского музея В. В. Попов в образе палеолитического охотника.

Так начинались в 1920-х годах раскопки стоянки Костенки 1. ►

Археологи обнаружили статуэтку.

Вот она — новая палеолитическая «Венера»!
Расчищенная статуэтка на раскопе 1987 года.

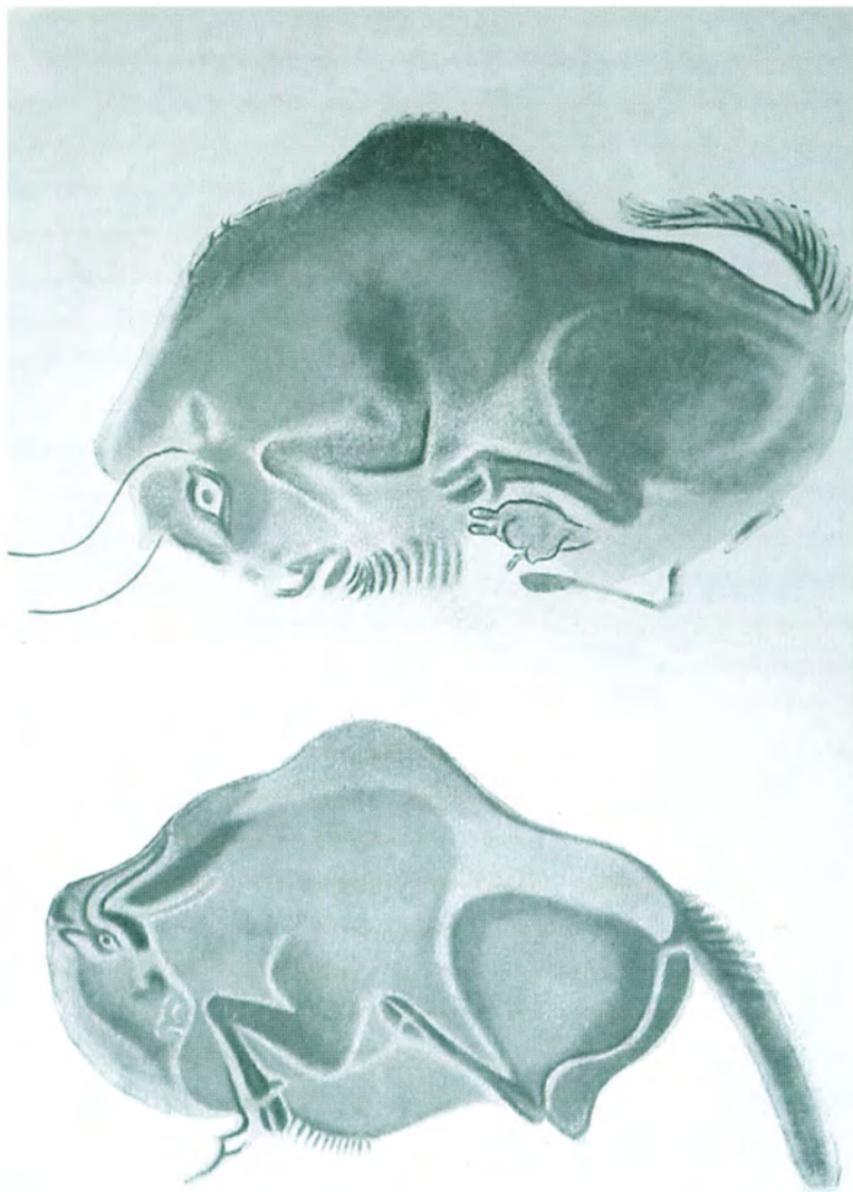
Обнаженная «матрона», поднимающая рог.
Барельеф из пещеры Лассель. Франция.

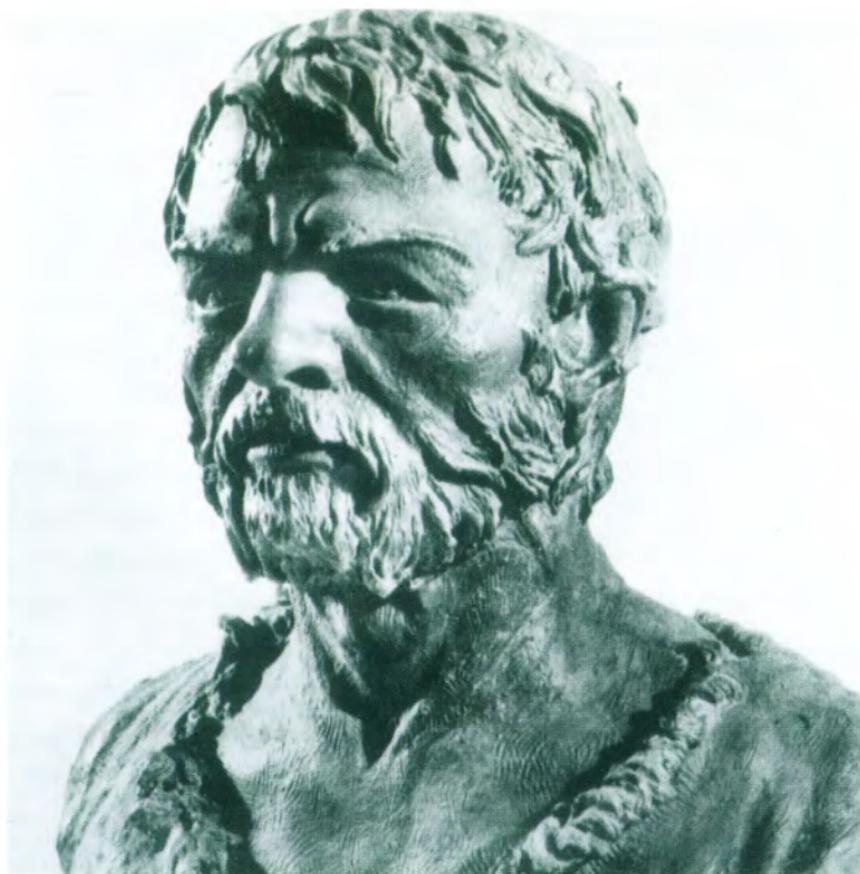
Фигурка
палеолитической
женщины
из Забайкалья.
Стоянка Мальта.

Статуэтка «мадонны»
из Гагарина. *Украина.*

Катающиеся бизоны из пещеры Альтамира. *Испания.*

Скульптурный портрет охотника на мамонтов, жившего на Среднем Дону около 20 тысяч лет назад. Стоянка Костенки 2.
Реконструкция М. М. Герасимова.

Погребение охотника в сидячем положении в камере из костей мамонта. *Реконструкция П. И. Борисковского.*

Иван Семенович Поляков — археолог, в 1879 году открывший первую палеолитическую стоянку в селе Костенки Воронежской губернии.

Петр Петрович Ефименко — выдающийся представитель отечественной науки о палеолите.

Павел Иосифович Борисковский около открытого им палеолитического очага.

Рабочее совещание археологов на раскопе. Стоянка Костенки I.
Слева направо: А. Н. Рогачев, З. А. Абрамова, Н. Д. Праслов,
В. Я. Сергин, М. В. Аникович.

На раскопках Зарайской стоянки. *Московская область.*
Справа налево: Х. А. Амирханов и М. В. Аникович.

тическим типом мышления. Без этого мы совершенно не смогли бы воспринимать ни поэзию, ни религию, не смогли бы увидеть и почувствовать красоту окружающего мира, ощутить себя частицей великого целого, имя которому различно от культуры к культуре, но сущность — одна... Однако у нас наряду с этим очень большую роль играет мышление *рационалистическое* или логическое. Между тем в первобытном сознании этого рационалистического начала было неизмеримо меньше.

Именно для мифопоэтического мироощущения характерно особое отношение к прошлому — но не к тому прошлому, которое было вчера или год назад, а к *священному мифическому времени*, которое находится далеко за пределами человеческой памяти.

Все, что происходило в этот священный период Первотворения, во Время Сновидений, как его называют аборигены Австралии, являлось образцом и причиной всего существующего ныне. Тогда жили и творили особые существа, во всем похожие на людей, за исключением лишь ряда обстоятельств.

Все, что они делали, было *первым*, самым началом всего сущего, и это является достаточным объяснением для живущих людей, почему что-то происходит именно так, а не иначе. Для мифопоэтического сознания знать сущность вещи — это значит знать священную историю ее происхождения. Уметь делать что-то (строить дом или лодку, изготавливать кремневый наконечник, оснащать им копье или дротик и т. д.) — значит знать, как делал это во время Первотворения мифический культурный герой, создавший и различные элементы человеческой культуры. Более того, даже если герои Времен Сновидений делали что-то нечаянно, или с ними приключалось что-то нежелательное — это все равно имело силу закона и образца для последующего периода. Так объяснялись многие особенности ландшафта, внешнего вида и поведения животных и людей и т. п.

Во-вторых, первоначально Времен Сновидений имели не вполне определенный облик. Они действо-

вали, как люди, но одновременно были и животными, растениями, явлениями природы. Наконец, они были бессмертными. Они совершали свои земные дела, а потом уходили. Куда? На небо, в землю, в воду. Они могли стать деревом, камнем, горой... Но все же, уйдя, они продолжали жить и вступали в контакт с людьми во время их священных ритуалов. Подобный контакт был совершенно необходим для нормального, благоприятного продолжения жизни человеческого рода.

Таким образом, Время Первотворения, с одной стороны, помещено в далекое прошлое, а с другой — существует и ныне, только в особом, священном измерении. События этого времени все время одни и те же и следуют друг за другом в известной очередности.

Вот художественное описание встречи героя, оказавшегося в смертельной опасности, со священными Камнями — Первопредками его рода:

Этот холм с двумя большими валунами наверху Аймик знал очень хорошо, хотя и бывал здесь нечасто. «Двуглавый Холм», одно из Священных мест Рода детей Тигрольва, Холм, на вершине которого стояли порожденные им Люди-Камни. Он не слишком высок, но с вершины открывался хороший обзор, особенно на север, где склон был круче. Аймик остановился у его подножия и задумался. Идти дальше? Еще светло, но много ли они пройдут до темна? И вообще, — далеко ли смогут уйти? Погоня уже близка, он чувствовал это всем своим существом; лук все чаще вздрагивал в его руке, словно спрашивал хозяина: «Не пора ли?» Если они продолжат свой путь на юг, — там дальше пойдет низина, овраги, перелески, — места малознакомые, и очень удобные для преследователей, но не для беглецов.

Нет! Он встретит их здесь! В их Священном месте!

Аймик внимательно осмотрел окрестности. Справа, с запада, поле, поросшее высокой травой, кустарником и карликовыми березками; отсюда оно кажется ровным, но на самом деле там есть и

западины, и неглубокие, затянутые овражки. Слева, с востока мелкий нечастый ельник. Сейчас они пойдут дальше, вдоль этого ельника, как если бы решили продолжить свой путь, а на самом деле, обогнув холм, взберутся на его вершину по южному склону. Преследователи, целый день шедшие по прямому следу, подвоха не заподозрят... и станут удобной мишенью!

Наверху он сказал Ате:

— Лежи, отдыхай, только не поднимайся, чтобы не заметили. Будем ждать.

Прилег на теплую траву и, прижавшись щекой к нагретой поверхности Камня-Дедушки, стал всматриваться на север.

— Ты убьешь их?

Аймик ответил не сразу, хотя, казалось бы, ответ предрешен. После вчерашнего странного сна у него не проходило тревожное, мучительное чувство. Словно он, за всю свою жизнь ни разу до сих пор не убивавший никого из людей, — величайший злодей, чьи руки по локоть в крови сородичей... И сейчас, рядом с каменными Предками своих бывших сородичей, это чувство усилилось. Каменные Бабушка и Дедушка словно что-то нашептывали, от чего-то предостерегали... Но и обещали защиту.

— Не знаю... Нет, если только буду уверен, что они уйдут и оставят нас в покое.

Вдали показались три черных точки. ..Легки на помине!

Аймик подвинул колчан, и, натягивая тетиву, прошептал:

— Разящий! Не подведи твоего хозяина и друга! Спаси нас!

И когда схватка окончилась победой Аймика, ни у него, ни у его врага не было ни малейшего сомнения, что так случилось только благодаря помощи Первopедков!

Сверху послышалось негромкое пение. Не вставая с колен, Пейяган обернулся. Аймик на вершине Дву-

глазого холма кропил своей кровью Священные Камни, — Бабушку и Дедушку. Благодарственная жертва... Что ж, ему есть за что благодарить Предков!

Странная и страшная мысль осенила Пейягана: выходит, Предки не только от него отвернулись, — от всего Рода детей Тигрольва, пославшего погоню! И ради кого? Ради мальчишки, который добровольно разорвал родственные связи, и какой-то приبلудной, никому не ведомой девчонки! Но почему? И что же теперь будет с ними со всеми?

Пейяган покачал головой. Это дело колдуна. А у него, охотника, иные заботы: что делать ему, одному, с двумя мертвыми сородичами?

Принеся положенную Жертву, Аймик в последний раз посмотрел на коленипреклоненного брата, склонившегося над телом своего сына и машинально потирающего безвольную правую руку. Что-то похожее на жалость шевельнулось в его душе. Но ни поддаваться этому чувству, ни размышлять о нем охотник не стал. Во всем виноват сам Пейяган. Он, Аймик, не хотел ничьей крови!

Аймик спустил тетиву, давая отдых натруженному телу своего верного друга; прошептал ему: «Благодарю тебя, Разящий! Ты нас спас!» — и стал спускаться к жене, поджидавшей его у южного склона.

Нельзя не упомянуть такую яркую особенность первобытного сознания, как одушевление окружающего мира. Живы и способны ответить на призыв не только валуны-Первопредки. Солнце — это Небесный Олень, совершающий вечный бег из Верхнего Мира в Нижний и обратно. По ночам на землю смотрит Одноглазая Старуха, и от того, спит она или бодрствует, зависит жизнь Рода. Живо и одушевлено все. Свое оружие нужно поблагодарить за удачу, да и поговорить с ним при случае, у убитой дичи просить прощения... Европейцев XIX—XX веков, которые так или иначе сталкивались с «отсталыми» народами, всегда очень удивляла эта особенность их психоло-

гии — потребность «очеловечивать» решительно все вокруг. Многие из нас читали в детстве книги русского путешественника В. К. Арсеньева, где он описывал охотника-гольда Дерсу Узала: «Черт знает, что за погода, — говорил я своему спутнику. — Не то туман, не то дождь, не разберешь, право...

Гольд посмотрел на небо, оглянулся кругом и молча пошел дальше. Через минуту он остановился и сказал:

— Наша так думай: это земля, сопка, лес — все равно люди. Его теперь потеет. Слушай! — он насторожился. — Его дышит, все равно люди...

Он пошел снова вперед и долго еще говорил мне о своих воззрениях на природу, где все было живым, как люди...»

Это особое мироощущение многократно отражено на страницах романов Олега Микулова. Впрочем, читателям оно может быть отчасти знакомо из воспоминаний о своем раннем детстве. А на философско-провидческом уровне его пытался возродить великий русский мистик и поэт Даниил Андреев — и в книге «Роза Мира», и в своих поэмах.

Однако стоит отметить и другое: те же охотники на мамонтов, бесспорно, обладали и «положительными» знаниями — в том числе и о небесных светилах. Насколько глубокими? Трудно сказать определенно. Конечно, у них были свои календари, свой отсчет времени. по аналогии с отсчетом времени современных отсталых народов, можно предполагать, что значительную роль в этих календарях играл лунный цикл. И в России, и в других странах есть ученые, пытающиеся отыскать среди орнаментированных предметов эпохи верхнего палеолита «вещественные» календари. Направление интересное, однако подавляющее большинство археологов-палеолитоведов относятся к нему весьма прохладно. Уж слишком слаба научная методика этих исследований и слишком велик соблазн увлечься фантазией. Плоды собственной фантазии и горячего желания совершить великое открытие нередко принимаются здесь за само открытие.

Ведь убежден же новосибирский археолог В. Е. Ларичев, что на бивневом изображении мужского полового члена, найденном на Ачинской верхнепалеолитической стоянке (Сибирь, Кемеровская обл.), он обнаружил древний календарь пяти планет Солнечной системы — ни больше и ни меньше! Дело в том, что эта занятная фигурка богато украшена орнаментом из множества углублений («ямки»). Выводы В. Е. Ларичева базируются на подсчетах различных комбинаций этих лунок. Но профессиональным математикам давно известно: при подобном подходе можно «вычислить» абсолютно все что угодно — от пресловутого «календаря» до даты собственного рождения. Именно профессиональные астрономы и математики подвергли эту концепцию жесткой критике.

Я как археолог тоже скептически отношусь к работкам такого рода. Да, знания архаичных обществ, тех же охотников на мамонтов, были по-своему обширны. Ныне они во многом утрачены. Но уже в силу своих особенностей восприятия Мира эти люди — в отличие от вавилонских или египетских жрецов — никогда не накапливали знаний ради самих знаний. Да, при необходимости они ориентировались и по солнцу, и по звездам. Они по-своему считали время — по «скокам Небесного Оленя». Они почти наверняка различали «неподвижные» и «движущиеся» звезды. Но вот что касается «палеолитического календаря пяти планет солнечной системы»... Тут я могу лишь в полной мере воздать должное чрезвычайно яркому воображению моего коллеги! Но стоит отметить: в ходе чисто научной работы воображение следует держать в узде. Иное дело — романы в жанре «палеофэнтези». К сожалению, насколько мне известно, именно в этом жанре Виталий Епифанович Ларичев не работает.

Первобытные святилища и «школы»

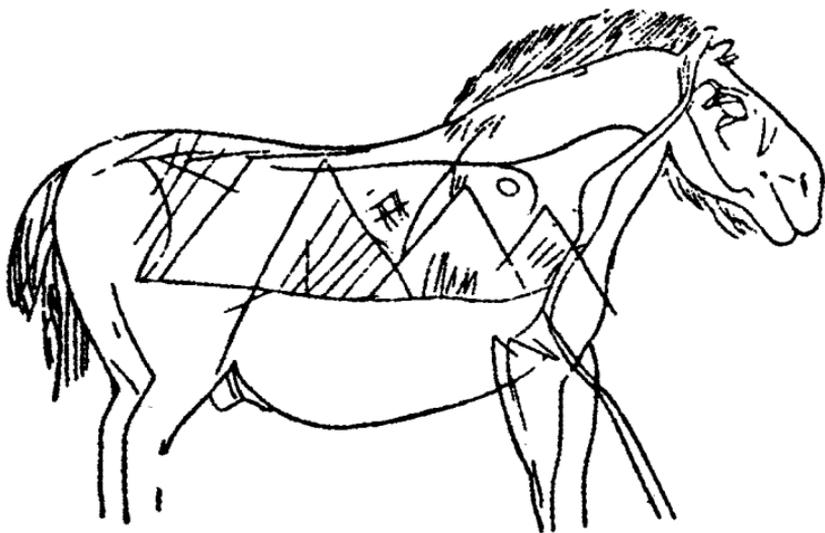
Знания, касающиеся мифической эпохи, а также изображения и ритуалы с нею связанные, считаются в архаическом обществе священными — как и сами

события. Священными — это значит тайными, запретными для всех непосвященных, для детей и женщин. Только мужчины, успешно прошедшие сложные и мучительные обряды посвящения, получают доступ к этой информации.

Так обстояло дело в архаических обществах, описанных путешественниками и этнографами. Ряд их существует на Земном шаре и по сей день. Так же было и много тысяч лет назад, в коллективах, от которых до нас дошли лишь вещественные, археологические источники. Среди различных археологических памятников особенно сильное впечатление производят пещеры, стены и потолки которых украшены разнообразными знаками, в первую очередь — изображениями животных, фантастических существ, а порою — людей. Некоторые изображения животных, выполненные в цвете, поражают художественным совершенством их исполнения. Почти все эти пещеры расположены во Франко-Кантабрийском регионе: на территории южной Франции и северо-западной Испании. На других территориях подобные памятники встречаются как редчайшее исключение. В нашей стране известны только две подобные пещеры: Каповая и Игнатьевская. Обе они находятся на Урале.

В районе обитания охотников на мамонтов таких памятников нет, поскольку нет и самих пещер. Но они настолько важны для понимания особенностей первобытного мышления, что нам придется на время покинуть Русскую равнину и перенестись в Пиренеи.

На протяжении ста лет ученые бьются над загадкой монументального пещерного искусства. Сейчас известно, что оно создавалось в течение тысячелетий, примерно от 30 до 11 тысяч лет назад. Еще аббат А. Брейль — крупнейший знаток этого искусства, создавший первую классификацию и хронологию франко-кантабрийских панно, совершенно справедливо отмечал их тесную связь с «большой охотой» на крупных животных.

Р и с. 8. Взнузданная лошадь?!
Рисунок из Грота Комбарель (Франция).

Но пещерная живопись, гравировки, барельефы — вовсе не плоды досуга охотников, отдыхавших после удачной охоты. Нельзя считать их и декоративными украшениями мест обитания древнего человека. Именно в этих пещерах чаще всего никто не жил, а рисунки делались, как правило, в очень трудно доступных местах. Добираться до них приходится по узким лазам, через подземные источники. Ученые давно подметили, что изображения, зачастую перекрывавшие друг друга, наносились, однако, вовсе не как попало. Они составляют определенную композицию, тесно связанную с особенностями рельефа самих пещер. Причем композиции эти построены так, что некоторые фигуры «открываются» зрителю только из самого неестественного положения. Иной раз увидеть их можно сквозь узкую щель, припав к полу пещеры, а то и встав на голову! Не случайны и сочетания самих изображений. Французский исследователь Андре Леруа-Гуран, первым начавший детально изучать сюжеты монументального пещерного искусства, их количественное распределение, связь с топографией пещер, пришел к выводу, что

композиции этих панно и структурно, и знаково соответствуют мифологическим схемам. То есть это — своеобразная *запись древнейших мифов!* Его последователи углубили эти разработки, показав, что в пещерном искусстве мы имеем дело с самой настоящей знаковой системой — своего рода «языком», «праписьменностью», если угодно! Однако раскрыть их конкретное содержание пока все-таки не удается.

А. Леруа-Гуран писал: «Мы видим лишь слабую тень религии палеолита. Одно можно сказать теперь твердо: эти изображения скрывают исключительно богатый и сложный мир представлений, гораздо более сложный и богатый, чем считалось до сих пор».

В романе «Тропа длиною в жизнь» колдунья Инельга приводит главного героя, Аймика, в свои владения и показывает ему воочию, как создается великая пещерная живопись:

Звери. Как в тех странных снах, как в повествовании Айриты, они выплывали откуда-то из стен, из темноты; живые, они словно танцевали в голубом сиянии, в переливчатом тумане, вдруг поднявшемся от пола, изумленно поглядывая то друг на друга, то на этих людей, вызвавших их... из небытия? Вот скачет жеребая кобыла, мамонт косит удивленный глаз. А вот появляется голова его Тотема: тигрольвица гибко и мягко выбирается из тумана... Завороженный ритмом их движений, Аймик догадался, что ритм этот не случаен... Ну, конечно! Это же Инельга поет какую-то дивную песнь! Давно поет; но почему он понял это только сейчас?

И под это пение звери, то по одиночке, то сразу по несколько, подплывали к каменным стенам, касались их поверхности и замирали, навсегда сохранив в своем застывшем движении один из звуков колдовской песни Инельги.

Вот лошади, одна за другой, проскакали из тумана прямо на скалу. Медведь выгнал стадо желтых, красных и черных оленей и сам застыл вместе с ними на камне, даже не попытавшись кому-то из них

переломить хребет. И выплыло пять гигантских круторогих быков, и нависли они над лошадьми и оленями, направив друг на друга рога. Два против трех.

А вот целое стадо бизонов, самцов и самок, ревящих, катающихся в тумане, словно в весенней траве, вдруг подплыло к потолку, нависшему чуть ли не над головой Аймика, и осталось на нем. Голос Инельги стал тоньше, завибрировал, — и к ним присоединились два кабана. И лани...

(Как же так? Потолок — над моей головой, а те стены, где жеребая кобыла... они же гораздо выше! И эти, с быками...).

Аймик вдруг осознает, что он одновременно — и здесь, и тут, и там, и еще невесть где.

Мелодия меняется. Теперь из тумана выплывают диковинные существа: не звери, не люди. Духи, — догадывается Аймик. Духи и предки. Живые, как и звери, они кружатся в колдовском танце, прежде чем присоединиться к застывшим на стенах теням зверей. Один, оленерогий, с круглыми совиными глазами, вдруг подмигнул Аймику как старому знакомому.

(Это — Аймик сразу вспомнил, — тот самый, что заглянул в их жилье. Его и Аты. И Хайюрр был с ними в ту ночь...)

СМОТРИ ЖЕ!

Он смотрит. Он уже привык к тому, что одновременно он — везде. И может различать...

Появляются люди. Тени людей; они не замечают ни Инельги, ни Аймика; они заняты своими делами. Оказывается, тени, вызванные песней Инельги из небытия и замершие на стенах, должны быть закреплены человеческой рукой... Аймик взглядывается в действия мужчин-колдунов, наконецниками дротиков, резцами и красками закрепляющих то, что уже создано песнопением Бессмертной. Порой видимое стирают, замазывают, — чтобы вновь и вновь, от обряда к обряду закреплять Вечное.

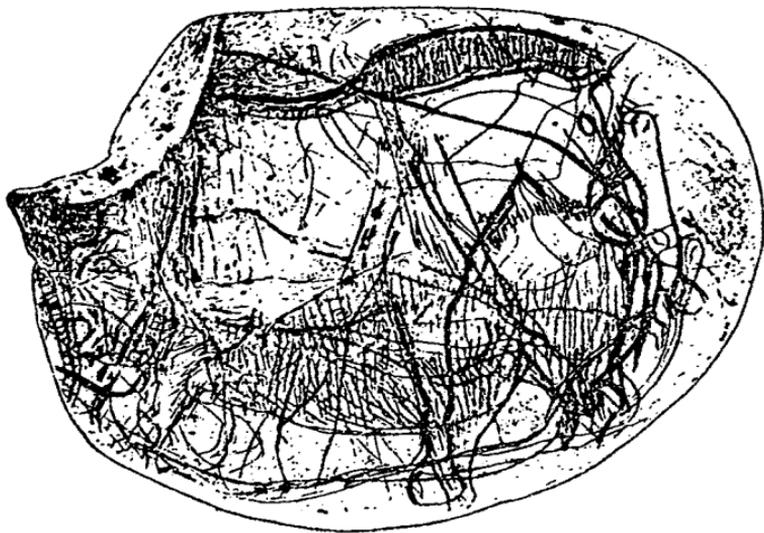

Рис. 9. Загадочная гравировка на гальке из Ла Коломбьер (Франция).

Но в отличие от нас, археологов, Аймику раскрывается и скрытый смысл этого чуда света. Он узрел в росписях не просто содержание различных мифов — всю историю человечества — ни больше, ни меньше! Это, конечно, фантазия. А вот то, что узнав об изменчивости Мира, он испытал сильнейший шок — это вполне согласуется с тем, что мы знаем о первобытном мышлении как таковом. Ведь важнейшее представление, характерное для архаического сознания, формулируется так: *Мир неизменен и должен пребывать таким во веки веков!* Осознание того, что мир меняется, хотя и очень медленно, поначалу вызывает у охотника на мамонтов ужас, ставит его почти на грань смерти.

...О да! Он смотрит и слушает! Его сознание скользит вдоль колец Великого Червя, то выхватывая отдельные части с яркостью только что пережитого, то воспринимая все сразу... И отказывается верить — так несовместимо все это с тем, чем он жил до сих пор, чем жили и живут все, с кем сводила его Долгая Тропа. И друзья, и враги...

Мир... ИЗМЕНЯЕТСЯ!

ЭТО проникало в сознание помимо воли. Хотелось зажмурить глаза, зажать уши, но не было сил. Хотелось убежать, но его ноги словно вросли в камень. Да и куда бежать? Хотелось...

УМЕРЕТЬ!

Их Мир, такой устойчивый, такой прочный, такой... неизменный...

ИЗМЕНЯЕТСЯ!..

...С детства он знал, — и это было даже не знание, а сама жизнь, ее суть, самое главное:

МИР НЕИЗМЕНЕН!

Потом, во время Посвящения, он понял:

Мир ДОЛЖЕН быть неизменным, ибо всякое изменение опасно и губительно.

Поэтому нельзя терять связь с Предками. Поэтому нужно все делать так, как научили людей Первopредки: раскалывать камень, мастерить копье, строить жилище... Поэтому в Обрядах нужно вновь и вновь возвращаться к Изначальному, соединяться с Ним, возрождать Его...

И тогда Мир пребудет неизменным вовеки.

И вот — все рухнуло!

Так зачем он шел сюда? Зачем он здесь?

Зачем жить?

Однако здесь мы ведем речь об искусстве франко-кантабрийских пещер... Что же, у охотников на мамонтов ничего подобного не было? Нет, подобное — было! Мы знаем совершенно точно, по крайней мере, об одном назначении пещер, где ныне найдены стенные росписи: это были Святителища. Подростки проходили там Обряд Посвящения и вступали во взрослую жизнь.

Посвящение — непременный и важнейший элемент любой архаической культуры! Безусловно, и у охотников на мамонтов были свои Священные места — хранилища коллективной памяти, предназна-

ченные для церемоний такого рода. Но где они располагались и как выглядели, мы пока ничего не знаем.

Однако не в одном лишь монументальном искусстве отображалась коллективная память. Мелкая пластика — так называемое «искусство малых форм» — передает все основные сюжеты монументального искусства. Видимо, оно было призвано говорить о том же. Этнография свидетельствует: не только изображения зверей или человека, не только загадочные для нас «символические» или «знаковые» изображения, но и то, что мы воспринимаем как простой орнамент — на орудии или одежде — для его создателя мог иметь вполне определенный смысл, содержание, полностью для нас утраченное.

...После Аймик вспоминал с несказанным удивлением: на какой-то неуловимый миг (длившийся вечность?!) ему показалось вдруг, что ОН ПОНЯЛ ВСЕ! И свою жизнь, свое предназначение, и то, что скрывалось в самой глубине его души... как часть невероятно сложного в своей простоте, восхитительного узора... Прежде такого не случалось никогда. Но вынести из этой стремительно промелькнувшей вечности не удалось ничего, кроме ощущения: БЫЛО! Было, но осталась лишь череда беспорядочных, сменяющие друг друга видений...

...Ты малая часть Целого, узелок в узоре, не тобой творимом. Но ты — един и целен. Ты малая часть этого Мира, но и Мир — только часть тебя самого и принадлежит тебе, как ты — ему. Ты не властен изменить предначертанное, спрямить или искривить чужие пути. Но на своей Тропе ты волен. Решай же, — выбор за тобой.

...Когда женщины нашивают на одежду узор, самые важные места закрепляются узелками. И если такой узелок порвется — рассыплется целое звено, быть может, самое важное. Он, Аймик, — сам такой узелок в узоре, который создают, должно быть, Могучие, так и не снизошедшие до своего избранника. И кто знает, какая часть их загадочного творения погибнет, если оборвется этот узелок?

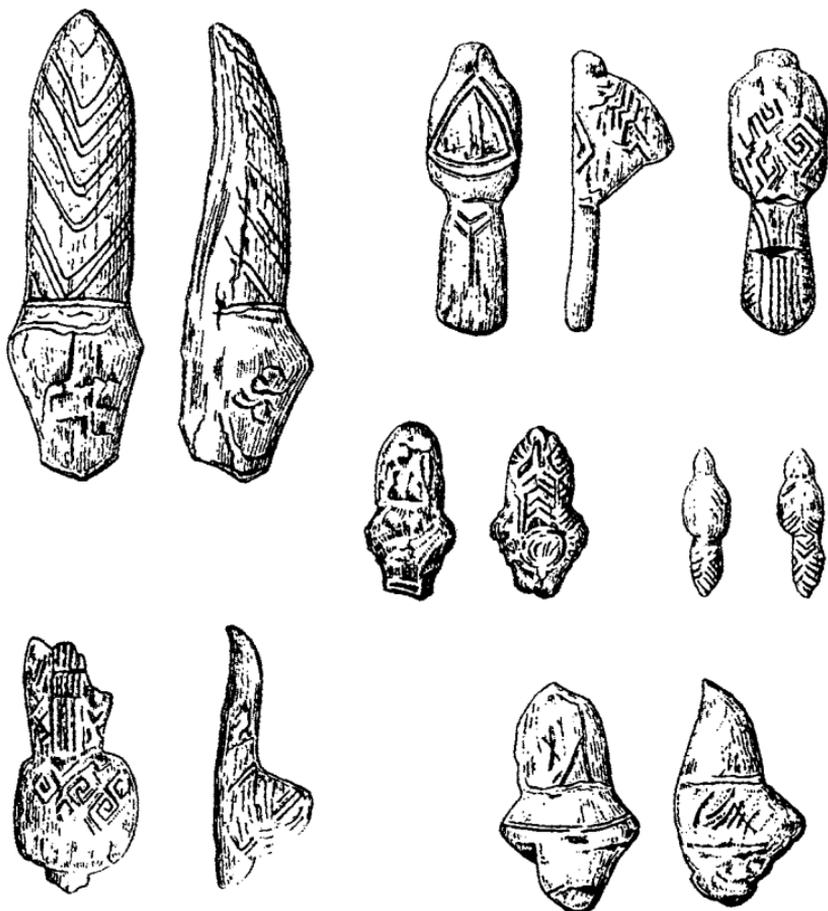

Рис. 10. Символические изображения женщин охотниками на мамонтов.

К сожалению, мы, современные люди, не в состоянии не только «прочитать» древние узоры, но даже разгадать подлинный смысл, казалось бы, вполне понятных изображений зверей и людей. Для чего охотники на мамонтов вырезали из бивня или мягкого камня своих знаменитых «венер»? Кого они изображали? Обычных женщин? Неких «богинь»? Символы плодородия? Хранительниц очага? Тут сколько археологов, столько и мнений, а однозначных ответов как не было, так и нет.

Впрочем, мы все-таки можем сказать кое-что интересное об этих статуэтках, причем, опираясь не на

одну лишь фантазию, а на научный анализ. Какой бы скрытый смысл ни стоял за этими фигурками — охотники на мамонтов передавали его через образы *конкретных женщин!* В подавляющем большинстве случаев эта конкретность воплощалась не в лицах — «палеолитические вены» в основном безлики — а в формах тела (точнее, его наиболее «сексапильных» частей: груди, живота, ягодиц), а также в характере украшений или, может быть, татуировки.

Раньше многие ученые думали: статуэтки безлики потому, что палеолитический мастер боялся их «оживить», изобразив лицо и особенно глаза. Действительно, этнографам известны представления о том, что передача глаз может «вдохнуть душу» в само изображение. Однако позднее на тех же памятниках вилендорфско-костенковской культуры и некоторых других стоянках были найдены фигурки, выполненные по тем же канонам, что и «безликие», однако передающие черты лица, включая глаза. Видимо, дело было все же не в представлениях об «опасности», а в чем-то другом. Может быть, в том, что палеолитические охотники на мамонтов по своему воспринимали женскую красоту и ее неповторимость?.. К этому сюжету мы еще вернемся в главе о семейно-брачных отношениях охотников на мамонтов. И об их любви.

Описанный тип женских изображений возник, по-видимому, именно в среде охотников на мамонтов. Впервые он появляется в Центральной Европе около 28 тысяч лет назад. На территорию Восточной Европы проникает тоже вместе с этими охотниками — тут сомнений давно уже нет. А вот на запад, на территорию современной Франции и Италии, подобные статуэтки проникли как бы «сами по себе». Там их находят на стоянках, относящихся к различным археологическим культурам. Отчасти это может объясняться тем, что женский образ — один из важнейших элементов верхнепалеолитической культуры в целом. Но только отчасти — ибо в подавляющем большинстве культур той эпохи нет и следа не только подобных фигурок, но и вообще каких бы то

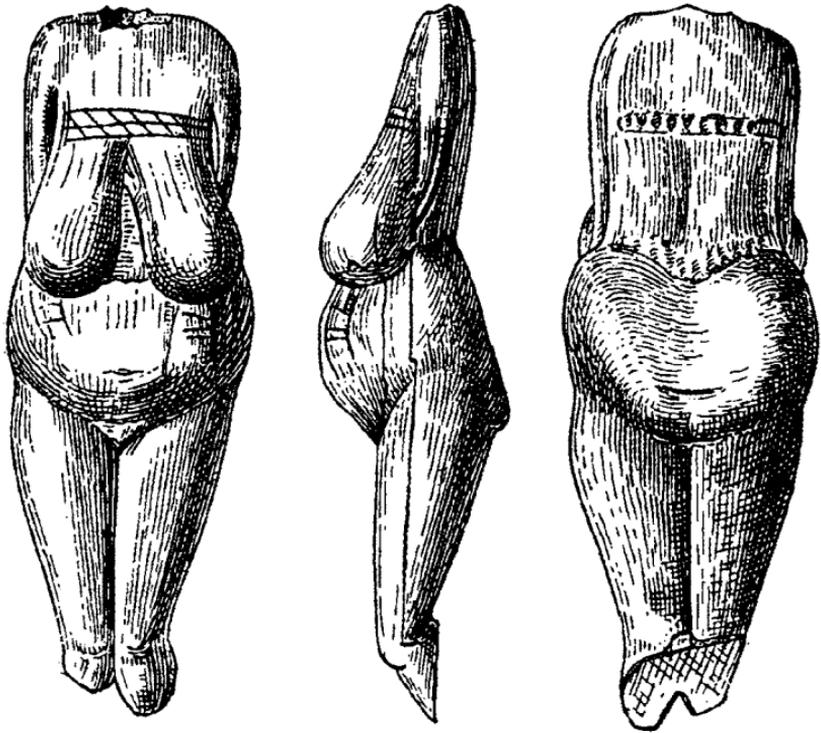

Рис. 11. Статуэтки палеолитических «венер» из бивня мамонта.
Костенки 1.

ни было изображений. Кроме того — уж слишком некоторые из западно-европейских палеолитических «венер» похожи на центрально- и восточно-европейские, чтобы можно было считать это сходство простой случайностью! Видимо, в тот период, когда в центре Восточной Европы формировалась историко-культурная область охотников на мамонтов (24—21 тысяч лет назад), между значительной частью населения Европейского континента существовали культурные связи.

Как бы то ни было, у восточно-европейских охотников на мамонтов женский образ оставался важнейшим и во второй период существования Днепро-Донской историко-культурной области, когда на большей части Русской равнины костенковско-авдеевские землянки сменились наземными округлыми

жилищами аносовско-мезинского типа. Правда, эстетический способ передачи этого образа в это время резко меняется. Бивневые фигурки, найденные на Мезинской стоянке, ученые первоначально приняли за изображения фаллосов (фаллос — мужской половой член). Только потом они заметили, что это *одновременно* очень стилизованные изображения женщин, у которых выделена седалищная часть, а спереди неизменно выгравирован треугольник — древнейший символический знак женского пола. Очевидно, здесь мы имеем знаковый двойной образ, сочетающий в себе и мужское, и женское начала. Любопытно, что некоторые из таких фигурок удивительно напоминают... птиц. Горлиц! Недаром в науке за ними даже закрепилось название: «мезинские птички».

Конечно, в принципе, первобытный человек мог, как и мы, заниматься тем, что мы называем «художественным творчеством», и для собственного удовольствия. Так, например, по данным этнографов, австралийские аборигены создавали как священные религиозно-магические изображения (в том числе и на скалах!), так и «простые», не имевшие в их глазах ничего священного. Вся трудность заключается в том, что для нас, европейцев, между теми и другими нет ни малейшей разницы! Провести здесь какую-либо грань применительно к эпохе палеолита мы не можем.

«ЗАКОН КРОВИ»

В архаических обществах, при всем их внешнем разнообразии, была некая общая основа социальной жизни, присущая, разумеется, и охотникам на мамонтов. Олег Микулов справедливо и верно назвал эту основу «Законом Крови». В научной литературе то же самое явление называется *экзогамией*.

Экзогамия — это не что иное, как абсолютный и категорический запрет на любые половые связи между членами одного Рода. Даже в тех случаях, когда реальное кровное родство между общинниками, называющими себя «детьми Мамонта» или, скажем, «детьми Куницы», является весьма отдаленным, а то и вовсе отсутствует, их неоспоримая принадлежность одному тотему делает их всех «братьями» и «сестрами». Любовная связь в данном случае рассматривается как тяжелейший грех, за который — если случится такая беда — придется расплачиваться не одним непосредственным виновникам, но и всему Роду.

...Изначален ли этот Закон? Нет! Ведь даже тогда, когда жил Аи, сама Земля уже была невообразимо стара и многократно меняла свой лик. Великий Червь, породивший само Время, а вместе с ним и то,

что мы называем «Историей» (иное имя ему — Великий Змей), успел уже намотать бесчисленное количество своих колец. Там же, где его первое кольцо еще не завершило свой виток, когда наш, Средний Мир был совсем юным (и совсем иным), а людей — очень мало, Закон, им данный, был ясен и понятен всем: Вы — родные братья. Вы не должны враждовать, не можете убивать друг друга! И тогда же этот Закон был нарушен. Почему?

Потому что и Великий Червь (или Великий Змей) — еще не Начало Начал. Тьма намного древнее; сам Великий Червь — ее порождение, но и она — не Начало Начал. Исток всего сущего — Свет. И с появлением Тьмы началась Великая Борьба за Сущее, за человека. Наш, Средний Мир — не только арена, он — порождение этой Борьбы. Поддавшись Тьме, человек нарушил предначертанное и сделал первый шаг на пути к распаду и гибели.

Наматывались чудовищные кольца; старел Мир. Однажды Тьма заполонила его настолько, что Мир едва не погиб, но все же уцелел... А во времена Аша людей уже было много. Потом их становилось все больше и больше; они говорили на разных языках, шили разные одежды, по-разному изготавливали орудия, отмечали свое тело разными знаками. И называли себя по-разному. Одни говорили: «Мы — дети Бизона!», другие: «Мы — дети Лисицы!», третьи: «Мы — дети Серой Куропатки!»... В сущности, все они были детьми одного Закона, но не могли этого постичь.

«Дети Серой Куропатки — родные братья и сестры; они не могут враждовать, не могут убивать друг друга!» Но как соблюсти этот Закон? Что вызывает самую острую вражду, приводящую к кровопролитиям? Споры из-за женищин! Значит, чтобы соблюсти Закон, мужчины одного Рода, одного тотема, не должны брать в жены тех, кто живет рядом с ними — женищин того же Рода, того же тотема; они должны искать себе подруг в другом клане. Сыновья Серой Куропатки могут жениться только

на дочерях Бизона, и наоборот. Так Основным Законом стал ЗАКОН КРОВИ: все дети одного тотема — родные братья и сестры. Братья и сестры не могут вступать друг с другом в брак!..

Если перевести все это на язык науки, то сущность Закона Крови есть представление о кровнородственной связи некоего человеческого коллектива внутри себя и одновременно — с каким-либо видом животных или птиц (реже — растений) через Первопредков — существ, сотворивших этот Мир. Как уже говорилось выше, Первопредки обладали как человеческими, так и звероподобными чертами. Жили они, разумеется, в «Начальные Времена» или «Времена Сновидений» (см. главу10). Это основа *тотемизма* — идеологии всех архаических обществ!

Таким образом, главной «идеологической» единицей любого такого общества (включая, разумеется, и охотников на мамонтов!) являлся Род. Все члены его считались связанными друг с другом *по крови*, независимо от того, было между ними реальное кровное родство или нет. «Реальное» — это, разумеется, с нашей точки зрения. Для человека той культуры, будь то палеолитический охотник или австралийский абориген начала XX века, «родство» по тотему было более, чем реальным. Отсюда вытекал и ряд постулатов, довольно отличных от наших обыденных представлений.

Жениться, выходить замуж и вообще вступать в половую связь могли только мужчины и женщины, принадлежавшие разным Родам. Конечно, время от времени это не могло не приводить к парадоксам — опять-таки, с точки зрения современного человека — или героя романа «Закон Крови», безнадежно и страстно влюбившегося в свою «сестру». Да, вероятно, в архаическом обществе подобные случаи могли иметь место — подобно тому, как в обществе цивилизованном случаются извращения в половой сфере. Но, разумеется, влечение такого рода должно бы-

ло расцениваться всеми окружающими как нечто абсолютно противоестественное и преступное. В романе «Закон крови» героиня, сердечно привязанная к своему «старшему брату», поначалу принимает его объяснение за неудачную шутку:

...Старые, рассказанные-пересказанные охотничьи истории, которые так любила малышка-Айрис, нанизывались одна на другую; быть мешалась с вымыслом и старыми сказками... Голова Айрис доверчиво покоилась на коленях охотника, и Мал тихо гладил ее вьющиеся волосы, — совсем, как прежде! (А что плохого в том, что брат ласкает свою сестру?!). И говорил, и говорил...

Но всему приходит конец, даже рассказам бывшего охотника! Девушка поднялась (НЕХОТЯ!), и нежно потерлась щекой о его щеку.

— Мал, спасибо тебе! Айрис... Я снова стала малышкой-Айрис! Это так хорошо!..

И тогда... Мал и сам не понял, как вырвались у него эти слова:

— Айрис... Почему бы тебе не стать хозяйкой МОЕГО очага?

Она отпрянула с таким ужасом, как если бы ее старый друг внезапно превратился в громадного паука.

(Улыбнись! Скорее! Это же шутка, хотя и неосторожная!)

Встретив смущенную, немного растерянную улыбку, Айрис облегченно перевела дыхание и сама улыбнулась в ответ.

— Мал! Ты чуть было все не испортил! ..Ну, можно ли так шутить? Говорят, так и несчастье недолго накликается!..

В дальнейшем ей приходится убедиться, что это не шутка. Окончательно озлобившись на сородичей, якобы не желающих или не способных ему помочь, Мал решает похитить свою возлюбленную в первую же брачную ночь. И вот к чему это приводит:

...Гарт, вождь детей Серой Совы, коротко пожелал всем молодоженам «счастливой ночи»...

Кишку мягко обнял ее за плечи.

— Айрис!.. Нас ждет наш очаг!

Вот он, — их первый дом, покрытый мамонтовой шкурой, старательно, со всех сторон обложенный тщательно подогнанными ветвями, а по краям — дерном. Вход завешен оленьей шкурой, выступающей светлым пятном, — так красиво! Кишку так старался — для нее!

Айрис благодарно обняла мужа и положила голову на его плечо. Он тихо и счастливо рассмеялся.

— Вот увидишь, — внутри еще лучше! Жди, — я скоро позову!

Потерся щекой о ее щеку и скрылся за оленьим пологом.

По обычаю, перед тем, как ввести молодую жену в ее новый дом, молодой муж должен войти туда первым, разжечь очаг и сказать:

— Женищина, тебя ждут твой очаг, твой кров и наша постель!

Всю остальную жизнь за очагом и дамам будет следить его хозяйка: кормить огонь, менять лапник, проветривать шкуры, чинить кровлю, — делать все, чтобы ее мужу в их жилище было хорошо и уютно. И пищу готовит она, и запасы на зиму — на ней, и дети... А муж? Он поможет, если нужно, но его главное дело — охота, добыча мяса, шкур и костей. А если придется, — то и война!

Айрис стояла у входа, ожидая, когда прозвучат эти слова, и представляла, как она войдет в свое жилище, присядет к своему очагу — вдвоем с Кишку... Конечно, он постарался, — и лакомство какое-нибудь припас, и постель приготовил — свежую, мягкую... У него такие сильные руки — и осторожные, нежные... Скорей бы, — почему он так долго?..

В жилище было совсем темно, но Кишку знал здесь все, каждую пядь; мог безошибочно найти любую

вещь, старательно убранныю накануне на отведенное ей место. Вот очаг, — дрова уложены, как надо, осталось только подложить тлеющий трут, — а вот... Но где же дощечка и палочка с приостренным краем, — «огневой струг»? Их не было там, где они должны быть! Пошарив рукой вокруг, Кишку обнаружил и то, и другое, но поодаль, и не вместе, как он сложил, а в стороне друг от друга! И трут...

Сзади послышался легкий шорох. Даже если бы Кишку был готов к нападению, — здесь, в родном стойбище, в собственном жилище, в свою свадебную ночь! — он бы не успел защититься, — так стремительно и расчетливо действовал его враг! Чья-то могучая рука, зажав рот, рванула его назад, в глубь жилища, — неумолимо и почти беззвучно. Борьбы не было; Кишку был смят, скручен, и в тот же миг его пронзила острая боль от узкого лезвия, мгновенно пробившего и замшевую рубаху и спину, вошедшего глубоко под лопатку, сквозь сердце, навсегда пресекая всякую попытку к сопротивлению. Чувствуя, как толчками выплескивается его собственная кровь, Кишку последним, судорожным усилием извернулся, освободил правую руку и что-то рванул... В голове мелькнуло: «Лашии? АЙРИС!» — и он стремительно полетел в узкую, черную, бездонную яму...

В жилище слышался легкий шорох. Наверное, Кишку разжигает огонь в очаге... Но почему так долго? Или это ей только кажется? А, может быть, он еще ищет в темноте свои огневые палочки? Нет, с Кишку такого быть не может! ...Ночь была теплая, безветренная, но почему-то Айрис почувствовала пронизывающий, ледяной холод, — как будто льющееся с неба сияние вдруг превратилось в чуть колеблющееся морозное марево, какое бывает в самое суровое зимнее время. Она обхватила себя руками и потеряла ладонями предплечья. Становилось страшно. Айрис вдруг поняла, что во всем стойбище только она одна все еще стоит у входа в дом мужа, в ее дом...

Почему он так долго?..

Наконец-то!

— Женщина, тебя ждут твой очаг, твой кров, и наша постель!

Почему-то голос Кишку изменился, звучал приглушенно, — как будто он говорил из-под тяжелой медвежьей шкуры... Но эта мысль, это легкое удивление только мелькнуло, не задержавшись в сознании. Айрис, измученная ожиданием, поспешила откинуть оленью шкуру и шагнула В ТЕМНОТУ!

Она даже не успела по-настоящему удивиться тому, что очаг еще не горит. У самого входа чья-то рука зажала ей рот, вторая — перехватила руки, и ее потащили прочь от входа, в глубину, в крошечную тьму... Самым страшным было то, что она, кажется, уже знала эти шершавые, мозолистые ладони, эти могучие руки (они казались такими надежными!), этот запах... И когда прерывистый шепот обжег ее ухо невероятными, не доходящими до сознания словами, — Айрис окончательно поняла: МАЛ! ЕЕ СТАРШИЙ БРАТ!

В том, что ему принадлежит по праву, было отказано. Он просил, он давал богатые дары, но Сильные ему отказали, — ссылаясь на Закон, который сами же придумали, чтобы держать слабых в повиновении, чтобы жить, не охотясь! Неважно, владеет ли Колдун любовным корнем, или нет! Как он смел отказать Малу — после всего того, что сделал первый охотник для общины, для Рода, для всех трех Родов! Колдун — лжец, и ничего больше! Но Мал — не простой охотник; Мал — Сильный! И он сумеет взять свое! Сильный сам устанавливает Законы!

Все свое мастерство первого охотника, все искусство следопыта вложил Мал в задуманное! Он понимал: малейшая оплошка, малейший повод для сомнений в его решении жениться на Наве, — и за ним будут следить в три глаза; ему помешают! И сейчас, ошибись он хоть немного, допусти шум или крик, — и все будет кончено! Мал — погиб! Он причиняет боль своей Айрис; ему самому от этого больно, но — так надо! (Сделай так, чтобы она пошла с тобой!)

Чтобы не могла не пойти!) Это — ненадолго; сейчас он все расскажет, все объяснит, и Айрис поймет! Не может не понять, — ведь она тоже любит Мала! И тогда они уйдут, — вместе, далеко-далеко! И Айрис не раскается, — всей своей жизнью загладит Мал эту минутную боль, это зло, которое причиняет он сейчас своей любимой!

— Айрис, Айрис, — это я, Мал, — шептал он, отступая подальше от входа (только бы не услышал какой-нибудь случайный полуночник!). — Я люблю тебя, давно люблю, — больше всего на свете! Прости меня, прости своего Мала, но я не могу! Не могу без тебя жить; мне не нужна никакая другая жена, — только ты! Мы уйдем отсюда, уйдем далеко, — на юг, на север, — куда захочешь! Ты не пожалеешь! Мал — лучший охотник; нас примут в другой Род; Мал и там станет первым, но жить он будет только для своей жены, только для Айрис!

В темноте, увлеченный шепотом, Мал споткнулся о край постели и повалился на нее, увлекая за собой Айрис. (О, жабье дерьмо! Только бы никто не услышал!) Девушка не сопротивлялась, не делала никаких попыток освободиться, бежать... И кричать не пыталась, — губы под ладонью чуть дрогнули, — и только... Может быть, она уже поняла? Уже согласна?

— Айрис, поверь: нас не поймают, не найдут! Может быть, ты боишься Колдуна? Не бойся; Мал убедился: Колдун — лжец! Они все — лжецы; только пугают нас, только обманывают, чтобы самим не охотиться... И отца твоего обманывают! Мал понял, Мал знает... Ха, Колдун! Да если бы он что-то знал, что-то мог, — он бы обо всем догадался и оставил Мала!..

...Почему она молчит? Почему ничего не отвечает; не пытается ответить? Хотя бы жестом... Мал ослабил ладонь, зажимающую рот девушки, и осторожно освободил ее руки, готовый снова их стиснуть, если только она попытается... Но Айрис словно оцепенела. Ее левая рука, зажатая грудью Мала, даже не пошевелилась, а правая безвольно откати-

лась назад. Все ее тело было таким же безвольным, податливым. И -- ни выкрика, ни слова, ни стоны, — только слабое дыхание на ладони...

— Айрис, Айрис, очнись, опомнись! Прошу тебя, пойдём, скорее пойдём, — я все приготовил; нас не найдут, но нужно торопиться! — Мал тебя так любит! Никто, никто, никакой Кишкы не может любить тебя так, как Мал! (Ее губы дрогнули; казалось, Айрис силится что-то сказать, но не может.) Айрис, я не могу без тебя; я ни с одной Серой Совой не возился, даже в шутку, потому, что мне нужна только ты!

Это правда. По крайней мере, год, — а то и больше! — Мал не ложился наяву ни с одной женщиной. Во снах же к нему неизменно приходила Айрис, и, кажется, он уже успел прочувствовать каждый изгиб, каждую округлость, каждую ложбинку ее тела, которое теперь наяву было так близко, так доступно! С ослепительной ясностью, — до капелек, сверкающих на обнаженной груди, до повторенного водой живота, — вспомнилась утренняя Айрис! И сейчас это тело вплотную прижатое к неутоленному телу молодого мужчины, прожигало его сквозь плотные одежды, ощущалось так отчетливо, будто и одежд на них уже не было... (СДЕЛАЙ ТАК, ЧТОБЫ ОНА ПОШЛА С ТОБОЙ! ЧТОБЫ НЕ МОГЛА НЕ ПОЙТИ!).

— Айрис, пойми, я не в силах, я больше не могу...

(Почему она молчит? Жабье дерьмо, — почему она молчит?!)

Даже когда его левая ладонь полностью отнялась от губ Айрис, даже когда, бессильный сдержаться хотя бы на миг, Мал рывком, от ворота, разорвал свадебную рубашку, освобождая ее тело, — Айрис не издала ни звука, не сделала даже слабой попытки оттолкнуть, или, напротив, — привлечь его к себе... Но Малу уже было все равно...

Айрис не понимала, даже не слышала слов Мала... Какой-то монотонный, усыпляющий шум... Происходящее было так невероятно, так невозможно,

что ее сознание окуклилось, свернулось, сжалось в комочек, замерший в полном оцепенении где-то глубоко-глубоко внутри... Разрушился весь Мир, и последние связующие с ним жилки обрывались одна за другой. ..Ее правая рука, скользя в пустоту, на что-то наткнулась. Пояс!.. Ее пояс; когда-то она сама повязала его на это тело, — теперь такое неподвижное... И так липко!..

Гул продолжался; как бы его прекратить; как бы от него уйти!.. Но вот темнота расплывается... какой-то проход, он очень глубок, но туда можно войти, сбегать от этого гудения, от этой тяжести, если поторопиться — она успеет...

Лопнула последняя жилка. Теперь Айрис уже не была крохотным, испуганным комочком, прячущимся где-то в глубинах ее тела. Тело осталось там, — бесконечно далеко; с ним что-то делают, — и пусть, это уже не имеет значения. Сама она, свободная, стремительно летела по открывшемуся пути (скорее, скорее!) — только бы успеть, только бы догнать своего Кишку!

Мал не знал, как долго это длилось. Он потерял ощущение времени, забыл об осторожности, обо всем... Сейчас и подросток мог бы скрутить его голыми руками! Застоявшееся тело никак не могло насытиться... Но вот последняя, тягучая, сладостная судорога. Он простонал и в истоме уронил залитое потом лицо на неподвижное плечо своей жены! (ТЕПЕРЬ-ТО ОНА С НИМ УЙДЕТ! ТЕПЕРЬ НЕТ ДРУГОГО ВЫХОДА!.. ДА И РАНЬШЕ НЕ БЫЛО.)

— Айрис!

Молчание.

— Айрис, послушай! Я виноват, я был груб, но я тебя люблю. Я слишком долго ждал. Теперь ты — моя жена, и я тебя больше не обижу... Айрис, нам нужно спешить! Вставай, — я приготовил поклажу и оружие...

Мертвая тишина.

— Айрис?..

Первый охотник не вскрикнул: для этого он был

слишком опытен, а опасность была повсюду! И все же какое-то время он сидел в оцепенении...

Как давно она умерла?..

Впоследствии, отвечая своим сородичам на суде, которому они его предали, преступник оправдывал себя тем, что в действительности между ним и его погибшей возлюбленной не было никакого родства:

— Бывший мой вождь! Едва ли ты услышишь мои слова, а, услышав, — не поймешь. ...Ваш Закон — ложь! Брат не может взять в жены свою сестру!.. Моя кровная сестра давным-давно ушла по ледяной тропе. А твоя дочь Айрис, — чем, каким родством была она связана со мной, кроме колдунской болтовни? А вот если бы я взял в жены Серую Сову, Айому, — все сочли бы этот брак самым правильным, самым законным, — хотя Айома — дочь родного брата моей матери...

Да. И со своей личной, и с нашей, современной точки зрения, лучший охотник Рода детей Мамонта мог считать себя правым. Но не случайно на суде сородичей все его признания в страстной любви к «сестре» встречают суровый ответ: «Мужчины с *этим* справляются!» и еще: «Лучше б ты ее ненавидел, тогда бы ты хоть о себе подумал...»

Мал был виновен: нарушая Закон Крови, он на деле подрывал основы самого существования — и не только своего Рода — всего тогдашнего человечества. Совсем не случайно строжайшее соблюдение принципа экзогамии стало непреложным законом всех архаических обществ — исключений практически не знают ни история, ни этнография. И дело тут вовсе не в осознанной «дикарями» опасности вырождения в результате близкородственных браков, как наивно полагали вначале европейские исследователи. Как раз от близкородственных браков экзогамия уберечь не могла. Гораздо более глубоким и значимым был ее *социальный* смысл.

В небольших охотничьих общинах эпохи верхне-

го палеолита отсутствие каких бы то ни было раздоров сородичей из-за женщин, равно как и восприятие каждого члена Рода как кровного «брата» или «сестры» (независимо от реальной степени родства!), было, по-видимому, главным залогом выживания. Да и мирные взаимоотношения с соседними общинами зиждились, в первую очередь, на соблюдении того же Закона. Принцип экзогамии сближал соседей, роднил их между собой — через постоянный обмен невестами... Закон Крови был тем краеугольным камнем, на котором строилась вся первобытная мораль, вся этика тогдашней жизни. Умение обуздывать свои порывы являлось, по сути, главной составляющей воспитания:

...он (Дрого) прекрасно знал, что происходит между мужчиной и женщиной, — уж это-то ему было известно задолго до Посвящения! Понимал он и другое: одна девчонка нравится больше, другая — меньше, а от третьей и вовсе с души воротит! И не обязательно та, кто милее тебе, тебя предпочтет...Ему-то самому — кто больше нравится? Нату, с которой возился Нагу-подросток, или Туйя? Конечно, Туйя! Так что же теперь, — он и Каймо должны из-за Туйи... Дрого даже передернуло от одной этой мысли! И при чем здесь это: «больше», «меньше»? Мужчине нужна женщина, — рождающая, ласковая, умелая. Разве может так быть, чтобы на все окрестные стойбища была только одна такая! Дрого невольно улыбнулся, — что за нелепица!.. Да мы все тогда поубивали бы друг друга, и ее саму бы на куски разорвали! Конечно, всякие бывают... Хочешь взять получше, — так докажи сам, что ты — мужчина! Будут уважать тебя, будут говорить о тебе хорошее, — так и девчонки заметят; почему и не должен мужчина с этим торопиться!..

Но не в этом же дело! Совсем не в этом! Ведь тот, кто был Малом, первым охотником, мог выбрать себе кого угодно! Кто бы отказал ему! А он... Дрого често попытался представить, как бы он стал одну

из девчонок своего стойбища... Нет, сама мысль об этом казалась одновременно и нелепой, и чудовищной; здесь воображение не работало...

Да, мораль всегда, в какой-то степени, «связывает» свободную волю, и первобытная мораль — не исключение. Но, преступая ее, человек, как правило, теряет что-то гораздо большее. Именно это и происходит с первым охотником рода Детей Мамонта. Не пожелав смириться со своей неудачей, презрев Закон, он затем шаг за шагом теряет понятие о каких бы то ни было законах, кроме одного — права сильного. В результате он идет от одного преступления к другому, губит и свою возлюбленную, и еще троих молодых мужчин — и навлекает на себя суровую кару:

..Лишенного имени швырнули, не развязав, прямо к общему очагу, не заботясь о том, обожгут ли угли его лицо, или нет. Говорил Йом.

— Гарт, великий вождь детей Серой Совы! Мы настигли врага, — настигли там, куда указал Колдун детей Мамонта! Анук, сын Серой Совы, бросился на него первым; он попытался взять Лишенного имени живым. Но враг был силен и опасен. Он убил Анука; мы подоспели слишком поздно!.. А на обратном пути мы нашли тело нашего брата, сына Мамонта. Враг убил и его.

Вожди двух Родов сидели рядом, — на шкуре лошади. Колдуны — здесь же. Старый выглядел бодрее, чем накануне, но все еще не такой, как прежде. Арго держался хорошо: ночью он заставил себя уснуть. И все же — круги под глазами и лицо осунувшееся.

..Говорят: «Поверженный враг отраднее девицы!» Говорят: «Труп врага не смердит!» Говорят: «Сердце врага вкуснее лопатки олененка!» Так было и для Арго когда-то, в незапамятные времена.. Дорого бы дал он теперь, чтобы не видеть это существо, валяю-

щеется без движения лицом в золе! Но это невозможно; он мужчина, и он — вождь! Вождь опозоренного Рода! И позор еще не смыт...

А утро было таким же ясным, как и накануне. И так же не умолкала птичья перекличка. Только воздух казался душным. Почему-то вчерашний дождь его не освежил...

..Люди рассаживались полукольцом: Род Серой Совы по левую руку от вождей, Род детей Мамонта — по правую. Участники погони по-прежнему стояли в центре, около Общих костров, рядом с телом связанного врага. Тот почти не шевелился, только кашлял, отворачивая голову в сторону от жара и дыма.

Вожди и колдуны сидели по другую сторону очагов. За их спинами возвышался тотемный столб, — засохший ствол лиственницы, очищенный от веток и коры, украшенный знаками Рода Серой Совы. Он был окрашен в красный и черный цвета. Но не только сухая кровь Рода, не только уголь, смешанный с жиром, изменили его природный цвет. И иные пятна были на тотемном столбе... И глаза общинников возвращались к нему снова и снова.

Женщин и детей не было. Женщины оставались в жилищах, — занятые подготовкой к погребению или своими делами. Выйти к тотемному столбу они смогут лишь тогда, когда приговор будет произнесен. Присутствовать на суде могла бы только жена вождя, Айя, — с согласия Арго, — но она отказалась.

Первым заговорил Гарт.

— Братья мои! Друзья мои! Великое горе постигло два наших Рода! Тот, кого все мы уважали и чтили как одного из лучших сыновей Мамонта, оказался отступником. Он не только убийца и похититель, он нарушил Закон Крови. Судить и карать его должны, прежде всего, те, чью кровь он осквернил, чей Тотем опозорил. Мы — на земле детей Серой Совы. Но главное слово, решающее слово сегодня принадлежит детям Мамонта. ...Мы слушаем тебя,

великий вождь Арго! Мы знаем: твое решение будет мудрым.

(Вот оно. Начало. Только бы хватило сил!)

— Принесите тела убитых Лишенным имени. Всех!

...Теперь четыре тела лежали на утоптанной траве. Два мальчика, которых принесли Йом и его люди, и — муж и жена. Рядом.

— Пусть смотрит!

Лишенного имени подняли грубым рывком. Вынули палку, не развязывая ремней; толкнули вперед. Йома трясло от ненависти и презрения...

— Ну, что? Ты доволен, ВРАГ?..

...Заговорил Арго. Голос его был спокоен, бесстрастен, — урок приемному сыну.

— Ты был гордостью нашего Рода. Еще день назад лучшие девушки наших соседей мечтали войти в твою жилище, стать хозяйкой твоего очага. Ты мог бы стать вождем детей Мамонта. Ты был всеми уважаем и любим. Ты все поправил, всех предал. Всех, с кем жил бок о бок, делил пищу и кров, выслеживал добычу. Ты нарушил Закон крови, хотя знал: нарушивший этот Закон несет несчастье не только себе и своей жертве, — всему Роду!

Теперь ты — никто; тебя лишили имени, и ты знаешь: приговор будет суров...

...Арго смотрел на неподвижное тело своей дочери. Сейчас он вынесет приговор, и наконец-то ее унесут, чтобы собрать в последний путь. Но отправиться по этому пути она и ее муж смогут только на закате... Он встал.

— Лишенный имени! Ты осквернил наш Род, ты нарушил Закон крови. Ты отнял четыре жизни. Ты был первым охотником нашего Рода, — ты стал вместилищем падали. Твои слова гнилы и лживы, как гнил и лжив ты сам. Я не знаю и не хочу знать того, кто помог тебе стать тем, кем ты стал. Но и он тебя не спас: ты умрешь.

На ледяную тропу ты вступишь прежде тех, кого раньше срока направила туда твоя рука. Ты вступишь

пишь на нее без одежды, без оружия, без амулетов и без родовых знаков — живым!

Мал невольно вздрогнул. Он знал, что смерть его будет страшной, но такого... такого еще не было ни разу!..

У тотемного столба шли последние приготовления к пытке. Колдун уже разжег костер, разложил свои снадобья и рядом — завернутые в листья белены когти тигрольва. На камне, в специальном углублении дымилась смола, рядом стояла миска с укрепляющим питьем. Срезать родовые знаки будут долго, шаг за шагом. При этом нельзя дать врагу истечь кровью, умереть раньше срока, избежав уготованной участи.

По знаку Арго Йом и остальные участники погони сорвали с Лишенного имени одежду и бросили ее рядом с костром, где уже лежало оружие врага и его сумки с припасами. ...Мал почувствовал, как резьба тотемного столба вдавилась в его спину; заломленные назад, за столб запястья онемели, стиснутые ремнем. Ремни до крови врезались в кожу у щиколоток и бедер.

Костер задымился. Колдун бросил в него какие-то травы, толченые кости, что-то еще и затянул нараспев предпоследнее заклинание-проклятье.

Гор ждал. Арго молча достал знакомый нож из розового кремня и подал его старику. Тот встал, и не говоря ни слова, все такой же мрачный, насупленный, медленно приблизился к привязанному телу обреченного...

Пытка длилась долго. Мир стал одной непрерывной болью, смешанной с красным маревом (что это? солнце?) и едким, вонючим дымом. Он до крови искусал свои разбитые губы и не издал ни крика, ни стоны, хотя несколько раз терял сознание. Но от боли было невозможно уйти: его приводили в чувство — и все продолжалось.

Самым страшным было то, что помимо воли, помимо желания, в мозг, который, казалось бы, ничего

уже не должен воспринимать, проникали, врезались слова Колдуна.

— Лишенный имени! Тебя не спасли твоя хитрость и твое коварство; тебе не помог и тот, кого ты просил о помощи. Наши охотники выследили тебя и взяли живым.

Осквернитель Рода, ты отвергнут своими бывшими сородичами, с нашими предками. У тебя нет нашей одежды, нет нашего оружия, нет наших амулетов. На ледяную тропу ты вступишь голым и без родовых знаков!..

И вновь — милосердное забытьё, которое ничему не помогает, ни от чего не спасает... Вяжущий привкус, холодные капли — и все начинается снова, снова этот черно-красный туман, наполненный болью, снова этот зудящий голос:

— Нарушитель Закона крови! Ты не родишься снова в чреве дочери Мамонта; наши предки — не твои предки, наши духи тебе чужды, Великий Мамонт — не твой тотем. Наши Миры, — Средний, Верхний и Нижний, — закрыты для тебя навсегда!

И казалось — даже в этом кровавом мареве он различает запах сгорающих когтей тигрольва, которые он столько лет носил с гордостью и надеждой! И казалось, — он видит другой дым — от сгорающего жилища, в котором прошла вся его жизнь!

...Был краткий отдых. Мягкая трава ласкала истерзанное, горящее тело, и не впивался в мозг колдунский голос, и было почти забытьё, почти сон, — так, что мерещилось, — несмышленьки-Тииту сейчас очнется от дремы и вновь примется за мальчишеские игры, а потом побежит домой, где его ждут мать и сестра...

И снова пришли они. Вновь — вяжущий вкус жидкости, возвращающий из блаженного забытья для последних мук. Его тело согнули так, что кулаки и колени оказались тесно прижаты к подбородку, и в таком виде перехватили ремнями. Потом куда-то

понесли и бросили на кучу свежевскопанной земли. Пахло сыростью и смертью.

— В яму! (Голос Арго.)

Его втиснули в тесную дыру. Спину обожгло: похоже, с нее сорвало кусок кожи (мучители! ненавистные! должно быть, специально вырыли ее такой узкой!). И вновь ненавистный голос старого Колдуна затянул свой последний речитатив:

— Кровосмеситель, убийца, лишенный имени, лишенный родни, жилища, одежды, оружия, амулетов и родовых знаков! Ты вступаешь на Ледяную тропу живым, чтобы проложить по ней путь своим жертвам. Но те, кого ты направил по этой тропе раньше срока, вернутся назад. Ты же, проклятый своим Родом, — никогда!..

...На ноги, на нижнюю часть туловища уже посыпалась земля. Ее крупницы касались тела мягко, осторожно, почти ласково...Земля забивалась в нос, в уши, проникала в рот...

Какое-то время пряди всклокоченных черных волос виднелись из-под земли. Вскоре скрылись и они...

Погребение, по всем признакам соответствующее тому, что описано здесь, было найдено и раскопано выдающимся российским археологом А. Н. Рогачевым на стоянке Костенки 14/III (Маркина Гора) в середине 1950-х годов. В очень узкой могильной яме (0,99x0,39 м) археологи расчистили скорченный скелет человека лет 25. По-видимому, человек был положен в землю связанным, с руками, подтянутыми к груди. Один палец погребенного оказался засунутым в рот. Ни одного предмета не было положено с ним в могилу. Не удалось обнаружить ни единой детали, ни одной костяной бусинки, которая свидетельствовала бы об одежде — а ведь костюмы в ту пору богато украшались узорами из бус (см. главу «Одежда и украшения»). Только дно могилы было густо посыпано охрой... Вполне закономерным является предположение, что этого человека зарыли в землю живым и, вдобавок, совершенно обнаженным.

Перед смертью он закусил себе средний палец правой руки¹...

Да, жизнь во времена охотников на мамонтов была сурова. Все, что мешало этой жизни, все, что нарушало запреты, подлежало истреблению. И требовалось, чтобы кара была жестокой. Ведь, по понятиям любого архаического общества, только физическая мука преступника как-то помогает искупить вину перед разгневанными духами и Первопредками, вернуть нарушенный порядок вещей, нормальное течение жизни. Помните? Основа архаичных представлений о Мире — вечное возвращение к Исходному. Стабильность.

«Закон суров, но это закон!» — формула, применимая не к одному лишь Римскому праву!

¹ Вначале антропологи определили человека с Маркиной Горы как «негроида», что породило множество недоразумений, особенно в популярной литературе. Сейчас о «негроидности» предпочитают не упоминать. Скорее всего, пресловутая «негроидность» есть не что иное, как неандерталоидные черты, наподобие тех, что были зафиксированы антропологами и в сунгирских скелетах. Костяк с Маркиной Горы является лучшим среди всех известных скелетов людей верхнего палеолита как по физической сохранности костей, так и по полноте их сбора. Скульптурная реконструкция облика этого человека, выполненная московским антропологом М. М. Герасимовым, многократно публиковалась в разных изданиях. Но, конечно, про его любовные похождения, описанные в романе, и прочие детали биографии науке ничего не известно. — *Прим. авт.*

СЕМЬЯ И ЛЮБОВЬ

Читатель может спросить: ну, а как эти люди вступали в брак? В обществе, чьим основным законом был Закон Крови — знали ли в нем то, что мы называем любовью? Или, может быть, жизнь «первобытного дикаря» была так тяжела, что у него попросту не хватало сил на нормальные человеческие чувства? Может, мужчину и женщину толкали друг к другу лишь грубая похоть да еще «экономический» расчет — в семье прокормиться легче?.. Что ж, мы постараемся, по возможности, ответить на эти вопросы. Но прежде всего... Прежде всего надо сразу «отвести» предположение, что духовная жизнь той поры была хоть сколько-нибудь бедна и примитивна.

Личность в позднем палеолите. Представления охотников о прекрасном

Напомню: именно в эпоху верхнего палеолита, когда в Восточной Европе складываются культуры охотников на мамонтов, человек становится создателем искусства, совершенно уникального по своему эмоциональному заряду, выразительности и силе воздействия на зрителя. Это — монументальная пе-

щерная живопись, обнаруженная во Франко-Кантабрийском регионе и, в меньшей степени, на Урале (см. гл. «Первобытное мышление»). Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем: человечеству не удавалось создать ничего равноценного (в этом жанре) вплоть до конца XIX века — до появления импрессионизма в изобразительном искусстве.

Мировая наука XIX века развивалась при абсолютном господстве эволюционизма — учения, согласно которому все в мире без исключения — от неживой природы до социальной организации — непрерывно развивается от простого ко все более сложному. Поэтому нечего удивляться тому, что она оказалась совершенно не готова понять и сполна оценить глубокое своеобразие и высокие достижения искусства эпохи палеолита. Согласитесь, многим из нас и сейчас куда естественнее кажется такое представление: низкий уровень *техники* того или иного человеческого сообщества автоматически означает примитивность его духовной жизни по сравнению с нами, цивилизованными... В XIX веке подобная точка зрения являлась господствующей. Поэтому неожиданное открытие «высокого» искусства в *палеолите* вылилось тогда в события, поистине драматические.

В 1879 году испанский землевладелец и археолог-любитель Марселино ди Саутуола предпринял раскопки в находившейся в его владениях пещере Альтамира. Во время одного из визитов в пещеру с ним отправилась 12-летняя дочь Мария. Пока отец копал землю, она осматривала стены, взглянула на потолок и закричала: «Папа, смотри, нарисованные быки!» Марселино ди Саутуола был потрясен открывшимися многокрасочными росписями быков в самых разнообразных позах. Не без колебаний он в конце концов признал, что росписи эти были сделаны людьми палеолитической эпохи, — теми самыми, чьи орудия извлекались им из земли в процессе раскопок. Однако когда ди Саутуола попытался заявить о своем открытии перед ученым миром, его ждало горькое разочарование.

Все виднейшие специалисты того времени: Габриель де Мортилье, Э. Картальяк и другие, — безоговорочно объявили альтамирские росписи чистойшей фальсификацией, которая была «изготовлена и пущена в оборот лишь для того, чтобы заставить мир посмеяться над легковерными палеонтологами и исследователями древности». Затравленный первооткрыватель палеолитического монументального искусства умер в 1888 году. До конца своих дней он не переставал тяжело переживать случившееся: виднейшие ученые не только не признали открытия, но его самого выставили перед всем миром, как мошенника! «Горе, которое во мне, пройдет лишь со смертью!» — сказал однажды ди Саутуола.

Официальное признание Альтамиры последовало лишь в начале XX века, после новых открытий палеолитических росписей в пещерах Ле Комбарель и Фон де Гом. В 1902 году Э. Картальяк публикует в журнале «L'Anthropologie» свое знаменитое письмо, озаглавленное «Покаяние скептика»: «Я впал в заблуждение, начало которому было положено 20 лет назад, и вот его надо выкорчевать и устранить... Нужно склониться перед фактами, и я готов отдать должное Марселино ди Саутуоле... Во времена нашей юности мы полагали, что знаем все; но открытия... показывают, что наша наука, так же как и все другие, пишет свою историю, которая никогда не закончится, историю, которая, напротив, будет развиваться бесконечно».

Следуя этим справедливым словам, сказанным крупным ученым в порыве раскаяния, зададимся сегодня вопросом: вправе ли мы говорить о человеке позднего палеолита — о том же охотнике на мамонтов — как о *творческой личности*, а не безликом «винтике» первобытного социума?

Еще совсем недавно сам подобный вопрос мог бы вызвать лишь смех и непонимание. Давно стало общим местом, что архаическое общество *подавляло* всякое личностное начало, что вплоть до прихода цивилизации личность была растворена в коллекти-

ве и т. д., и т. п. Для подтверждения приводилось множество этнографических аналогий. Они показывали бессилие члена архаического сообщества противопоставить себя своему окружению, его полную погруженность в быт, в заботы о хлебе насущном, изрядно мешавшие человеку «воспарить к горным высям» и прочее.

Однако когда речь идет о духовной жизни и чувствах в *палеолите*, прямые ссылки на этнографические аналогии неуместны. Дело в том, что в чисто техническом отношении современные «отсталые» общества по большей части ушли далеко вперед по сравнению с нашими охотниками на мамонтов. Большинство их к моменту первых встреч с европейцами уже знали если не металлы, то, по крайней мере, неолитическую технику обработки камня и керамику. Но, с другой стороны, ни одно из этих, с позволения сказать, «более развитых» сообществ не достигло на своем пути таких истинных высот искусства, каковыми по праву считаются палеолитическая пещерная живопись и многие произведения «малых форм» — в первую очередь гравировки по кости и камню!

На интересующей нас территории историко-культурной области охотников на мамонтов не обнаружено памятников пещерной живописи. Но, по правде, тут их и быть не могло — в силу чисто природных, географических причин. Просто на указанной территории пещеры отсутствуют как таковые. Зато яркие образцы мелкой пластики известны и здесь — как на ранней поре верхнего палеолита, так и в период существования культур охотников на мамонтов. И вот что сегодня мы можем о них рассказать.

Ранние образцы подлинного фигуративного искусства в Центральной и Восточной Европе датируются по радиоуглероду от 40 до 23 тысяч лет назад. При всех различиях, они обладают и общими признаками. Это стилизованные (в разной степени) образы различных животных (лошадь, мамонт, пещерный лев, а также, возможно, бизон и волк). Эти

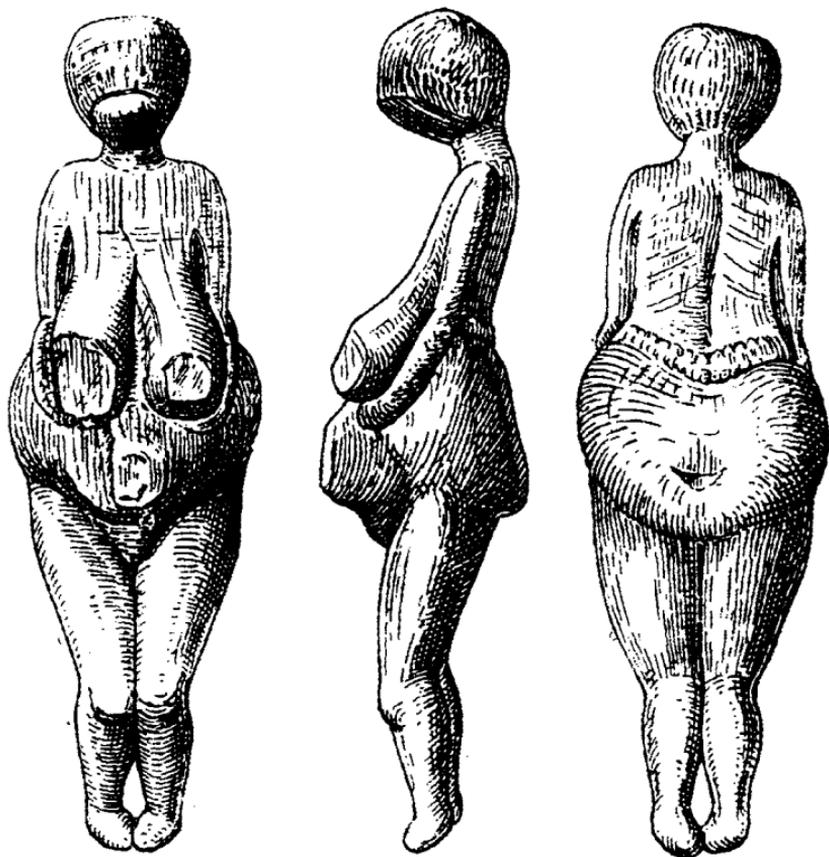
фигурки говорят о многом — и о высоко развитом эстетическом чувстве, и о достаточно сложных представлениях (человеколев), и об уровне абстрагирования (голова волка на навершии застежки-фибулы из Костенок 14). Но все эти образы неизменно являются очень обобщенными. То есть мы видим лишь зверя «вообще», а не конкретного зверя, увиденного художником.

Однако с появлением на Русской равнине охотников на мамонтов ситуация резко меняется. На стоянках виллендорфско-костенковской культуры уже известна целая серия так называемых «палеолитических Венер» — женских статуэток из бивня и мергеля, выполненных, в целом, в едином каноне: наклонная голова, руки сложены под грудью, бедра у колен сведены, икры раздвинуты, носки соединены. Об этих статуэтках уже написаны, без преувеличения, горы литературы. И в этой книге они упоминались не раз. Однако сейчас нам важно отметить только одну деталь, имеющую, несомненно, огромную важность для понимания внутреннего мира человека той эпохи. Дело в том, что, несмотря на определенный канон, каждое из этих изображений женщин по-своему *индивидуализировано!*

Да, безусловно, эстетика той поры и, в частности, представления охотников о прекрасном во многом отличались от наших, сегодняшних. Многие статуэтки изображают женщин, полнота которых, по всем современным понятиям, граничит с уродством. Но как бы то ни было каждая из них действительно приковывает взор. В каждой есть что-то особенное, подмеченное художником в пропорциях и строении женского тела.

Кстати, стоит отметить, что не все «палеолитические венеры» далеки от современного эстетического идеала. Знаменитая головка из Брассемпуи (Франция), например, изображает настоящую юную красавицу.

Да, лица «матрон», как правило, не проработаны (возможно, прямое указание на то, что «с лица не воду пить»!). Зато их тела изваяны реалистично и по-

Р и с. 12. Палеолитическая «венера». Костенки 1.

настоящему мастерски. Особенными, неповторимыми являются и многие детали, изображающие причёску или головной убор, а также украшения (татуировку?). Нетрудно заметить, что все это не случайные отклонения от канона. Нет, вне зависимости от функционального назначения статуэток — были они призваны изображать собой богинь-покровительниц или что-то иное — здесь вполне можно предполагать *портретное* сходство с женщинами той эпохи.

Правда, до «портретов» такого рода — сполна реализующих право художника не быть «жалким копией» природы, а преобразовать ее по-своему — эстетическая мысль цивилизованного человечества

дошла опять же не раньше XX века нашей эры! Тем более можно удивляться своеобразному полету творческой фантазии наших палеолитических предков! Люди, способные создавать подобные произведения искусства, безусловно, обладали огромным творческим потенциалом и своеобразным эстетическим взглядом на мир. Они явно не представляли собою тех «забитых дикарей», поглощенных лишь заботами о пропитании, каковыми действительно явились перед европейцами многие «современные дикари». По-видимому, человек, создавший культуру позднего палеолита в Европе, и те, кто по тем или иным причинам задержался в своем развитии, дожил в «каменном веке» до наших дней — это действительно явления разного порядка.

Дальнейший этап развития искусства Днепродонской культурной области, охватывающий приблизительно 20—14 тысячелетий до наших дней, представлен мелкой пластикой с очень усложненной знаковой символикой. Самый яркий пример — это так называемые «птички»-фаллосы Мезинской стоянки, являвшиеся, скорее всего, многозначными образами. Но следует подчеркнуть, что по орнаментике каждая из этих фигурок строго индивидуальна, и, вероятно, в глазах охотника на мамонтов они были не менее персонифицированы, чем более ранние женские статуэтки. Но уж об этом мы можем сейчас только догадываться...

Вероятно, та «история человечества от первобытности до наших дней», которую мы знаем сегодня — в действительности уходит в прошлое не древнее неолитической эпохи. А вот верхний палеолит в истории человечества представляет собой в некотором роде совершенно особое явление. Он не отвечает тем, уже ставшим вполне привычными, представлениям, которые сложились у нас в XIX—XX веках на основе данных этнографии и фольклора. Особенность заключается в том, что в отличие от более поздних эпох суровый быт и слабая техническая оснащенность верхнепалеолитического общества не стали тормозом для развития *личности*. Равным об-

разом они не помешали формированию в этом обществе достаточно развитых художественно-эстетических (и, по-видимому, нравственных!) представлений. Достаточно ярким примером тому являлись именно сообщества охотников на мамонтов — наших героев. По-видимому, к тем людям, которые на протяжении тысячелетий руководили этими сообществами — поддерживали в них закон, избегали ненужных конфликтов, уберегали общины от распада и вымирания — вполне применимо понятие личности, в целом соответствующее современному смыслу этого слова.

А потому у нас нет никаких оснований приписывать этим людям чересчур «примитивные», грубые понятия о таких вещах, как любовь и брак. Разумеется, их представления на этот счет во многом отличались от наших, ибо в основе таких представлений всегда лежит картина мира в целом — а она в ту эпоху была весьма отличной от современной. Воссоздавать сейчас эти представления можно только с большой долей условности. Однако, привлекая аналогии, совершенно неизбежные при таких реконструкциях, видимо, стоит помнить: развитие личности в верхнем палеолите, даже по имеющимся у нас скудным источникам, явно было выше, чем в тех этнографически известных сообществах, откуда почерпнуты эти аналогии.

Научные представления о семье и браке в верхнем палеолите

Как мне уже пришлось говорить выше, наука XIX (а во многом и XX!) века, по сути, не представляла истории общества в отрыве от законов эволюции. Эволюцию, развитие от простого к сложному, искали и находили везде — где надо и где не надо. Проблема происхождения семьи также не избежала подобного подхода. Это ярко проявилось в знаменитой работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Для своего времени (книга Ф. Энгельса была впервые опубликована в 1884 году) это был действительно новаторский и полезный научный труд. По крайней мере, полезный до тех пор, пока положения, выдвинутые в нем, могли подвергаться свободному критическому анализу, являющемуся обязательным условием нормального развития науки.

Опираясь на труды американского этнографа Льюиса Моргана, чей вклад в создание данной концепции происхождения семьи был настолько велик, что ее зачастую именовали «концепцией Энгельса-Моргана», Фридрих Энгельс предположил, что *системы родства* — наименования ближайших и отдаленных родственников в архаических обществах — как бы «отстают» от тех семейно-брачных отношений, которые существуют на практике. Например, у индейцев-ирокезов, описанных Морганом, люди жили парами — как и мы. В реальном значении существовавших у них терминов «отец», «мать», «сын» и «дочь» тоже сомнений не было — как и у нас. Но, помимо того, ирокезы называли своими «сыновьями» и «дочерьми» не только собственных детей, но и детей своих братьев. С другой стороны, все братья отца назывались у них «отцами». Проанализировав, насколько это было ему доступно, такого рода отклонения у различных отсталых народов, Энгельс, в согласии с Морганом, предложил следующую эволюционную схему развития семейно-брачных отношений у народов мира:

Промискуитет — отсутствие каких-либо ограничений на половые связи. Каждая женщина принадлежит каждому мужчине, и наоборот.

Кровнородственная семья — брачные группы разделены по поколениям: все отцы и матери в пределах одного коллектива — мужья и жены, их дети — тоже.

Пуналуальная семья: брак между родными братьями и сестрами исключается. Это одна из форм группового брака, на основе которой, по Моргану-Энгельсу, возникает материнский род: неизвестно, кто является отцом ребенка, но известно, кто его мать:

стало быть, счет родства ведется не по отцовской, а по материнской линии. Действует «материнское право» — матриархат. Женщина занимает в обществе ключевое положение.

Парный брак — более или менее продолжительное сожитительство одного мужчины с одной женщиной. Брак основан на «материнском праве» и может быть легко расторгнут.

Моногамный брак. Основан на возникшей экономической зависимости женщин от мужчин, уничтожении «материнского права» и замене материнского счета родства отцовским (патриархат). По Энгельсу, именно моногамный брак существует в большинстве классовых обществ, включая современные.

Прошу у читателя прощения за столь скучное наукообразие. Но я счел нелишним напомнить о том, что на протяжении многих десятилетий считалось незыблемой основой советской науки о первобытности. Однако теперь уже ясно: проверки временем эта концепция не выдержала.

От первых двух «стадий», выделенных чисто умозрительно, без каких бы то ни было научных аргументов, ученые отказались довольно быстро — даже у нас, в Советском Союзе, в период, когда любое высказывание классиков марксизма обычно рассматривалось как непререкаемая истина. А вот представления о «групповых» формах брака, якобы предшествовавших более привычным для нас парным семьям, сохранялись в науке довольно долго. Равно, как и представление о «матриархате» — стадии, через которую, по Энгельсу, в обязательном порядке прошло все человечество. Правда, на вопрос, в чем состояло пресловутое материнское право и особое положение женщин в период «дикости», никто из ученых толком ответить не мог. Да, этнография знает архаичные общества, где счет родства ведется не по отцовской, а по материнской линии. Но, во-первых, это вовсе не связано напрямую с уровнем их социально-экономического развития, а, во-вторых — далеко не всегда свидетельствует о высоком общественном статусе женщины!

Проблема матриархата затронута здесь не случайно. Она имеет самое прямое отношение к интересующим нас культурам охотников на мамонтов. В советской археологической литературе тридцатых-пятидесятых годов находки «палеолитических венер», уже описанных нами выше, считались неоспоримым «вещественным» доказательством существования материнского права. Но почему? Попробуем восстановить ход рассуждений того времени.

Он был примерно таков. Вначале, в XIX и первой четверти XX века, когда описанные статуэтки только стали находить, ученые предположили: они означают культ женского божества — Матери-прародительницы или Богини плодородия. Соответствующих находок, изображающих антропоморфное «божество» мужского пола, на стоянках обнаружено не было. Ах, стало быть, единственное изображение божества в палеолите — женщина?.. Так вот же оно — подтверждение «материнского права»!

Оставалось найти подобные предметы на палеолитических стоянках других регионов — чтобы на практике утвердить тезис, носивший у Энгельса умозрительный характер: о матриархате как стадии эволюции, через которую прошли все народы мира. И одно время действительно казалось: до этого один шаг.

Однако в дальнейшем стало совершенно ясно, что женские статуэтки описанного типа — явление вовсе не *стадиальное*. Они присущи не всему человечеству, а лишь достаточно узкому кругу культур, причем на сравнительно ограниченном отрезке времени: 28—21 тысяч лет назад. И еще любопытный факт: на некоторых женских черепахах, найденных на стоянке Дольни Вестоницы (Чехия), относящейся к центрально-европейскому ареалу «культур женских статуэток», антропологи обнаружили следы жестоких побоев... Вот тебе и «высокое положение женщины»!

Сейчас большинство ученых считает: нет никаких убедительных оснований считать, что различ-

ным формам парного брака с теми или иными отклонениями в сторону многоженства (чаще) или многомужества (реже) предшествовали какие-то всеобщие формы *групповых* браков. Скорее всего, эти так называемые групповые браки являются типичной научной фикцией. На практике их не было никогда.

Системы родства, в том числе брачных классов, когда мужчины одного Рода называются «мужьями», а женщины другого Рода «женами», отражают не реальные отношения полов в далеком прошлом, а лишь *возможность* таковых в настоящем и будущем. Другими словами, мужчины одного Рода могут жениться только на женщинах, принадлежащих другому Роду. При жестком соблюдении принципа экзогамии («Закона Крови»), через который действительно прошло в древности все человечество, появление таких терминов вполне естественно.

Материнский счет родства действительно встречается у некоторых отсталых народов. Но он свидетельствует не о какой-то древнейшей и всеобщей стадии развития, а лишь о специфической *культурной традиции*, свойственной этим народам. К реальному положению женщины в обществе эта традиция не имеет прямого отношения.

Отношение к женщине. Художественная реконструкция

В романе «Тропа длиною в жизнь» главный герой, Аймик, принадлежит одному из Родов Охотников на мамонтов. Его сородичи, при необходимости, вырезают из бивня родильные амулеты — изображения своих жен. Такой амулет отнюдь не свидетельствовал о высоком положении женщины. Его назначение было в другом: помочь ей зачать и родить мальчика. А вообще-то сыновья Тигрольва не слишком считались со своими женами.

...Они жили вместе: отец, три его жены, и он, самый младший. Была еще его сестренка, дочь Силуты, но она не в счет; он и не помнит-то ее: совсем кроха, да и не принято было у детей Тигрольва мальчишкам с девчонками возжаться. Понимали, впитывали сызмальства: девчонки в семье — лишние! Чем меньше их родится, тем лучше. А мальчишки почему-то рождались реже...

Отец. Он казался тогда стариком, — могучим, грозным, но стариком! На самом-то деле, конечно, отец был зрелый мужчина, намного моложе, чем он сейчас... Один из лучших охотников Рода Тигрольва, он всегда казался чем-то озабоченным, сердитым на кого-то, и внушал невольный страх даже тогда, когда подходил приласкать своего младшего сына, и улыбка раздвигала густую бороду и усы.

— Ну, что, Серый? погоди, вырастешь, — станешь сыном Тигрольва!

Отец неумело пытается пощекотать его грудь, потеревить за нос, а он, замирая от страха, изо всех сил старается улыбнуться в ответ...

Больше всего пугала рука, — огромная, широкопалая, поросшая волосами, заходящими даже на тыльную сторону кисти. Казалось, — одним своим пальцем этот человек может легко проткнуть его насквозь; проткнуть и даже не заметить этого.

Мать рядом, робко улыбается, но отец, похоже, и не замечает ее вовсе. А Койра — уже тут как тут:

— Могучий! Позволь, — твоя Койра тебя разует! Устал, Сильный? Целый день на промысле... Эй, Силута! Выдрушка! Шкуры подогрела? Неси скорее...

Мать ласково отстраняла сынишку и, незваная, тоже спешила на помощь. Но почему-то всегда оказывается, что она или некстати, или что-то не так делает. И это не всегда кончалось добром...

Нет, отец вовсе не был извергом, он вел себя так, как подобает мужчине великого Рода детей Тигрольва. Другим женам тоже попадало при случае. Даже Койре...

— Ты бы Волчица, лучше не мешалась! Иди, возись со своим сучонком, а мы уж тут... ай! О-о-о-ой! Ой-е-е-ей!

Сучонок с восторгом смотрел, как отец своей страшной ручищей ухватил эту стерву за волосы и волочит ее из стороны в сторону, отвешивая другой полновесные оплеухи и приговаривая:

— Забыла, падаль, чей он сын? Забыла? Забыла?

Наконец отшивырнул свою главную жену в конец жилища, уселся на свое хозяйское место и кивнул матери:

— Серая! Закутай-ка мне ноги, да разотри, а то и впрямь устал...

Силута поспешно подала матери нагретые шкуры и та принялась ухаживать за отцом.

...Да, другим женам при случае тоже доставалось, но матери — чаще. Койра умела ее подставить.

Но вот волею своей нелегкой судьбы герой попадает в другой Род и узнает, что отношения между мужчинами и женщинами могут быть иными.

...Здесь многое было другим. И это другое... Стыдно признаться, но это другое во многом нравилось больше, чем обычаи родного Рода.

Ну вот, хотя бы это. И здесь братья и сестры часто держались порознь, — но как-то не так, как там, на родине. Понятно: их сверстницы тоже готовились к взрослой жизни; у них были свои дела, свои секреты. Но отчуждения не было, не было этой невидимой преграды, из-за которой даже родным братьям и сестрам, под одним кровом живущим, и говорить-то друг с другом зазорно. Здесь такого и не представить. Сколько раз гостевал Нагу у Йорра (это в жилище самого вождя! В родном стойбище такое немыслимо!) и наблюдал, как его друг общается со своей младшей сестренкой. Как с равной, — и разговаривают, и смеются, и друг над другом подшучивают, и по всему видно, — любят друг друга! Вначале это казалось диким, а потом ничего, привык, сам с девчонками стал и говорить, и перешучиваться, и язык заплетаться перестал. Ата очень помогла, — быть может, и сама того не подозревая.

Да. Здесь розни не было. Даже к ним, старшим из младших, девчонки-сверстницы в компанию прибивались, — когда можно. Не все, так некоторые; Ата чаще других... Ну, а мальшии, — те вообще носились по стойбищу общей стайкой...

И у взрослых все по-другому, все не так, как в родной общине. Нет, за два года Нагу всякого насмотрелся. И ссоры здесь случались, и даже драки... Да только все равно все — не так. Начать с того хотя бы, что здесь у большинства мужчин только по одной жене! Нагу когда это понял, — себе не поверил, — как такое возможно?! Сдуру спросил у Йорра: «Твой отец вождь. А сколько у него жен?» Йорр изумился: «Как — сколько? Одна. Дядя-то мой жив!»

Вот оно что! Оказывается, по их обычаям мужчина второй женой взять может только вдову покойного брата. И даже обязан взять; отказываться не принято...

Жены у них своих мужей вроде бы и не боятся ни сколько; и у себя под кровом свободно держатся, и в самой общине. Иная еще и покрикивает; своими ушами слышал! Хотя в мужские дела, похоже, не лезут... Впрочем, всех тонкостей их семейной жизни он понять, конечно, не мог; здесь и своим-то младшим не все открыто, а уж ему, чужаку, и подавно. Но все равно, разница — в глаза бросается!

Нагу часто думал: почему так? Почему у детей Тигрольва родившаяся девчонка чуть ли не горе, а здесь — ей даже рады? Быть может, потому, что у детей Волка рождается больше мальчишек? Так что же, — значит, их предки, их духи-покровители сильнее, чем у детей Тигрольва? Нагу даже головой мотал, стараясь отогнать такие чудовищные мысли, но они возвращались снова и снова.

Позднее, став взрослым и попав на юг, к охотникам на бизонов, он сталкивается с еще более странными для него обычаями:

...Есть сходное, но и оно иное. Семейная жизнь здесь больше похожа на то, что Аймик помнил по

своей родной общине, или, скорее, даже по общине детей Волка, чем на то, с чем пришлось ему столкнуться у детей Сизой Горлицы: у каждой семьи — свое жилище; в нем живут муж, жена и дети, а подчас и неженатый брат, и кто-то из стариков-родителей. Однако здешние женищины не только не запуганы своими мужьями; порой кажется, — они еще свободнее, чем жены и сестры сыновей Волка. Даже мелькала странная мысль: уж не они ли здесь верховодят?

(Позднее Аймик узнал: так оно и есть! Почти так. Дети у них, например, не отцовскому Роду принадлежат, а материнскому. Бросит жена мужа, в свой Род вернется, — и детей забирает. А уж о таком даже в общинах детей Волка слыхом не слыхали!

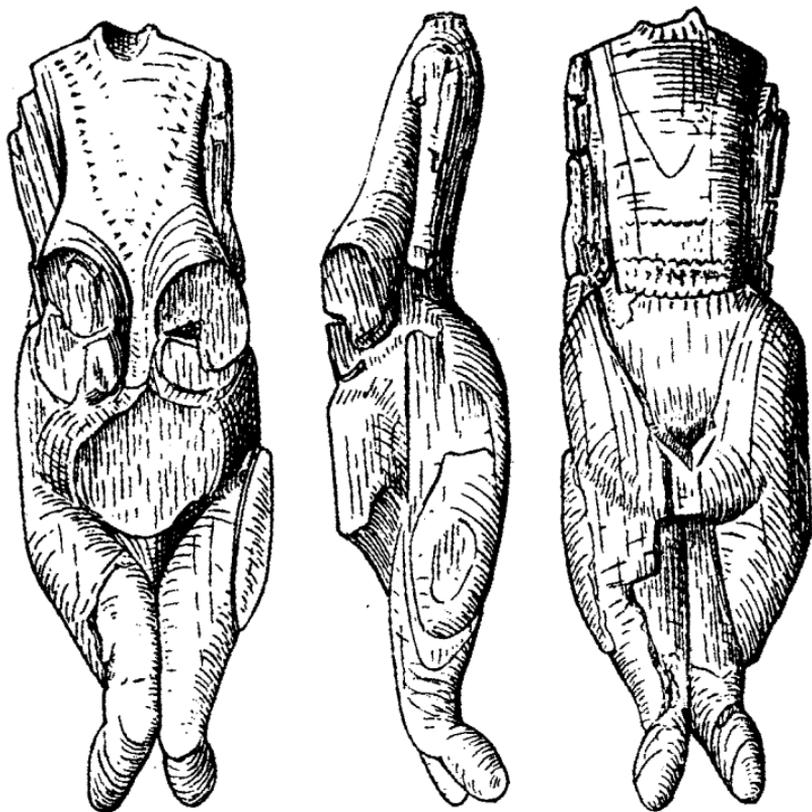
Кайт говорил своему гостю:

— Оно — так. Большая воля нашим бабам дана. Но это лишь на зимовке. Попробуй-ка мне на летней Тропе кто слово поперек сказать... хоть бы и жена. О-го-го!

И засмеялся. Но на вопрос Аймика, почему их дети материнскому Роду принадлежат, не отцовскому, — только глазами заморгал:

— А... как же?! Рожают-то бабы, не мы!.. А у вас, северян, по-другому?..

Как мы видим, и у охотников на мамонтов, и у их ближайших соседей брачные обычаи, отношения между мужчинами и женщинами кажутся весьма различными. Тут процветает многоженство, там оно редкость; в одном Роду женщина, кажется, и слова не смеет сказать (впрочем, это не помешает ей, при случае, нашептывать, кому следует, нужные словечки), в другом — «большая воля нашим бабам дана». И все же есть нечто общее. В первую очередь, это повсеместное следование Закону Крови — экзогамии, являющейся залогом стабильности каждого охотничьего сообщества. Да и в отношениях молодежи до брака во всех архаических обществах прослеживается немало общих черт.

Р и с. 13. Палеолитическая «венера». Костенки 1.

Любовь и добрачные отношения

Жизнь молодых людей в первобытных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ общинах просто не могла быть изолированной — в силу условий жизни и деятельности. Если соседние общины располагались не слишком далеко, юноши и девушки, еще не прошедшие посвящения во взрослые, могли часто встречаться «на нейтральной территории» или ходить в гости друг к другу. И, как водится в этих случаях, между ними возникали «романы».

Посвящение во взрослые члены Рода, по всем этнографическим аналогиям, происходило очень рано — в 12—13 лет. Женились по закону и выходили

замуж тоже рано. Поэтому добрачные отношения — если они возникали — по-видимому, были достаточно коротки. Учитывая физическую незрелость неженатой и незамужней молодежи, такие отношения, вероятно, только в редчайших случаях кончались беременностью до брака. Впрочем, следует помнить и другое: в тот период люди не имели ни малейшего понятия о реальном сроке беременности. К примеру, по представлениям австралийских аборигенов, дожившим до нашего времени, зачатие происходит в тот момент, когда будущая мать ощущает движение плода в своем теле. Поэтому даже в тех случаях, когда реальное зачатие происходило несколько раньше, к моменту появления явных признаков беременности молодая женщина, чаще всего, была уже благополучно замужем.

Приведем отрывки из романа «Закон крови», с описанием «добрачных» обычаев людей костенковско-стрелецкой и городцовской культур ранней поры верхнего палеолита. Эти описания вполне применимы и к сообществам охотников на мамонтов:

...Ни у детей Мамонта, ни у Серых Сов, да и ни у кого из известных им общин, любовь неженатых и незамужних взрослых не считалась чем-то зазорным: дело молодое! Да и как ты узнаешь, правилен ли выбор, если не встречаешься с избранником или избранницей? Ну, а если дело уже совсем налажено, и Начальный дар принят, и жених свое новое жилье готовит, куда поведет хозяйку очага, — тут и говорить не о чем! Впрочем, строгих правил здесь нет; Арго, например, первый раз познал свою Айю уже после свадьбы, в родном доме, около общего очага... Женатые тоже, бывает, тайком встречаются, — конечно, не со своими мужьями, и не со своими женами. Тут дело иное. По-всякому бывает. Порой дело кончается ничем, порой — побегом и даже убийством, а порой, — дарами, мирным разводом и новым браком... Нет твердых правил и относительно «супружеской неверности»; все дело в кон-

кретной ситуации. ... А ведь бывают и такие обстоятельства, когда жена просто обязана разделить гостевую лежанку с чужим, — по законам гостеприимства!

Кишку и Айрис впервые сошлись в конце прошлого лета, когда был уже дан и принят Начальный дар, когда свадьба была решена. Такие встречи должны быть тайными не потому, что они запретны, — чтобы не навели порчу. Мать Айрис, конечно, знала; знала и Нава. Арго это не касалось, а Мал... Мал не знал ничего еще и потому, что сам предпочитал не знать...

...Молодые мужчины возбужденно разговаривали, вспоминая Великую ночь. Скоро придут их братья, принесут им белые одежды, надеваемые только в самых торжественных случаях, и они все отправятся домой, в уже почти забытое и тем острее манящее стойбище.

— А осенью я женюсь! — заявил Каймо. — Мы с Туйей давно решили: и весны не будем ждать!

— Тяжело придется твоей жене, — притворно вздохнул Вуул, — в жару не раздеться: засмеют!

Мужчины дружно рассмеялись. Туули еще в прошлом году хвастал, что они с Туйей, веселой черноглазой девочкой из рода Серой Совы, «трахаются, как взрослые». А была верная примета, — и мальчишки знали о ней не хуже своих сестер: если девчонка все-ррез трахается с мальчишкой, то у нее всю жизнь, еще до родов будут отвислые груди.

Каймо, однако, смеялся громче всех.

— А я вам все врал! Мы с Туйей только возились, — и ничего больше. А пожениться решили сразу, как я только стану мужчиной.

А вот описание юношеской любви охотника на мамонтов в романе «Тропа длиною в жизнь»:

...Ата! С того самого момента, когда Нагу ощутил, как прикосновение, ее взгляд, увидел ее мягкие

губы, дрогнувшие в неуверенной улыбке, все переменялось. Да, вот так, сразу, изменился и мир вокруг, и он сам! Уже тогда, за первой трапезой под кровом колдуна детей Волка, он понял вдруг, что не глазами замечает даже, — чувствует каждое ее движение, — помимо своей воли, помимо желания! И что это очень, очень важно. Самое важное! И что так оно и будет впредь: он, Нагу, и отвернувшись, будет видеть эту незнакомую девочку.

Понимал ли Нагу тогда, что с ним происходит? Не очень. Он знал твердо: такое недостойно мужчины; недостойно будущего сына Тигрольва! Сын Тигрольва, бесстрашный охотник на самых могучих зверей, не может унижать себя перед женщинами; никогда и ни за что на свете! Мужчина должен кормить тех, кто рождает ему сыновей, должен о них заботиться. И наказывать, если нужно: он — сильный, он — главный! Так учил его отец; так учила его сама жизнь в родном стойбище. И что же теперь, — все это насмарку?!

Получалось: он, будущий охотник великого Рода, оказался слабее какой-то девчонки! И самое страшное: ему это приятно! И самое досадное: она словно и не замечает того, что с ним творится! Первое время порой просто хотелось дать ей хорошего тумака! Да нельзя; здесь это не принято; он быстро понял. И еще понял потом: хорошо, что нельзя! Ведь по-настоящему-то ему защищать ее хотелось, а вовсе не обижать. Защищать от кого угодно: от хищников (даже от своего брата-тигрольва), от лесного пожара, от чужаков, жаждущих крови... Да что там вспоминать? Дурачок он был, суций дурачок...

Ата, тихая, ласковая Ата, — казалось, она и вправду ничего не замечает. С ним — как с Армером, как со всеми. Лишнего слова не скажет; только по делу: «Нагу, не сможешь мне лошадиную лопатку разделать?» Или: «Ой, у тебя на рубахе дыра! Можно, я зашью?» А посмотрит, — словно по щеке

поглядит, так, что он только глаза опустит и покраснеет...

Вот уж чему действительно пришлось учиться, — говорить с Атой, и не краснеть! Первое время язык не поворачивался, чужим становился, и звуки какие-то странные издавал: то хриплые, то писклявые. С Армером больше говорил, — для Аты. Потом ничего, привык понемногу. Когда стал понимать: не смеются, и смеяться не будут.

Самым невероятным было поведение ребят. Уж кому, как не им, сверстникам, казалось бы, поднять на смех глупого чужака, робеющего перед совсем чужой девчонкой? А они и не думали насмешиничать, словно, ничего стыдного в этом нет, словно так оно и должно быть! Йорр, бывало, скажет: «Эй, Нагу! Мы — за хворостом. Скажи своей Ате, хочет, — пусть с нами идет». Или предупредит: «Завтра пусть твоя Ата с девчонками остается. У нас — свои дела».

«Твоя Ата». Вначале Нагу чуть ли не вздрагивал от этих слов; краснел, должно быть, хорошо, — на морозе не заметить! А потом понял, что никакая это не издевка, что такое для них, волчат, — в порядке вещей, и стало радостно слышать: «Твоя Ата!» Тем более, что заметил: ей это тоже нравится.

Клету они все больше и больше времени проводили вместе. Не вдвоем, нет, — вместе с Йорром и ребятами. Как обрадовался Нагу, узнав, что Йорр еще целый год будет пребывать в детстве, старшим среди младших! Что ни говори, — а без него, без первого друга, мир бы померк, даже несмотря на Ату. Слишком тяжело, — обрести друга для того, чтобы сразу же потерять: ведь те, кого уводят в Мужские дома готовиться к Посвящению, назад уже не возвращаются. Возвращаются другие. Взрослые охотники возвращаются, получившие настоящие, мужские имена...

...Сама Ата говорила мало. Слушала его разглагольствования, по обыкновению рукодельничая.

Иногда спросит о чем-нибудь, иногда скажет: «А здесь по-другому» — и все. Если и начнет рассказывать что-нибудь, — только о своих подругах, дочерях Волка, да об их женихах, — сыновьях Рыжей Лисицы, «рыжих лисовинов», как она их называла. Женихи были больше воображаемые; они и сами не ведали о том, что уже распределены. Впрочем, были и настоящие: у сестры Йорра, например. Все знают: осенью, после Посвящения, он принесет свой Начальный дар, а через год — свадьба...

Нагу дивился.

— Странно! У нас ставший мужчиной должен сразу жену взять, своим домом жить! Что за мужчина, если жены нет?!

— Здесь не так. Здесь мужчина не торопится смеяться будут!..

...Ночью, уже засыпая, Нагу заметил: Ата что-то долго не ложится, возится с каким-то рукоделием. Заметил, но спрашивать не стал; отвернулся к стене, лисенком свернулся и заснул... А наутро торжествующая Ата сама подала ему новую рубаху, да какую! Отделка — бусинка к бусинке, и перья селезня так умело в узор вплетены, что вся она на солнце переливается, сине-зеленым играет! Надев драгоценный подарок, он даже обиды свои забыл, разулыбался. А мастерица возьми, да скажи:

— Вернешься к своим, — будет у тебя память об Ате!

И снова, — такая злоба, такая досада навалилась, что захотелось разорвать эту проклятую рубаху и в огонь швырнуть. Однако сдержался, только проговорил с горечью:

— Сказано же было: если дождеешься, — только тебя своей женой назову! Да, похоже, — долго ждать придется! Сама, небось, не вытерпишь!

(Да, все было обговорено в те дни, когда Нагу с надеждой ждал весны, сородичей и грядущего Посвящения. Он произнес твердые слова, мужские, не мальчишечьи:

— Вождь спросит, старики спросят: «Кто станет твоей первой женой?» А я отвечу: «Ата, дочь Серой Совы!» Сам приду за тобой, сам в наше жилище отведу! Будешь ждать?

И она радостно ответила:

— Буду!

Сама, должно быть, верила, что будет. А теперь... Колдун сказал тогда: «Взрослая она, ей замуж нужно!» Конечно, — зачем ей мальчишка, который и мужчиной-то станет невесть когда? А тут... Молодые сыновья Волка вернутся, — вот тебе и женихи! Любого выбирай; хоть того же Йорра...)

...Он забежал в тот самый чахлый березняк, в котором Армер рассказывал ему историю Аты и советовал «крепко подумать». «Подумать»... О чем? Все кончено; он никогда не станет мужчиной, и Ата никогда, никогда...

Нагу, всхлипывая, уткнулся лицом в колени. «Мужчины не плачут»? Ну и хорошо, ну и пусть! Он-то — не мужчина! Мальчишка...

— Нагу! Вот ты где! Ну, перестань! Ты же не маленький!

Ата! Такой мягкий, такой добрый голос. И руки — ласковые, успокаивающие... Он дернулся, но не слишком. Совсем не хотелось вырваться из этих рук. И злости не было в этот раз, — только пустота и отчаяние. ...Но его слез она не увидит!

— Да что с тобой? Все хорошо, и у тебя все будет хорошо...

(Нужно ответить. Но как поднять голову? Заметит...)

— Ата, — он говорит отрывисто, не отнимая лица от ее колен, — Я... мальчишка... долго еще... ты... семья нужна... не будешь ждать... мальчишку...

— Глупый! Глупый! — она то ли смеется, то ли плачет, а, может быть, и то, и другое вместе, — «Мальчишка»? Ты сейчас, — как мальчишка, да... Только всякий ли охотник сделает то, что сделал ты? «Не буду ждать!» Ну, что мне еще сделать, что? Глупый, глупый ты мой...

Его тянут куда-то вверх, знакомые, нежные, сильные руки укладывают его голову так, что щека прижимается к девичьей груди, и чувствует сквозь тонкую замшу напряженный сосок, и ее сердце стучит прямо в левое ухо, а другое ухо щекоочут мягкие губы, и шепчут, шепчут...

Не отпуская своего пленника, Ата откидывается навзничь, ее левая рука на мгновение соскальзывает с его плеч, чтобы вынуть из ворота рубахи костяную заколку, — и вот уже нет даже тонкой преграды между его пылающим лицом и нежной, отзывчивой грудью его Аты...

Они лежат, нагие, в дрожащей, пронизанной солнцем тени; трава и ветерок ласкают их разгоряченные тела. Ата, покорная, доверчивая, прильнула к его правому боку; ее голова на его плече. Нагу гладит ее длинные, густые волосы; ладонь ощущает сквозь них острые лопатки, пробегает по позвоночнику... Ата скользит вдоль его тела, ее губы прижимаются к зажившей ране, затем она вновь устраивается на его плече.

— Не будешь больше мучить себя? И меня обижать не будешь?

Она смотрит снизу вверх и улыбается. Нагу молча качает головой. Он не может говорить. Он слишком счастлив.

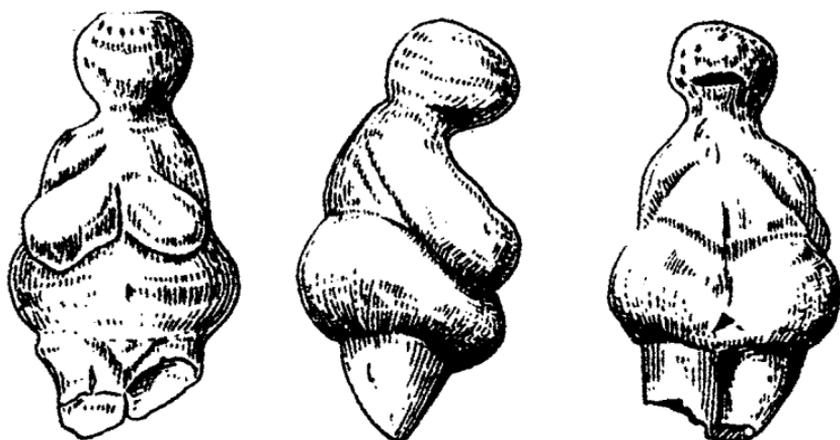
Они возвращаются медленным шагом, рука об руку. Нагу больше не думает о том, когда же, наконец, его заберут к своим? Чем позднее, тем лучше!

Вот и стойбище. Ата останавливается, кладет руки на его плечи и смотрит прямо в глаза.

— Нагу! Ты для меня... мужчина. Единственный. Я буду ждать, но... У вас другие обычаи, вы берете в жены Ледяных Лисиц, — и не по одной, я знаю... Ты вернешься к своим, и если увидишь, что невозможно, — я пойму...

Нагу положил ладонь на ее губы.

— У меня будет первая жена, — ты. И вторая — ты! И третья — тоже ты!..

Р и с. 14. Статуэтка палеолитической «венеры» из бивня мамонта.
Стоянка Гагарино.

Вряд ли у нас есть основания отказывать людям той эпохи в способности к глубоким переживаниям. Но эти люди не были б тем, чем они были, не будь в них иного: уравновешенности, культивируемой в их менталитете тысячами, и умения обуздывать свои чувства.

...Дрого сидел на том самом камне, что так любили Мал и Айрис... и Нагулюбил, и часто бывал здесь со своей сестрой и знаменитым сородичем. И сейчас он не собирался бросать это место из-за отступника, из-за предателя, лишённого имени, изгнанного из Рода навсегда. Дрого не мог совместить в себе того Мала — наставника и друга, старшего брата, и этого — лишённого имени кровосмесителя и убийцу. И не ради добычи ушел он из дома — сюда, на свой камень! Хотелось подумать.

...Случившееся в их Роду поражало и пугало еще и тем, что оно означало: ни Посвящение, ни знания, ни опыт, ни охотничья удача не могут спасти от сокрушительного поражения, от позорной гибели. Все это у лишённого имени было в избытке. И не спасло. Что же — значит, такое может случиться и с ним, с Дрого? Или не может?

Следовало понять, — что же случилось с Малом до того, как он превратился в Лишенного имени. И сейчас Дрого изо всех сил пытался, но никак не мог этого уразуметь.

...Но почему же Мал сделал такую глупость?..

Колдун говорил: «Тот, кого коснулось черное крыло Аймос, на кого упал его взгляд, чье сердце задело его копьё, может стать самым счастливым человеком. Редко, и не навсегда. Чаще — самым несчастным. Для него весь мир сужается до той, на кого указал Аймос, так, что он может забыть обо всем остальном, — даже о Законе. И становится доступным Злу, хотя сам Аймос не зол и не добр. Своенравен и мрачен».

Дрого это не касалось. Ни из-за своей Нату, ни из-за чужой Туйи, ни ради кого бы то ни было он не собирался ничего нарушать, никого убивать, — что за нелепость?! ..В общем, получалось так: «Соблюдай Закон — и все будет хорошо!» Дрого это вполне устраивало...

...Теперь он часто встречался с Нату. После Большой охоты та сделалась совсем ласковой. Гордилась. Но втайне завидовала своей подруге, Туйе. У той, — все уже ясно, даже начальный дар получен; говорят, осенью хозяйкой очага станет. У своего Каймо...

..Да, оказывается, Каймо нисколько не шутил там, в Потаенном доме, после Посвящения. Всерьез взялся за сватовство, не обращая внимания ни на укоры отца, ни на вздохи матери, ни на шуточки Ву-ула. Отнес к Серым Совам свой начальный дар. Айон, отец Туйи, дар принял, — ради дочери! — но в душе был недоволен. (Торопыга! Хотя бы до весны дотерпел, если уж дальше не может! И что за охотник, что за муж из него получится, — кто знает? На Большой-то охоте ничем себя не показал, а тут, — как раз, первый из первых!)

Дрого над приятелем не насмешился, но удивлялся. Может, и Каймо «коснулся своим черным крылом» этот самый Аймос? Ну и пусть! Хорошо, что его самого, Дрого, никакие крылья не задевали, — ни черные, ни белые!..

*Понятие о «гостеприимстве»
в семейно-брачных отношениях*

Напоследок укажем еще один важный момент семейно-брачных отношений, являвшийся общим для всех архаических коллективов. Это следование законам «гостеприимства» или «благодарности», повелевавшим женщине время от времени разделять свое ложе с гостем или другом, оказавшим услугу ее семье. Кстати, стоит отметить: подчинение обычаю отнюдь не подразумевало полного отсутствия такого понятия, как ревность, не притупляло до конца обычные человеческие эмоции, возникающие в подобной ситуации:

— Я хотел тебя спросить, да как-то все завертелось... — Аймик приостановился и сам набросил катюшон на голову друга. — Смотри, простудишься... Так вот, я спросить хотел... как вы с женами-то живете?

— Так же, как и вы, должно быть, — хмыкнул Хайюрр, — захотел — пришел, захотел — ушел. Только вот что. Сегодня — особый случай: они сами придут. Хочешь, — Ата до утра может остаться. Но вообще-то в доме вождя так не полагается. Обычно у нас только к отцу его жены прийти могут, если позовет, конечно. А мы, кто под его кровом, сами к своим женам ходим... Понимаешь?

Аймик молча кивнул.

(У нас все же проще. И у детей Волка проще.)

— Да, вот еще что, — теперь, похоже, Хайюрр и сам не знал, как начать. — Ты сегодня с Атой того... Учти: Айюга к тебе потом придет, моя младшая жена. Тут уж... Никуда не денешься, отказываться нельзя! Ты не просто гость, ты спаситель. Иначе, — и мне позор, и удачи нам всем не будет. Да еще перед походом.

— Так значит... — начал было Аймик, но Хайюрр, угадав его мысль, решительно перебил:

— Ничего не значит! Говорю же тебе: это благодарение.

Раздеваясь и уstraивая свою одежду в полумраке незнакомого, необычайно просторного жилища, Аймик немного замешкался. От лежанки Хайюрра уже доносились шорохи, перебивающий друг друга шепот и смешки; обе жены радовались возвращению давно оплаканного мужа. Жена вождя уже постанывала где-то там, в глубине, среди теней. За этот суматошный день Аймик так и не разобрался, кто она — жена вождя детей Сизой Горлицы? И сколько у него жен? Сейчас, во всяком случае, там, кажется, была только одна.

Хайюрр был прав: к ночи жилище успело изрядно прогреться. И все же тело охватил озноб, и ноги почему-то холодные... Скорее, скорее под шкуры!

Свежая постель, действительно, была на редкость удобной. Уже нагретой: женщины давно поджидали своих мужей, тихо переговариваясь в полумраке, прислушиваясь к звукам Великого Пляса Войны. Аймик рыбой скользнул в такое знакомое, такое милое тепло, родные руки обвили его стину. Мгновенная дрожь маленького горячего тела, смешок и шепот:

— Ой, какой же ты холодный! Иди сюда, грейся!

Знакомое... Изведенное... Испытанное... После всего нового, обрушившегося и заполнившего его сознание так, что даже вчерашний день, даже сегодняшнее утро остались где-то в дальней дали, Аймик с особенным наслаждением брал и отдавал это... Привычное... Надежное... Родное...

Последнюю судорогу, особенно тягучую, они разделили вместе и приходили в себя, не размыкая объятий.

Только теперь, нежно, в отдохновении лаская тело своей жены, Аймик понял, что мимолетное ощущение не обмануло: между ее маленькими грудями покоится какой-то новый, неизвестный ему амулет. Пальцы скользнули по полированной поверхности непонятной фигурки. (Явно из кости, и поверхность испещрена тонкой резьбой.)

— Что это у тебя?

— О! Это... Чтобы забеременеть. Мне Малута дала. Сама к колдуну ходила, и колдун разрешил. Сразу.

(На миг сжалось сердце: Эх, вы, сыновья Тигрольва!)

— Только бы помог!

— Поможет обязательно, — вот увидишь! Обе говорили: и Малута, и Айюга. И жены вождя говорили: всем помогает! Тебе тоже дадут, если захочешь. Хорошо?

— Хорошо, — прошептал Аймик, лаская языком ее сосок. Только сейчас я другого хочу...

Но Ата отстранилась, — ласково, но твердо.

— Подожди. Потерпи, сейчас Айюга придет. Не хочу, чтобы муж мой оплошал!

— О чем ты говоришь, женщина! — чуть ли не вслух возмущился Аймик, — Ты же знаешь...

— Знаю, но все-таки... Потом, если захочешь. А сейчас, — смотри, не осрались!

Ата словно в шутку ткнула его в бок маленьким кулачком. Хоть и без злобы, но чувствительно.

К их постели приблизился шорох босых ног. Силуэт Айюги возник совсем рядом, заслонив собой низкое очажное пламя.

— Айюга, младшая жена Хайюрра, прозванного теперь «Одноухим», храброго сына Сизой Горлицы, пришла, чтобы разделить постель с бесстрашным Аймиком, прозванным «Безродным», в благодарности за спасение жизни своего мужа. Не отвергнет ли могучий Тигролев меня, простую Серую Куропатку?

Должные слова звучали, как и положено: не слишком громко, но так, что их было слышно во всех углах жилища. Однако за их торжественностью ощущалась скрытая насмешка... не злая, впрочем.

— Да... Нет, не отвергнет. Иди сюда.

(А вот с ответной речью ничего не получилось. Словно ему вьюжница глотку перехватила.)

Ата, дернув мужа за мочку уха, еле слышно шепнула: «Не оплошай!» и отодвинулась к стене. Ей все объяснили, да она и сама все понимала и соглашалась, но все же... предпочла бы оказаться сейчас где-нибудь в другом месте... Хоть бы он и впрямь не оплошал! В первый раз с другой, да еще жена под боком...

— Тогда, — продолжала Айюга, — пусть бесстрашный Аймик примет мой первый дар: этот амулет.

Аймик почувствовал, как женские пальцы коснулись его шеи, надевая узкий ремешок. На грудь лег какой-то продолговатый предмет.

— Что это?

(На ощупь похоже на родильный амулет Аты... Нет, не совсем... Что-то другое...)

— Это мужской амулет, — сказала Айюга. И, забираясь к нему под шкуру, пояснила уже попросту: — Чтобы у тебя все получалось. И чтобы дети были.

Признаться, Аймик немного побаивался. До сих пор он, взрослый мужчина, знал только одну женщину: Ату. Пока жил у своих, — даже гостевой дар принять не было случая, ну а потом... Потом пришло одиночество. Одно на двоих.

Но страхи оказались напрасными. Айюга отдавалась ему так легко и весело, с таким явным удовольствием, что Аймик... увлекся. Быть может, и амулет помог... Наконец, Айюга шепнула ему в самое ухо: «Для жены побереги!», выскользнула из-под шкуры, церемонно поблагодарила «бесстрашного Аймика за оказанную честь» и побежала к своей лежанке. Оттуда посыпались голоса и смешки. Явственно донеслось, сказанное Хайюрром: «Молодец!» Но к кому это относилось, — к нему или Айюге, — Аймик не понял.

— Что, муж мой, спать будем?

Голос Аты звучал спокойно, но...

— Спать? Будем обязательно. Только прежде...

Через несколько мгновений жена постанывала в его объятиях. Амулет помог и на этот раз.

КОЛДУНЫ И МАГИЯ

Магия

О первобытной магии написаны груды литературы. Тем не менее о ней до сих пор ведутся жаркие споры, причем по самым основным вопросам. Например, о связи магии с религией. Казалось бы, вопрос простой, а ответы на него даются подчас прямо противоположные. Здесь на одном полюсе находятся те, кто не видит никакой принципиальной разницы между колдовским приемом дикаря и молитвой верующего перед чудотворной иконой, а с ними и те, для кого магия — лишь более примитивная форма религиозных представлений: веры в сверхъестественное. Противоположная точка зрения заключается в том, что религия и магия представляются явлениями, в корне противоположными, враждебными друг другу. Нетрудно заметить, что в основе этих полярных взглядов лежат отнюдь не научные, а мировоззренческие установки. Не случайно еще совсем недавно всем советским ученым вменялась в обязанность исключительно первая точка зрения.

Обычно магия понимается как колдовство — ряд приемов, направленных на то, чтобы повлиять на естественные явления или события сверхъестественным образом. Но, говоря о первобытности, мы должны учитывать, что люди того времени, в силу

особенностей своего мышления (см. гл. «Восприятие мира»), не отделяли «рациональное» от «иррационального», «естественное» от «сверхъестественного». Мир, в котором они жили (или живут), был единым, нераздельным. В нем одинаково воспринималось то, что для нас уже разделено.

Мифологические предки, духи, или некая безликая сила и тому подобное были для первобытного человека не менее реальны, чем «естественные» природные процессы и явления — в их сознании также одухотворенные. Или, если хотите — вторые были столь же «ирреальны», как и первые: одно от другого не отделялось. Точно так же не разделялись в сознании первобытного человека и способы, которыми он стремился достичь своих целей (а магия *всегда* направлена на достижение именно «земных» целей: удача на охоте, смерть врага, исцеление от болезни и т. п.).

Для австралийского аборигена, например, все детали исключительно сложного процесса изготовления бумеранга были одинаково необходимы, чтобы оружие хорошо работало. Но и европеец, наблюдающий и описывающий этот процесс, не сможет провести здесь безошибочную грань между техническими и магическими приемами. Да, нанесение узора — это магия. А выдерживание в воде и песке в течение определенного времени — что это? Техническая необходимость, или опять же магия? Это еще более характерно для «традиционных» способов лечения. По словам известного специалиста по первобытным верованиям С. А. Токарева, «даже опытный врач не всегда сумеет разграничить рациональное и магическое среди приемов врачевания».

Более того, человек с архаическим сознанием чаще всего считает, что к желанной цели его приводит именно магический прием сам по себе, а вовсе не какая-то стоящая за ним «потусторонняя сила». Когда австралийские «делатели дождя» разбрызгивают в разные стороны заколдованную воду и машут пучками перьев — они вовсе не обращаются при этом к какому-то «духу дождя»! Они просто уверены в том, что

такие их действия *должны вызвать дождь* — точно так же, как определенные манипуляции с костяной палочкой и куском камня или стекла приводят к появлению наконечника, а определенные действия охотников — к добыче мяса.

Магия «срабатывает» не всегда? Конечно! Но ведь то же самое можно сказать и о «рациональных» действиях. Наконечник может сломаться в процессе изготовления, а охота далеко не всегда бывает удачной. К тому же некоторые магические приемы оказывались исключительно эффективными. По свидетельствам этнографов-европейцев, в той же Австралии наведенная «кость смерти» разила свою жертву без промаха — вернее бумеранга или копья.

Таким образом, в первобытных коллективах то, что мы называем «магией», охватывало все стороны жизни. представляло собой великое разнообразие средств и приемов, но ни по своим задачам, ни на практике, ни в сознании не противопоставлялось в большинстве случаев тому, что мы считаем «рациональной деятельностью». В сущности, магия — это то же «испытание природы», стремление подчинить ее своим целям, что и наука. Можно согласиться с одним из крупнейших исследователей первобытных верований английским ученым Джеймсом Джорджем Фрезером в том, что в основе своей первобытная магия ближе к науке, чем к религии: она также исходит из принципа постоянства действия сил природы, неизбежности причин и следствий, и возможности воздействовать на эти силы в своих интересах. Но, разумеется, в нерасчлененном комплексе первобытного сознания магические действия составляли также неотъемлемую часть действий, которые мы можем называть «религиозными обрядами и ритуалами».

Магические приемы так бесконечно разнообразны, что очень трудно их упорядочить, классифицировать. Ученые их распределяют по целям (вредоносная, производственная, лечебная, любовная магия и проч.), по способам применения («контактная» — путем прямого контакта, «парциальная» —

действие направлено на часть объекта: волосы, ногти, след и проч., «имитативная» — через воздействие на заместитель объекта, например, на его изображение и т. д.).

Вредоносная магия

Здесь важно обратить внимание на одну особенность, которую единодушно отмечают все, кто занимается первобытными верованиями. Это — особая роль в архаичных обществах *вредоносной магии*, направленной на то, чтобы причинить зло своему врагу. Именно эта магия оказывается наиболее распространенной, и вместе с тем, — тайной, запретной. Ее очень боялись: ведь для первобытного человека любой несчастный случай, любое заболевание, а тем более, смерть (кроме смерти в бою) связывались с действием колдовства. Вот почему европейцы, посещавшие Австралию, Новую Гвинею и другие места, населенные первобытными народами, слышали от тех, с кем они вступали в общение, что сами эти люди такой гадостью не занимаются, но вот соседние племена — ужасные колдуны! Разумеется, эти «ужасные колдуны» рассказывали тому же европейцу прямо противоположное, и обвиняли в колдовстве прежних его собеседников.

Очевидно, так обстояли дела и во времена охотников на мамонтов:

— На Юг?! — в шепоте Аты чувствуется откровенный страх. — Но там же степняки! Они нас убьют!

(Да. За это время и он много чего наслышался о тех, кто кочует по степям, в низовьях Хайгры и Кушты, у края Великой Воды. Злые колдуны и свирепые воины, они не щадят никого... Но что делать, если южная тропа — воля Духов?).

— Такова воля Духов. Не бойся; они нас оберегут.

Но попав на юг, к степнякам, первобытный охотник убеждается совершенно в обратном:

...Разговоры с Кайтом становились все продолжительнее и продолжительнее. Расспросы. Переспросы. Может быть, и не все понял его хозяин, но в главном — разобрался. Так, по крайней мере, думал Аймик.

— Ха-ха-ха! — в голос смеялся Кайт, узнав, что, в глазах охотников на мамонтов, степняки — «злые колдуны», убивающие всякого, кто ненароком к ним забредет. — О, да! Мы тут — все колдуны! Оружие перед охотой наговариваем. Духов благодарим за бизонов. Лечимся. ...Бабы наши, — вон, тоже колдуны, мужей себе привораживают, детей... Вот только моя старшая, видно, колдовать не умеет! — хмыкнул он.

— Да я не о том, — начал было Аймик. — Такое и у нас...

— А я — о том! — перебил его Кайт. — Похоже, охотники на длинноносых совсем свихнулись! Это вы друг на друга порчу наводите почему зря; сам же рассказал! А у нас, — где ты видел колдуна?

(Это правда. Аймик уже давно заметил, что в здешней общине нет тех, кого можно было бы сопоставить с Рамиром или Армером. Вначале он думал, что здешний колдун — Старик; тот самый, что сопровождал его вместе с Кайтом в жилище духов. Все его так и звали: «Старик»... Но потом понял: нет, не то! Старик, — он, как и Кайт, для здешних вроде вождя... Самый уважаемый, быть может.)

Несомненно, вредоносная магия использовалась гораздо реже, чем о ней говорили (во всех архаических обществах это было очень опасно: одно подозрение в колдовстве грозило смертью).

— ...Порча! — продолжал Кайт. — Хочешь знать, что бывает за такое? Летом — по шею в песок, на самом припеке! А зимой — руки-ноги перешибут в трех местах и выкинут за стойбище!

— Да я что ж... — бормотал Аймик, сам не рад уж тому, что сказал лишнее, — Я-то вижу. И другие бы

поняли, если бы с вами встретились... А только знаешь, у нас говорят: «В степь уйдешь — не воротишься!» Говорят, такое и впрямь бывало...

Но несомненно и то, что «черное колдовство» действительно применялось, а его приемы развивались и совершенствовались. Вот только один из них, очень похожий на ритуал наведения «кости смерти» у аборигенов Австралии:

— Была ночь, когда Одноглазая пялится вовсю. ...Все знают: «хочешь навредить — подберись к своей жертве как можно ближе!» Ну, а мы не на юг пошли, не к стойбищу детей Куницы. Совсем в другую сторону; туда, где теперь наши северяне живут. Те, что сегодня ушли с Большого Совета. Тогда, в те годы, лишь одна маленькая община детей Серой Совы там и жила. Я думал: у Хорру там враг. Или за плату работает... Оказалось — нет!

— Мы пришли к Большой воде, к тем камням, что хранят несъедобные раковины. Хорру показал место и сказал: «Копай!» И я выкопал... Это была берестяная коробка, — вроде тех, в которых женщины хранят иглы и нашивки. Только там были листья. Хорру сказал, чтобы я встал спиной к Одноглазой, достал то, что было в листьях и передал ему...

Колдун хлебнул из баклаги.

— Там была... кость. Длинная, заостренная. Только... только это была совсем не кость! Когда я ее взял в руку, то почувствовал: она живая! Как... как напряженный член. Только в ней было не семя, а зло. Я чувствовал, какая она злая! Она была готова ужалить меня, — но не могла... Меня всего трясло, когда я передавал Хорру эту штуку, — а ведь я прошел два Посвящения! Хорру схватил ее, привязал какую-то веревку, — кажется, из волос, конец ее закопал в песок, а кость направил острием в сторону стойбища детей Куницы. И запел.

Опять пауза. И еще глоток.

— Вождь, я знаю много заклинаний, но этого — не знаю! Не хочу знать! Забыл!.. Хорру пел — и из кости полился свет, — не знаю только, увидел бы его кто-нибудь из вас, охотников, или нет. Я-то видел. Сияние лилось, — и все вокруг как будто исчезало в тумане. А впереди показалось стойбище детей Куницы.

— Я знаю: от тех камней и нашего-то стойбища не увидать даже в самый яркий день; даже дыма не увидать из-за оврагов и леса! А ведь стойбище Куницы намного дальше... Но тогда все остальное исчезло в тумане, а их стойбище было маленькое, но отчетливое. Все можно было разглядеть, кто чем занят. А потом осталось одно жилище. Стены исчезли, и я увидел их Колдуна. Ясно, как тебя сейчас вижу, только маленького. Он стоял за очагом, на коленях, к нам спиной; поправлял лежанку. А сияние двигалось к нему... И вдруг он обернулся и посмотрел прямо на нас. И сделал рукой какой-то жест, знак. И что-то сказал. И все пропало. Сразу. Хорру закричал, завыл — раньше я такого и не слышал. Только потом, когда он умирал... Выдернул веревку и вместе с костью, спиной, бросился в воду. А я оцепенел. Стоял, и чувствовал — в тело как будто иглы вонзаются. Не сосновые, костяные. Множество игл... А Хорру кричит: «В воду, безголовый! В воду, мышинный помет!» И я прыгнул, как он, спиной.

— Сколько были в воде — не помню. Хорру меня вытащил, сунул кость с веревкой, и буркнул: «Зарой!» Я его спрашиваю: «Где зарыть? И как?» Потому что — боюсь ее. А Хорру хотел, видно, обругать меня, ударить, — да почему-то раздумал. И спокойно ответил: — «Где хочешь. Неважно». Я посмотрел на кость, и понял: в самом деле, неважно. Просто кость, едва обточенная. Человеческая. От ноги. Закопал ее здесь же, и ногой притоптал... А осенью Хорру умер.

Итак, «черная» вредоносная магия была строжайше запрещена во всех архаических обществах — и тем не менее везде применялась как на «любитель-

ском», так и на «профессиональном» уровне. В других видах магии дело обстояло иначе. «Производственная», например, входила неотъемлемой частью в «официальные» ритуалы. А любовной магии вообще не придавали слишком серьезного значения. Если влюбленный юноша аранда (Центральная Австралия) надевает на голову особую повязку и стремится попасть на глаза своей возлюбленной, «околдовывает» ли он ее или просто говорит: «я тебя люблю»? Впрочем, и здесь не все обстояло слишком просто. В романе «Закон крови» лучший охотник рода детей Мамонта из-за несчастной любви погубил и свою возлюбленную, и себя, и навлек несчастья и на свой Род, и на соседей. Во всем обвиняют колдуна, не предотвратившего беду. Но вот что он отвечает:

— *Вождь, мои обвинители... ошибаются. Но это — неважно.*

— *Я верю: ты не давал ему любовный корень для приворота. Но почему ты не помог ему избавиться от наваждения?*

Колдун улыбнулся.

— *Вождь, я бы не смог дать это зелье кому бы то ни было и для чего бы то ни было, даже если очень хотел. Любовного корня нет!*

Сказанное было так нелепо, что вождь даже не удивился.

— *Да, да, его нет... Ты не понимаешь?*

— *Не понимаю.*

— *А все очень просто. Послушай, вождь. Я могу многое... Наверное, больше, чем думаешь даже ты. И знаю многое. Никому бы этого не знать! Но любовного корня — нет!*

— *Но даже я...*

— *А что — ты? Да, ты собираешь духов на празднества, ты просишь их помочь, и они помогают. Но кого и о чем ты просишь?*

— *Кого? Тех, кто мне был поручен. О чем? О любви и соединении.*

— *Вспомни, пойми, — ты просишь духов открыть глаза тем, кто уже связан. Соединить уже соединен-*

ных. И они охотно помогают. Но, вождь, поверь, — все твои духи бессильны отвлечь сердце молодого охотника от той, кому оно принадлежит изначально. И бессильны отдать его сердце другой.

— Может быть. Но ты...

— А что — я? Я могу дать любовную силу даже старому Гору, да так, что и молодая застонет. Или отнять ее даже у молодого, хоть бы у сына твоего, Йома, так, что и самые красивые девушки всех трех Родов его не возбудят... Ну, и что? Полюбит ли от этого Гор хоть кого-нибудь? Разлюбит ли Йом свою Нагу?..

...Вождь, есть две силы, два духа: Эйос и Аймос. Первый — веселый, любит человеческий смех, и детей любит. Его можно призвать, можно попросить. О многом, в том числе — соединить не связанных. Его помощники служат и тебе. Второй — мрачный и одинокий; звать его бесполезно, просить — тем более. Он не служит ни радости, ни горю. Он не соединяет тела, он связывает душу. Тот на кого упал его взгляд, может стать и самым счастливым... Но чаще всего он делается самым несчастным. Отвести этот взгляд невозможно!

— Он...

— Вождь, сегодня можно называть имена. Сегодня худшего не будет.

— Хорошо. Мал в самом деле приходил к тебе? Зачем?

— Да. Приходил. Просил приворожить или отворожить твою дочь. Дать любовный корень. Я сказал то же, что и тебе говорю: этого зелья нет.

— Но ты бы мог...

— Что? Отвести его взгляд? Сделать так, чтобы его потянуло к Наве? Или к кому-нибудь еще? Да, мог бы. Но это ничего бы не изменило, ничему бы не могло. Такая мара быстро проходит. Стало бы только хуже. Я сказал ему и об этом.

— Хуже? — Вождь горько усмехнулся.

— Да. Хуже. Хуже всегда может быть, если не сразу, то потом... Был бы ты рад похоронить вместе с Айрис — Дрого? Погибнуть самому, уступив свое мес-

то Малу? Тем бы все и кончилось, женись он сейчас на другой по моему привороту. На той, кого бы он возненавидел тем быстрее, чем глубже запала в его сердце твоя дочь, Айрис. Она гнездилась там очень глубоко и очень долго. Только он сам, по своей собственной воле мог изгнать ее оттуда. Или... или хотя бы утишить. Не захотел... Нет, мое колдовство только бы усилило Аймос. Победить этого духа, пересилить его силу можно лишь самому. В одиночку. Без колдовства... Я говорил об этом Малу, но он не понял. Не захотел понять. И я его выгнал.

Знахарство, или лечебная магия всегда требовали специальной подготовки и вызывали в обществе большое уважение. Даже в наши дни многие, если не подавляющее большинство, предпочитают химиотерапии траволечение. А в архаических обществах о тех же травах знали гораздо больше, чем лучшие знахари нашего времени! Но и здесь было бы совершенно бессмысленным отделять «рациональное» от «иррационального».

Простейшую помощь — себе ли, члену ли своей семьи — мог оказать любой общинник. В трудных же случаях требовалась профессиональная помощь. Этнографические описания аналогичных действий колдунов и шаманов, наблюдавшихся учеными и путешественниками уже в новое время, позволяют осуществить следующую художественную реконструкцию:

Действительно, Нагу поначалу не верил, что Армер — настоящий колдун: слишком уж он отличался от колдуна детей Тигрольва, который без рогатой шапки и на людях-то не показывался, и говорил-то лишь с избранными. Но скоро сомнения развеялись без остатка.

Это случилось уже весной, когда снег почернел и просел, когда сверху по склонам еовсю текли воды, а в низинах стояли туманы. Густые, гнилостные.

Йорр был невесел. Покашливал, и руки горячие.

— Что с тобой?

— Сестренка второй день недужит. Не встает даже, горит. Травником отпаивали, горячие шкуры прикладывали, жертвы духам дали, — не помогает. Должно, — Хонка-Огненная Девка наведалась. С собой хочет взять и ко мне тянется; видел...

— Йорр! Я сейчас Армера найду, скажу ему! Он же колдун! А ты шел бы домой, ложился бы, — горюшь ведь!

Йорр усмехнулся.

— И то, — пойду сейчас. Тебя хотел видеть; кто знает?.. Хонка... Армеру скажи; мать сама скоро к нему придет. Скажи-скажи. Да он уж знает, поди. А мать...

Нагу, поддерживая своего друга, уже начавшего заговариваться, довел его до дома. Заплаканная мать встретила у входа, подхватила почти падающего сына, повела в глубь жилища, крикнула, обернувшись:

— Нагу! Тигренок! Найди Армера, скажи, — пусть ждет! Сейчас приду, сейчас!.. Что бы вчера еще, дура этакая! Так ведь показалось: полегчало! А оно — вон как...

Не слушая больше, Нагу бегом кинулся к колдунскому жилищу; скользил, дважды падал в мокроту...

Армер был дома.

— Йорр... Его мать сейчас...

— Знаю. Второй день жду! Но прежде — ты.

— Нет! Йорр...

— Молчи. Только Хонки нам и не хватало! Ату один раз уже едва отбил... Раздевайся!

И вот он лежит голый на своей лежанке, дрожа мелкой дрожью, — то ли от холода, то ли от волнения. Армер склонился над ним, губы сжаты, глаза властные, — Нагу и не подозревал, что он так смотреть может, а руки скользят вдоль тела, и оно расслабляется от успокаивающего покалывания... Колдун пропел короткое заклинание, накрыл Нагу шкурой, бросил: «Лежи!» — и занялся его промокнутой одеждой. Придирчиво осматривал, шов за швом, порой ос-

танавливался, бормотал что-то. Затем каждую вещь окунул в очажный дым и развесил на распорки. ...И вот, — улыбается прежний Армер:

— Вставай, переодевайся в сухое. Трудная ночь будет у нас. Ты ведь пойдешь со мной? Поможешь Хонку прогнать?

А у входа уже причитала мать Йорра.

Да. Эту ночь он никогда не забудет! Людей много, и они все сгрудились на мужской половине жилища вождя детей Волка. На женской половине только больные, — Йорр и его сестренка. А перед очагом, на почетном месте, на белой кобыльей шкуре восседает Он, Армер, их великий колдун! Очаг засыпает, и виден только темный силуэт. Голова склонена на грудь, на коленях — широкий барабан, в правой руке било. Барабан пока безмолвен: колдун только готовится, только собирается с силами для полета в Нижний Мир. К духам.

Виден только силуэт, но Нагу знает: сейчас он в полном колдунском облачении: широкой рубахе, снизу доверху увешанной костяными и деревянными амулетами-оберегами. А на голове... в багровом свете засыпающего очага сверкают страшные клыки и оживают мертвые глаза на волчьей морде!

Их много, они сидят плотно. Нагу тесно прижат к правому боку самого вождя Тилома, затылок и уши ощущают чье-то дыхание. Все молчат; только дыхание и отдельные, сдерживаемые вздохи. Меркнет очаг, — и словно замирают даже эти звуки...

Надрывно прокричал лебедь, — прямо здесь, в жилище! — и Нагу вздрогнул от неожиданности.

Еле слышимый, дрожащий звук, — словно комариное пение... (Откуда? Сейчас, весной?!) Но вот он усиливается, переходит в рокот, и становится понятно: это колдунский барабан.

Рокот все сильнее и сильнее, и вот уже не рокот, — дробные, частые удары перерастают в МОЩНЫЕ УДАРЫ, — невозможно поверить, что барабан способен издавать такие звуки! Дрожит земля, содрогаются стены!..

Все обрывается, — и мертвая тишина. Такая тишина, что Нагу кажется: он здесь один! Только где — «здесь»? В жилище вождя?..

И вновь — комариное жужжание, переходящее в рокот и неистовые удары... Обрыв. Тишина. И снова, и снова...

Нагу не заметил, когда началось пение. (Это что, голос Армера?!). Очаг, никем не подкармливаемый, давно бы должен окончательно уснуть, — но почему-то багровый свет не гаснет, хотя и не разгорается. С ним происходят какие-то неуловимые изменения. Нагу понял: в такт пению и барабанной дробии стали меняться оттенки, — от багрового до оранжевого, почти желтого. И в полумраке, пронизанным этим невиданным светом, под барабанную дробь, под какой-то ритмический шелест, под завораживающее пение, мечется темная, почти человеческая фигура с оскаленной волчьей мордой...

...Не было никакого жилища; никого не было, кроме них двоих, — в полете через Нижний Мир, закрытый для Нагу, но открытый для его могучего спутника, его вожака, и нужно было ему помочь, чтобы спасти друга, чтобы изгнать эту проклятую Девку, и он не знал, как помочь, но это было не важно, главное — хотеть этого, и он хотел, и всеми силами тянулся к Нему, Соединяющему Миры...

Все оборвалось. Сразу. Он — Нагу, и он в жилище вождя, притиснут к правому боку хозяина, и видит, как колдун, шатаясь, направляется на женскую половину и склоняется над больными. Темно, но все же видно: его трясет, его корчит... Резкий, гортанный приказ на неведомом языке, — и тонкий нечеловеческий крик, замирающий, но продолжающий давить на уши... А колдун уже бежит к входу, откидывает полог, плюет и отбрасывает что-то туда, в ночь. И Нагу видит: там на миг мелькнула, искаженная злобой, харя Огненной Девки...

Люди зашевелились, заговорили. И вот уже в очаге весело пляшет разбужженный огонь, и жена вождя, всхлиывая, шепча слова благодарности, оттирает пот с лица колдуна, обессилено завалившегося на бе-

лой кобыльей шкуре. Голова матерого волка свешивается с его плеча. Мертвая. Общинники, один за другим проходят мимо него, кланяются, оставляют на шкуре свой дар и исчезают за пологом. Армер никого не видит; глаза его полузакрываются, дыхание прерывисто. Он еще там, — на грани Миров...

Несколько дней спустя Йорр, бледный, но вполне здоровый, показывал своему другу, как он наводит лук для дальнего выстрела, и спрашивал совета, а его сестренка вместе с матерью принимала гостя: молодого охотника из Рода Рыжих Лисиц. Должно быть, жених...

Так уже десятки тысяч лет назад формировались «белая» и «черная» магия. И если мы попытаемся проследить, куда ведет основная дорожка от первобытной магии в современность, то увидим: в оккультизм, в «тайное знание». Тайна — она и есть тайна; не будем ее здесь затрагивать. Более узкая тропинка ведет от магии к современным наукам, и уж совсем слабая — к религии, где все основано на прямо противоположных принципах, где предполагается существование высшей, личностной силы, которую можно о чем-то *попросить*, но невозможно *заставить* сделать так, как тебе предпочтительно.

Как же обучали магическим действиям? «Бытовой», обыденной магии, видимо, так же, как и обычному поведению: подражанием. Некоторые приемы, доступные только для посвященных, передавались в процессе инициации. Чтобы стать «официальным» колдуном, знахарем, требовались особые условия: для этой роли подбирался особый человек, проходивший кроме наставничества у старого колдуна особенно суровые испытания. Иногда эта «профессия» передавалась по наследству, от отца к сыну. Тайные, запретные знания, связанные с вредоносной магией, передавались тоже тайно, и никто не знает, как далеко в глубь прошлого уходят современные «союзы» и «ордена» колдунов.

Но об одном нужно помнить: в архаических обществах колдун — важнейшая фигура. Именно на колдунах в первую очередь лежит величайшая ответственность: единство Рода, стабильность Рода, благополучие Рода. Все это могло быть достигнуто только через связь с Первопредками, с Могучими Духами — кем бы ни были последние. Для христианских миссионеров, долгие годы проведших среди «отсталых народов» — а это воистину подвиг! — распространено убеждение, что все «первобытные» колдуны — слуги Дьявола. Лично я в это не верю. Я думаю, что мир духов Природы не столь одномерен и что, по меньшей мере, в те времена обращение к этим силам вовсе не обязательно означало связь с Тьмой. Впрочем, в каких-то случаях подобная связь, бесспорно, имела место: ведь главной задачей колдуна была защита и упрочение Рода! И, верно, находилось немало таких, кто считал: призывать при этом на помощь можно кого угодно.

В романе «Закон крови» описываются два колдуна — по нашим понятиям «злой» и «добрый». Но оба они при этом служат своему Роду — каждый по-своему — и думают о его благе. Более того, «добрый» колдун является учеником «злого» и относится к своему учителю не только со страхом, но и с глубоким уважением... Что, впрочем, не помешало ему отказаться от важнейшего обряда, упоминающегося в различных фольклорных и этнографических источниках: «*принятия на себя*» тех духов, с которыми общался учитель. Описание подобного ученичества и переживаний, связанных с этим последним обрядом, вложено в уста его непосредственного участника — старого колдуна:

— Тебя тогда еще вовсе не было, Арго, даже малыша Мишту еще не было. Отец твой еще ползал, а не ходил. А я — был. Еще не мужчина, но и не ползунчик. И старый Хорру меня заметил.

— Вождь, пугали ли тебя — мной? Может быть, не знаю. Но знаю: пугай, не пугай, а дети ко мне льнут. А мы боялись Хорру больше, чем вурра. Все бо-

ялись. Он не советовал, он правил, хотя и не был вождем.

— Он пришел в наше жилище и сказал, указывая на меня, несмышляныша: «Пойдет со мной!» Мать заплакала. А отец сказал: «Пойдем к вождю!» А что вождь? Не было у нас вождя...

— Они оба умерли в один год. Отец погиб во время Большой охоты; лошади стоптали. А мать и сестренка умерли от хонки — лихорадки. Хорру лечил. Да не вылечил. А я — не заболел.

— Я жил в соседнем жилище, да не долго. Когда Хорру пришел вновь, меня отдали без возражений. А как иначе? Все мы — дети Великого Мамонта, но у них-то были свои дети. И они хотели жить.

— Хорру был великий колдун. Великий. И он передал мне все. Бил меня? Да, бил. Но передал — все... Вождь, ты знаешь, что такое посвящение охотников. Но ты не знаешь, что такое наше посвящение. А я прошел не одно...

— Да, Хорру передал мне все... Хотя и не все объяснил. И умирая, обнимал мои колени и в слезах умолял, чтобы я пошел его путем. Но я не хотел. Да и не мог.

— Когда настал его час, я пошел вместе с ним, как должно. Но...Вождь, как он умирал! И ты, и я, — мы знаем, что такое смерть, видели ее не раз. Но тут... Мы пришли в ложбину, которую он сам выбрал. И он мучился три дня; может, и больше, — не знаю. Это я выдержал только три дня подле него. Он катался, он выл, он грыз землю и прошлогодние листья. И он умолял меня сделать то, чему он меня научил. Занять его место. А я — не мог...

Разделение колдунов на «злых» и «добрых» — скорее всего, достояние более поздних времен. Но вполне возможно, что истоки такого разделения в какой-то мере проявлялись и во времена охотников на мамонтов.

РОЖДЕНИЕ И ПОСВЯЩЕНИЕ

Вся жизнь людей архаических сообществ определялась четырьмя важнейшими вехами: рождение, посвящение, свадьба, смерть. В какой-то мере это свойственно и нам — но только в какой-то мере. Что, например, означает для нас «посвящение»? Выдачу паспорта? Получение аттестата зрелости? Принятие воинской присяги? В любом случае все эти события — даже последнее — играют в нашей жизни несравненно меньшую роль, чем Обряд Посвящения в архаических обществах.

С другой стороны, факты рождения и смерти значили для архаического сознания совсем не то, что для нас. Кстати, заметим: для первобытных народов — тех же охотников на мамонтов — беременность вовсе не связывалась напрямую с половым актом. По их представлениям, главное значение имели здесь амулеты, наговоры, вкушение специальной пищи, а то и нечто совсем случайное. «Случайное», разумеется, только для нас, но отнюдь не для людей с архаическим сознанием. К примеру, может ли быть случайным такой факт, что дух, живущий в камне или дереве, вскопчил в тело женщины, когда она проходила мимо?.. Поскольку беременность становилась реальностью лишь с того момента, когда буду-

щая мать ощущала движения плода в своем теле, ей, конечно, казалось очень важным, в какой именно обстановке это случилось...

Итак, рассмотрим основные вехи жизненного пути человека той эпохи. Начнем с рождения, детства и посвящения во взрослые.

Рождение

Археологические материалы не предоставляют нам никаких данных о том, как протекали роды у жен палеолитических охотников, какими обычаями и обрядами они сопровождались? Судя по этнографическим данным, дела обстояли по-разному у людей различных культур. В романе «Закон крови» описано, как во время родов и в первые дни после них муж не мог находиться под одной крышей с роженицей. Такого рода запреты были нередки — они хорошо зафиксированы этнографами:

...Одноглазая уже почти проснулась, — а в ежедневных свиданиях Дрого и Туйи перемен не наступало. Он уже беспокоиться начал: вот-вот — на Новую Тропу! Неужели ей по дороге рожать?! Спросил отца, тот немного успокоил:

— Колдун сказал: «День-другой и припоздниться можно; не беда». Подождем. Только, думаю, — вот-вот; и ждать не придется.

Так оно и вышло. На следующий день Туйя, босая, в одной рубахе, что-то шила. И вдруг, — Дрого запомнил все до мелочей! — отложила шитье... коснулась своего живота, — но как-то не так, не для Дрого! — и взглянула куда-то ввысь, где солнце играет в молодой еще листве... А потом посмотрела мужу прямо в лицо, и глаза ее сияли, но был в них и затаенный страх.

— «Да?!» — спросил он взглядом, не веря, замирая и ужасаясь чему-то.

— «ДА!!» — ответили ее черные ликующие глаза и немного растерянная улыбка. И, догадавшись, что

Дрого сейчас может сделать то, что не положено мужчине, и стать смешным, она позвала сама:

— Нага! Нага!

Она появилась сразу (видимо, ждала), с Аймилой на руках. Пошенталась с племянницей и увела ее в жилище. Уходя, Туйя не отрывала глаз от мужа и улыбалась, улыбалась... А вскоре туда же торопливо проскользнули Ола и Дана, и начались непонятные для Дрого хлопоты...

— Ну, что? Зря волновался!

Арго улыбался. Всем он был доволен в этот день, — и тем, что сборы почти закончены и даже новый челн готов, — право же, ничуть не хуже тех, что Серые Совы делают! — и своей невесткой (Молодец! Не задержала!). ..Да и тем, что сидят они, как встарь, как в мужском доме, — он с сыновьями, да друзья Дрого: Вуул, Донго, Аун. И уходит не хочется, хоть и обещался сегодня Колдуну...

— Год назад нас в Потаенный дом уводили, — вдруг произнес Донго. — Да, должно быть, как раз в один из этих дней.

(А общинники готовились к свадьбам, — подумал Дрого, — когда и его сестра должна была стать хозяйкой очага...)

Видимо, не один он вспомнил об этом. Мужчины примолкли и как-то погрустнели.

— Ну, мне пора! — вождь поднялся с хозяйского места. — Колдун ждет на закате. А вы пируйте; Дрого, не скупись! Сегодня — ты хозяин. В путь все готово, но выступим дня через два... Значит, и отдохнуть можно.

Дрого понимал: отец шутит, но все же и в самом деле добавил еды, нанизал на вертел свежие куски мяса, пустил по кругу хмельное питье (отдых — так отдых!). Но есть уже не хотелось; говорить — тоже. Слова Донго, произнесенные без всякого умысла, почему-то все изменили. Слово легла на старых друзей... Из-за Каймо, быть может? Сам он прислушивался к тому, что происходит снаружи; ждал нечаянную весть из своего жилища. Рано, наверное, ну, а вдруг, — именно сейчас?..

Вуул демонстративно скрестил большие пальцы: чтобы шутка не обернулась злом!

— Ну, Дрого, считай, ты — отец! Как сына-то назывешь?

Дрого повторил жест.

— Ты о чем это? Детское имя дает мать!

— Ну, а отец и присоветовать может; почему бы и нет? Скажи: пусть как тебя самого звали: Нагу! Будешь на самого себя любоваться... Такого еще и не бывало, поди!

(Конечно, отводящий жест оберегает; отделяет шутку от неосторожного слова, не дает ей бедой обернуться, но все же...)

— Вуул! А когда ты сделаешь Эйру хозяйкой своего очага? Страдает, поди...

— О, хорошо, что напомнил! Пойду Начальный дар готовить.

Дрого понимал, почему Вуул все это затеял. Говорят, мужская болтовня — о таком, — помогает роженице. Может, так оно и есть? Все равно, ничем другим помочь Туие он не может. И даже узнать ничего не может: там только женщины. Разве что, — пригласят Колдуна... Нет, лучше не надо! Ведь его приглашают, если трудно, если все затягивается или идет не так, как должно!

Гости собрались уходить. Дрого и Анго вышли вместе с ними. Багровый, почти кровавый диск солнца больше чем наполовину скрылся за зубцы дальнего леса. Бабочка, словно из ниоткуда, опустилась на грудь Дрого, потрепетав крыльями, расправила их и замерла. В неестественном свете этого вечера она казалась на белой замше странным глазастым сгустком крови. Анго хотел ее прихлопнуть, но Дрого не дал. Осторожно подтолкнул пальцем, — и, описав вокруг его головы замысловатый пируэт, непрошенная гостья растворилась в воздухе.

— Ну, — добрых снов! — прощальным жестом они поочередно опустили руки на плечи друг другу. Вуул рассмеялся.

— Сегодня ты, поди, и вовсе не заснешь! Ничего!

Воля Предков, — все хорошо будет! Завтра встретимся, — а ты уже отец!

Он сам и все остальные слегка дернули каждый свою мочку левого уха, — чтобы не сглазить! «Отведи худое!» — пробормотал вдобавок Донго, коснувшись рукой ближайшей сосны. Прочие последовали его примеру.

Вуул, Аун и Донго ушли, — каждый к себе.

— Постойм немного? — предложил Анго. Он видел, куда смотрит Дрого, и понимал, как трудно его брату оторвать взгляд от своего жилища... Может, и в самом деле что-нибудь заметят или услышат?

...Нет, ничего! По теням видно: там женщины, но что происходит, — не понять.

— Подойдем к Общим кострам?

Анго прав. Сегодня — последняя Ночь Воздержания, и запреты должны блюстись особенно строго. Нельзя подходить к женщине, нельзя говорить с женщиной... но кто может запретить подойти к Общему костру! Тем более, что там — стража... А оттуда до жилища Дрого — всего два шага, не более!

Сегодня в первой страже — Морт и Крейм, почти ровестник Дрого. Морт разглядывал Дрого, словно в первый раз. Прищурившись, с улыбкой. Понимает...

— Не знаю, конечно... но мне кажется, — все идет, как надо!

(Понятно! Ты здесь уже давно, и переговариваешься со своей Нагой не хуже, чем я с Туйей... пока она не скрылась за пологом! Что ж, спасибо на добром слове!)

Дрого кивнул, — и только!

(Туйя хочет, чтобы он не был смешным. Да будет так!)

А глаза все равно приклеены к пологу, закрывающему вход в его жилище. Быстро темнеет, но за шкурами — только слабые отблески очага, да неясные тени... Хоть бы кто-нибудь!..

...Повезло! Полог откинулся, — ему даже почудилось: увидел на миг глаза Туйи! — и оттуда, семена, почти выбежала Ола. Заметив Дрого, едва заметно

кивнула и ободряюще улыбнулась: «Все хорошо!» Дрого невольно перевел дыхание.

— Ну, что же, — пойдём? — улыбнулся Анго.

— Сейчас.

Конечно, пора уходить домой, но что-то держало его здесь, в быстро надвигающейся ночи, в центре стоябища, которое через день-другой будет покинуто всеми. Дрого огляделся.

Подступившая ночь была теплой, безветренной, но какой-то... мрачной. Угрожающей. Молчащей. Не слышно птиц, и — Дрого вспомнил! — в травах на закате не звенело, как прежде. Из-за сосен вставало Око Небесной Старухи, — огромное, воспаленное, в кровавых пятнах. Тишину нарушил одинокий волчий вой, — в нем звучали тоска и ярость.

— Пойдем, Анго.

Впрочем, только что родившийся младенец — это еще не человек в полном смысле слова. Для того чтобы ему стать хотя бы ребенком, «получить детское имя» должно было пройти какое-то время, должны были совершиться какие-то обряды. О том, что отношение к новорожденным младенцам и детям более старшего возраста было совершенно различным, свидетельствуют и археологические данные. Младенец, умерший сразу или почти сразу после рождения, еще не был для рода никем (см. гл. 16). Однако выживший, получивший «детское имя» ребенок уже занимал в коллективе тех же охотников подобающее место. Во многих отношениях, включая «интимные» стороны, взрослая жизнь в архаичных обществах была, пожалуй, менее отгорожена от детских глаз, чем наша. Во многих, но далеко не во всех.

Постороннему наблюдателю может показаться, что в архаических обществах дети — это, воистину, «привилегированный класс»! Им, действительно, позволялось то, что было немислимо для взрослых. Но не потому, что их баловали, а лишь потому, что не считали полноценными людьми. Не прошедшие Обряд Посвящения (об этом ниже) — это еще не люди,

а *дети*. Им позволяется многое, но далеко не все. На детскую шалость взрослый охотник не обратит внимания — разве что улыбнется, щелкнет по носу или по лбу. А вот за нарушение настоящего Запрета могла последовать кара пострашнее любой порки.

В жизни архаических обществ есть такие стороны, которые доступны только взрослым мужчинам, но совершенно запретны для женщин и детей. К ним относятся некоторые (не все) Священные Места и связанные с ними обряды. Нарушившего такой запрет не могли спасти ни его детский возраст, ни отцовская любовь.

...Далеко не на все вопросы можно было получить ответ, и далеко не каждый вопрос можно было задать. Дрого, — да и любой из его братьев, — хорошо помнил, как ложилась ладонь взрослого на мальчишеские губы, с которых был готов сорваться запретный вопрос. Один такой случай навсегда врезался в память.

Тогда мужчины в очередной раз покинули стойбище перед большой охотой, и они втроем, — Нагу, Туули и проньра Хайси, — построили из прутьев свой мужской дом, под кустом, в двух шагах от жилища Туули. Все было, как у больших: и лапник принесли, и костерок сложили, — вот только огня добыть не удалось, как ни старались крутить по очереди огневую палочку, — только дымок, да и тот слабый... Туули самозабвенно колот кремь, Нагу обтачивал острым осколком ветку ольхи — будущее копье. Завтра они втроем пойдут на охоту, встретят и убьют большо-о-ого бизона... И Хайси вдруг заявил:

— А я возьму, и уйду сегодня во всамделишный мужской дом! И отец возьмет меня на настоящую охоту! И бизона убью не понарошку!

Ребята над ним посмеялись, — а утром Хайси возьми, да исчезни! И отец не привел его в стойбище за ухо, как, бывало, не раз извлекал своего проньрливого сына из разных неподходящих мест! Значит, и в самом деле, взял с собой. Теперь уж Хайси посмеется вдосталь над бывшими друзьями, когда вер-

нется с мужчинами, свалит у входа в свое жилище бизонью голову, принадлежащую тому, кто нанес смертельный удар, и скажет своей матери:

— Женищина, возьми нашу долю!

Окончилась охота, и звучали заветные слова, но у жилища Хайси их произнес не он, а его отец. Произнес буднично, безрадостно, хотя добыча была хороша: не бизон, конечно, но отличный годовалый жеребец... А Хайси не было нигде. И когда Нагу подбежал к своему отцу, чтобы узнать, что же случилось с его приятелем, — на его губы, опережая вопрос, легла жесткая ладонь, и отцовские глаза смотрели необычайно строго. ...Больше Хайси не видел никто. И имя его не произносилось. Никогда.

В остальном же детство охотников на мамонтов, как и наше, протекало в играх, в посильной помощи взрослым (в основном женщинам, ибо мужская жизнь была сплошь и рядом ограждена запретами). И, конечно — в мечтах о взрослой жизни.

Эти мечты сбывались рано: детство охотника на мамонтов, не в пример нашему, было скоротечно; мальчик уже в 12—14 лет должен был стать мужчиной, полноправным членом своего Рода. Для этого он должен был пройти важнейшее событие в своей жизни: Обряд Посвящения, или, как его называют ученые, инициацию.

Посвящение

В жизни каждого общинника есть три самых важных события: Рождение, Смерть и Посвящение, — день, когда вчерашний мальчик становится взрослым охотником. Женидьба? Это уже другое; это — лишь одна из вех на тропе взрослого мужчины, — той тропе, что ведет от Посвящения к Смерти. А из этих трех рубежей, определяющих всю его жизнь, — какой самый важный? Трудно сказать. Пожалуй, все-таки, именно Посвящение! Оно происхо-

дит не сразу, не вдруг, — к нему готовят; долго, месяцами, — и в эти месяцы мальчик не видит никого, кроме взрослых мужчин. Он не может навестить свою мать, и мать не придет к своему сыну, и сестра, и младший братишка... Они и не знают, где он и что с ним. Знают только, что ему нелегко. Да, тропа, ведущая к Посвящению, длинна, трудна и мучительна. Но велика и награда: пройдя через все испытания, вчерашний мальчик вернется в Родное стойбище взрослым мужчиной, полноправным членом своего Рода. Только после этого может он построить свое жилище, разжечь в нем очаг и привести к нему хозяйку: свою молодую жену.

Этот отрывок из романа «Закон крови» основан на многочисленных данных этнографии. Для члена архаического сообщества именно Посвящение является важнейшим, кульминационным событием жизни. Вспомним франко-кантабрийские пещеры с их настенными росписями. Для чего они предназначались? Что происходило в этих пещерах? Об одном можно сказать с достаточной уверенностью: в них подростки проходили обряды *инициации*, — посвящения во взрослого мужчину, полноправного члена племени. Об этом говорят, например, следы босых юношеских ног, сохранившиеся на затвердевшей глине в некоторых пещерах.

Во Франции, в пещере Тюк д'Одубер имеется зал, расположенный примерно в 700 метрах от входа. Проникнуть туда можно, лишь переплыв вначале подземную реку, а затем — пробираясь почти ползком по узкому, длинному и извилистому коридору. И вот в этом зале археологи обнаружили следы подростков, двигавшихся необычным способом: ступая на землю не всей ступней, а только на пятки. Далее в одном месте следы расходятся по пяти различным направлениям... Обнаружены подобные следы и в ряде других пещер.

Из этнографии нам известно, что посвячительные обряды (они имеются у всех первобытных народов)

были очень долгими, часто — мучительными и даже сопровождалась членовредительством. А на стенах некоторых пещер имеются «негативные» (обведенные красной краской) или «позитивные» (нанесенные краской) отпечатки рук, у которых один палец был лишен верхнего сустава. Во время таких обрядов подростки узнавали и «священную историю», записанную на стенах пещер и державшуюся в глубокой тайне от непосвященных. Человек, проходивший инициацию, как бы «умирал» и «рождался» заново, уже в новом качестве — как мужчина, обладающий всеми правами и необходимыми знаниями.

Насколько известно по данным этнографии, посвященные обряды юношей включали в себя следующие основные моменты:

- длительную изоляцию от детей и женщин;
- сближение с мужчинами и стариками;
- тренировку в охоте и умении владеть оружием;
- испытание на выносливость: пищевые запреты, мучительные процедуры;
- усвоение правил племенной морали и дисциплины;
- приобщение к «священному знанию».

Попытаемся же представить себе чувства будущего охотника на мамонтов, приобщаемого к Обряду Посвящения. Далеко не последние из них — радость и гордость:

...Как здорово было в мужском лагере! Перед Большой охотой мужчины живут отдельно от своих семей, в трех жилищах, расположенных за деревьями, немного в стороне от стойбища. Раньше, бывало, в эту сторону и шага нельзя было сделать, — запрет, табу! Теперь же Нагу и старый друг-приятель Туули, как взрослые, уютно устроившись на пахучей лежанке, смотрели на тлеющие угли очага, жадно впитывали вкусный запах поджариваемой лошадиной ноги и бесконечные рассказы молодых охотников. Нагу не отрывал взгляда от смуглого широкоскулого лица Мала, — самого удачливого, лучшего из

лучших (не считая, конечно, отца — вождя общины и рода). Как благодарен был ему Нагу за то, что вождь поселил их вместе с Туули под одну кровлю с Малом! Мальчик давно заметил, что гордый и не улыбочивый лучший охотник как-то особо его выделяет: то по плечу хлопнет, то волосы мимоходом взъерошит, а то вдруг возьмет, да принесет такую битую из лошадиной бабки, что мальчишки только ахнут — бьет без промаха! И в тот зимний вечер, рассказывая о том, как он в одиночку схватился с самым страшным хищником — тигрольвом и вышел победителем, отвечая на вопросы о лашии, Мал время от времени поглядывал на Нагу, — испытующе и ободряюще.

Конечно же, обучение охотничьему мастерству само по себе большая радость. А уж когда этому делу обучает лучший охотник Рода, да еще способный хорошо шутить...

В это утро будущие охотники весело пировали. Взрослые оставили еды вдосталь, а кроме того Туули накануне ухитрился поймать в свой капкан длинноухого. Нежная, свежая, — да еще своя зайчатина, казалась особенно вкусной.

— Туули, — с серьезным видом спросил Лоу, неизменный заводила и предводитель в их мальчишеских играх, — а что, там был только один заяц?

Все так и прыснули! Еще бы! Такого не забудешь! В тот злополучный для Туули зимний день Мал проверял ловушки, настроженные его учениками. Поправил петлю у Нагу, одобрительно хлопнул по плечу Лоу, удивленно хмыкнул возле капкана Сэмми, ...а подойдя к тому, что соорудил Туули, вдруг захлопал в рукавицы.

— Эй, будущие охотники! Сюда!

Ребята бросились бегом, увязая в снегу.

— Кто у нас лучший охотник?

В ответ раздалось дружное:

— Ты, Мал!

— Нет, не Мал! Совсем не Мал! Лучший охотник — Туули!

И, взглянув с едва заметной усмешкой на удивленные лица ребят, на нос Туули, еще выше задравшийся от неожиданной похвалы, продолжил:

— Да, да. Туули — лучший охотник. Малу никогда не насторожить такой хитрой петли. В ловушку Мала попадает один заяц или один песец. А тут... Увидит длинноухий такое, — всю свою родню позовет. И будут они хохотать до тех пор, пока не попадают и не умрут от смеха! Придет Туули-охотник за добычей, а там, — рукавицы полетели на снег, и десять пальцев взметнулось вверх, — вот сколько мертвых длинноухих будет лежать около пустой петли! Надеюсь, Туули-охотник поделится с Малом-неудачником!..

Но и мучительные процедуры, необходимые в Обряде, были не так страшны для них, будущих охотников на мамонтов, как для нас, цивилизованных, подчас не способных самостоятельно доползти до кресла зубного врача.

Нагу не боялся боли. Боли не боялся никто, — даже тихоня Сэмми, молчун Сэмми, заморыш Сэмми, лягушонок Сэмми... В тот памятный день отец взял его вместе с собой, в средний дом. Наверное, присмотреться хотел к молчуну и тихоне... Нагу вспомнил себя, лежащего у Большой воды, под слепящими, но еще почти не греющими лучами весеннего солнца. Поверхность камня, в которую вжимались его лопатки, впитывала, высасывала без остатка тепло его тела, — а на обнаженной груди лежал другой камень, величиной с кулак, — раскаленный, только что вынутый из костра. Нужно было ждать, пока он остынет. О крике или хотя бы слабом стоне не было и речи. Но мужчины: отец, Гор и еще более старый Колдун взглядывались внимательно в лицо, следили за мускулами шеи, руками, животом. Учитывалось все: еле заметная дрожь

век, чрезмерно стиснутые зубы... Ни слова, ни звука в одобрение или в порицание, но результат записывался на теле: посвятельными рубцами. Чем лучше ты прошел испытание, тем больше рубцов наносил Колдун на твою грудь — твоя вечная защита и гордость... Сын вождя не подвел своего отца: тройной спиралью опоясала его соски причудливая татуировка... А узор Сэмми оказался лишь на немного короче, — вот тебе и лягушонок!.. Это уже ушло: заморыш Сэмми скоро умрет, точно так же, как умрет и ловкач Нагу.

Но в Обряде Посвящения есть кульминация, которую мы, цивилизованные люди, едва ли можем прочувствовать в достаточной мере. Посвящение — это Смерть и Возрождение. Ребенок умирает, чтобы родиться потом — но уже мужчиной, охотником. Постарайся понять, дорогой читатель: только для нас с тобой это не более чем символ! Но не для них, не для охотников на мамонтов! Вот они готовятся к самому страшному:

Пятеро нагих подростков лежали на жестких ветвях, покрывающих пол Потаенного дома. Говорить было запрещено, — да уже и не хотелось: привыкли. Нагу смотрел в щель сквозь разошедшийся лапник кровли на кусочек неба. Ночь за ночью он следил через эту щель, как постепенно закрывается единственный глаз Небесной старухи. Скоро она совсем заснет, — и тогда наступит самое страшное, и самое восхитительное, — то, после чего он перестанет быть Нагу: малышом-Нагу, баловником-Нагу, смысленным-Нагу, ловкачом-Нагу... Он получит имя мужчины: охотника, защитника... А Нагу? Нагу умрет...

Послышался шорох, — и лежащий рядом Туули вздрогнул, — совсем чуть-чуть, Нагу и не заметил бы, не будь его собственные нервы напряжены до предела. Он улыбнулся. Нет, духи не приходят за светом. Это, конечно, старый Гор принес пищу.

Это действительно был старый Гор. Мальчики приподнимались на своем жестком ложе, по очереди протягивали правую руку. Из белого замшевого мешочка на ладонь Нагу бережно высыпалась горсточка темного крошева. Сушеная черника, смешанная с какими-то горьковатыми корешками. Потом — глоток вязнущей жидкости из кожаной баклаги. Гор исчез...

...Нагу не боялся боли. Не боялся он и хищников, — и свирепого желто-серого тигрольва не испугался бы; — особенно после уроков Мала. «Не стискивай металку; кисть, кисть расслабь. И помни: копьё — часть тебя самого...» И уроки зря не пропали, — как забился в прибрежных кустах олень, пораженный первым же броском Нагу. И как просияло лицо Мала: учитель был рад и горд не меньше, чем ученик. «Твоя добыча! — сказал он, нанося добивающий удар. — Поблагодари того, кто отдал тебе свою жизнь и силу, отвори кровь и пей первым!» ..Ах, как ударила в горло тугая, горячая и сладковатая струя, как закружилась голова!..

Что говорить, — Нагу не оплошал бы теперь и перед самым вурром — громадным медведем, о котором вполголоса говорили охотники. Кажется, никто из них не видел этого чудовищного зверя, — только рассказы; старики в юности слышали от своих стариков... Но то, что предстояло — страшнее боли, страшнее хищника, страшнее самого заклятого врага — лаши... От этого нет ни защиты, ни спасения.

Полная тьма. Нагу понимал, что срок пришел, что Старуха спит, — и все же надеялся, все же молил: не сегодня, не сейчас! Хотя бы последний ее взгляд, хотя бы на миг она разомкнула единственное веко перед тем, как впасть в свой долгий сон! Но вместо этого в щель заглянула звезда. Красная, словно чей-то страшно далекий, кровавый глаз. И послышалось пение.

— О-о-о-о-о... А-а-а-а-а...

Нагу начала пробираться дрожь. Он старался ее унять — и не мог. Он чувствовал, как рядом содрога-

ется Туули, слышал, как стучат его зубы, — и сам трясся все сильнее и сильнее.

Духи пели, все ближе и ближе.

— О-о-о-о... А-а-а-а...

Откинулся полог. Черная фигура, — чернее ночного мрака, — выросла в проеме входа. Нагу рывком сдернули с жесткого ложа. У губ возникла деревянная чаша с дымящимся, странно пахучим отваром. А за ней — два красных круглых глаза, — такие же, как тот, что смотрел с неба в щель кровли ...Колдун? Да, но не тот, кто лечил малыша-Нагу, не тот, кто рассказывал ему про Одноглазую старуху, кто надел на шею первый, еще детский оберег... Даже не тот, кто взглядывался внимательно в его лицо, пока на груди остывал раскаленный камень, и потом наносил кремневым резцом рубцы на его тело. Теперь это был Некто, связующий Миры, больше принадлежащий тому, чем этому, привычному миру...
Духи пели.

Пятеро посвящаемых двигались мелким дробным шагом, в такт пению духов, вслед за Тем, кто соединяет Миры. Они не знали этой тропы, уводящей в заповедную часть леса. И сам лес менялся на глазах. Не было больше привычных деревьев, они странно изменили очертания, они двигались, они протягивали навстречу бредущим то мохнатую лапу, то — тонкую корявую руку, усыпанную листьями... Нагу успел заметить, как ветвь, упавшая с одного из этих колдовских деревьев и преградившая тропу, внезапно превратилась в какое-то странное существо, метнувшееся в сторону и скрывшееся в чаще.

И не было так хорошо знакомых шумов ночного леса. Шепталось, бормотало, говорило все вокруг, — деревья, кустарники, трава, и все то, что в них пряталось, мелькало неуловимыми тенями, высовывало какие-то странные, невиданные и невообразимые морды, личины, — чтобы немедленно скрыть их в темноте, прежде чем можно было различить и осмыслить увиденное... Казалось, тропы и камни, сама земля участвуют в этом несмолкаемом

говоре, — непонятном, но, несомненно, членораздельном. И пели духи...

Тропа круто повернула налево — и все заслонил собой черный, непроглядный зев, — пещера? нора? берлога? утроба?! Утроба, готовая поглотить их, одного за другим... Сейчас Нагу не смог бы ответить, боится он, или нет. Это был единственный путь, и он первым шагнул во мрак, равного которому нет и не было. Во мрак смерти. И пение смолкло.

Исчезло все, — тропа, деревья, шумы, слух, зрение, ощущение своего тела, — даже время. Нагу летел сквозь какую-то нескончаемую нору, неведомо куда и зачем, беспредельно одинокий и беззащитный. В конце появился свет, — голубоватое, переливчатое, искрящееся сияние. И в этом сиянии Нагу внезапно увидел свою сестру Айрис. Она смотрела на него и махала рукой — как когда-то, в родном жилище. Но теперь ее глаза были заплаканы, а белая одежда невесты разорвана и окровавлена... И вновь бесконечный полет в никуда. И новые образы, новые лица, возникающие и тонущие в сумраке, в переливчатой мгле...

Жизнь постепенно возвращалась... может быть! Он еще ничего не видел и, кажется, ничего не слышал, но уже ощущал себя, — мог ощупать драгоценные рубцы на груди, потрогать лицо, почувствовать спиной что-то мягкое и слегка покалывающее... Кажется, он где-то лежал, в полной тьме, свернувшись в комочек. Но где? На чем? И что ворочалось рядом, сжималось и разжималось, как будто дышало? Ответа не было. И вдруг, — все его существо пронзила странная мысль: а кто такой он сам?! Нагу? Нет, Нагу был бесконечно далек, — мальчик, ковырявший палкой в лужах, ловивший лягушек и кузнечиков, пускавший тонкую палочку в утку, дразнивший... (кого?!). Они были как-то связаны, — он, безымянный, лежащий неведомо где, и тот, Нагу. Но он больше не был Нагу.

И вот вновь послышалось пение духов. Теперь мелодия изменилась; к ней добавилась ритмичная

дробь и какие-то пронзительные и в то же время тягучие, заунывные звуки. Безымянный больше не боялся; он ощущал всем своим существом: это пришло спасение! Звуки звали, манили, требовали: иди! И когда невесть где забрезжил красноватый свет, — безымянный пополз ему навстречу.

И вот вслед за Смертью наступает Возрождение:

Раскрывшееся было невообразимо. Само Небо опустилось до стен из белого мягкого камня, и сосны, превышающие своими размерами все земные деревья, подпирали Его, сгибаясь под тяжестью темно-синей, почти черной кровли, испещренной дырами. Пламя гигантского костра неистово плясало, бросая отсветы на белые стены. За костром возвышалась темная фигура, которую нельзя было не узнать: Великий Устроитель, Великий Даритель, принесший огонь, научивший колоть кремь, строить жилища и охотиться, — один из двух Первобратьев. Он был неподвижен. Он ждал. А вокруг ликовали духи и предки.

С появлением безымянных пение стало еще неистовее, казалось, оно взлетело на новую волну. Духи ликовали. Тайны Рода раскрывались в их пении. Сам Великий Мамонт, выступавший из белой стены, благосклонно взирал на своих новых сородичей, только что извергнутых из его лона. Посвящаемые, один за другим, двигались в священном танце по спирали, сужая круги, приближаясь к Священному Камню, перед которым восседал Великий Устроитель. Странные изменения происходили с ним, все еще безымянным: тело то уменьшалось до размеров полевки, — и черная фигура вырастала, как одинокая гора, выше звезд. И вдруг вырастал он сам, — так резко, что кружилась голова, и приходилось ее пригибать, чтобы не зацепиться за небесную кровлю. ...И вот он, безымянный, замер перед Первобратом, чем-то напоминающим отца... Левая ладонь бестрепетно легла на черную от засохшей крови поверхность Священного

Камня... Две боли, — острая и жгучая, — слились в одну, наполняющую тело и душу восторгом. И прозвучал голос: «Ты — Дрого, Разящий Олень!» И навечно врезались в память имена его обретенных братьев: Донго — Терпеливый, Аун — Охранитель, Каймо — Любопытный, Вуул — Белый Волк.

Духи и предки вели вновь рожденных вглубь, туда, где смыкались белые стены, где Соединяющий Миры ждал их, чтобы передать самые глубокие тайны Мироздания, Начало и Конец. Вновь изменилось пение, ритмичный рокот смолк, лишь заунывный, то опадающий, то возвышающийся звук вторил пению и голосу... Дрого замер перед стеной, покрытой множеством кровавых отпечатков левых ладоней, кругами, спиралями... Великий Червь, давший начало Времени, накручивает своим туловом, кольцо за кольцом, гигантскую спираль, — и все же вечно кусает собственный хвост!..

— Дрого, сын Арго!

Он приблизился, чтобы опустить окровавленную ладонь в плоскую чашу, наполненную густой темной жидкостью, и запечатлеть на стене свой знак. Искалеченный безымянный палец левой руки стиснуло белое кольцо, — дар и знак Великого Мамонта, а в ухо тихо, но отчетливо, прозвучало Тайное имя, имя, которое не должен знать никто, кроме него самого. Осознав, кто он на самом деле, Дрого затрепетал, — хотя теперь казалось: он знает это давным-давно... с рождения... того рождения, самого первого!..

Снова зазвучал ритмичный дробный рокот, зовущий в обратный путь, к костру, к Первобрату и Устроителю, сквозь хаос начала Творения, когда Великий Мамонт разделял своими могучими бивнями воду и сушу... Да, Червь вечно кусает собственный хвост! В этом нет сомнений здесь, где слились воедино прошлое и настоящее, начало и конец, жизнь и смерть. Где духи, первопредки и люди сошлись вместе в одной священной пляске... Все громче, все настойчивее дробь, все пронзительнее звук, все крепче, все быстрее бьют ноги о вытоптанную почву. Пля-

шут и подтягивают звуку все: духи и предки, живые и мертвые... Вот пляшет молодой веселый Йом, вот старый Гор... А вот, кажется, мелькнуло лицо бедняги Калу, который не сумел вовремя отскочить от разъяренного носорога и был похоронен в своем жилище... А где Мал? Дрого не видел своего наставника, кажется, ставшего другом, и это смущало. Но думать было не время. Пляска завораживала, соединяла, сливала его, Дрого, в единое целое со всем его Родом детей Мамонта. Бьют пятки в утоптанную землю, и нет боли, и не саднит даже искалеченный палец...Быстрее, сильнее, и еще, и еще, и еще!..

И вот — возвращение в родное стойбище:

Да! Все женщины и дети собрались здесь, в центре стойбища, у общих очагов; все с нетерпением ждали возвращения заново рожденных! Так бывало всегда: второе рождение — самое важное событие в жизни общинника; важнее свадьбы. В этом Нагу был уверен давно. Но только теперь Дрого понял: путь на Ледяную тропу еще более значим. Он может перечеркнуть все, — все, чего добился, все заслуги и победы!..

Новые охотники Рода торжественно вступали в стойбище, предводительствуемые самим вождем. Остальные мужчины — сзади, чуть поотстав. Раздались приветственные крики, — галдели, конечно, в основном, мальчишки. Едва завидев охотников, они стайкой метнулись навстречу процессии, окружили, чтобы, восторженно приплясывая, сопроводить мужчин к общим очагам. Мелюзга визжала; ребята постарше, вчерашние товарищи по играм, вели себя сдержаннее, но каким восторгом, какой завистью горели их глаза! А у очагов, у жилищ были не только свои: у многих девчонок-Серых Сов нашлись в этот день срочные дела в стойбище детей Мамонта...Вон и Туйя, — болтает о чем-то с сестренкой Каймо, хихикает, — будто вовсе и не ради Каймо она здесь, — да глаза выдают!

Но главное — матери, ждущие своих умерших и переродившихся сыновей, еще не знающие их имен. Арго остановился у тотемного столба и, указывая на них, пятерых, произнес заветные слова:

— Великий Мамонт, Первопредки и духи-покровители дали нашему Роду новых охотников! Мужчины, назовите своим матерям и сестрам ваши родовые имена!

По обычаю, к новым охотникам по очереди подходили их матери или ближайшие родственницы, чтобы спросить имя и чтобы все могли услышать ответ. Сейчас первой приблизилась, конечно, жена вождя. Дрого с замиранием сердца смотрел на свою мать, которую он не видел так давно... вечность! Она почти не изменилась (странно! Ведь прошло столько времени...), но все же постарела — немного, совсем немного. Больше седины. И, кажется, — похудела!

— Как твое имя, мой сын?

(А голос — тот же! Певучий, грудной... Такой же был у Айрис.)

— Мое имя Дрого!

И уже не она, — он, взрослый мужчина, охотник, обнял свою мать, привлекая ее к себе. И, хотя Дрого худощав, и за прошедшие трудные месяцы не так уж сильно вырос, а Айя, даже похудевшая, оставалась крупной, высокой женщиной, — это действительно был жест взрослого, сильного мужчины, вернувшегося из тяжелого похода к своей старой матери.

Так — или примерно так — проходили в ту эпоху Обряды Посвящения мужчин-охотников. Инициации девочек были намного проще, колдунов — намного сложнее. Но сама их суть оставалась неизменной: *Смерть и Возрождение в новом качестве!*

В современном обществе обряды, связанные с переходом подростка во взрослое состояние, очень сильно упрощены и, как правило, не слишком серьезны. Поэтому едва ли хотя бы один из них может рассматриваться ныне как кульминация жизненного пути человека.

СВАДЬБА

Пожалуй, в архаических сообществах свадьбы были наиболее близки по своему смыслу к нашим гражданским актам бракосочетания. Мужчины и женщины заключали союз для совместной жизни, по любви или просто ради продолжения рода — на благо себе и обществу. Этот союз при необходимости мог быть более или менее легко расторгнут. Стоит отметить, что позднейший церковный брак, понимаемый как Таинство, по глубине своего смысла коренным образом отличается от таких форм брачных союзов. Так что движение в современных цивилизованных обществах от брака церковного к браку гражданскому — это, скорее, «прогресс наоборот».

По своей значимости свадебный обряд не идет ни в какое сравнение с Посвящением. Да и формы его в различных архаических обществах были весьма различны: от очень скромных до коллективных, богатых сложными церемониями. Поскольку у археологов-палеолитоведов нет ни малейшей возможности научно воссоздать свадебный обряд охотников на мамонтов, обратимся к художественной реконструкции.

Дважды в год, в самом конце весны и в самом начале осени, соседствующие общины справляют

свои свадьбы. Конечно, можно и в другие дни прийти к своему вождю со своей подругой, сказать: «Вождь, эта дочь Серой Совы войдет в наш род хозяйкой моего очага, чтобы детей Мамонта стало еще больше!», — и принести положенный дар, помимо тех, что уже переданы семье невесты. Но так поступают только пожилые вдовцы, берущие, обычно, вдову, уже живущую в том же стойбище. Решишь на такое молодой охотник, — ему и его молодой жене проходу не будет от насмешек! «Что, зимой под кустиком холодно? А ты бы попросил мою медвежью шкуру; я бы и до кустов ее дотащил». — «Кто из вас до весны не дотерпел, — ты или твой муж? Пригрела бы его у своего очага, пока мужчины за оленями ходят. Он бы сказал — живот болит! А мать бы отвернулась». ...Умение ждать, умение терпеть, — одно из главных достоинств настоящего мужчины. А языки остры, — особенно, у женщин!

Да и кто хочет разжигать свой первый очаг без этого веселого праздника! Спорят лишь о том, какой лучше: весенний или осенний? Но тут уж выбирать — дело каждого! Осенние свадьбы богаче, обильнее; да и подготовить свое жилище к этому времени легче. И сами люди окрепшие... Зато весной, когда и звери, и птицы справляют свои свадьбы, когда сама Земля вступает в брак с Водой, — начинать семейную жизнь особенно радостно! Тем более, — если ты молод, если всем сердцем любишь свою избранницу, и она отвечает тебе тем же...

Ранним утром на большую зеленую поляну через веселый березняк вышли дети Мамонта и дети Серой Совы. Они встретились в устье лога, на открытом склоне в речную долину. Вожди и колдуны не столько предводительствовали, сколько шли в окружении прыгающих, галдящих, награждающих друга друга тумаками детей, под веселый гамон, возгласы и смех уже смешавшейся в одну толпу молодежи двух общин. На Поляне празднеств их уже ждали гости из общин более дальних...

...Община Кано отделилась от их общины уже давно. Живут недалеко, через лог, но — своей жизнью, своим умом. Вождь Арго считается вождем рода: старшим братом вождя Кано. За этим стоит только одно: кость предка, наполненная сухой кровью Рода. Она хранится у Арго.

Кроме Кано и его общины здесь была еще одна община Серых Сов, живущая подальше, через два лога, бок о бок с Куницами. И... Хороший знак! Рам, вождь детей Куницы, был здесь со своим молодым колдуном и с кем-то еще!

Арго, хозяин праздника, прежде всех направился к нему.

— Арго, вождь детей Мамонта, приветствует своего брата Рама, вождя детей Куницы! Мы все рады видеть прославленного вождя на весеннем празднике. Желают ли дети Куницы породниться с Серыми Совами или детьми Мамонта?

— Рам, вождь детей Куницы, приветствует своего брата Арго, вождя детей Мамонта! Рам надеется: Арго не откажет отдать одну из дочерей своего рода в стойбище Куниц. Сын Куницы, за которого просит Рам, храбр и удачлив!

А, вот он, удачливый храбрец! Как большинство Куниц, — высок, статен, белокур и безбород!.. Как и его отец (Арго отдал поклон гостям)... А кто же... Круглолицая, черноглазая девочка едва не сбила вождя с ног. Неужели она уже приняла Посвящение?! И невеста этого богатыря? Ну и ну!.. И где они только встретились?

— Арго видит: дочь Мамонта согласна! Дети Мамонта всегда рады родниться с детьми Куницы!

Праздник начинался с омовения в Большой воде. После взаимных приветствий вожди и колдуны подошли к самому ее краю, и Арго, простирая руки вперед, произнес:

— Большая вода! Дети Мамонта, дети Серой Совы и дети Куницы пришли к тебе, чтобы омыться после долгой зимы перед тем, как наши юные дети изберут друг друга для продолжения рода. Помогите их

выбору. Ты даешь Земле силу и плодovitость, — дай же их и нашим телам!

Арго достал Священную кость, наполненную Сухой кровью Рода. Эта кость, передающаяся из поколения в поколение, от вождя к вождю, принадлежала самому Великому Первобрату-дарителю. Наполнявшая ее сухая кровь добывалась по-разному. Можно было выкопать в береговом обрыве тяжелые камни с черной блестящей поверхностью и долго нагревать их в очаге, а потом бросить в холодную воду. Камень расколется, и внутри его будет красное вещество. А можно в том же береговом обрыве отыскать прослой красной земли и набрать ее без лишних хлопот. Но и в том, и в другом случае красная земля сухой кровью Рода не станет до тех пор, пока не будет освящена. Сказать нужные слова может любой взрослый мужчина-охотник, но, конечно, кровь, освященная вождем или Колдуном, сильнее. А самая сильная кровь хранится в Священной кости Первобрата. Ее-то Арго и опустил в воду, — щепоть, не больше. Остальные вожди по очереди сделали то же самое. Теперь Большая вода приняла и смешала священную сухую кровь всех трех Родов. Теперь можно было начинать омовение.

Почти все общинники, кроме вождей и колдунов, пришли сюда налегке: женщины и девушки — в простых, неподпоясанных рубахах, мужчины — в коротких штанах или набедренниках; праздничную одежду и все необходимое принесли с собой. Мужчины — при оружии: даже в праздник, даже недалеко от дома, даже среди родных и друзей нельзя забывать о том, что ты — мужчина!.. Да и всякое может случиться: вновь подкрадутся лаиши, или чужие, жаждущие крови, встретишь на обратной тропе тигральва, или даже волка, — что сделаешь без копья, дротика, или, хотя бы, кинжала?.. Для грядущего пира принесли еду и питье, а те, кто собрался сегодня обзавестись хозяйкой очага, пришли с дарами. Сейчас все весело раздевались, готовясь войти в воду. Омовение совершалось группами,

разделенными не по полу, и даже не по тотемам, а по возрасту: вместе купалась незамужняя молодежь, а заодно и подростки всех трех родов, вместе — семейные и старики; отдельно — колдуны. Конечно, этот ритуал был особенно привлекателен для молодых: самый подходящий момент и для того, чтобы затеять флирт, и для того, чтобы лучше рассмотреть свою избранницу. Табу на тело не было, но люди редко бывали обнажены, даже летом: воду, скорее, боялись, плавали плохо и купались не часто.

Вода казалась ледяной. Девушки заходили в нее с визгом, ежась; опытные мужчины приседали так, чтобы сразу окунуть все тело, плескали водой на подруг...

Три копыта вождей трех родов были воткнуты древками в землю и соединены остриями. Каркас покрывала шкура большерогого, убитого накануне, и венчала его голова. На пригорке перед этим легким шатром сидели вожди и колдуны: в центре — Арго, по левую руку от него — Рам, вождь детей Куницы, по правую — Гарт, вождь детей Серой Совы. Дальше расположились вожди вторичных, отделившихся общин. Кроме Колдуна, рядом с Арго на лошадиной шкуре сидели Айя и Айрис, — знак того, что Айрис выходит замуж. Белокурый великан-Куница и его отец тоже были рядом со своим вождем и молодым колдуном: он — жених и почетный гость. А вот подле Гарта не было никого, кроме колдуна, толстого Узуня. Гарт, хотя и моложе Арго, вдовел уже третью весну. У сыновей и дочерей давно свои очаги, а новую подружку так и не завел...

Настало время даров. Женихи, — те, кто уже этой ночью введет в свое жилище хозяйку очага, — будут приносить традиционные подношения родителям своих избранниц, им самим и вождю рода, откуда происходит невеста. Они получают и ответный дар, — более скромный. Те же, кто собирается начать свою семейную жизнь осенью, но уже присмотрели себе будущих жен, — могут дать предварительный, Начальный дар. Если он будет

принят, — все хорошо; строй новое жилье, готовься к следующей свадьбе! Если нет, — что ж, не взыщи; поищи себе другую. Конечно, как правило, с Начальным даром не идут, не заручившись согласием, но... всякое бывает!

Начинали почетные гости, — дети Куницы. Светлоголовый великан, поклонившись вождям, направился к детям Мамонта, туда, где с отцом, матерью и тремя младшими сестренками сидела его невеста. Родители, сами еще далеко не старые, были рады и горды: первая свадьба в семье, и, надо же, — такая удача! Такой жених! Порадовал и дар: два прекрасных желвака дальнего кремня для отца, тонкие костяные иглы в игольнике из птичьей кости для матери, а для невесты... белая, нежная накидка-пелерина из оленьей замши и заячьего меха, — дочери Куниц шьют такие накидки с особым мастерством, — накрыла плечи вчерашней девочки, замирающей от счастья. Ее руки, обнимая, перетянули талию будущего мужа широким, богато расшитым кожаным поясом, — традиционный дар невесты.

Жених вернулся на свое место. Теперь он, его отец и молодой колдун подошли к Арго. На траву лег деревянный щит и плоская, изогнутая метательная дубинка. Куницы издавна славилась умением изготавливать это оружие, может быть, и потому, что в дальних походах им приходилось сражаться чаще, чем их соседям. Заговорил колдун:

— Арго, вождь детей Мамонта! Наш род не часто роднится с вашим родом, — так сложилась жизнь. Но сыновья Куницы знают: дочери Мамонта красивы, умелы и плодовиты; ни один из наших братьев, чьей хозяйкой очага стала дочь Мамонта, не пожалел о своем выборе. Знают и дочери Куницы: сыновья Мамонта храбры и сильны. И, если выбор молодого бесстрашного охотника из рода Мамонта падет на Куницу, — ему не будет отказа! Между нашими родами никогда не было вражды, — прими же в дар наше лучшее оружие! Никто из сыновей Куницы не делает лучших щитов и дубинок, чем Ого, отец Алма.

Сын же перенял все его мастерство! И если сыновья Мамонта столкнутся с врагом, — у тебя не будет лучшей защиты, чем этот щит! А от нашей дубинки твоего врага и щит не закроет!

Колдун говорил правду. Всем известно, что эта изогнутая, украшенная тонкой резьбой, казалось бы, безобидная палка, в умелых руках Куницы-охотника, Куницы-воина превращалась в грозное и коварное оружие. Враг пытается прикрыться от броска щитом, — а она неожиданно взлетает над верхним краем щита и поражает в шею или голову! ...Конечно, Арго не обольщался: ему самому такой бросок не под силу; тут нужно особое искусство! Но все равно: подарок — с большим смыслом! Рам не просто благодарит за невесту; Рам стремится установить более тесные отношения между их родами. ...Странно! Быть может, Куницам угрожает какой-то враг и Раму нужен военный союзник?.. Впрочем, — время размышлять об этом еще не настало.

Теперь настала очередь сыновей Серой Совы. Первым выступил Кишку. Его особый дар, — и вождю рода, и будущему тестю, — тащил на плече младший брат охотника. К ногам Арго лег прекрасный бивень молодого мамонта.

— Арго, вождь детей Мамонта! — заговорил жених, — Кишку, сын Серой Совы, хочет, чтобы хозяйкой его очага стала дочь вождя, Айрис! Кишку — не вождь и не знаменитый охотник. Быть может, он и недостойн такой чести, но Айрис, самая прекрасная из дочерей Мамонта, хочет того же... Год назад Кишку и его младший брат Анук встретили молодого мамонта, и мамонт отдал им свою жизнь, мясо, шкуру, кости и жилы. Мамонт сказал: «Охотник Кишку хочет взять в жены мою сестру, Айрис? Так пусть он утешит свое новое жилище моей шкурой; пусть принесет мои бивни в дар ее отцу, вождю моих братьев и сестер! А мое мясо пусть раздаст своим сородичам, детям Серой Совы!» Кишку так и сделал. Он не стал сам есть мясо старшего брата своей любимой невесты.

Но старший брат будет согревать своей шкурой в новом жилище и Айрис, и наших детей... А это, — охотник указал на бивень, — пусть мудрый и бесстрашный вождь примет как свадебный дар, переданный одним из ваших братьев через Кишку-охотника.

На светящуюся в солнечных лучах поверхность бивня лег кусок замши. В нее были завернуты тщательно вырезанные из бивня заколка, несколько подвесок, нанизанных на тонкий ремешок, и инструменты для выделки шкур. Их рукояти украшал резной орнамент.

— Пусть Айя примет в дар эти орудия, сделанные Кишку из второго бивня. А ожерелье и заколка — для Айрис.

Арго встал и с улыбкой положил руки на плечи охотника.

— Вождь Арго благодарит Кишку, сына Серой Совы, за щедрый дар. Вождь знает: его дочь счастлива разделить с Кишку кров и постель, стать хозяйкой его очага!

(Да, конечно, счастлива! Вон как сияют ее черные глазки!) Повязывая жениху традиционный пояс, его дочь только прошептала, почти неслышно: «Айрис любит Кишку!» А украшая его голову новым, собственноручно сшитым налобником, не удержалась: обеими ладонями пригладила его длинные волосы, не стянутые в пучок, как у сыновей Мамонта, а свободно падающие на плечи...

...Свадебное дарение шло своим чередом. Настало время сыновей Мамонта; как хозяева праздника, они несли свои дары последними. И вновь Колдун приглаждался к Малу, уже не пытаясь проникнуть в него. И вновь был удивлен. Язык дарения — особый язык; для тех, кто его чувствует, дар говорит о многом. И вот Мал приблизился к семье просиявшей от счастья Навы, поклонился, сел, заговорил, — уверенно, спокойно (слов не расслышать!), и... развернул на коленях знакомую белую шкуру северного оленя! Колдун ничего не мог понять; неужели Мал принес как свадебный дар Наве то же самое подношение, что

было вчера отвергнуто как нечестивое?! Нет, конечно, нет; он должен был что-то переменить, только часть вещей могла остаться прежней; тот же налобник... Но отсюда — не рассматреть! А Внутреннее око... Нет, хватит! Он устал и от тех попыток! В конце концов, главное, — Мал берет, наконец, хозяйку очага! Берет по совету Айрис...

Да, сватовство Мала, лучшего охотника трех родов и старого холостяка, привлекло всеобщее внимание. Детишки и подростки сгрудились вокруг; даже другие женихи и невесты нет-нет, да и бросали взгляды в сторону Навы и ее семьи... Айрис, сидящая рядом, между отцом и матерью, сияла от счастья не меньше, чем когда к ней самой приблизился Кишку; подпрыгивала на месте, ударяла в ладоши... Рады были и Арго, и Айя... Арго с улыбкой произнес:

— Жаль, что Мал не построил новое жилище!.. Вот, что значит, — откладывать, да откладывать!.. Быть может, — отложит еще раз, и приведет свою хозяйку в наше стойбище позднее, к осени?

— Ой, отец, нет! Нава так долго ждала!.. Она не будет в обиде; а новый дом они построят вместе! ...И дары, наверное, богатые!

Да, судя по лицам, свадебный дар Мала был очень щедр!.. Жаль, что отсюда его не рассматреть!

Получив пояс (наконец-то Нава не унесет его со свадьбы назад, в стойбище Серых Сов, в жилище своих родителей!), Мал направился к вождям. Поклонился; подошел к Гарту; сказал нужные слова. На траву легли два новых дротика, оперенные лебедем, и колчан, украшенный песцовыми хвостиками. Вождь Серых Сов был доволен; даже толстый колдун, с важным видом произнес какие-то слова... Лицо Мала оставалось бесстрастным, — как в тот давний день, когда он, еще почти мальчик, принес в свое стойбище убитого тигрольва и положил его голову к ногам своего вождя.

Свадебные дарения закончились. Арго видел: все прошло удачно. Даже из Начальных даров было отвергнуто только два; один, — уже традиционно, — очеред-

ное сватовство Йорга из общины Кано... И вновь — безуспешное: кому нужен неудачник и лентяй? Второго, — брата Кишку, — было жаль: видимо, у правнучки старого Гора на примете кто-то другой...

Теперь шел обычный обмен между общинами. Громоздились груды берестяных туесов, деревянных мисок и коробов, колчаны, дротики, выделанные шкуры, кремневые желваки... Обменивались общины детей Мамонта и детей Серой Совы; Куницы не участвовали. Впрочем, когда мрачный Анук принес свой отвергнутый начальный дар: превосходно сработанный колчан, берестяной туес с набором костяных игл, и спросил, не дадут ли Куницы за это хотя бы желвак дальнего кремня, — отец белокурого великана молча выложил перед младшим братом Кишку целых два желвака, а затем с улыбкой прибавил три длинных скола.

— Пусть молодой сын Серой Совы не посетует на старика-Куницу. Наши сколы не так сильно режут щеки. И пусть не смущается; старый Ого верит: победитель мамонта недолго будет скоблить свое лицо!.. У старого Ого есть красивые дочери; они знают об охотничьей удаче двух братьев из рода Серой Совы... Если храбрый охотник пожелает навестить старого Ого, — он найдет в его жилище радушный прием!

Просиявший Анук удалился к своим. Арго заметил, как Кишку с улыбкой похлопал его по плечу.

А пока мужчины занимались обменом, женщины готовили совместное пиришество...

...И вот настала ночь. Одноглазая заливала все своим призрачным светом; нежно и таинственно мерцали березы в ее сиянии; переливалась река. В самом центре поляны из заранее принесенных сучьев и тонких ствалов был подготовлен Большой костер. Люди трех Родов, — нераздельно, вперемешку, — окружил его. Все молчали. Людей было много, но стояла такая тишина, что слышился даже плеск рыбы, играющей в реке; даже шепоток березовой листвы от легкого ночного ветерка... Внимание общинников

было приковано к двум фигурам в центре, у будущего костра: стоящей — вождя детей Мамонта, Арго, и сидящей, — их старого Колдуна.

Колдун, шепча заклинания, подготовил дощечку, трут и огневое сверло: палочку и лучок. Арго поднял вверх обе руки, запрокинул лицо к небу и заговорил:

— Духи радости, любви и согласия! Я, Арго, вождь детей Мамонта, призываю вас на наш костер и пляску соединения. Три рода: дети Куницы, дети Серой Совы и дети Мамонта, сошлись здесь для совместного танца. Прийдите к нам! Вдохните жизнь в наше общее пламя! Наполните наши сердца любовью, согласием и весельем!

Трижды повторив призыв, вождь запел заклинание. Лучок в правой руке Колдуна заходил взад-вперед, вращая огневое сверло. Трут занялся быстро, — добрый знак!

Под пение вождя, Колдун принялся разжигать костер. Занялась сухая трава, затрещали тонкие веточки и береста. Запах дыма смешивался со смоляным ароматом.

Пение продолжалось. Вождь высмат в зачинающийся огонь шепоть своего колдовского порошка, должного привлечь духов... Призыв был услышан: пламя занялось сразу, ровно и сильно; оно уже охватило сучья, уже лизало более толстые стволы... И вот, — взметнулось вверх, озаряя колеблющимся оранжево-розоватым светом фигуры и лица общинников... Пронесся единый восхищенный вздох. Люди взяли за руки.

Арго вновь воздел руки к небу.

— Вождь детей Мамонта благодарит духов, услышавших его призыв! Помогите же нашим сердцам соединиться, как соединяются сейчас наши руки!

Арго вновь запел заклинание, перечисляя имена духов радости и веселия, любви и согласия, которых как вождь он был властен призвать на Большой костер. Эти духи были хорошо знакомы вождям, — лучше, чем даже колдунам! Только вожди могли общаться с ними, — в дни весенних и осенних свадеб, в дни совместных пиршеств... И сейчас Арго чувствовал,

как собираются они на призыв, явственно ощущал их дружеское ответное мерцание в пламени костра и в окружающем ночном воздухе...

Вождь поднял с земли Священный барабан, надел его на шею и взял в руки било. И барабан, — деревянная колода, обтянутая лошадиной кожей, раскрашенная Сухой кровью Рода и увенчанная лебедиными перьями, и било, вырезанное из еловой ветви и тоже окрашенное в красный цвет, — делаются только самим вождем накануне праздника, и только на один раз. После последнего танца этот священный инструмент будет сожжен в догорающем пламени Большого костра.

Колдун взял в руки костяную флейту, — инструмент долговечный, неизменно служащий ему в разных церемониях.

Рокот барабана возвестил начало первого, общего танца.

Люди, держась за руки, двигались по кругу под ритмичную дробь, сопровождаемую тягучими звуками флейты, и вторили пению вождя:

— Дети Куницы добры, дети Куницы веселы!

Ой-о-о-о-о-о!

Дети Куницы добры, дети Куницы веселы!

Дети Серой Совы добры, дети Серой Совы веселы!

Ой-о-о-о-о-о!

Дети Серой Совы добры, дети Серой Совы веселы!

Дети Мамонта добры, дети Мамонта веселы!

Ой-о-о-о-о-о!

Дети Мамонта добры, дети Мамонта веселы!

Пение возобновлялось несколько раз. Духи, хорошо знакомые вождю, делали свое дело. Сейчас Арго всем своим существом ощущал их радость, их тягу к людскому веселью...

— Ой-о-о-о-о-о!

Дети Мамонта добры, дети Мамонта веселы!..

Рокот барабана и короткий перерыв.

— Теперь пусть мужчины образуют второй круг и соединят свои руки для второго танца!

Мужчины всех трех Родов встали спиной к костру, лицом к женщинам и детям, которые образовывали большой, внешний круг.

Началась вторая песнь:

— Мужчины-Куницы храбры, мужчины-Куницы сильны!

Ой-о-о-о-о-о!

Мужчины-Куницы храбры, мужчины-Куницы сильны!..

Второй танец длился значительно дольше, чем первый: здесь нужно было назвать всех: и девушек, и женщин, и стариков, и детей...

— Женщины-Серые Совы умны, женщины-Серые Совы

плодовиты!

Ой-о-о-о-о-о!

Женщины-Серые Совы — хорошие жены!..

— Старики-Куницы мудры, старики-Куницы крепки!

Ой-о-о-о-о-о!

Старики-Куницы мудры, старики-Куницы крепки!

Ритм завораживал, втягивал в себя. Не только вождь, — все танцующие все больше входили в единение с духами. Невидимые мелькали в дыму, подмигивали из пламени, отлетали к своим братьям, прячущимся среди березовой листвы, и возвращались в Круг.

— Девушки Мамонта добры, девушки Мамонта умелы!

Ой-о-о-о-о-о!

Девушки Мамонта будут хорошими женами!..

Перед третьим танцем вождь вновь попросил духов наполнить сердца людей радостью и весельем. Теперь танцевать должны были парами, положив руки на плечи друг другу и двигаясь в такт ритму, вокруг костра. На этот танец специально выбирать себе напарника не полагалось: клали руки на плечи ближайшему соседу... Но, — то ли по воле духов, то ли по какой-то иной причине, — только, как правило, пары соединялись совсем не случайно!

Песня, с вариациями, по-прежнему восхваляла всех по очереди:

— Сыновья Куницы храбры, сыновья Куницы сильны!
Ой-о-о-о-о-о!
Сыновья Куницы отважны!..

... Три первых танца — только подготовка к двум последним, самым значимым на этих праздниках: танцам жениха и невесты. Перед ними требовалось совершить еще одно, особое действие.

Вождь снова обратился к духам, называя их имена:

— Арго, вождь детей Мамонта, благодарит вас за то, что вы услышали наши призывы, пришли к нам, наполнили сердца весельем и радостью! Сегодня молодые охотники трех Родов приведут к своим очагам тех, чье согласие они получили. Сегодня молодые дочери Мамонта и Серой Совы станут хозяйками очагов. Духи! Наполните их сердца любовью, дайте их телам силу и плодовитость, чтобы все три наших рода умножались и крепили, чтобы все мы жили в мире и согласии, связанные кровными узлами так же нераздельно, как соединится сейчас в пламени Большого костра наша кровь!

Вновь появилась Священная кость, и щепоть Сухой крови Рода была брошена в пламя рукой Арго. Затем он сделал кремневым ножом надрез на левой руке и покротил пламя своей кровью. Другие вожди по очереди подходили к Большому костру, молча повторяли обряд и возвращались на свои места. Уже приготовив било, Арго обратился к духам с последней просьбой:

— Духи! Не забудьте о тех, кто давно соединен и давно живет под одной кровлей, делит одну постель! Пусть в их сердцах не иссякает любовь, а в телах — желание и сила! И о тех не забудьте, кому еще предстоит соединиться! Помогите им сегодня найти друг друга!

Короткая дробь барабана, и, наконец, — долгожданные слова:

— А теперь пусть сыновья Куницы, сыновья Серой Совы и сыновья Мамонта положат свои руки на плечи тех, кто им ближе всего по сердцу!

В двух последних танцах участвуют не только

молодожены. Юный охотник, кладущий свои руки на плечи девушке, недавно прошедшей Посвящение, делает очень важный шаг к сближению, — еще до начального дара. И если потом она положит свои руки на его плечи, — значит, этот шаг удался! А если молодой охотник хочет показать, что выбор его еще не сделан, — он пригласит одну из старых жениц своего рода, годящуюся ему в матери, а то и в бабки. Муж по обычаю танцует с женой; если он выберет кого-то другого, — это означает, по меньшей мере, серьезную размолвку... А вот глубокому старику-вдовцу не возбраняется привлечь и самую юную красавицу: и вождь, и те, кто не танцует, обязательно поприветствуют его удаль специальным припевом.

Но, конечно, главные герои здесь те, кто в эту ночь станут мужьями и женами. И в пении, сопровождающем танец, звучат не только общие слова о сыновьях и дочерях Куницы, Серой Совы и Мамонта, но и такие, в которых можно узнать каждую пару:

— Сын Куницы высок, сын Куницы силен, сын Куницы бесстрашен!
Ой-о-о-о-о-о!
Сын Куницы любит маленькую дочь Мамонта!

А вот и они! Колдун улыбнулся: плечи «маленькой дочери Мамонта» утонули в огромных, но сразу видно, — чутких и нежных лаплицах белокурого гиганта... А ее руки едва достают до богатырских плеч жениха.

— Сын Серой Совы силен, сын Серой Совы — храбрый охотник!
Ой-о-о-о-о-о!
Сын Серой Совы любит стройную Айрис!

Айрис не только тонка, но и высока; вровень жениху... Казалось, — они уже нераздельны!

...А вот еще одна пара: старый Гор выбрал самую молоденькую Совушку из южной общины. Конечно, присмотрел такую, у которой еще нет жениха... Девочка рада; девочка польщена: старый Гор — личность известная! Их встречают дружным хлопками, веселыми возгласами и припевом:

— Старый Гор удал, старый Гор крепок!
Ой-о-о-о-о-о!
Старый Гор, возьми молодую жену!

Пара за парой, пара за парой, и для каждой находились особые слова...

... Вот он, — последний танец! Вождь детей Мамонта произнес:

— Теперь пусть дочери Серой Совы и дочери Мамонта положат руки на плечи тех, кто ближе всего их сердцам!

Где же он, тот, кто ближе всего уже три весны?! В последний раз, в отчаянии, уже ни от кого не скрываясь, Нава жадно высматривала Мала... Нет, напрасно!

Она бросилась прочь, в темноту; нашла какую-то ложбинку и упала лицом вниз, изо всех сил зажимая уши, чтобы только не слышать это свадебное пение:

— Айрис, дочь вождя, красива, Айрис, дочь вождя нежна!
Ой-о-о-о-о-о!
Айрис, дочь вождя любит храброго Киикуну!..

О том, что произошла беда, Айрис догадалась первой, — но только во время последнего танца. Когда руки Киикуну легли на ее плечи, — она забыла обо всем, — кроме его, — и себя!.. И не видела ничего, кроме его глаз, не чувствовала ничего, кроме его рук, пока не кончился этот танец! Да и о чем могла она беспокоиться? Мал и Нава? Конечно, они тут же, где-то рядом!..

Тень беспокойства пришла, когда они, держась за руки, ждали начала последнего танца... Шепоток. И она услышала, о чем шепчутся! Не поверила: нелепо! Но... во время последнего танца стала высматривать Мала и Наву.

Их не было! Круг проходил за кругом, — а их не было!

Киикуну что-то почувствовал: слегка сжались руки, и в глазах появился вопрос... Айрис улыбнулась ему, давно любимому, — и подхватила напев... Потом, потом!..

Потом, когда вождь, ее отец, отпускал духов и сжигал Священный барабан, Кишку понял и сам: что-то случилось! Держа обеими руками Священный инструмент, Арго произносил заклинания почти вслух, и странным было его лицо; совсем не похожим на то, в которое взглядывался Кишку в начале праздника. Вождь был еще наполовину там, — в Мире духов, и, видимо, что-то необычное, что-то тревожное происходило в Том Мире... Барабан, упавший на догорающие угли Большого костра, долго не хотел гореть; огонь словно отступил от него. Наконец по деревянной основе побежал язычок пламени; один... другой... Огонь охватил его, — и кожа, обтягивающая Священный инструмент, лопнула со страшным звуком, прокатившимся эхом по березняку, отразившимся от Большой воды. Из самой его сердцевины вырвался сноп искр и, закрутившись спиралью, взмыл к звездам...

В общем, все, как у нас: и подарки, и пир горой, и игры, и пляски, и веселье, и радость, и горе — особенно, когда сбегает жених. Разница в формах и деталях, но не в сути обряда. Вот только духов веселья мы обычно не призываем. Ограничиваемся водкой.

СМЕРТЬ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Существует одна — очень важная — особенность архаического сознания. Первобытный человек практически не воспринимал идею «естественной» смерти. Кто-то умер? Значит, на него «навели порчу», околдовали. Или сам умерший не был достаточно осторожен, не защитился как следует от какой-то враждебной силы. Да, мир, в котором пребывали те же охотники на мамонтов, в отличие от нашего мира был одушевлен во всех своих ипостасях. Но это вовсе не значит, что он был добр и уютен.

Отголоски таких представлений хорошо известны в мировом фольклоре. Кроме того, по представлениям древних, никто не рождается «впервые» и не умирает «насовсем». И дело здесь не столько в идее «загробной жизни» — во всех основных чертах подобной жизни «земной» — сколько в коренных особенностях архаического мировосприятия: вечное возвращение к «Временам Сновидений», неразрывное единство прошлого, настоящего и будущего (см. гл. 10).

О палеолитических погребальных обрядах мы знаем не так уж мало, хотя и значительно меньше, чем хотелось бы. И это позволяет нам ныне высказывать какие-то предположения о том, как мысли-

лись этим людям такие вещи, как смерть и посмертная жизнь. Характерно, что, если в последующие периоды человеческой истории археологами обнаруживаются целые «города мертвых» — кладбища, вынесенные за пределы места обитания живых, то палеолитические погребения единичны. Их находят как редчайшее исключение при раскопках самих поселений — порою в полу жилищ или по соседству с жилищами. А вот были ли в ту эпоху отдельные кладбища, вынесенные за пределы стоянок? Или, может быть, каждого общинника хоронили по-своему? Трудно сказать. Возможно, нечто похожее на могильник имелось на Сунгирской стоянке под Владимиром. Однако большинство погребений, по-видимому, оказалось уничтожено там бульдозером в ходе разработки карьера.

Так или иначе, судя по тому, что уже известно археологам, в эпоху верхнего палеолита погребальный обряд был куда более «индивидуализирован», чем в последующие эпохи. Видимо, многое зависело тут от того, как человек прожил свою жизнь и как он умер. В большинстве случаев, хотя и не всегда, погребенные — даже дети — отправлялись в мир иной в богатых парадных одеждах, снабженные орудиями труда, оружием, украшениями.

Достаточно хорошо известны археологам детские палеолитические погребения. По обряду они весьма различны, но в могилах неизменно присутствуют богатые дары — украшения, амулеты, орудия труда, оружие — причем такие, которыми умерший явно не мог пользоваться при жизни. Например, пятилетнему ребенку, погребенному в полу жилища на стоянке Костенки 15, был положен костяной кинжал длиной в половину его собственного роста. Подобные погребения, по сути, ничем не отличались от погребений взрослых — во всяком случае, в них нет тех отличий, которые могли бы заметить мы, археологи. По-видимому, предполагалось, что такие дети пройдут обряд Посвящения и станут взрослыми уже там, у Предков. Дело же сородичей — снабдить их всем необходимым для будущей взрослой жизни.

Но вот в 1983 году автор этой книги, раскапывая окраину верхнего культурного слоя стоянки Костенки 12 (возраст по радиоуглероду — 25—27 тысяч лет назад), наткнулся на странные мелкие косточки. Поначалу мы думали даже: это кости сурка. Но затем в расчистке вдруг обозначилась тазовая кость человека — только совсем крошечная. Впоследствии антрополог М. М. Герасимова установила, что косточки принадлежат новорожденному младенцу — не старше 10 дней. Этого младенца вынесли на самую окраину, а возможно, и за пределы поселения и даже не потрудились вырыть для него могильной ямки. Впрочем, кое-какая забота все же была проявлена: его положили на левый бок в позе спящего (ноги согнуты в коленях, руки в локтях) и присыпали сверху землей с легкой примесью охры — возможно, случайной. Но ни малейших признаков погребального инвентаря здесь не было. Младенец, умерший вскоре после рождения, по-видимому, не заслуживал настоящего погребения. Хотя, как видим, землей его все же присыпали — может быть, тут сыграли роль материнские чувства?

О палеолитических погребениях можно писать и писать — тема благодатная, тем более, что каждое из них своеобразно, каждое поднимает новые и новые вопросы. Это тема, вполне заслуживающая особого разговора, отдельной книги. Здесь же остановимся на находках, непосредственно связанных с восточно-европейскими охотниками на мамонтов.

*Погребения в восточно-европейских памятниках
виллендорфско-костенковской археологической
культуры*

Вспомним, что на территорию Восточной Европы эта культура была принесена из Центральной Европы, от берегов Дуная и Моравской возвышенности. Там на ряде стоянок (Дольни Вестоницы, Павлов, Пшедмость и др.) найдено довольно много человеческих останков, включая преднамеренные погребения.

ния. А вот нашим археологам, раскапывающим стоянки этой культуры, расположенные на Русской равнине, пока не везет: антропологических находок почти нет.

Впрочем, кое-что все же обнаружено. Один из самых знаменитых восточно-европейских памятников этой культуры — Костенки 1/1, расположенный на левом приустьевом мысу Покровского лога. Но материалы, относящиеся к этой культуре, прослеживаются от Костенок 1 на протяжении полукилометра, вдоль всего левого борта этого лога, вплоть до самого его устья. Археологи выделили здесь еще две стоянки: Костенки 13 и Костенки 18. Однако такое разделение условно: в сущности, речь идет об одной большой стоянке, существовавшей здесь на протяжении столетий, может быть — даже тысячелетий. Спорить можно лишь о том, обживалось ли это полукилометровое пространство единовременно или люди постепенно смещались в том или ином направлении.

Но как бы то ни было, пункт, вошедший в археологическую литературу под названием «Костенки 18», расположенный почти на самом краю долины Дона, весьма существенно отличается от других — Костенки 13 и Костенки 1 — находящихся в глубине лога. Четыре ямы, открытые здесь в 1953 году, существенно отличались по своему характеру от обычных ям-кладовых и землянок костенковско-авдеевского типа (см. гл. 4). Самый интересный из этих объектов — погребение ребенка, к сожалению, сильно поврежденное позднейшими строительными работами. По сохранившимся остаткам можно говорить следующее. Труп был положен на дно могильной ямы глубиной не менее 40 сантиметров на левый бок в скорченном положении («поза спящего») и перекрыт сверху тремя ярусами крупных костей мамонта. Охра и какой-либо погребальный инвентарь отсутствовали. По сохранившимся костям можно с уверенностью сказать лишь одно: погребенный, бесспорно, принадлежал человеку современного физического типа (*Homo sapiens sapiens*).

Положение костяка и перекрытие его крупными костями мамонта, в общем, соответствует тому, что мы знаем о некоторых однокультурных погребениях Центральной Европы.

В 150 метров к востоку от погребения была обнаружена восьмеркообразная в плане яма, вытянутая с запада на восток. Ее длина около двух метров, ширина камер около восьмидесяти сантиметров, глубина около метра. По конфигурации и размерам эта яма похожа на некоторые землянки костенковско-авдеевского типа, но во всех остальных отношениях она резко отличается от них. Во-первых, у нее нет типичного для землянок пологого входа; все стены отвесны. Во-вторых, дно и стены ямы были окрашены охрой — признак, свойственный большинству палеолитических погребений, но отнюдь не землянкам. В-третьих, на дне этой ямы не было никаких культурных остатков, характерных для жилищ, — вообще ничего не было, кроме линз специально принесенного песка. Яма была заполнена крупными костями мамонта, преимущественно расколотыми пополам — вероятно, остатки перекрытия. По мнению исследователя памятника А. Н. Рогачева, эта яма являлась *кенотафом*, то есть условным погребением. Такого рода символические культовые сооружения известны в более поздних культурах.

В связи с этим не могу не упомянуть еще об одной весьма любопытной находке, сделанной в конце восьмидесятых годов при раскопках центральной части жилого объекта I культурного слоя Костенок 1. Там была обнаружена подквадратная неглубокая ямка с плоским дном, явно искусственного происхождения, заполненная охрой в сочетании с интенсивной углистой прослойкой и перекрытая сверху плоскими костями мамонта. Именно так перекрывались центрально-европейские погребения! Но в Костенках на дне этой ямы лежал не скелет, а женская статуэтка, вырезанная из бивня мамонта! Я думаю, что и здесь мы имеем дело с самым настоящим погребением — только по какой-то причине тело женщины было заменено ее изображением.

*Погребальный обряд на втором этапе
существования Днепро-Донской
историко-культурной области охотников
на мамонтов*

Говоря правду, все сведения на этот счет исчерпываются одной-единственной находкой, сделанной опять-таки в Костенках, неподалеку от павильона-музея, хранящего остатки округлого жилища из костей мамонта, так называемого «аносовско-мезинского типа» (см. главу 4). Здесь в середине пятидесятых годов ленинградский археолог П. И. Борисковский раскопал еще одно подобное жилище. К его наружной стенке примыкала овальная выкладка из костей мамонта, размерами 4х1,5 метра по наружному краю. Выкладка эта являлась не чем иным, как погребальной камерой: внутрь ее был посажен труп взрослого мужчины. Труп был засыпан по плечи, причем голова и руки оставлены снаружи. Потом, в процессе разложения, верхняя часть тела упала рядом с камерой, где и была обнаружена археологами. Нижняя часть, находившаяся в камере, в целом почти сохранила первоначальное положение.

По своему характеру это погребение совершенно уникально! У читателя может возникнуть естественный вопрос: что за удовольствие было жить рядом с полузакопанным разлагающимся трупом?! Но, во-первых, нужно учитывать отличия мировосприятия охотников на мамонтов от нашего. Кроме того, не исключено (и даже весьма вероятно!), что после этого своеобразного погребального ритуала жилище было немедленно оставлено его обитателями. Его, скорее всего, разрушили. Иначе трудно объяснить, как кости верхней части скелета оказались среди развалин жилища?

Антропологи установили, что погребенный, бесспорно, принадлежал виду *Homo sapiens sapiens* и являлся европеоидом. Согласно радиоуглеродным датам, он жил около 19 тысяч лет назад. Его внешний облик был восстановлен в начале шестидесятых годов известным отечественным антропологом — со-

здателем методики восстановления лица по черепу — Михаилом Михайловичем Герасимовым.

Однако даже для верхнего палеолита — времени, когда погребальный обряд был куда более индивидуализирован, чем теперь, перечисленные выше формы погребений кажутся слишком специфичными, чтобы воспользоваться ими для художественной реконструкции погребальных церемоний.

Как оно было — или могло быть — в эпоху верхнего палеолита?

Исключительно важный материал для изучения погребальных обрядов той эпохи на Русской равнине дают нам сунгирские погребения, принадлежавшие взрослому мужчине и двум подросткам. В эпилоге романа «Закон крови» детально описан их погребальный ритуал:

Община готовилась к погребению. И мужчины и женщины — в траурных нарядах: кожаных штанах и юбках, окрашенных красной охрой. На лицах и обнаженных по пояс телах траурная раскраска: белые и черные круги и линии. Волосы распущены, украшения сняты — кроме амулетов-оберегов.

Плач не смолкал второй день, но руки делали все необходимое. Еще накануне тела погибших подготовили к погребению: женщины обмыли их и обрядили в парадные одежды. В этом мире сейчас тепло, но Тропа мертвых — Ледяная тропа, и по ней не пойдешь в летнем платье. На Арго были надеты меховая рубаха с глухим воротом и длинные штаны, сшитые у цикалоток с меховыми мокасинами. На голове — шапка. Весь наряд, как положено, сверху до низу обшит множеством костяных бус. Дрого уходил в своем парадном охотничьем наряде, впервые надетом меньше года назад, после Посвящения. Замша не так тепла, но от ледяных ветров Тропы мертвых голову молодого вождя надежно защитит шапка, почти такая же, как у отца, ноги — высо-

кие теплые сапоги, завязанные выше колен, а тело — меховой плащ-накидка. А его девочке-брату оказалась как раз впору та самая ни разу не надеванная одежда, заботливо приготовленная руками Айи для своего сына — будущего охотника, из которой мальчик-Нагу так неожиданно вырос. Пожалуй, она была украшена еще богаче, чем та, которую впервые надел молодой охотник Дрого и в которой он покидал этот Мир. Вот — пригодилась... Как и у Дрого, наряд Анго дополняли высокие меховые сапоги и плащ. Только головной убор был иным: не шапка, а капор, да кожаный пояс, немного широковатый для тонкой талии, пришлось закрепить второй пряжкой.

Тела с вечера лежали в специально построенном шалаше — Доме мертвых. Его разберут и сожгут перед тем, как община покинет эти места. Или, если вдруг задержатся здесь, — то на девятый день после похорон. А жилище, где произошла трагедия, уже разобрано; на месте очага мужчины копают двойную могилу, деревянный же каркас, еловые постели, шкуры, — все догорает на костре. Именно эти угли должны будут первоначально устлать дно могил.

И вот работа закончена. Последнее прибежище Арго уже ожидает своего хозяина в четырех-пяти шагах от могилы его детей. Теперь здесь собралась вся община. Плакали в голос, кричали женщины, до крови царапали свои груди. Плакали дети. Мужчины молчали. Смерть — всегда горе, всегда слезы. Смерть вождя — тем более...

...Колдун торжественно подвел Туйю с сыном к заранее приготовленной шкуре белой кобылицы, растеленной подле вырытых могил. Туйя всему подчинялась безропотно, но по-прежнему молчала.

По знаку Колдуна Вуул, Донго, Аун и еще трое мужчин пошли за телами. Их несли на лошадиных шкурах, по обычаю прежнего Рода детей Мамонта, и положили рядом, у края могильных ям.

— Туйя! — заговорил Колдун. — Знаю: тебе тяжело! Но ты должна не только проститься со своим

мужем! Ваш сын — первый, кто начинает Род детей Волка. При его отце, завершающем тропу нашего прежнего Рода детей Мамонта, ты должна дать ему детское имя!

Туйя не отрываясь смотрела на мертвого мужа. Можно было подумать, что она ничего не слышит, ничего не понимает. Но при последних словах Колдуна ее губы разжались, чтобы произнести первое слово за весь этот многострадальный день:

— Нагу.

Колдун ничего иного и не ждал.

— Так покажи малыша-Нагу его отцу! И пусть Посланница приветит первого сына Волка!

Туйя развернула на коленях мягкую замшу, в которую был завернут малыш. Ее глаза по-прежнему смотрели на Дрого; губы что-то шептали...

...Из костра, тлевшего подле раскрытых могильных ям, мужчины лошадиными лопатками выгребли уголь и ровным слоем покрыли дно каждой могилы. Колдун достал мешочек из оленьей замши, доверху наполненный крошевом заветного белого камня, скобленного со Священной стены, перед тем, как они навсегда покинули свою родину. Порошок покрыл тонким слоем горячий, еще дымившийся уголь. Затем с груди Арго был снят белый мешочек поменьше, хранящий порошок, использовавшийся прежним вождем во время весенних и летних свадеб, — тот самый, с помощью которого привлекались на празднества духи веселья, любви и согласия. Там, куда уходят трое, помощь этих духов будет нужна не меньше, чем здесь: Арго — чтобы легче встретиться со своей Айей, его детям... Кто знает, как распорядятся духи и предки, приняв их к себе, в Землю сновидений?.. Из этого мешочка на дно могил легло не больше половины содержимого, остаток аккуратно завязан. В своем горе Арго забыл передать сыну, последнему вождю детей Мамонта, вместе со Священной костью и порошок веселья, и готовившие тела к погребению оставили его на месте. Колдун исправил ошибку и повесил белый мешочек на шею Дрого.

И вот — последний, самый важный ритуал, перед

тем, как тела будут опущены в могилы. Колдун осторожно взял с груди молодого вождя Священную кость, наполненную Сухой кровью Рода, и засыпал дно меньшей ямы. Затем так же бережно вернул ее на место. Сухой крови требовалось много, и запас ее был принесен в двух вместительных кожаных мешочках. Но первая порция должна быть взята из Священной кости, — осколка бедра их далекого предка, передававшегося из поколения в поколение на протяжении не сотен, — многих тысяч лет! Колдун пел заклинания, обильно усыпая смертное ложе кроваво-красным порошком. Затем обратился к тому, кто был готов занять свое последнее в этом Мире пристанище.

— Арго, ты ушел последним, вслед за своими сыновьями. Но сейчас мы первым проводим тебя, наш прежний вождь, спасший свой народ от Нежити! Ты достойно завершил свой путь — здесь. Ты уходил в Землю сновидений, — к Первопредкам, к Началу Начал. Скажи им: по их воле меняем мы Имя и встаем на Новую Тропу. Но Закона мы не меняем!.. Теперь и твоя тропа, Арго, — иная, и знать ее мы не можем. Удачи тебе на твоём новом пути. Доброй охоты!

Вуул и старый Гор опустили тело в могилу. Арго уходил в своем парадном наряде, с бивневыми, кожаными и бусинными браслетами на руках, — каждый из них отмечал какую-то веху его долгого земного пути, — но безо всяких инструментов и без оружия. Все это брали с собой последний вождь общины детей Мамонта, Дрого, и его верный брат Анго... Лишь три кремня и осколок кости, случайно задетые концом лошадиной шкуры, упали на дно могилы перед тем, как в нее лег на спину тот, кто ценой своей жизни смог развоплотить Нежить.

И снова, — Сухая кровь... Вдруг послышался испуганный ропот. Колдун оглянулся. Ола, обряжавшая Арго, забыла надеть последнюю деталь его одежды: короткий плащ, расшитый крупными бивневыми бусами!.. Колдун принял из трясущихся рук меховую накидку, бережно, как одеялом, укрыл ею тело, и еще раз посыпал Сухой кровью.

В этот момент неожиданно раздался еще один голос, — далекий, идущий с самого неба. Люди подняли головы. Большая птица, распластав свои мощные крылья, одиноко кружила высоко в небе. Невозможно ее не узнать, хотя в ослепительных лучах солнца она казалась не белой, — черной. И крик был иной: громкий, трубный, не похожий на привычное: «клип-анг»... Аяя все же прилетела, — то ли проститься со своим мужем, то ли сопровождать его на Ледяной тропе... А может быть, и то, и другое.

Приступили к засыпке могилы. Теперь Сухая кровь чередовалась с землей. Мужчины сыпали землю лошадиными лопатками, по знаку останавливались, ожидая, пока Колдун, не прерывая пения, рассыпал красный порошок. Кровь предков, возрождающая покойного к жизни в ином мире, должна пропитать всю могилу насквозь... Не засыпав яму до конца, работы остановили по новому знаку, и перешли ко второй могиле.

Покрыв ее дно Сухой кровью, Колдун обратился к последнему вождю общины детей Мамонта и его брату:

Дрого! Ты и Анго замкнули Круг. Тропа раздвоилась, и мы все сейчас на развилке. Дальше пути расходятся, но ты, Дрого, последний вождь нашего прежнего Рода, стоишь и у конца, и у начала. Дрого, сын Арго! Идя своим путем, ты будешь и с нами, на нашей Новой Тропе.

На груди юного вождя висел охотничий амулет: плоская фигурка жеребой кобылы, — та самая, что была дана Колдуном в тот день, когда Дрого, пройдя Посвящение, вернулся в свой дом. Теперь Колдун достал еще один амулет: вырезанную из бивневой пластины фигурку мамонта и положил ее под плащ, на левое плечо покойного.

— Поблагодари Великого Мамонта и Первопредков за то, что нас не бросили, не оставили сиротами, но показали Новую тропу. Скажи Великому Мамонту: пусть не забывает своих бывших родичей!

Пусть посылает для них своих детей, как посылал их детям Куницы!

— Анго, Найденыш! — продолжал Колдун. — Мы не ошиблись, приняв тебя в наш Род. Ты был верным другом своему обретенному брату. В том, что случилось, твоей вины нет.

Он немного помолчал.

— Ваш новый путь для нас закрыт; тропы мертвых — не наши тропы, и мне неизвестно, как распорядятся духи и предки. Знаю одно: по этому пути ты и Дрого пойдете нераздельно!

И нераздельно, голова к голове, легли они на красное, словно залитое их собственной кровью ложе. Дрого, как и его отца, положили головой к ручью, на север, ногами — на юг, откуда все они пришли в этот край. Ноги его девочки-брата, так и не прошедшего полный обряд Посвящения, обращены в противоположную сторону. В эту общую могилу были положены богатые дары. Прежде всего — два тяжелых копья из распрямленного бивня; большее — у Дрого, меньшее — у Анго, — те самые, которыми был убит тигролев... Его когти, — знак победителя самого опасного и коварного хищника, — оставались при них, вместе с остальными амулетами; два у Дрого, один у Анго. Кроме копий в дорогу были даны бивневые и деревянные дротики и надежные костяные кинжалы. Отец Дрого отправился в путь налегке, но следовало позаботиться и о нем: никто не знает, что может приключиться на неизвестной тропе, ведущей к первопредкам, в Страну сновидений. Дополнительное оружие: четыре дротика и запасной кинжал, — было поручено Анго.

Ни один охотник не покинет стойбища без инструмента, которым можно при необходимости поправить оружие. Два выпрямителя древков дротиков, — куски оленьих рогов с отверстиями необходимого размера, — были даны Анго: его не по годам сильные руки хорошо справятся с этой работой. А кремневые ножи — Дрого: он лучше знает, как ими пользоваться, и обучит своего брата в дороге... Один такой нож Колдун вложил ему в правую руку,

второй, запасной, — в накладной карман, нашитый на обувь.

Последней в могилу, рядом с Дрого, легла Священная кость, вновь наполненная свежей Сухой кровью. Знак Рода, вместе с его именем, навсегда уходил туда, откуда он пришел: к Первопредкам.

*И вновь перед тем, как сыпать красный порошок и землю, прозвучали традиционные слова прощания:
— Удачи вам на новом пути. Доброй охоты!*

Богатый инвентарь верхнепалеолитических погребений свидетельствует о том, что, по мнению тех же охотников на мамонтов, умершие продолжают жить там, в мире Предков, так же, как здесь. Но данные этнографии и фольклора с несомненностью говорят нам и другое. Многих людей хоронили по обряду, следы которого просто невозможно зафиксировать методами археологической науки. Тела умерших, снаряженных в иной мир как положено, могли пустить в лодках по морю или реке. В иных случаях погребенного просто оставляли лежать на поверхности земли — с тем, чтобы звери и птицы разнесли милый прах по кусочкам. Известны в этнографии и так называемые «воздушные» погребения — когда покойника клали на настил, устроенный высоко на деревьях. Отсутствие массовых палеолитических могильников наводит на мысль, что подобные «археологически неуловимые» варианты обряда играли в ту пору немаловажную роль. Разумеется, восстановить их теперь можно лишь гипотетически, опираясь на данные той же этнография и фольклора и используя метод художественной реконструкции:

Оранжево-багровый диск опускался за лес, бросая кровавые отблески на волны Большой воды. Небо было еще светлым, но уже потеряло голубизну, и с востока подступала тьма. Дети Серой Совы собрались на берегу, чтобы проводить к предкам погибших мужчин и жену одного из них, молодую дочь Мамон-

та. Убитые не могут лежать рядом со своим убийцей, — да и живые покинут это место, переберутся на другой мыс, ближе к устью лога. Из детей Мамонта здесь были только Арго и Айя, провожающие свою дочь. Остальные — у себя, оплакивают и хоронят Алема. В иные времена и Айрис должны были бы хоронить сородичи, но сейчас, после всего, что случилось, Арго и Айя не решились разлучить ее со своим мужем. «Надеюсь, Великий Мамонт и братья-Первопредки нас простят», — сказал Арго, бережно отсытая из Священной кости часть сухой крови Рода в белый замшевый мешочек. «Надеюсь и я», — промолвил Колдун, покидающий вместе с другими сыновьями Мамонта стойбище детей Серой Совы. Старый Гор, принявший сухую кровь из рук своего вождя, не сказал ничего.

Вот и получилось, что впервые Арго и Айя делили горе не с сородичами в родном стойбище, а здесь, на берегу Большой воды, с детьми Серой Совы. В этот раз погибших в землю не закапывали: на двух легких, обтянутых кожей челнах должны будут они отправиться вниз по Большой воде, в страну сновидений, в мир предков.

В челн побольше положили рядом мужа и жену, погибших в ночь своей свадьбы. Их облачили в новые одежды, — свадебного покроя, но с траурной раскраской. Кишку — при оружии, с запасом кремня. Айрис было дано все самое необходимое хозяйке очага: запасы сухожилий, иглы и шилья, куски кожи. В берестяном туесе — костяные бусы: быть может, на долгом пути придется подправить одежду. Ледяная тропа смерти сурова и холодна, — не забыли и об огневом сверле, а в ноги положили вязанку хвороста. И еще одно приношение сделали плачущие дочери Серой Совы: весенние цветы. Их рассыпали по белоснежной шкуре оленя, покрывающей тела. На дно меньшего челна лег Анук, — в одежде воина, с боевой раскраской и со всем тем оружием, что было при нем в его первом и последнем боевом походе.

Церемония почти закончилась. Уже разжигали

прощальный костер, уже готовили тризну. Гарт сказал последние напутственные слова:

— Кишку и Анук, — вы достойные сыны Серой Со-
вы, вы уходите по ледяной тропе раньше срока! Киш-
ку, враг убил тебя как трус и предатель, но твой
брат Анук выследил врага. Он заплатил своей жиз-
нью, но ты отомщен! Плывите же вместе к нашим
предкам, охраняйте друг друга в пути и возвращай-
тесь к нам! Скажите Великой Сове: «Мы мало прожи-
ли в Среднем Мире среди наших сородичей-людей, но
мы жили достойно! Пошли же нас поскорее обрат-
но; все сородичи-люди просят тебя об этом!»

Кишку, враг не только тебя убил, он твой очаг
разрушил. Но твоя молодая хозяйка осталась тебе
верна; она идет вместе с тобой! Найдите же там
то, чего вас лишили здесь, и возвращайтесь к нам
вместе!

Арго молчал. За него и за себя сказала Айя, — про-
рыдала:

— Лебедушка наша, мы отпускаем тебя с твоим
мужем в стойбище Серой Совы Нижнего Мира! Вам
не дали пожить здесь, среди нас, — будь же ему хоро-
шей хозяйкой там, чтобы вас не разлучили, чтобы
вы вернулись вместе!..

Она зарыдала в голос, упав лицом на грудь своего
мужа. Арго молча погладил ее растущенные, поседе-
вшие, но все еще густые волосы... А от костра уже не-
сли в челны свежие куски мяса, поставили по чаше с
хмельным питьем. Челны скрепили ремнем, и по зна-
ку Гарта, четверо лучших пловцов Рода Серой Со-
вы, раздевшись, вошли в воду и направили их ближе к се-
редине Большой воды, на течение. Течение подхва-
тило оба печальных челна и понесло их вниз, туда,
где Большая вода уже погружалась во мрак.

КОНФЛИКТЫ И ВОЙНЫ

Конфликты в палеолите

Никакого «Золотого века», когда бы люди жили в мире и согласии друг с другом, земная история человечества не знает. Враждовали и убивали друг друга все — и наши волосатые предки, и люди, во всем (или почти во всем) подобные нам. Но следует признать как неоспоримый факт: на протяжении всего палеолита, длившегося свыше двух миллионов лет, столкновения эти не бывали ни массовыми, ни длительными. Они представляли собой скорее предпосылки будущих войн, а не войны в собственном смысле слова. И этим эпоха древнекаменного века очень сильно отличается от всех последующих эпох.

С точки зрения нашего современника, военные конфликты той поры, как и способы их разрешения, куда более напоминали массовые драки или «выяснение отношений» путем поединков. Вряд ли все это можно всерьез называть войнами. Показательно, что даже для верхнепалеолитической эпохи, начавшейся примерно 45 тысяч лет назад и ознаменовавшейся большими техническими достижениями (об этом подробно говорилось выше), у нас нет никаких оснований выделять особое, военное оружие.

Разумеется, сами люди, жившие в ту пору, вполне могли как-то отличать те копья и дротики, что при-

менялись ими на охоте, от тех, что предназначались для «силового решения спорных вопросов» с соседями. По крайней мере, данные этнографии говорят нам, что так оно и было!.. Однако мы, археологи, до сих пор ничем не можем выяснить, в чем же состояли эти различия в древнекаменном веке? Возможно, они были связаны не с формой наконечника, а скорее с особой окраской древка, характером заклиний, накладывавшихся на копье, и тому подобное. Так или иначе, никакой существенной, принципиальной разницы между формами охотничьего и «воинского» оружия в эпоху палеолита еще не было.

В монументальных росписях пещерных галерей, в палеолитических гравировках на кости имеются сцены охоты, но нет ни одной, которая изображала бы столкновение между людьми. Это весьма показательно. Пройдет время, и ситуация резко изменится. Уже в изобразительном искусстве эпохи мезолита-неолита войны, схватки людей с людьми присутствуют как один из распространенных сюжетов (примеры — фрески испанского Леванта, петроглифы Карелии). К наступлению эпохи бронзы и раннего железного века войны, столкновения и убийства уже станут чем-то обыденным, представлявшим собой одно из важных (и достаточно постоянных) занятий мужчины. Не случайно многие этнографически известные племена, находившиеся в XIX веке на стадии неолита или раннего металла (например североамериканские индейцы), до прихода европейцев жили в обстановке перманентной, никогда не прекращавшейся надолго войны со своими соседями. Отголоски представлений, унаследованных оттуда, живо проявляются даже в наши дни, у людей, населяющих современную индейскую Резервацию. Автору этих строк довелось в 1997 году побывать в штате Колорадо, в археологическом центре Кроу Кэньон. Листая местный журнал, я слегка оторопел, прочитав, что военные вожди двух соседних племен наконец-то сошлись для заключения мира. Не веря своим глазам, я сверил даты... Оказалось, все правильно, на дворе девяносто седьмой... и индейская

война, продолжавшаяся уже много десятков лет... или столетий? — подошла к своему завершению. Стороны договорились.

Разумеется, в наши дни такое «состояние войны» между племенами никогда (или только в редчайших случаях) не оборачивается кровопролитием. Однако это лишь потому, что кровопролитию препятствуют федеральные силы.

Кстати, индейские резервации — совсем не то, что внушалось нам в пионерском детстве. Резервация в США — это своего рода государство в государстве. Территория каждого племени управляется по собственным племенным законам. Федеральное правительство вмешивается в это управление лишь в одном случае — при угрозе насилия. В том же 1997 году мне выпала честь быть гостем военного вождя индейского племени Зиа и понаблюдать «изнутри» жизнь современных американских индейцев. Это, действительно, было и честью, и большой удачей. Хорошо помню, как завидовали мне мои американские друзья, когда я, новичок в Штатах, приехавший немного поработать в археологическом центре Кроу Кэньон, неожиданно получил такое приглашение. Дело в том, что для любого белого человека, будь то иностранец или гражданин США, вход и въезд на территорию резервации категорически воспрещен. Попасты туда можно только по специальному приглашению вождей племени. Так что очень многие современные американцы никогда не бывали на «индейской территории» — и вовсе не потому, что они сами ленивы и нелюбопытны. Зато каждый индеец США в наши дни имеет конституционное право приехать и жить на территории любого штата.

Когда люди в Европе начали воевать?

Настоящие войны в Европе начались уже на финальном этапе палеолита, в период, переходный к новому каменному веку (эпоха мезолита-неолита).

Именно тогда человек впервые начал заниматься земледелием и скотоводством, начал прочно «обживать» свою территорию, одновременно создавая на ней материальные блага, становившиеся для иноплеменников слишком большим соблазном. Не случайно именно в этот период на стоянках самых различных культур резко увеличивается количество находок наконечников стрел. Долгое время археологи считали, что лук и стрелы и появились именно тогда — в мезолите. Однако новые находки ясно показали, что это не так.

Охотничий лук был изобретен в глубокой древности, вероятно, еще в раннюю пору верхнего палеолита. Тем не менее вплоть до начала эпохи участвовавших межплеменных столкновений он не имел ключевого значения в вооружении охотников. Практика загонных охот не давала широких возможностей для его применения и развития. Зато при военных действиях именно лук должен был стать самым грозным, самым дальнобойным и эффективным оружием из всех, которые знало тогда человечество. Таковым он и стал.

В романе «Закон крови» описан гипотетический случай изобретения *боевого лука* в раннюю пору верхнего палеолита на Среднем Дону, на той самой территории, где в дальнейшем появились многочисленные стоянки охотников на мамонтов. Действие происходит в одном из сообществ, которые археологи относят к *стрелецкой* культуре.

Это драматический момент романа: Мал, один из самых опытных и уважаемых общинников, вступает в смертельный конфликт со всем своим родом. Лишенный родового имени, преследуемый за свое преступление, он вдруг осознает, что все его искусство следопыта, все привычное оружие охотника, по сути, бесполезны в борьбе с людьми, с такими же следопытами, как он сам:

*..Люди говорят: «Следопыт следа не оставит!»
Люди верят: «След следопыта не выследить!» Но все это — только слова! Даже самый лучший следопыт*

не может совсем не оставить следа, — ведь он не птица! Да и был бы птицей, — кто знает, — какие следы оставляют они в своем полете?

Нет, если настоящий следопыт хочет скрыть свой путь, свою тропу, его искусство вовсе не в том, чтобы вовсе не оставить на ней следа. Он должен переложить след: создать ложную тропу, уводящую в сторону от его истинного пути, но с таким расчетом, чтобы настоящий путь после хотя бы частично совпал с этой ложной тропой. А дальше — дело искусства: кто хитрее, кто опытнее, — дичь или охотник?

Лишенный имени был уверен: опытнее — дичь, но такая, как он сам! Он сидел высоко на сосне, наблюдая за действиями преследователей, вставших на ложный след. Лазать по деревьям могут все, — от охотника до мальчишки. Но и в этом он постарался достичь совершенства. Никто другой не мог забраться так высоко в считанные минуты, да еще с оружием! — и не оставить следа. Никто не мог так ловко замаскироваться в ветвях. И никто не знал: чтобы соскользнуть вниз — ему достаточно совсем немного времени; нескольких ударов сердца — не больше: для этого приспособлена длинная и тонкая, но прочная веревка из кожаных ремней ...Впрочем, Йом, бывший его приятель, знал больше других... Сейчас Мал жалел, что делился с Йомом и тем, чем делился. Но, — кто же мог знать?

Он с нетерпением ждал того момента, когда преследователи потеряют след. Лишенный имени надеялся: разбредшись в стороны (это неизбежно при поисках), они будут действовать в одиночку, — до тех пор, пока кто-нибудь вновь не встанет на след и не позовет остальных. А чего им опасаться? Одногосединственного врага, который должен быть уже далеко от этих мест? ...И вот тогда-то — настанет его час!

Первым ляжет Йом, — самый опасный.

Мал осторожен. Это будет сделано не теперь, не здесь, вблизи от стойбища. Пусть найдут еще один

след; пусть подумают: ополоумел и мечется в панике! Пусть станут еще беспечнее. И вот тогда...

..Лишенный имени взглянул на солнце, соображая, сколько времени понадобилось его врагам, чтобы пройти по ложному следу до этого места. Пожалуй, как он и рассчитывал, — не большие, не меньше. Теперь, прежде чем новый след будет взят, — они разойдутся широким полукольцом, потеряв друг друга из виду. У него хватит времени на то, чтобы прикончить одного, а то и двух; шума не будет, об этом он позаботится. Все внимание, конечно, будет направлено к той сосне, от нее — лучший путь на запад, хорошо известный охотникам... Оттуда и будут ждать сигналы. Значит, — влево!

Он уже огибал косогор, готовясь нырнуть в кустарник на противоположном склоне с таким расчетом, чтобы опередить посланных и подготовиться к встрече, как вдруг... Три крика совы, с короткими паузами, — и таких же три крика ворона; опять сова, и вновь ворон. Непрерывная переключка! Это все меняло. Теперь — нечего и думать о перехвате: молчание одного из голосов — то же самое, что и сигнал опасности! После этого останется только выбирать: встретить смерть в схватке с пятерыми (Да нет! Обезножат и скрутят; смерть будет потом!), или бежать от них во весь опор, как длинноухий, как олень, безнадежно пытающийся уйти от волчьей стаи...

Ночью преследуемый лихорадочно обдумывает возможные способы дальнейшей неравной борьбы. И тут... к нему вдруг приходит озарение:

...Нелепость! Нелепость! Лук... в руках мужчины эта вещь годится только для добычи огня... ну — для сверления... Только мальчишки забавляются тем, что пускают с его помощью короткие дротики. Он сам этим баловался, и был не последним... Но чтобы сейчас он, взрослый охотник, взял в руки детскую игрушку?!..

Однако собственный сон — потрясающе яркий — показывает ему то, что может быть. Да, он один против всех, но вот как еще все обернется, если он успеет изготовить такое оружие:

...Мал снова был на сосне, — как тогда, утром, когда он мечтал пустить в ход металку и дротик, и не решился. Но теперь его рука сжимала лук, — не тот, детский лучок, из которого несмышленький Тииту пускал короткие дротики в зайцев и уток... не тот, — побольше, — из которого Тииту-подросток посылал стрелы в стадо лошадей во время загонных охот, соревнуясь со сверстниками: чья стрела вообще долетит до стада? Чья вопьется в бок обезумевшей лошади, а не отскочит, не упадет под копыта? Этот лук был гораздо больше, — почти в человеческий рост; в нем опытная рука чувствовала силу грозного, хотя еще непонятного оружия!

Вот они, его преследователи! Спиной к нему, расходясь на поиск потерянного следа... На тетиву легла стрела — тонкая, с черным оперением и кровавого цвета наконечником. Мал хотел направить лук горизонтально, — по старой мальчишеской привычке, — но чужая воля развернула его левую руку совершенно иначе, непривычно... И пальцы правой руки вели себя не так: оперенный конец стрелы не был зажат между большим и указательным, — он покоился между согнутыми указательным и средним пальцами, отводящими его вместе с тетивой куда-то к правому уху... Пальцы выпрямились. Хлопок, — и стрела ушла вперед со зловецким свистом, до крови ободрав ложбинку между большим и указательным пальцами левой руки, сжимающей лук. Мал увидел, как его бывший приятель Йом рухнул замертво, пораженный точным ударом под левую лопатку! Не обращая внимания на боль, Мал выпустил подряд еще две стрелы... И еще два трупа! Только теперь опомнились остальные, но и они были в полной власти первого настоящего лучника. Они бегали как муравьи, бессильные достать его своими жалкими металками, бессильные скрыться... Когда еще двое

завалились на корни сосен, — знакомый голос произнес: «Последний пусть уйдет; пусть расскажет!»

И вот он уже на другой сосне, — с которой стойбище детей Серой Совы просматривалось, как на ладони. У общего костра — два вождя, оба колдуна, встревоженный народ, — слушают единственного из посланных в погоню за Малом, кто вернулся живым! Разворошенный муравейник... Сейчас его разворошат еще сильнее! Расстояние большое, — гораздо больше, чем в первый раз, но Мал уже поверил в мощь своего нового оружия. Теперь кисть левой руки была защищена умело прилаженным куском кожи: стрела скользнет по ней, не поранив руку... И опять на какой-то миг все замерло: новичка учили прицелу с большого расстояния. Уже привычно распрямив пальцы, Мал увидел, как стрела уходит в небо, чтобы спуститься по дуге туда, куда ей надлежит... Удар! Первым падает этот старый лис!.. Ну, что, помогло тебе твое колдовство?!.. Вторая стрела поражает Гарта, третья... третья — для Арго!.. Вождь может быть только один: он, Мал, несущий людям свободу от проклятого Закона!

Общинники в панике разбегаются, пытаются укрыться в жилищах, падают ниц... Победа! Мал в восторге потрясает чудесным оружием, забыв, что он — высоко, что сосновый сук может обломиться. И он действительно ломается, и Мал падает вниз...

...чтобы очнуться там же, в Проклятой ложбине! Тот, второй, уже исчез; нет ни лука ни стрел, но теперь Мал знает, как его сделать, а главное, — как им пользоваться. Вот это оружие! На таком расстоянии, так быстро!..

...Мал твердо знал: все будет именно так! С таким оружием, с таким Другом, он действительно непобедим!

Как и накануне, был серый предрассветный час. Спать не хотелось; Мал был бодр и свеж. Хотелось одного: скорее, скорее изготовить это чудесное оружие, чью сладкую тяжесть все еще ощущают его руки!.. Конечно, сюда, в Проклятую ложбину, никто

из этих прислужников Закона не посмеет сунуться, но все равно, — нужно торопиться! С рассветом первый боевой лук будет готов, и тогда... Тогда он им покажет! Он им всем покажет, что такое — первый охотник трех Родов, будущий вождь трех Родов! А потом они поймут: Мал, убивающий по праву Сильного, принес им невиданную свободу и неслыханное могущество!..

..Лишенного имени настигли на самой заре, когда он, уже подготовив основу будущего лука, рассматривал свои запасы сухожилий и ремней, обдумывая тетиву. Первым прыгнул Анук. Хорошо прыгнул и даже успел захватить шею врага. Но тот, даже застигнутый врасплох, легко перебросил его через себя и убил одним ударом кинжала в сердце. Однако вытащить оружие из раны не успел: навалились двое... третий... четвертый. Схватка была упорной, молчаливой но недолгой. Мал перестал сопротивляться после того, как обе его руки заломили чуть ли не к затылку, а ноги оказались притиснутыми к земле тяжестью двух мужских тел. Вскоре все было кончено: лишенный имени лежал, уткнувшись лицом в свой любимый мох, прочно скрученный по рукам и ногам кожаными ремнями.

Охотники совещались о том, как и в каком порядке нести тело погибшего друга и связанного убийцу... Почему-то не было большой радости от победы, и... и, как ни странно, исчез страх! Будто и не в Проклятой ложбине они совещаются...

Наконец решение было принято. Убитого положили на носилки, сделанные из одеяла и двух тонких сосенок. Его несли, головой вперед, двое: впереди — сын Серой Совы, Эбон, сзади — сын Мамонта, Морт. Двое других, — сын Мамонта первым, и сын Серой Совы вторым, — тащили, головой назад, связанного врага. Между его рук и ног, стиснутых ремнями, был продет тонкий еловый ствол. Захватили на случай и ту самую палку, что подготовил он сам. Охотники так и не поняли, что это такое? Заготовка для копья? Слишком тонка, ни один конец не

заострен, как надо, да и кто же видел еловые копы, причем не округлые, а уплощенные?!

Йом замыкал шествие. Он шел с копьем наперевес, готовый отразить любую опасность, от кого бы она ни исходила. И когда его взгляд, внимательно ощупывающий окрестности, — деревья, кусты, — опускался к тропе, — Йом внутренне вздрагивал, встречаясь с единственной реальной угрозой: ненавидящими глазами насильника и убийцы...

Да, вероятно, изобретение боевого лука совершалось неоднократно и независимо многими человеческими коллективами — и именно в такие драматические моменты, когда это оружие могло быть востребовано. Но потом оно вновь либо забывалось, либо не получало широкого распространения. Плотность населения в эпоху верхнего палеолита была достаточно низкой, а население — достаточно мобильным, чтобы в случае роста напряженности между отдельными общинами просто разойтись в разные стороны.

Исследование Костенковско-Борщевского района на Среднем Дону, насыщенного памятниками эпохи верхнего палеолита, показало, что там, по-видимому, в одно и то же время сосуществовали различные в культурном отношении коллективы. Однако никаких следов их давления друг на друга, взаимного поглощения или военных конфликтов тут не выявлено. Последнее весьма существенно, ибо существование отдельных культур в эпоху палеолита продолжалось очень длительное время — немыслимо долгое, с современной точки зрения — *от 10 тысяч лет и более!* Самого этого факта достаточно, чтобы понять: менталитет человека той эпохи очень сильно отличался от нашего. И доминировало в нем одно — стремление к *равновесию* в мире и нежелание, отторжение каких бы то ни было перемен.

Когда конфликты возникали в самой общине, то их, вероятно, разрешали достаточно быстро и безжалостно:

...Давно это было. Ваших родителей — и то не было на свете. Да что там, я, старый, был еще такой, как вы. Колдунам у нас был тогда Хорру, великий Хорру, — слышали, небось? То-то! При нем — все дрожмя дрожали; вся община... А наш Колдун был его ученик. Тоже молодой; может, моложе меня, может нет, — не знаю...

Так вот. Убили у нас одного. За дело убили, все — как надо, честь по чести... Имен уже не помню. ...Этот, кого убили, наладился к жене другого... Да еще — прямо в его жилище, на его же постели! Ну, — такое не скроешь, подкараулил их муж — а не убил сразу, нет, — все сделал, как мужчина, — видно, заранее все решил. Выволок того за шкирку к общим очагам, сказал: «Бери копы!» Тот, — туда-сюда, — а куда денешься? «Бери копы, а не то...» И свое — к груди! А нам (я там тоже был): «Смотрите!»

Ну, взялся и тот за копы. Да только, — на чужих-то жен он ловок был, а вот на копы — не шибко. Махнул два-три раза, почем зря, глядь! — а его кишки уже вытущены и на острие намотаны! Так-то. Честь по чести.

Разобрали, конечно, это дело. Все — правильно. Муж отцу-матери убитого (своей-то хозяйки у него не было; куда там... до чужих баб только и был охоч, а вот чтобы свою...) сразу дал, что положено. Жену, конечно, поколотил и сказал, что надо: твое, мал, место не здесь, а у очага Серых Сов, откуда ты родом. И остался один... Детей, кажется, не было, не помню. А того похоронили. Тоже — как положено, честь по чести. ...Отец-то его — ничего, все понимал. Да и сам своего сына стыдился. А вот мать... Один он был у нее. Хоть бы дочери, — и тех не было...

Все существование сравнительно небольших сообществ палеолитических охотников зиждилось на стабильности и взаимопомощи. Любая распря «со своими» или с ближайшими соседями могла нести гибель всему роду. Поэтому конфликты и недовольства гасились в зародыше. Видимо, это и стало при-

чиной того, что изобретение лука очень долго оставалось не востребованным в полной мере.

На стоянках, относящихся к ранней поре верхнего палеолита в Восточной Европе, как и на памятниках интересующей нас историко-культурной области охотников на мамонтов, найдено немало мелких наконечников. Их просто невозможно трактовать, как наконечники дротиков. Несомненно, это были стрелы. Из этого следует один главный вывод: принцип действия лука был этим людям прекрасно известен. Отсюда до широкого внедрения боевого лука — один шаг... но шаг этот занял примерно пятнадцать тысячелетий в истории человечества.

Вооруженные столкновения у аборигенов Австралии

Из всех известных этнографических примеров аборигены Австралии дают нам картину, наиболее близкую той, что имела место в Европе в эпоху палеолита. Хотя, конечно, их нельзя считать тождественными. Ведь наряду с элементами, уходящими корнями в глубокую древность, австралийская культура несет в себе явные признаки регресса и вырождения. Тем не менее обратимся вновь к обычаям коренного населения этого загадочного континента.

У австралийцев отсутствовала сильная племенная организация, тем более — межплеменные союзы. Отношения между отдельными племенами были довольно противоречивы. С одной стороны, австралийцем любой иноплеменник обычно рассматривался как враг, которого, в принципе, следовало бы убить. Иноплеменников всегда подозревали в коварных замыслах и злонамеренных кознях (как правило, во вредоносной магии). Но, с другой стороны, целый ряд исследователей, и, в первую очередь, такой прекрасный знаток жизни австралийских аборигенов, как Джеральд Уилер, показали нам, что *нормой* в отношениях между австралийскими племенами был все-таки мир, а не война. Война же являлась лишь не совсем

обычной формой отмщения. Она была подчинена определенным нормам и правилам и никогда не бывала слишком кровопролитной и продолжительной.

Самая типичная причина войны у австралийцев — месть за обиду. Обида может быть подлинной (например похищение женщины) или мнимой (любую неприятность, тем более болезнь или смерть, австралийцы объясняли исключительно вредоносной магией и приписывали ее чужакам, иноплеменникам). Когда «обидчик» был установлен, собирался отряд и выступал в поход, в места, где кочевало «враждебное» племя. Далее все зависело от конкретных обстоятельств. Все могло закончиться взаимными угрозами и потрясанием копьями. Конфликт можно было уладить миром, на определенных условиях, в том числе — выдачей на казнь истинных или только подозреваемых виновников. Могли убить из засады одного-двух человек. Иногда происходили «сражения», сводившиеся, в сущности, к серии поединков (между прочим, в них строго соблюдалось правило: «лежачего не бьют!»). В этом случае дело ограничивалось несколькими ранеными или убитыми, после чего схватка прекращалась. А затем всегда заключался мир, иногда знаменовавшийся совместным пиршеством.

В основе военного конфликта у охотников на мамонтов могло быть стремление отбить и вернуть девушку, самовольно, тайком убежавшую к своему жениху — в род, изгнанный всеми соседями из прежних мест обитания:

..Лихо первым почувал Вуул. Сквозь монотонную капель, сквозь безопасные шорохи промозглой ночи... Не спутать, — подкрадываются! ...Сделал вид, что дремлет; склонился к напарнику по страже (а Морт, кажись, и впрямь задремал!):

— Сухой хворост — в огонь! По моему сигналу!.. Да тихо ты!

Нервы напряжены до предела. Глаза пока бесполезны; только слух... Ага! И Морт вздрогнул; услышал...

Их, стражу, почувявшую врага, врасплох уже не за-

стать. Но важно — подать сигнал. Так, чтобы сбить нападающих, а самим... Сейчас!

— Й-о-го-го-го-го! Й-я-а-а-а! (Опасность! Враг — рядом!).

Взметнувшееся пламя разорвало дождь и ночь. Сыновья Мамонта, мгновенно вырвавшиеся из сна, из-под шкур, с оружием наизготовку, метнулись навстречу темным фигурам, с боевым кличем вылетающим из мрака.

В отблесках пламени — не лица; бело-красные рожки... словно это и не люди вовсе, — злейшие из злых духов, внезапно обретшие плоть и кровь...

Первый — на копье! Попал, нет ли — а он под ногами! Второй! Отбито, — дровком!.. Умеет! Еще удар! Еще!..

Схватка — это один на одного; грудь с грудью, равный — с равным... Оружие — любое; что по нраву!..

Старый Гор — один из первых; его оружие — дубина; двое уже лежат, один шевелится... Один с копьем отскочил; настороже...

— Эй-х-ха!!

Копье — в одну сторону, владелец — в другую...

— Эй-х-ха!!

Дубина врезалась в бок, — и напавший отлетел прямо в костер, и взвыл...

— Эй-х-ха!!

Арго — лицом к лицу с кроваво-белой мордой... (Вожак?! Копье... Щит! ...Отбито; Куницы не лгали!.. Снова копье... Ах! ВЫБИЛ! Дубинка, дубинка... БРОСОК!

Увы! Неумелый бросок... Плоская, изогнутая дубинка сыновей Куницы, казалось бы, направленная точно в лицо врага, взметнулась над его головой, и, описав петлю, долбанула по шее насевшего на Йома...

ГОТОВЬСЯ! ...Отбито!

Враг был опытен и силен. Арго оборонялся уже вторым копьем и щитом; первое — выбито умелым ударом.

Их поединок решит все! Кто бы ни были напавшие, — а бой решают вожди!

Враг опытен, умел, но и Арго — не промах... Отбито! Не прошло! ...А теперь...

Вождь детей Мамонта сосредоточился... (Враг мог подумать: ослаб! ...Пусть думает!).

Копье, направленное прямо в лицо, отведено краем щита, а сам он, нырнув, уже был готов нанести удар в сердце...

ПРОКЛЯТАЯ ГЛИНА!

Поскользнувшись, Арго промахнулся, и хотя сбил врага с ног... пролетел вперед, в землю носом, вместе с копьем и щитом, и враг вырвался, увернулся, вскочил первым, и спасения нет, даже щитом не закрыться, и...

— Ой-яха-ха-ха-ааа!

Дрого замешкался: запутался во втором одеяле! Вырвавшись, — с копьем, с дротиками! — увидел: ОТЕЦ ПОГИБ! Бело-красное чудовище, издав победный клич, уже изготовилось для смертельного удара...

НЕ ДО МЕТАЛКИ!

Дрого метнул дротик с руки, из самой неудобной позиции...

Он не верил своим глазам: бивневое оружие по самое кольцо вонзилось в предплечье врага! Победный клич перешел в крик боли (ДА! И мужчина не выдержал!) — и враг, выронив копье, упал на колени, а затем...

— Хай-я-я-я-я! — Дрого метнулся с копьем наперевес, чтобы добить, и отец уже на ногах, и их копья сейчас враз...

— НЕТ! ХВАТИТ КРОВИ!

Его мать, Айя, метнувшись вперед, заслонила собой поверженного врага от копий сына и мужа.

Война — мужское дело. Не срами свой Род, не проси пощады, коли побежден. Но лучше — сам убей врага, съешь его сердце и печень, чтобы сила твоя усилилась, — во славу Рода. Война есть война, и горе побежденному! Нет и не может быть ему пощады... за единственным исключением: если жена или дочь

победителя закроет своим телом поверженного врага! Но если такое случается, — это конец вооруженной распри! Победители, побежденные опускают оружие и не смеют обратить его друг против друга... По крайней мере, в этот день!

После крика Аيي опустились копые Вуула и дубинка Гора; Морт, уже готовый всадить костяной кинжал в горло своего противника, отпустил хватку и даже похлопал его по спине, помогая прокашляться... Арго с ужасом посмотрел на жену (в самый последний момент задержал удар!) — а затем улыбнулся, отвел копые и подал руку поверженному.

Приняв предложенную помощь, тот сел и сморщившись от боли, коснулся дротика.

— Чей удар, Арго? Небось, твоего сына? Вот теперь понимаю — каково пришлось тому... Неуязвимо на Большой охоте.

— Айон?!

Арго не мог сдержать удивленное восклицание. Перед ним был Айон, сын Гарта. На них напали сыновья Серой Совы, проделавшие для этого немалый путь!

— Айон, Айон, кто же еще? — Невесело усмехнулся обессиленный охотник. — За своей дурой пришел, да вижу: хорошо защищаете!... Дрого! — Он встретился взглядом с победителем. — Если уж добывать не будешь, то помоги!

Дрого молча приблизился к бывалому охотнику. Резко, как учили, выдернул из раны свой дротик. Кровь хлынула ручьем; даже в неверных отблесках костра было заметно, как побледнел Айон.

— Хороший удар!.. Небось, кость перешиб? — он старался говорить спокойно, как положено мужчине.

Дрого разорвал куртку и осмотрел рану.

— Кость цела. Если храбрый Айон позволит, я уйму кровь и наложу жгут и листья.

Айон кивнул в знак согласия и прикрыл глаза. Подошедший Колдун молча наблюдал за работой Дрого, одобрительно покачивая головой.

— Не зря учил...

Мужчины успокаивались: бой кончен не в пользу напавших, но новых жертв не будет. Предстояло лишь разобраться с пострадавшими. Совсем недавние враги, еще не отдышавшись от смертельной схватки, теперь безо всякой злобы, даже перешучиваясь, осматривали друг у друга раны и увечья. В основном — ничего страшного: две-три колотые раны, четыре выбитых зуба, сломанное ребро (дубинка Гора поработала!). Но три тела лежали неподвижно: молодой сын Мамонта и двое сыновей Серой Совы. Айму, любителю страшных историй, не повезло: дротик, пущенный чьей-то меткой рукой, насквозь пробил его горло. Один из сыновей Серой Совы, тот самый, которому, помимо удара копья, досталось по затылку метательной дубинкой Арго, был еще жив, хотя и очень плох. А третий... Йом, сваливший его ударом в сердце, перевернул мертвое тело и горестно воскликнул:

— Эбон!

Да, это был тот самый охотник, вместе с которым преследовали они Лишенного имени, тот самый, что перебрался вместе с Мортам через Большую воду... Одинокий, неухоженный, но храбрый охотник, настоящий следопыт!..

— Как же так?! От моей руки...

— Перестань, Йом! — возвысил голос Айон. — Мы еще легко отделались. Если бы не Айя, валяться бы и мне сейчас рядом с Эбоном... И не мне одному.

— Отец, что все это значит?! Как ты мог?

Айон обернулся на голос. Вот она, — донельзя возмущенная дочь, а за ней... За ней прячется непутевый муженек. С копьем; — надо же!..

— Отец! — продолжала возмущаться Туйя, — я — взрослая; я не отвергла Начальный дар, я ушла к своему жениху по своей воле! Как же ты мог... Люди погибли; а и захватил бы — что, своей второй женой сделал бы меня?!

— Замолчи! — рявкнул Айон. — Замолчи! Ты и впрямь — дура! Для чего мужа взяла? Под своим подолом держать?! Изю всех — нашла кого? Кто тебя за-

щитил? Муж? Как бы не так, «муж»! ...Он хоть копьём держать умеет?..

И пошло, и поехало! Бой проигран, но худший позор — не на сыновьях Серой Совы... Виновен Каймо, нет ли, — но он не сражался. За жену свою не сражался; другие отстояли! А уж такое... Худшие позора и не выдумать!.. И никто не вправе защищать такого от насмешек, — даже если смеются побежденные! Никто, — даже вождь победителей!

Один за другим, наперебой насмешиничали сыновья Серой Совы над злосчастным Каймо.

— Эй, а жена твоя копьём владеет?

— Эй, а спите-то как? Кто сверху?

— Эй, а рожать-то ты умеешь? А грудью кормить?..

Каймо молчал, уставившись в землю. Защитить его не мог никто из сородичей, никто, кроме него самого. Все, что нужно было для этого сделать — выйти вперед, ударить копьём оземь, и сказать:

«Ну, храбрецы! Языки у вас остры, а вот как копьё? Кто — первый?»

Этого и ждали. И Серые Совы, и сородичи, и, быть может, большие всех — его Туйя... Но Каймо молчал! А когда молодая жена осторожно опустила ладонь на его руку, — выдернул со злобой.

Наконец Айон прервал издевательства.

— Довольно! Вижу, моему другу (он показал на Дрого) это неприятно. ...Ты, Туйя, не того выбрала! Был бы Дрого твоим мужем, — я бы только порадовался.

В другом случае в основе конфликта лежит то, что, при попытке похитить девушек соседнего племени, один из охотников был убит, а другой уцелел лишь чудом. По понятиям самих охотников, такая месть была несправедливой и «неадекватной» своему поводу. За похищение женщин по закону можно было требовать выкупа, можно было, в свою очередь, отплатить соседям их же монетой, но уж никак не подвергать безоружных пыткам, не убивать...

...Хайюрр долго ждал этот миг. Он так поспешно рванулся вперед, в центр круга, что стоящий рядом Аймик почувствовал сильный толчок и покачнулся.

— Смотрите все! — закричал Хайюрр, одним движением головы сбросив меховой капюшон и откидывая прядь черных волос с правого виска. — Смотрите! Они посчитали Хайюрра мертвым, но отрезанное ухо зовет своего хозяина: «Приди! Покарай врага и возьми свое!» И Хайюрр пойдет, Хайюрр отомстит за своего брата и вернет свое! Оленерогим не поможет вся их чародейская сила, — кто стоит против Одноухого, вернувшегося живым?!

— Хайрра-а-а! Никто!

— Оленерогие трусы! Смотрите!

Малица и замшевая рубаха полетели на снег. Обнаженный по пояс, Хайюрр показывал следы пыток, шрамы на месте вырванных сосков.

— Хайюрр и Сингор попали в засаду. Трусы-Оленерогие не ответили на вызов и не вступили в бой. Они отняли у братьев оружие, связали и притащили в свое вонючее обиталище. Пожиратели падали, они рвали наши тела, надеясь услышать наш стон. Хайрра-а-а! Жрущие собственный кал этого не дождались!

— Хайрра-а-а! Слава бесстрашным сыновьям Сизой Горлицы!

— Хайюрр и Сингор выбрались из ямы, куда их бросили до рассвета, и убежали. Пятеро лучших охотников из помета Оленерогих погнались за обесиленными, безоружными братьями. И настигли на Плохой Земле, откуда духи гонят людей. И безоружные приняли бой. И мы бы выстояли в честном бою, но трусы не сражаются, как подобает мужчинам. Они бьют в спину! Смотрите!

Хайюрр повернулся так, чтобы все могли видеть следы страшной раны, нанесенных вражеским копьем. Пламя костра блестело на его могучих плечах. Несмотря на мороз не было заметно и легкой дрожи; в отблесках пламени казалось даже, — выступил пот!

Отец подал сыну копье. Воздев его над головой обеими руками, Хайюрр закричал с удвоенной силой:

— Отомстим за кровь! Покараем Оленерогих!
УБЬЕМ!

И в ответ дружно:

Убьем!.. Убьем!!.. Убьем!!!..

К выкрикам прибавился мерный стук. Невесть откуда (Аймик и заметить не успел!) рядом с Хайюрром и воздем (колдун тоже присоединился к ним) на снегу появились две медвежьих шкуры, на которых, скрестив ноги, уселись четверо стариков. Левыми руками они придерживали крупные кости мамонта (две нижних челюсти, лопатки и, кажется, от ноги, — отметил про себя Аймик), и наносили по этим костям частые удары костяными колотушками, зажатыми в правых руках. Было ясно: эти люди мастерски знают свое дело. Наигрыш, вначале глухой, отрывистый, постепенно становился все более частым, звонким... И в такт ему все быстрее и быстрее взлетало и опускалось копьё в руках Хайюрра, все чаще и чаще звучало:

Убьем, убьем, убьем, убьем...

Мужчины обняли друг друга за плечи и двинулись по кругу, притоптывая в такт и все убыстряя и убыстряя движение.

убьемубьемубьемубьемубьем...

Языки пламени, дробь костяных барабанов и голоса сливались воедино, глаза заливал пот; пот струился по плечам и груди Хайюрра, и это была уже не ночь и не костер; они все (Все?! Есть ли здесь кто-то кроме него одного? И кто он сам?) были невесть где, должно быть, между Мирами, среди Крови и Огня. Он сам был — Кровь и Огонь!

УБЬ-Е-Е-Е-М!!!

А вот как описаны в романе «Тропа длиною в жизнь» сами «военные действия»:

...В поход выступили на рассвете. Снег пушист, морозец легок и день обещал быть ясным, — добрая примета! Шли на широких снегоступах, подбитых оленьей кожей, — такие же были в ходу и на родине

Аймика, у детей Сизой Горлицы только крепеж по-другому устроен. Не так удобно, как у детей Тигрольва. Всего мужчин было, — Аймик прикинул, — Ого! Три полных руки, да еще три пальца от четвертой! И еще говорили, — сегодня же присоединятся мужчины из двух других стойбищ Рода Сизой Горлицы. Сыновья Серой Куропатки тоже предлагали помощь, но колдун сказал: «Не надо! Это — Кровное Дело, Родовая Месть!»

В поход выступили не только люди, но и три странных волка, — Аймик до сих пор не мог привыкнуть вполне к тому, что эти звери живут с людьми и понимают человеческий язык, что их не следует убивать и не нужно бояться... Колдовство какое-то! Хайюрр обещал рассказать об этом побольше, но сейчас, конечно, не до того.

...На шестой день пошел густой липкий снег. Это была уже чужая земля, земля, которую пришельцы-Оленерогие, должно быть, считали своей, но это не так. Они пришли, а земля ничья!

Сыновья Сизой Горлицы не заботились о том, чтобы держать свою тропу в тайне. Это даже хорошо, если трупожоры узнают: идут мстители! Кровь за кровь!

Потому-то, столкнувшись с тремя охотниками-Оленерогими, по-видимому, проверившими силки, двоих убили, а третьему, бросившемуся в бега, не принимая боя, дали возможность скрыться: Хайюрр отвел руку Аймика, вскинувшего свой Разящий.

— Пусть знают: Одноухий идет!

Аймик смотрел на тела, чернеющие на окровавленном снегу ...Странные снегоступы! Какие-то длинные. Разве на таких можно ходить? Однако, удравший Оленерогий уже исчез в снежной завесе.

Стойбище Оленерогих открылось внезапно, зажатое с двух сторон высокими холмами, покрытыми кустарником и редколесьем. Смутно чернели островерхие хижинки, — напоминающие жилища детей Волка, только, пожалуй, повыше, и Оленеро-

гие, высыпавшие из них, уже образовали полукольцо, готовясь защищать свое обиталище.

— Хайрра-а-а! — закричал Хайюрр, потрясая копьём.

— Хайрра-а-а! — дружно подхватили его сородичи, и рык странных волков присоединился к их боевому кличу.

— Йяр-р-р-оу! — завопили в ответ Оленерогие.

А снег все падал и падал, и оседал на ресницах, мешая видеть...

Сыновья Сизой Горлицы остановились, не доходя до своих врагов на расстояние хорошего броска металкой. (Впрочем, при таком снегопаде дротик прицельно не метнешь, — подумал Аймик.) Остановились не из страха: видно, что мстителей гораздо больше, чем тех, кто собрался защищать свои дома. (Неужто у Оленерогих так мало мужчин? — недоумевал Аймик. — Пожалуй, еще меньше, чем в нашем стойбище...) Остановились потому, что так требовал обычай.

Началась перебранка.

— Зачем вы пришли? — кричали Оленерогие. — Убирайтесь назад!

— За вашей кровью! Пролитие крови сыновей Сизой Горлицы отдадут свою!

— Врете! Мы не проливали ничьей крови!

— САМИ ВРЕТЕ! — яростный голос Хайюрра перекрыл остальные голоса. На миг упала тишина. — Смотрите, трусы! — Он выступил вперед, откинул капюшон и волосы с правого виска. — Вы пытали Хайюрра, вы убивали Хайюрра ударами в спину, вы отрезали Хайюрру ухо, — а он жив! Хайюрр-Одноухий пришел, чтобы взять свое и ваше!

Проваливаясь в мягкий снег, к нему подбежал Серко и, обнажив клыки, зарычал на Оленерогих.

Те, справившись с замешательством, разразились криками:

— Колдуны! Колдуны! Мы не боимся Злых Духов в звериных шкурах!

Вперед выскочил какой-то человек в мохнатых развевающихся одеждах со странным плоским ба-

рабаном в левой руке и колотушкой в правой. Высоко вздымая колени, он принялся бегать вдоль строя своих соплеменников, напевая что-то тягучее, непонятное. Барабан издавал глухие угрожающие звуки.

(Колдун, — понял Аймик, — Злых духов отгоняет... Или, скорее, призывает: с нами-то никаких злых духов нет!)

— Труссы, бьющие в спину! Трупожоры! Где убийцы моего брата? Где тот, кто хранит мое ухо? Выходите лицом к лицу!

— Трупожоры! — вторили сыновья Сизой Горлицы своему предводителю. — Выходите! Мы не боимся вашего колдуна!

— Колдуны! Говноеды! — надрывались Оленерогие. — Мы наматываем ваши кишки на наши копья! Мы перебьем ваших Лесных Духов!

Первые дротики с недолетом зарылись в снег. Колдун Оленерогих скрылся за спинами, не переставая бить в свой плоский барабан. Несколько человек с лучками в руках выдвинулись вперед.

(Ага! Мой черед настал!)

По тому, как Оленерогие лучники держали свое оружие, Аймик понял: стреляют плохо. Неприцельно. Действительно, предназначенная ему стрела опасно ушла в снег на два шага левее, да и то на излете. Даже попади такая в него, — пожалуй, и малышку бы не пробила.

(Ну, а теперь, — погляди, как надо стрелять!)

Даже сквозь густой снег угадывалось, — противник Аймика совсем молод, безбород и безуз. Стрела вошла ему в левое плечо с такой силой, что опрокинула в сугроб. Незадачливый лучник жалобно закричал, не столько от боли, сколько от неожиданности.

— Хайрра-а-а! — сыновья Сизой Горлицы приветствовали меткий и сильный удар и двинулись вперед, одушевленные первой победой. Подхватив их клич, Аймик радостно устремился вместе с ними, высматривая нового врага. Но среди Оленерогих явное замешательство; лучники торопливо стреляют и пытаются укрыться за спинами... Кто же? ..Ага, вон тот пытался попасть в него или в соседа... Получай!

— Хайрра-а-а! — ПОБЕДА! И тут...

— ЙЯР-Р-Р-ОУ! — раздалось и слева, и справа, откуда-то сверху, словно из снеговых туч...

Аймик обернулся.

С высокого холма прямо на них мчались Оленерогие. С копьями наперевес, с невиданной скоростью, словно подхваченные снежным вихрем...

— ЙЯР-Р-Р-ОУ!

Аймик успел выпустить две стрелы и успел заметить, что одна нашла свою цель, когда эти Крылатые Духи, не теряя скорости, врезались в ряды сыновей Сизой Горлицы, смешались с ними...

...Страшный удар опрокинул Аймика на снег; снег, мокрый и кровавый, покрывал его лицо; лук невесть где, и рука, медленно, как во сне, тянется к поясу, за бесполезным кинжалом...

— ЙЯР-Р-Р-ОУ!

Сквозь густую кровавую пелену выступает оскаленная, нечеловеческая харя его убийцы...

(...где-то виденная прежде?..)

...и занесенная для последнего удара рука с дубинкой...

— Р-Р-Р-Р-АХГ!

Нечувствительно царапнув по лицу когтями, на нависшего над Аймиком врага метнулся яростный Серый Зверь. Он сбил врага с ног и вцепился в горло. Рычание и захлебывающийся крик смешались с нестерпимым запахом псины. И крови.

...И с нарастающей головной болью...

Бой закончился. Будь сыновей Сизой Горлицы не так много, будь они не столь уверены в своем праве мстить... и не будь у них таких помощников, как Серые, — и тогда неожиданный удар Оленерогих лыжников завершилась бы их победой! Но сейчас она привела только к лишней крови... а защитников стойбища и к лишним жертвам. Предводитель нападавших, — тот самый, что возглавлял погоню за Хайюрром и его братом и хранил их отрезанные уши, — не справившись с поворотом, налетел на Аймика и погиб от клыков Серко. Двое других сильных

напали на Хайюрра и оба нашли свою смерть от его копья. Остальные, видя гибель лучших, дрогнули и побежали к стойбищу.

Разгоряченные боем, потерявшие несколько человек во время внезапной атаки, сыновья Сизой Горлицы были готовы убивать и жечь, жечь и убивать, щадя лишь тех молодых, что станут их законной добычей. Чтобы от этого ненавистного стойбища остались одни головешки, да не погребенные трупы. Чтобы другим Оленерогим было неповадно...

Но уже бежали им навстречу женщины, и с воем закрывали собой тела павших, — убитых и раненых, и колдун уже стоял на коленях, бросив в снег свой плоский барабан и меховую остроконечную шапку-колпак и опустив голову для рокового удара, и старики во главе с их вождем протягивали навстречу победителям безоружные руки и кричали:

— Погодите! Не надо! Вы уже взяли кровь, — возьмите же выкуп и пощадите остальных!

И замедлялись шаги, и опускались копыта. Сыновья Сизой Горлицы еще выкрикивали угрозы, но уже было ясно: худшего не будет! Хайюрр, наступавший одним из первых, остановился, повернулся лицом к своим и поднял обе руки, призывая к молчанию. Затем обратился к старейшинам Оленерогих.

— Хорошо. Сыновьям Сизой Горлицы не нужна лишняя кровь. Но пусть Оленерогие прежде всего сложат оружие.

По знаку своего вождя, мужчины складывали у его ног копыта, дубинки, кинжалы, несколько коротких луков и пучков стрел. Безоружные опускались на корточки и ждали.

— Все? — спросил Хайюрр.

— Все, Одноухий! — вздохнул старый вождь Оленерогих.

— Тогда слушайте. Лишняя кровь сыновьям Сизой Горлицы не нужна. Но мы не можем вернуться не отомстив тем, кто пролил кровь моего брата. И мою. Трое мертвы, я знаю. Но если двое оставшихся еще среди живых, — они должны быть выданы нам.

— Одноухий — великий воин! Своего четвертого

врага он сразил еще там, на Плохой Земле. Он давно погребен. А пятый...

Какая-то пожилая женщина внезапно бросилась к одному из сидящих на корточках, вытащила его и, оттолкнув своего вождя, повалилась вместе с со своим пленником в ноги Хайюрру.

— Могучий! Бесстрашный! Великий! — голосила она, — вот он, пятый! Мой сын! Но он не проливал вашу кровь, не проливал! Взгляни: он еще мальчик! Мужчины взяли его с собой учить. И потом смеялись: никого не схватил, никого не убил, только свой лоб под камень подставил! Великий, пощади! Все возьми, дочь возьми, она маленькая, вырастит — хорошей женой будет! Убей меня, старую, только пощади сына!

Хайюрр опустил глаза. Действительно, мальчишка... тот самый; Сингор тогда удачно ему в лоб зажег, как не помнить! Сжавшись от ужаса и боли, он смотрел снизу вверх огромными блестящими глазами. Трясутся губы, трясется правая рука, поддерживающая левую, окровавленную... Да это тот самый лучник, которому досталась первая стрела Аймика!

Хайюрр бросил через плечо:

— Что скажете, сородичи?

— Убить... Смотри сам... Да ну его!.. Прикончить, и дело с концом! — раздавались голоса. Заключил старый охотник из соседней общины, женатый на сестре Малуты.

— Хайюрр! Нас там с вами не было. Твой брат, — тебе решать!

Полюбовавшись какое-то время своей жертвой, Хайюрр кивнул его матери.

— Хорошо. Забирай, лечи. О выкупе еще поговорим.

Конечно, слишком превозносить «первобытное миролюбие», вероятно, не стоит. Это значит впасть в другую крайность — не более справедливую,

чем ходячие некогда представления о «дикарской жестокости». По крайней мере, те же австралийцы воевали «по правилам» лишь со своими близкими соседями. Но знали они и другую войну, для которой вообще не требовалось иного повода, кроме «жажды крови». В таких случаях отряд скрытно выступал за 50—150 миль, в местность, где кочевало совершенно незнакомое племя. Ночью подбирались к спящим, убивали во сне мужчин и детей, а женщин — потом, после всяческих жестокостей. Подобные набеги совершались не ради грабежа и не для захвата новых территорий, а исключительно из «жажды крови», иными словами — ради удовольствия. А ведь австралийские аборигены никогда не считались особо кровожадными и жестокими, в отличие, например, от значительной части коренного населения Меланезии!

Однако есть некоторые основания думать, что и в данном случае не все так просто. Скорее всего, нападения подобного рода представляли собой действия тайных мужских союзов, в основе которых лежала черная магия. К сожалению, этот материал всегда был наиболее трудно доступен этнографам, ибо даже при самом лучшем отношении к приезжему европейцу австралиец никогда не стал бы выдавать ему суть магических обрядов своего первобытного тайного «ордена». Поэтому здесь ученым приходится, в значительной части, довольствоваться слухами и обрывками информации, полученной от «непосвященных». Поэтому уделом как исследователя, так и литератора, пытающегося создать художественную реконструкцию минувших эпох, в данном случае остаются догадки:

...Есть такие, — жаждущие крови, совершающие тайные вылазки и тщательно хранящие от посторонних глаз свои кровавые трофеи: скальпы, отрезанные уши, пальцы... Своих знают только они сами; членом этого зловещего союза может оказаться и твой хороший знакомый, на которого ты, непосвященный, и не подумал бы. Обычно жаждущие крови

ищут свои жертвы подальше от родных мест, но сейчас, когда две общины детей Мамонта уже почти вне Закона... Лучше не рисковать!..

Подводя итог, можно сказать следующее. В настоящий момент многие источники свидетельствуют о том, что настоящие войны древности начались лишь с освоением земледелия и скотоводства — когда население Земли заметно увеличилось, а его имущественное неравенство стало более явным. По археологическим данным, это происходит при переходе от финального палеолита к неолиту. Именно тогда военные конфликты резко учащаются, становятся более продолжительными и жестокими.

КТО И КАК РУКОВОДИЛ ОХОТНИКАМИ НА МАМОНТОВ?

Остается рассмотреть еще один вопрос: кто же (и как?) руководил различными сторонами жизни этих необычных племен и народностей? Нам уже приходилось говорить, насколько значимой фигурой в жизни архаических обществ являлся колдун. Говорили мы и о том, какую огромную роль играла в ту пору коллективная память — мифы, традиции, неписанные законы... Но ведь нужно было как-то регулировать и повседневную жизнь — день за днем, час за часом. Как это осуществлялось? И как же решались спорные вопросы внутри самого рода — не говоря уж о спорах или договорах между разными общинами? Ведь даже сейчас, при конституционном строе, — все равно трактовка отдельных законов и их применение вызывают подчас очень серьезные разногласия. Что ж говорить об обществах, которые жили по «неписанным» законам!

Первобытная демократия. В знаменитой книге Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в конце раздела, посвященного ирокезскому роду, имеется один весьма примечательный пассаж. Эту цитату стоит привести без изъятий.

«И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! — восклицает автор. — Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются — родом или племенем, или отдельными родами между собой; лишь, как самое крайнее, редко применяемое средство, грозит кровная месть, и наша смертная казнь является только ее цивилизованной формой, которой присущи как положительные, так и отрицательные стороны цивилизации. Хотя общих дел гораздо больше, чем в настоящее время, — домашнее хозяйство ведется рядом семейств сообща и на коммунистических началах, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам, — тем не менее нет и следа нашего раздутого и сложного аппарата управления. Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, в том числе и женщины. Рабов еще не существует, нет, как правило, и порабощения чужих племен...»¹

Сейчас ученые знают об архаических обществах несравненно больше, чем во второй половине XIX века. И давно уже стало ясно: столь «эмоциональные» выводы из наблюдений Л. Г. Моргана над строем жизни индейцев-ирокезов явно преувеличивают достоинства родового управления. Жизнь первобытных людей предстает тут в явно искаженном виде. Но, с другой стороны, это вполне понятно!

¹ Прошу прощения у читателя за длинные цитаты. Я ничего не сокращал, дабы не быть обвиненным в искажении мыслей одного из основоположников марксизма.

Ведь Ф. Энгельс являлся одним из создателей очередной утопии о грядущем «золотом веке». Не мог же он не мечтать о том, чтобы увидеть вживе хотя бы тень, хотя бы прообраз грядущего «коммунистического рая»!

Действительность была, вероятно, в чем-то сложнее, а в чем-то проще — но уж, во всяком случае, она была не столь идиллической. Да, при родовом строе не было ни полиции, ни королей — что правда, то правда. А вот что касается судов и смертной казни, якобы сводившейся к кровной мести — тут уж... извините! Суд — в той или иной форме — есть явление, присущее любым человеческим сообществам (а по некоторым данным, и не только человеческим!). И смертная казнь была у архаичных народов гораздо распространеннее и «разнообразнее», чем думал Ф. Энгельс. В некоторых случаях колдун мог просто сказать осужденному: «Умрешь завтра!» — и тот покорно умирал. Но осужденного (а чаще пленного врага) могли подвергнуть и самым изощренным пыткам. Все зависело от конкретных обстоятельств, далеко не всегда понятных «цивилизованным» наблюдателям, по той или иной причине соприкасавшимся с жизнью «дикарей».

Забота о престарелых и калеках? Да, было и это. Когда как... Порой престарелых и грудных младенцев попросту убивали: уносили подальше от стойбища и бросали, обрекая на съедение зверям или на голодную смерть. И надо понять: в основе всего этого лежало отнюдь не «зверство». Просто в некоторые периоды немощные и беспомощные становились для общины совершенно непосильной обузой. Ведь, к сожалению, экономика «первобытного коллективизма» носила экстенсивный характер. Она не позволяла накапливать богатств — запасов, которые позволили бы обеспечить выживание рода надолго вперед!

Кстати, обычай избавляться от лишних ртов упомянутым образом просуществовал в Северной Европе до самого конца «чудесного» родового строя! К примеру, еще в X—XI вв. н. э. — накануне принятия

нашими предками христианства — глава общины имел полное право решать, будет ли жить новорожденный или умрет? Если он заявлял, что еще одного ребенка прокормить будет трудно, младенца без лишних сантиментов «выносили» в пустынное место и оставляли там. И это даже не считалось убийством — ведь «официально» новорожденный становился человеком и членом рода только после определенных обрядов.

Ф. Энгельс был прав в другом: в архаических обществах «нет и следа» современного чиновничьего аппарата! Однако утверждать при этом, что у них «общих дел гораздо больше, чем в настоящее время», было бы, по меньшей мере, наивно. «Тут уж он явно хватил через край» — это, кстати, слова самого Энгельса, только сказаны они в иной работе и в совсем другой адрес. Да, жизнь охотников на мамонтов была несравненно сложнее жизни австралийцев или огнеземельцев, но и она не идет ни в какое сравнение с жизнью обществ, в которых впервые возник настоящий управленческий аппарат — то есть, первых государств, древнейших цивилизаций. Конечно, на деле *общественная жизнь* таких древних государств была намного интенсивнее и богаче, чем первобытная! В сущности, затем и потребовалось обособление целого класса чиновников, что руководить «общими делами» со временем становилось все сложнее — потребовались профессионалы!

В архаичном же обществе повседневная жизнь (по крайней мере, при отсутствии чрезвычайных обстоятельств) действительно как бы «самоорганизовывалась». Решения принимались на основе неписаной традиции, причем зачастую даже не на уровне общины, а на уровне отдельной семьи¹. Что касается семьи как таковой — то для нее во все времена был характерен скорее «патриархально-авторитарный», чем «демократический» режим. Во вся-

¹ Как показали последующие исследования, во времена Моргана-Энгельса значение пресловутого «первобытного коллективизма» в традиционных обществах было заметно преувеличено, а роль семьи, в свою очередь, преуменьшена. — *Прим. авт.*

ком случае, так было в повседневных, обыденных обстоятельствах.

Еще больше «хватил через край» классик марксизма, указывая на женское равноправие, якобы существовавшее в родовом обществе! Возможно, женщины рода ирокезов и впрямь присутствовали при выборах сахема или военного вождя — но вот о женщинах-вождях первобытных племен мне довелось читать разве что в романах Дж. М. Ауэл да в нескольких детских книжках советского времени.

Сразу скажу: нет правил без исключений! Известно, например, что на острове Тасмания во время безнадежной войны с колонизаторами «отряды мстителей» иногда возглавляли именно женщины. Но ведь это имело место в годину национальной трагедии, когда большинство мужчин-тасманийцев уже было истреблено! Нестандартные ситуации нередко диктуют нестандартные решения. С тем же успехом мы можем привести в качестве примеров женщин-вождей Жанну д'Арк, беглую монашку Алену, ставшую атаманом в войске Стеньки Разина, или знаменитую «старостиху Василису», командовавшую партизанским отрядом во время войны с Наполеоном в 1812 году! Все это исторические факты, но, согласитесь, ни о каком «женском равноправии» в средневековой Франции или в крепостнической России XVII—XIX веков они не свидетельствуют.

Нет, феминизм, борьба за «права женщины» — все это достижения исключительно современной цивилизации. А во времена охотников на мамонтов «неравноправие» полов являлось чем-то само собой разумеющимся. Мужчины, к примеру, рожать не умели, да так до конца и не научились. Я уже писал о том, что важнейшая религиозно-обрядовая сфера жизни охотников была для женщин абсолютно запретной. Возможно, для материалиста Ф. Энгельса такого рода «мелочи» не имели сколько-нибудь существенного значения. Но задумаемся о чисто «материальной» стороне вопроса: о естественном разделении труда! Оно прослеживается во всех архаических (и не только архаических) обществах: удел мужчины — охота

и война, удел женщины — собирательство и домашнее хозяйство. В архаических обществах такое положение дел никому не казалось унижительным. И самим женщинам тоже.

Что же касается женского участия в так называемой «общественной жизни» — то, думается, здесь все зависело от конкретных культурных традиций. Кое-где они и в выборах сахема могли участвовать — хотя сильно подозреваю, что подлинное избрание совершалось раньше и значительно более узким кругом лиц. А в других архаических обществах женщин и к мужскому обеденному столу не допускали... Но все это, так сказать, «фасадная» сторона. А на практике во всех культурах мира женщины участвовали во всех интересующих их сторонах общественной жизни куда активнее, чем это могло бы показаться со стороны. Приведу маленький эпизод из романа «Тропа длиною в жизнь», который выглядит тут, на мой взгляд, довольно информативным:

...В общине Тилома вновь появились сыновья Тигрольва. Трое. С просительными дарами. Похудевшие, — Армер не сразу узнал старшего брата Нагу, некогда крепкого и сильного мужчину, — так он спал с лица. Теперь прозвище «Крепыш» никак не подходило этому изможденному, одряхлевшему человеку!

«Великий вождь детей Волка! — без обиняков заговорил он. — Род наш молит о помощи! К вам духи благосклонны, а на нас совсем разгневались! Чем только ни пытались их умилоствить, — ничто не помогает! Не знаем, как теперь и быть!»

«Какая же беда стряслась с великим Родом детей Тигрольва?»

«Беда? Беды, несчастья, одно за другим! Дичь куда-то пропала; половина припасов сгнила; всю зиму голодали. Огненная Девка появилась и не уходит. Мрут мужчины, женщины мрут, а детей — так и вовсе не осталось. Не только у нас, в соседних общинах тоже... Совсем пропадаем!»

Дело нештучное. В таких случаях помощь мо-

жет быть опасна для тех, кто ее оказывает: духи своенравны, духи капризны...

«Такое главный охотник решать не властен. — осторожно ответил Тилом. — Это колдунское дело».

Армер сидел тут же, рядом с вождем. То, что духи разгневаны на детей Тигрольва, для него не было новостью. Но как сильно разгневаны? И за что? Свои расспросы он начал издала.

«Что же говорит колдун детей Тигрольва? Он мудр и мозуч».

«Наш колдун пытался призвать своих духов-покровителей, пытался добраться до наших Предков. Но не вернулся. Теперь он сам ушел к предкам».

«Почему же сыновья Тигрольва не обратились к колдуну детей Ледяной Лисицы? Ведь между вашими Родами давний союз».

Крепыш ответил не сразу, через силу:

«Обращались... Он... тоже не вернулся! Теперь дети Ледяной Лисицы во всем винят нас!»

— Ты знаешь, что означает: «Колдун не вернулся»? — спросил Армер у Аймика.

— Смутно...

— Это значит: духи-помощники оставили его, или оказались слишком слабы. И враждебные силы захватили его душу. Тело такого колдуна лежит неподвижно, не мертвое, но и не живое. А душа... ей не позавидуешь! Впрочем, иногда ее можно отвоевать. Колдун Ледяной Лисицы, видимо, попытался это сделать, да только сам пропал. Вот тут-то я и понял: дело совсем плохое! Духи очень сильно разгневаны, и обращаться к ним с этим очень опасно! И я стал спрашивать о том, из-за чего обрушился на их Род столь страшный гнев духов и Предков? ...Ох, как не хотели они говорить, как не хотели! Но я-то не сомневался: знают! Просите помощи — так говорите! И твой старший брат в конце концов мне все рассказал. Так я узнал о том, что они сотворили с Атой.

Аймик стиснул свои истертые зубы так, что правую скулу свела острая боль. Тот проклятый день

возродился в его памяти с такой силой, будто это было вчера. Армер, словно не замечая его состояния, продолжал:

— Знаешь, почему это все произошло? Из-за старшей: жены твоего отца, матери твоих братьев.

— Койра?!

— Да... если это ее имя. Конечно, она не сама предложила; у вас ведь женщины не вмешиваются в мужские дела. Через сына нашептала... не того... второго...

— Пейяган?!

— Может, и Пейяган, мы ведь ваших мужских имен знать не должны. А прозвище у него было...

— Не одно прозвище, много. Лучшее — «Змеиный язык».

— Именно. Так вот, после встречи с тобой он еле-еле до стойбища дотащился. Убитых, конечно, там оставил, на месте; с одной рукой двух мертвяков не дотащить... Что уж он твоим сородичам наплел, — не знаю. Но когда за мертвяками пришли, — над теми уже лисицы поработали. То ли не прихоронил на месте, как должно, то ли... духи вмешались. Убить его тогда хотели. Или изгнать. Да выкрутился.

— Пейяган всегда выкручивался...

(...с помощью Койры. Теперь-то он понимает, какая это была хитрая тварь, какую силу имела в делах общины и Рода. Через отца, понятное дело...).

— Все до поры... Вначале твои сородичи испугались, что вы с Атой к нам пришли, что война начнется. Вот и снарядили посланников якобы за невестами. А убедились, что вас здесь нет, — и успокоились. Только вскоре несчастья начались, да какие! И у твоих сородичей, и у детей Ледяной Лисицы. ...Вот тут-то удача окончательно покинула твоего среднего брата. Колдун ваш сразу поведал, за что такая кара обрушилась... да люди и без того догадывались; все же сотворить такое... Ну, ты сам знаешь, что бывает за это.

Аймик молча кивнул. В жертву духам должен быть принесен тот, кто разгневал духов. И чем дольше, чем мучительнее его смерть, тем действительнее

нее жертвоприношение. Что-то похожее на жалость шевельнулось в его душе.

— Так значит, Пейяган...

— Нет. Его бы ничто не спасло в этот раз, если бы не мать. Она чужая, что сыну грозит опасность, и решила подслушать Мужской Совет. И когда услышала... бросилась в ноги колдуну и вождю и созналась, что это она подсказала Пейягану... насчет Аты. Так оно было, нет ли, — никто теперь не узнает... Видно, крепко любила она этого вашего... Да только для него же все еще хуже вышло!..

Аймик содрогнулся. Он уже понял...

— Пейяган не возражал, — видно, его змеиный язык отнялся. А по вашим обычаям, — сам знаешь, кто должен приносить такую жертву духам!

Аймик снова кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Один из ближайших... на ком лежит часть вины, хотя бы невольной...

— Змеиный Язык сделал все, как должно по вашим обычаям. Крепыш сказал: все началось на рассвете, а закончилось глубокой ночью... и он зажимал уши, хотя и не должен был этого делать. И когда все кончилось, духи отняли у Пейягана разум, но жертвы не приняли. Крепыш сказал: должно быть, мать обманула нас; это сам Пейяган придумал. Да ведь безумца не принесешь в жертву: духи только туще расщипуют!

Аймик был потрясен услышанным. ТАКОГО он бы не пожелал даже Пейягану...

Вождь и коллектив. Коренной особенностью социальной жизни архаических социумов являлось то, что она была гораздо больше похожа на семейную, чем на привычную для нас «государственную» жизнь. Да, в общественной жизни архаических социумов коллективные обсуждения важных вопросов играли большую роль. Но реальную жизнь, ее успехи и неудачи, определял вовсе не принцип «большинство всегда право!», а нечто совсем другое. Если в данном социуме имелось сплоченное ядро

действительно мудрых и опытных членов рода, чей авторитет был значим для большинства, то и решения принимались взвешенно. Когда же такое ядро было слабым, верх невольно одерживали самые голосистые, и жизнь шла наперекосяк. Конечно, фигура вождя играла здесь не последнюю роль, тем большую, что власть его зиждилась отнюдь не на внешней силе, а на моральном авторитете и традиции. Хотя тот же Ф. Энгельс был склонен заметно преуменьшать значение этой фигуры в родовом обществе — в пользу пресловутого «коллективного мнения».

«Род имеет совет, — писал он, — демократическое собрание всех взрослых членов рода, мужчин и женщин, обладавших равным правом голоса. Этот совет выбирал и смещал сахемов и военных вождей, а также и остальных «блюстителей веры»; он выносил постановления о выкупе (вергельде) или кровной мести за убитых членов рода; он принимал посторонних в состав рода. Одним словом, он был верховной властью в роде».

Но если представить, что верховная власть такого типа действует *постоянно*, а фигура сахема чисто *номинальна* — то едва ли такое общество даже в мирное время смогло бы выжить хоть сколько-нибудь долго! А уж в военную пору его разгром был бы совершенно неминуем!

Да, разумеется, в архаических обществах были советы, причем — советы различных уровней. В романе Олега Микулова «Закон крови» описывается особый, так называемый Большой совет, включавший представителей нескольких родов. Собирается он по совершенно исключительному поводу. Ведь нарушение закона крови, или экзогамии, воспринималось людьми того времени как мировая катастрофа. И вот прошло совсем немного времени, и совершенное преступление навлекло на людей уже новые несчастья (по крайней мере, именно так считали сами охотники!). Поэтому требовалось решить, что же делать с детьми Мамонта — сородичами казненного преступника.

...На Поляне празднеств вновь многолюдно. Но не для веселья собрались здесь люди из всех окрестных общин, — на Большой Совет.

На Большой Совет собирают не всех. Детей и женщин здесь нет и быть не может; но и взрослые мужчины — не все; только старейшие члены общины или более молодые, но известные, прославленные охотники. Пришедшие сидят группами, по родам и общинам, образуя большой круг. Все — в парадных одеждах и при церемониальном оружии, но раскраска не боевая; на лицах — только Родовые знаки. Горит костер в центре круга, — все группы внесли в него свою толику, — и дровами, и Сухой кровью, дабы показать духам: здесь равные собрались, чтобы вместе принять трудное решение; дабы призвать духов на помощь.

Круг не замкнут; открыт к Большой воде. В центре — Рам и его люди. Дети Куницы, созвавшие этот Совет, не имеют в этих краях сородичей; все другие, принадлежащие их Роду, живут где-то на Юге. Но, — это негласно признается всеми, — их колдун, несмотря на молодость, пожалуй, самый опытный в тех делах, в которых предстоит разобраться. Значит, их слово будет веским; быть может, — самым веским. Правый полукруг от детей Куницы составляет общины детей Серой Совы: ближе люди Нерта, дальше Гарт со своим «мудрым Узуном» и лучшими охотниками, следом за ними — две общины, живущие на Севере, через два лога от общины Гарта, своей, обособленной жизнью. По левую руку от детей Куницы — три общины детей Мамонта: люди Арго, люди Кано и давным-давно отделившиеся северяне. Они очень редко бывают в этих краях на общих празднествах; даже свадьбы у них — свои, с соседями-Совами. Но сейчас — пришли.

Первым заговорил Рам.

— Великие бедствия обрушились на всех нас, на наши три Рода, на весь Мир! Предки отворачиваются от нас, духи не хотят помочь! Что мы можем, что должны сделать, дабы умилостивить их? В чем наша вина? Каково ее искупление? Если мы не найдем

ответ, — гибель грозит всем. Не нам одним; всему Миру. В этот раз Предки сжалились над нами и солнце вернулось. Но оно может и навсегда закрыться, и эта серая грязь может падать до тех пор, пока не покроет все. Тогда поздно будет думать, поздно каяться. Решать нужно сейчас. Но прежде всего пусть поочередно выскажутся все.

Рам приглашающим жестом протянул правую руку.

(Это хорошо! Это значит: нам, детям Мамонта, говорить последними! Что ж, великий вождь детей Куницы, — спасибо!)

Первым поднялся Нерт.

— В нашей общине еще нет своего колдуна; колдун детей Куницы, наших соседей, пользует нас. Хорошо пользует, спасибо ему. Происходящее — дела колдунские, но и мне, охотнику, есть что сказать.

Он обвел взглядом Арго и его людей и продолжил:

— Не бывает так, чтобы беды пришли ни с того ни с сего. Да еще какие! Нежить появилась. Мы первые от нее пострадали, но только ли мы одни? И на что могли так сильно разгневаться наши Предки, что и солнце скрыли среди дня, и летом нетаящий снег послали? ...Ответ, — вот он!

Нерт протянул руку, указывая на детей Мамонта.

— Никто из нас не сталкивался с нежитью, — до сих пор! Никто и слыхом не слыхивал о долгой ночи и летнем сером снеге! ...Ну, а нарушения Закона Крови помнит кто-нибудь?! Нет. Никто. Вот и ответ. Вот они, виновные в гневе Предков! Те, кто впустил в наш мир всякую пакость! ...Посмотрите: у нас двое детей задохнулись от этой серой пыли! У нас женщина который день после долгой ночи проснуться не может! А у них — ни одной смерти; охотники издали вернулись, и даже ребенок родился! Почему? Пусть скажут!

Нерт резко сел на место, — злой, непримиримый, ненавидящий...

Настала очередь общины Гарта. Вождь был немногословен.

— Нерт, мой великий собрат, сказал: «Происходящее — дело колдунское!» Наш колдун, мудрый Узун, до сих пор таил от меня волю духов. Пусть возвестит ее сейчас.

Похоже, Узун долго готовился к своему выступлению. Было надувание щек, было вращание глазами. Затем руки медленно вознеслись к небу, едва не задев венчающие его главы олени рога (Узун на этот раз выступал в шкуре северного оленя), — и началось громогласное вещание!

— Узун видел все, все понимал! И тогда, на свадьбах знал: неладное дело! И духи Узуну говорили: «Смотри, колдун, беда будет!» Но Узун не слушали; говорили: «Ученик Хорфу — великий колдун! Все знает, все умеет!»...

Кто пострадал больше всех? Дети Серой Совы! Наш великий брат, вождь Нерт сказал уже... Только наша община еще раньше пострадала; самой первой! Два охотника погибли; какие охотники были! От них, от сыновей Мамонта!

И потом, — что было бы, если бы не Узун? Кто бы поймал кровосмесителя? Узун навел погоню на след; Узун дал своим охотникам великие талисманы! А Колдун детей Мамонта спасти врага пытался; говорил: «Он не виноват, наш лучший охотник! Другого нужно искать!»

Вот и судите: кто виноват во всем? Почему у всех горе, а у детей Мамонта — радость: у сына вождя родилась дочь? Правильно великий Нерт говорит: виновные — вот они, налицо!

Спрашивал я своих духов: «Что делать? Как жить будем?» Духи ответили: «Живите, как жили; мы можем. Только — чтобы детей Мамонта с вами не было! Они во всем виноваты!»

Рам поднял правую руку: вопрос.

— Правильно ли я понял мудрого Узуну: все дети Мамонта должны покинуть наши края?

— Да. Все.

Глухой ропот пробежал по всему кругу. Колдун улыбнулся; не губами — про себя. (Ах, Узун, Узун! До чего же ты глуп! Ты решил сыграть на страхах, на

предрассудках, на том, что тебе кажется уже совершенно ясным, — а главного и не понял: да ведь в ваших общинах почти все хозяйки очага — дочери Мамонта! Что же, ты все семьи свои порушишь хочешь?! А позволяют ли тебе это сделать твои же сородичи? Да и дети Куницы, — что скажут? ..Дурак ты, дурак; воистину, — соскучились по тебе «твои духи»!)

Разом заговорили Серые Совы из обеих северных общин, и Рам вынужден был скрестить руки: «Стойте! Договоритесь!»

Они совещались недолго; видимо, только об одном: кому говорить? Выступил длиннородый; в небрежно накинутаой поверх одежды волчьей шкуре; не молодой, и не старый; по-видимому, колдун.

— Наши соседи, дети Мамонта, не были на ваших весенних свадьбах; о случившемся они узнали только от второго горевестника. Как и мы, дети Серой Совы. Наши соседи пострадали больше нас; колдун детей Куницы об этом знает. Я тоже колдун, и тоже расспрашивал духов о случившемся... По-видимому, с разными духами мы говорим, — я и мудрый Узун! Мы не дадим в обиду ни наших жен, дочерей Мамонта, ни наших соседей! Если у мудрого Узун достаточна силы, — пусть попробует нас прогнать!.. А мы — посмотрим!

(Роптали уже и за спиной Узун; Айон, сын Гарта, решительно теребил за плечо своего отца...)

Наступила очередь детей Мамонта, — тех, что живут выше по течению Большой воды. Арго внимательно слушал своих северных сородичей: что скажут те, чьи имена он — и то не помнит?

Они даже не смотрели в сторону Арго и Кано; о своем говорили.

— Великий вождь детей Куницы! Собратья! Один из колдунов детей Серой Совы хочет выгнать нас из этого мира. Он уверяет: такова воля Предков! ..А так ли это? Дети Серой Совы, в чем виноваты мы перед вами?! В нашей общине никто не нарушил Закона крови; мы и на свадьбах-то ваших не были; свои у себя справляли. Вы говорите: «Пострадали дети

Серой Совы, а дети Мамонта ни при чем». А мы как же? Три смерти в нашей общине, и одна, — странная смерть! Колдун детей Куницы побывал у нас, сказал, — от Нежити! Что же, — против самих себя мы ее приманили, что ли? ..В другом беда наша: не очень-то мы к вашим вестям о нежити прислушались, а наступила долгая ночь, — и вовсе забыли о защите... Сами и поплатились! ..И не пойдём мы никуда, — если, конечно, соседи наши, Серые Совы, гнать нас не примутся!..

(Ропот все усиливается; и люди Гарта говорят почти вслух; а людей Рама их колдун с трудом успокаивает...)

Кано. Четко, внятно...

— Мы — дети Мамонта! Вредили кому-нибудь?.. НЕТ! Врага призывали? НЕТ! Пострадали от того, что случилось? Да, пострадали! ..И хорошо еще, — не было у нас странных смертей! Не было!.. Мудрый Узун говорит, что мы должны уйти? Уйдем! Готовы! ...Но как быть с нашими дочерьми? С теми, кого охотники — Серые Совы и Куницы — в жены себе взяли? Бросить? Убить? Сыновья Серой Совы, готовы изгнать своих жен, не так ли? Так пусть скажут, здесь и сейчас! И пусть женам своим объявят: «Ты, мол, больше и не моя жена вовсе!.. Великий Узун так решил!» А мы, — что ж! — мы своих не бросим!

Узун не выдержал; вскочил не в очередь:

— Не говорил Узун обо всех детях Мамонта; Узун говорил...

Но уже со всех сторон поднимались возмущенные люди: внеочередным словом оскорбляли всех и каждого! Гарт решительно, за плечи посадил своего колдуна на место. Было заметно: вождь детей Серой Совы тоже возмущен. И ему стыдно.

Настал черед Арго.

— Гарт, великий вождь детей Серой Совы, сосед наш, говорить не захотел; своему колдуну дал слово. Пусть и наш Колдун слово свое скажет. Но и я — не промолчу ...Сказали: «Люди Арго во всем виноваты! Они Закон крови нарушили, они нежить вызвали, они долгую ночь устроили, всем навредили, а сами не

пострадали» ...Так?! А знает ли Нерт, великий вождь детей Серой Совы, что это такое, — дочь свою потерять? Так, как я, вождь детей Мамонта, потерял Айрис, свою младшую?! Кому же первый удар был нанесен, — Гарту, Нерту или нам, детям Мамонта? И кто врага захватил? Послушать мудрого Узунa, — так можно подумать: там только люди Гарта и были, а наши — под кустиком отлеживались! Так ли?! Но пусть об этом наш Колдун скажет; ведь если бы не его совет, — ушел бы враг! И — как знать? — что тогда было бы со всеми нами?

Поднялся Колдун. Долго разглядывал своего собрата; наконец спросил:

— Мудрый Узун рассказал о «великих талисманах», которые помогли поймать нашего врага. Быть может, он покажет их нам? И объяснит, почему погиб сын Серой Совы, на чью шею великий Узун собственноручно возложил свой талисман?

«Мудрый Узун» проворчал:

— Талисманы детей Серой Совы — тайна! А почему погиб храбрый Анук, — лучше знать вам, детям Мамонта!

— Что ж, — я и не ждал, что мой мудрый брат поделится своей тайной... Но на общего врага наши охотники и шли вместе, рука об руку! И где же был схвачен лишенный имени? Если мудрый Узун запомнил, — быть может, Гарт, великий вождь детей Серой Совы подскажет, — кто посоветовал искать врага в Проклятой ложбине?

Вызов брошен. Но Узун вновь опередил своего вождя. (Что происходит?! Почему Гарт позволяет такое?)

— Колдун детей Мамонта, ученик великого Хорру! Ты забыл свои слова о главном враге, скрывающемся в Проклятой ложбине? Да, кровосмеситель был выдан и казнен. А кто вредит нам сейчас? И помогает людям из общины Арго? Не тот ли, кого не дал схватить ты, могучий Колдун? ..Кому служит он, ученик великого Хорру? Да и тот, кого казнили... Не будет ли отрицать Колдун детей Мамонта, что он заранее знал о его замыслах? И почему-то не предотвратил их; никому ничего не сказал?

Поднялся Гарт.

— Я, вождь детей Серой Совы, подтверждаю: именно Колдун детей Мамонта дал совет нашим охотникам искать врага в Проклятой ложбине. Подтверждаю и другое: он сам говорил на Суде, что нарушивший Закон крови признался в своих замыслах, но хотел их отворотить, и просил своего Колдуна о помощи. В помощи ему было отказано.

Нерт проворчал, не вставая с места:

— Я же говорю: все от них!

Круг замкнулся. Вновь заговорил Рам, вождь детей Куницы:

— Труден наш выбор, тяжкое решение предстоит нам принять! Много лет знаю я Арго, великого вождя детей Мамонта. Слова худого не слышал о нем; всегда уважал. И не след забывать: не одних детей Серой Совы горе постигло; первый, страшный удар был нанесен ему, вождю детей Мамонта. Но и о другом не забудешь: через них пришла беда в наш мир! Да, все было сделано, как должно, — и в срок, — но, по-видимому, Предков это не смягчило. Велик их гнев! Почему? Не нам судить об этом; мы можем лишь подумать о том, как его утишить!

Он помолчал и затем решительно сказал:

— Не хочу судить о том, как именно случилось то, что случилось. Все знают: беду можно накликасть и без умысла. Но в любом случае искупить вину, — вольную, нет ли, — должны те, через кого беда к нам явилась... Как? Пусть скажет об этом наш колдун. Он, хотя и не стар, но опытен и мозуч.

Колдун-Куница печально посмотрел на седовласого старика, как бы отрешенного от всех и вся, — даже от своего соседа, вождя Арго.

— Все так. Колдун детей Куницы глубоко чтит своего старшего собрата, — Колдуна детей Мамонта. Звучавшие здесь наветы лживы; от них воняет, как от дохлятины... Но свершившееся — свершилось, и тем, через кого Зло вошло в этот Мир, предстоит тягостная тропя искупления... Я говорил с духами; их ответ ясен: «Породившие того, кто осмелился нарушить Закон крови, должны покинуть эти мес-

та, чтобы отвести отсюда вызванное ими Зло». ...Но даже это само по себе не восстановит нарушенного равновесия: тем, кто останется, могут грозить горшие беды... если, несмотря на все, что случилось, они вновь решат призвать Зло! Об этом никому нельзя забывать, — ни нам, детям Куницы, ни вам, детям Серой Совы.

Не отводя глаз от согбенной фигуры, Куница добавил:

— Мой старший брат наверняка тоже обращался к духам и Предкам. Не хочет ли он поведать услышанное?

Послышалось хихиканье. Узун что-то зашептал в самое ухо своему вождю. Лицо Гарта оставалось бесстрастным.

Колдун детей Мамонта тяжело поднялся, с трудом распрямляя спину.

— Мой могучий брат прав. В эту ночь я услышал от духов то же, что и он: детям Мамонта, общине нашей, тяжкий путь предстоит. И чем он завершится, — еще неизвестно... Только об остающихся я ничего не слышал.

Колдун взглянул на Узуну. Похоже, для того сказанное явилось полной неожиданностью; даже рот открыл. (А ты что думал? Всем колдунам, как и тебе, духи «сообщают» только то, что приятно и выгодно?)

— Мы уйдем. Но сейчас другое решить нужно: как быть с нашими сестрами, женами сыновей Серой Совы и Куницы? Будут ли они вами изгнаны, — как советует мудрый Узун? И как вы поступите с общиной Кано? Они наши сородичи, но Закон крови нарушен не ими.

Одновременно поднялись сыновья Серой Совы обеих северных общин. Тот же длиннобородый колдун вновь сказал за всех:

— Дальнейшее нас не касается. Наши жены останутся в наших жилищах; наши соседи — дети Мамонта, — останутся нашими соседями... Если того пожелают. Вмешиваться в наши дела не советую никому... даже «мудрому Узуну!» Лонг, колдун и вождь детей Серой Совы, сказал последнее слово!

И, почтительно обратившись к тем, кого он так решительно защищал, спросил:

— Уходят ли с нами наши соседи, дети Мамонта? Или, быть может, у них еще остались дела на Большом Совете?

Те молча поднялись, и их вождь, худощавый мужчина, крепкий, густоволосый, бросил на прощание:

— Передайте нашим сестрам: если их мужья все же решат себя навеки опозорить и бросить своих жен колдунского страха ради, — в нашем стойбище для дочерей Мамонта всегда найдутся кров и еда. Найдутся и мужья, — у наших соседей.

Северяне ушли, не оглядываясь. Среди оставшихся поднялся возмущенный шум; роптали на Узуну, из-за неосторожных слов которого мужчины общины Гарта получили заслуженное оскорбление. Вопрос о замужних и вдовьих дочерях Мамонта решился сам собой: и Рам, и Гарт, и даже Нерт поочередно высказали одно и то же: вернуться в свой Род и уйти с уходящими могут только те, кто сам того пожелает. Если такие дочери Мамонта найдутся, — мужья не вправе помешать им уйти, — но без детей, ибо дети их принадлежат Роду Серой Совы или Куницы.

За этими разговорами почти позабыли об общине Кано. Когда все немного успокоилось, Рам было предложил Кано и его людям остаться на прежнем месте, — по примеру северян.

— Не Род изгоняется, уйти должны лишь те, от кого пришло Зло...

Но Кано ответил отказом; по-видимому, он и его охотники заранее все обдумали.

— Нет. наших северных сородичей отстояли их соседи. Если же останемся мы, — среди наших соседей неизбежны пересуды и кривотолки; это очевидно... Мы уйдем. Мы молодые; самый старший из нас погиб... Мы уйдем, чтобы никто из вас не думал, глядя на дымы наших очагов: «Вот откуда все напасти!».

Оставалось последнее.

— Когда люди Арго встанут на свою новую тропу? — спросил Рам.

— Пусть проснется Одноглазая. Ее взор должен освещать начало нашего пути, — твердо ответил Арго. Он уже говорил об этом с Колдуном.

Рам прикинул в уме: несколько дней... Посмотрел на людей Нерта и Гарта. Только Узун, верный себе, протестующе помотал головой.

— Хорошо. Но не дольше.

Расходились, не глядя друг на друга. Изгнанные, уже отрезанные от остальных, отгороженные от них невидимой стеной, уходили последними.

— Куда пойдут наши сородичи, люди Кано? — спросил Арго. — Быть может, соединим наши тропы? Наш путь — на Север; уж если суждено изгнание, — продолжим тропу, проложенную нашими предками.

Кано ответил твердым отказом.

— Кано благодарит Арго, великого вождя детей Мамонта, хранителя Священной кости. Наш путь проляжет на Юг, в те места, откуда явились сюда наши предки. Быть может...

(Быть может, ты достигнешь самой Земли Сновидений, и встретишься с Предками, не вступив на Ледяную тропу, и расспросишь их обо всем, что тебя мучает, так? Едва ли это случится, но я понимаю тебя. Ты начал свой путь, Кано, отделившись от старой общины... Зачем же тебе вновь соединять тропы и идти под начало старого вождя? ...Что ж, легкой тропы тебе; доброй охоты! В этом, Среднем Мире мы встретимся теперь лишь раз, — перед тем, как разойтись навсегда...)

— Вероятно, Кано и его люди встанут на свою тропу раньше, чем мы. Пусть зайдет перед этим, — проститься.

— Арго, хранитель Священной кости, может не сомневаться: Кано не вступит на новую тропу, не получив из рук великого вождя детей Мамонта часть Сухой крови Рода.

— Да будет так!

Разговор окончен. Теперь предстояло самое трудное: вернуться в стойбище и сказать людям то, о

чем подозревают лишь немногие... Но и те — еще на что-то надеются. Ему, вождю, предстоит отнять эту последнюю надежду.

Как справедливо писал Ф. Энгельс, «власть сахема внутри рода была чисто отеческой, морального порядка; средствами принуждения он не располагал». Но, повторяю — тем весомее был его авторитет, тем прочнее — власть. И конфликты между вождем и обществом были неизбежны, особенно если вождь мудр, а ситуация требует нестандартного решения. Великий американский поэт, писатель и мыслитель Эдгар Аллан По однажды сказал, цитируя Себастьяна Шамфора: «Можно побиться об заклад, что любое ходячее мнение, любая общепризнанная условность глупы, ибо понравились большинству». Может быть, в этом афоризме секретаря Якобинского клуба и есть некоторое преувеличение, но несомненно одно: решение большинства далеко не всегда бывает мудро и верно!

Но как же вождь, не располагая ни полицией, ни армией, мог отстоять свою позицию, вопреки воле большинства? Олег Микулов в своем романе «Закон крови» показывает такой случай.

Вот в роде, обреченном на изгнание, рождается общественное мнение:

Возвращаясь в родное стойбище, которое предстояло покинуть навсегда, Арго думал, что именно он принесет своим людям эту горькую весть. Но... Худые весты, худые слухи разносятся быстро. Истина эта подтвердилась еще раз: до возвращения старейшин с Большого Совета дети Мамонта уже знали о своем изгнании. Весть принес Каймо.

Дрого с утра недоумевал: куда мог подеваться его приятель? Ничего не знал о Каймо и Вуул. Решили: со своей Туйей встречается! Не ко времени, конечно, ну, да это их дело... Они и подумать не могли, что Каймо, подобравшись тайком, через береговой кустарник, к Поляне празднеств, изо всех сил прислушива-

ется к тому, что там происходит... И чего слышать он никак не должен, — по молодости!

И вот, — прибежал, взъерошенный, обескураженный. «Нас изгоняют; весь наш Род! Сказали: все зло — от нас, детей Мамонта! И Колдун согласился!..» И пошла злая новость гулять по стойбищу, как пал по сухостой, обрстая новыми и новыми подробностями!

Выгоняют сразу, всех; вернется вождь, Колдун, старики, — и сразу уходит, безо всего! Нет, все уйдут, а Колдун останется, и его казнят за то, что он все это сам и устроил. Да, Колдун останется, только его никто казнить не будет; он обо всем с Куницами договорился: все, что здесь бросят, — перетащит в общину детей Куницы и будет там жить припеваючи... Эти и множество иных слухов, один другого нелепее, передавались от жилища к жилищу, обсуждались на все лады.

Сходились в одном: во всем виноват Колдун! Разве не он должен был предотвратить нарушение Закона крови, остановить лучшего охотника? «И ведь знал, знал!» — шептались мужчины, бывшие на Суде. «Только ли знал? — вопрошали женщины. — Не сам ли все и устроил? Слыхано ли дело, — чтобы так привязаться, — да к своей сестре! Не бывает такого! Не иначе как — без любовного корня не обошлось! Опойл, проклятый, да и сгубил обоих... А после и весь Род!»

Мужчины, — особенно наиболее разумные, — все же недоумевали: зачем бы это Колдуну понадобилось? Но на подобные вопросы ответ был заранее известен: «Колдунские дела!» А Йага, как на грех посетившая в этот день стойбище детей Мамонта, объясняла еще лучше:

— Он всегда такой был! Старики помнят, — чуть не загубил однажды весь Род, да не дали! Убить надо было, убить! Струсили, порчи испугались, — вот и терпим теперь!.. Мне, старой, какво невесть куда идти, да безо всего, без еды, без одежды! Может, хоть сейчас мужчины найдутся? Убьете проклятого, — Род свой спасете! Зачем нас тогда прогонять, если покараем виновника?

И прокатывалось среди мужчин: «А, может, и в самом деле? Что с ним церемониться?!» И Каймо, довольный тем, что он первый все разузнал, все сообщил, размахивал руками и ругал Колдуна.

— Оставь, Каймо! — с досадой проговорил Донго. — Ты словно несмышленыш или старая баба. Ну, что ты действительно знаешь о нашем Колдуне? Ты хотя бы выслушал его? Нас же и на Суде не было, да и на Большом Совете нам не место...

— Ты-то уж молчал бы! — пренебрежительно отмахнулся Каймо. — Трусишке на Большом Совете, конечно, не место!.. Вот и слушай того, кто не испугался запрета!

И вот — решение старейшин, и действия вождя, понимающего, что это решение губительно:

Вождь спускался по тропе медленно, хотя и знал: его ждут с нетерпением. И, быть может, не только те, с кем он делит свой кров. Спешить нельзя; нужно все обдумать. Весь разговор.

...Да, он прав. Колдуна нельзя оставлять, — даже если против будет вся община. Арго чувствовал: Колдун не лжет. Быть может, и умалчивает о чем-то, но — не лжет! И тогда без него они все будут слепы и глухи.

...Ну, а если он, Арго, ошибается? Если все это, — хитрые уловки могущественного и мудрого? Что тогда? Даже тогда, — его нельзя оставлять здесь, одного и без присмотра. Правда выплывет, рано или поздно. И если он, вождь детей Мамонта, ошибся сейчас, — что ж, потом он покарает лжеца и врага. И сам понесет заслуженную кару.

Арго не ошибся. Все те, с кем говорил он в своем жилище до того, как отправиться к Колдуну, ждали его у входа.

Заговорил Йом:

— Вождь! Старый Гор и другие мужчины ждут тебя у тотемного столба.

— Что ж, идем!

Отсветы пламени плясали на сосредоточенных лицах, и казалось, — их подергивает нервная судорога. Гор выступил вперед.

— Великий вождь детей Мамонта! Твои охотники говорили долго. Наше слово: Колдун должен остаться!

— Что ж, ваше слово — ваше право. Только знайте, — Арго выдержал паузу, поочередно взглядываясь в замершие лица, — в этом случае Арго больше не ваш вождь. Он тоже останется со своим Колдуном. И с теми, кто захочет разделить их судьбу.

При этих словах вперед вышли Дрого, Донго, а за ними Йом и Вуул. Поколебавшись, сделал шаг и Морт, — один из тех, кто был с Йомом во время погони.

— Но, вождь...

Арго поднял обе руки. Молчание! Это его последнее слово.

— Знаю: наши жены и дети останутся с нами. Знаю и другое: рано или поздно вам придется искать того самого Колдуна, которого вы хотите сейчас бросить. Искать, чтобы он вам помог. Что ж, мы постараемся остаться в живых.

Арго опустил руки и сделал шаг, чтобы уйти. Но Гор преградил ему путь. Без угрозы.

— Великий вождь! Старый Гор дважды говорил сегодня, — за остальных. По обычаю, третий раз он может сказать за них, не спрашивая совета. Так вот: старый Гор тебе верит. Те, кто верит старому Горы, пойдут за тобой. И отныне каждый... кто скажет слово... против нашего вождя Арго... и против нашего Колдуна... НАШ ВРАГ!

Бивневый дротик резко вонзился в землю, и Гор отошел к тем, кто уже встал на сторону вождя. Один за другим подходили сыновья Мамонта, поочередно вонзая свои дротики, и становились рядом с ними. Ни один мужчина не преломил свое оружие и не встал по другую сторону костра. Все было решено. Община Арго вновь обрела утраченное единство.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Дж. М. Ауэл. Охотники на мамонтов. Санкт-Петербург: Азбука, 1999.

О. Микулов. Закон крови. Санкт-Петербург: Азбука, 1998.

О. Микулов. Тропа длиною в жизнь. Санкт-Петербург: Азбука, 1999.

С. В. Покровский. Охотники на мамонтов. Поселок на озере. Москва: Детгиз, 1956.

Г. Дж. Уэллс. Это было в каменном веке. Собр. соч. в 15-ти томах. Т. 5. Москва: Огонек, 1964. С. 417—478.

НАУЧНАЯ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Аникович М. В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» — сб. ст. Восточный граветт. Москва, 1998: С. 35—60.

Аникович М. В. Комментарий археолога (к роману О. Микулова «Закон крови»). — в кн. *О. Микулов.* Закон крови. Санкт-Петербург: Азбука, 1998. С. 596—606.

Аникович М. В. Комментарий археолога (к роману О. Микулова «Тропа длиною в жизнь»). — в кн.: *О. Микулов.* Тропа длиною в жизнь. Санкт-Петербург: Азбука, 1999. С. 507—526.

Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. — Материалы и исследования по археологии СССР. № 121. Москва — Ленинград. 1963.

Ефименко П. П. Значение женщины в ориньякскую эпоху. — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. XI. Вып. 3—4. 1931.

Ефименко П. П. Первобытное общество. Москва — Ленинград. 1938.

Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев. 1953.

Ефименко П. П. Костенки I. Москва — Ленинград. 1958.

Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев. «Наукова думка». 1969.

Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев. «Наукова думка». 1976.

¹ Я не включил в этот перечень литературы весь список книг и статей, на которые я опирался, составляя эту книгу. Тот необходимый минимум, который здесь перечислен, адресован начинающим — тому читателю-непрофессионалу, которому моя книга покажется интересной. Тех, кто захочет ознакомиться с проблемой детальнее, отсылаю к библиографиям, приложенным к перечисленным научным статьям и научно-популярным изданиям. — *Прим. авт.*

Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // *Материалы и исследования по археологии СССР*. Вып. 59. 1957. С. 9—134.

Рогачев А. Н. Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества. — *Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР*. Москва: Наука, 1969. С. 181—191.

Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // *Археология СССР. Палеолит СССР*. Москва: Наука, 1984. С. 162—271.

Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. Москва: Наука, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Х. А. Амирханов. Путешествие в каменный век</i>	6
Введение	12
<i>Глава 1. Охотники на мамонтов. Что? Где? Когда?</i>	23
<i>Глава 2. Как и почему?</i>	36
<i>Глава 3. Огонь</i>	46
<i>Глава 4. Жилища и поселения</i>	52
<i>Глава 5. Одежда и обувь. Украшения</i>	69
<i>Глава 6. Орудия труда</i>	85
<i>Глава 7. Охота</i>	98
<i>Глава 8. Пища и питье</i>	130
<i>Глава 9. Пути-дороги</i>	143
<i>Глава 10. Восприятие мира</i>	154
<i>Глава 11. «Закон крови»</i>	178
<i>Глава 12. Семья и любовь</i>	197
<i>Глава 13. Колдуны и магия</i>	227
<i>Глава 14. Рождение и посвящение</i>	243
<i>Глава 15. Свадьба</i>	263
<i>Глава 16. Смерть и погребальные обряды</i>	280
<i>Глава 17. Конфликты и войны</i>	295
<i>Глава 18. Кто и как руководил охотниками на мамонтов?</i> ...	323
Библиография	347

Аникович М. В.

А 67 Повседневная жизнь охотников на мамонтов. — М.: Молодая гвардия, 2004. — 349[3] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
ISBN 5-235-02588-1

М. В. Аникович — археолог, доктор исторических наук, автор многочисленных статей и монографий по истории ранней поры верхнего палеолита — знакомит читателя с реалиями мира и духовными ценностями охотников на мамонтов. Речь идет об уникальной цивилизации, созданной жителями Русской равнины, обитавшими на этой территории с 23 по 14 тысячелетие до н. э.: о рождении и посвящении, неповторимом восприятии действительности, о пище и питье, охоте, одежде, семье и любви, колдунах и магии, устройстве власти, о войнах и смерти. С исчезновением мамонтов, вернее, их истреблением, с исторической сцены ушли и племена охотников, от цивилизации которых до наших дней дошли не только кости и камни, но также и произведения изобразительного искусства. Соединяя научный анализ с методом художественной реконструкции, автор позволяет читателю воочию увидеть и почувствовать всю неповторимость повседневной жизни наших предков.

Книга иллюстрирована фотографиями из личного архива автора.

УДК 930.26
ББК 63.4

Аникович Михаил Васильевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **В. М. Петров**

Художественный редактор **А. Ю. Никулин**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректор **Г. А. Мещерякова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 29.04.2004. Подписано в печать 26.09.2004. Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл.-печ. л. 18,48+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 43621.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsei@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02588-1

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ
БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

*Мемуары и эпистолярное наследие
известных писателей, философов, художников,
музыкантов, театральных деятелей,
представителей творческой богемы*

Готовятся к изданию и уже вышли в свет:

Л. Бородин
«БЕЗ ВЫБОРА»

Г. Свиридов
«МУЗЫКА КАК СУДЬБА»

Т. Маврина
**«ЦВЕТ ЛИКУЮЩИЙ.
ДНЕВНИКИ 1930—1990 гг.»**

Н. Серпинская
«ФЛИРТ С ЖИЗНЬЮ»

Н. Кончаловская
«ВОЛШЕБСТВО И ТРУДОЛЮБИЕ»

Д. Лешков
«ПАРТЕР И КАРЦЕР»

О. Высотский
**«НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
ГЛАЗАМИ СЫНА»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОВОДА

ЖЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> © book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

Л. Тихвинская

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТЕАТРАЛЬНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ
БОГЕМЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Э. Драйтова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ

Н. Борисов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ
НАКАНУНЕ КОНЦА СВЕТА

А. Шураки

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ

С. Ютен

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЛХИМИКОВ
В СРЕДНИЕ ВЕКА

ISBN 5-235-02588-1

9 785235 025882

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ